

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2007

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2007

Статьи

Фанагория: история исследований и новые находки <i>Кузнецов В. Д.</i>	5
Образ Эроса в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии <i>Скржинская М. В.</i>	16
Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии <i>Король Г. Г., Конькова Л. В.</i>	25
О монетах “Бик-Базара” и “Тимур Бик-Базара” (Джучиды, XV в.) <i>Пачкалов А. В.</i>	33

Дискуссии

Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия <i>Ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Хеджес Р. Е. М., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., Чичагова О. А.</i>	39
Об одном из аспектов “проблемы III в. до н.э.” в сарматской археологии <i>Демиденко С. В.</i>	48

Публикации

Раскопки “царского” кургана в Филипповке (предварительное сообщение) <i>Яблонский Л. Т., Мецзяков Д. В.</i>	55
Могильник римского времени и эпохи раннего средневековья Сен-Мартен-де-Фонтене (Кальвадос, Франция). Результаты охранных раскопок 1985–1986 гг. <i>Пиле К.</i>	63
Каменные крепости алан <i>Аржанцева И. А.</i>	75
Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд <i>Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В.</i>	89
Архитектурно-археологические исследования Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1997–2000 гг. <i>Ивакин Г. Ю., Балакин С. А.</i>	108
Штампованные фигуративные изображения на среднеазиатской керамике X–XIII вв. (из коллекции Государственного музея Востока) <i>Вишневская Н. Ю.</i>	120
Перстни с чернью из Волжской Булгарии <i>Руденко К. А.</i>	130

История науки

Научная биография М.В. Талицкого: взгляд современников (к 100-летию со дня рождения) <i>Оконникова Т. И.</i>	141
---	-----

Рецензии

The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / Ed. H. Ullrich. Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. N.F. Bd. 12. Berlin, 2005 <i>Медникова М. Б.</i>	151
--	-----

Новая литература по археологии Узбекистана (2001–2002 гг.)

<i>Соловьев В. С.</i>	153
С.Б. Ланцов. “Античное святилище на западном берегу Крыма”. Киев, 2003	
<i>Внуков С. Ю.</i>	158
A. Buko. Archeologia Polski wczesnośredniowiecznej. Odkrycia – hipotezy – interpretacje. Warszawa, 2005	
<i>Беляев Л. А.</i>	163
“Не посрамлю имени и чести”. “Графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Былое. Давно прошедшие счастливые дни”. М., 2005	
<i>Смирнов А. С.</i>	169

Хроника

Наука и паранаука в современной отечественной археологии
(по следам обсуждения “проблемы Аркаима”)

<i>Коренько В. А., Кузьминых С. В.</i>	173
Конференция “Проблемы изучения ямной культурно-исторической области”. III Городцовские чтения (Оренбург, 2006)	
<i>Мельник В. И., Моргунова Н. Л., Турецкий М. А.</i>	177
IV научная конференция “Археология Юго-Востока Руси”	
<i>Пряхин А. Д., Тропин Н. А.</i>	181
Памяти Вадима Александровича Ранова	
<i>Амирханов Х. А., Волгина В. А., Додонов А. Е., Дроздов Н. И., Лаухин С. А., Несмеянов С. А., Никонов А. А., Поспелова Г. А., Пахомов М. М., Худжагельдиев Т. У.</i>	184
Памяти Аллы Сергеевны Мельниковой	
<i>Гайдуков П. Г.</i>	185
Памяти Александра Рудольфовича Артемьева	
<i>Артемьева Н. Г., Гайдуков П. Г., Лопатин Н. В.</i>	187
Список сокращений	192

Сдано в набор 12.01.2007 г.

Подписано к печати 19.03.2007 г.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Офсетная печать

Усл. печ. л. 24,0 + 1 цв. вкл.

Усл. кр.-отт. 23,2 тыс.

Уч.-изд. л. 25,7

Бум. л. 12,0

Тираж 948 экз.

Зак. 74

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2007

Articles

A history of the investigations and new finds at Fanagoria <i>Kuznetsov V. D.</i>	5
The god Eros as viewed by the Greek population of the Bosporos, Chersonesos and Olbia <i>Skrjinskaya M. V.</i>	16
Production and distribution of Early Medieval small-form toreutics in Central Asia <i>Korol' G. G., Kon'kova L. V.</i>	25
On the coins of Bik-Bazar and Timur Bik-Bazar (Jochi dynasty of the 15 th c.) <i>Pachkalov A. V.</i>	33

Discussions

Reservoir effect and results of ¹⁴ C dating of Catacomb cultures of the North-West Caspian Steppe Area: a case study <i>Van der Plicht J., Shishlina N. I., Hedges R. E. M., Zazovskaya E. P., Sevastianov V. S., Chichagova O. A.</i>	39
On one of the aspects of the “problem of the 3d c. B.C.” in Sarmatian archeology <i>Demidenko S. V.</i>	48

Publications

Excavations of a “royal” mound at Filippovka (preliminary publication) <i>Yablonsky L. T., Mescheriakov D. V.</i>	55
Roman and Early Medieval graves at Saint-Martin de Fontenais (Calvados, France). Results of salvage excavations in 1985–1986 <i>Pilet C.</i>	63
Stone fortresses of the Alans <i>Arjantseva I. A.</i>	75
Rat'kovo Early Middle Age Finno-Ugric burial ground: chronology, culture and ritual <i>Vishevsky V. I., Kir'yanova N. A., Dobrovolskaya M. V.</i>	89
Architectural and archeological investigations of the Cathedral of the Dormition in the Kievo-Pecherskaya Lavra, 1997–2000 <i>Ivakin G. Yu., Balakin S. A.</i>	108
Figurative imprints on Central Asian pottery of the 10 th –13 th cc. (from the collection of the State Museum of Oriental Art) <i>Vishnevskaya N. Yu.</i>	120
Finger rings with niello from Bulgaria Volga <i>Rudenko K. A.</i>	130

History of science

A scientific biography of M.V. Talitsky: a contemporaries' view (to commemorate the 100 th anniversary) <i>Okonnikova T. I.</i>	141
---	-----

Critics and bibliography

The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results. Berlin, 2005 <i>Mednikova M. B.</i>	151
New literature on the archeology of Uzbekistan (2001–2002) <i>Solovyov V. S.</i>	153
Lantsov S.B. Classical sanctuary on the west coast of the Crimea. Kiev, 2003 <i>Vnukov S. Yu.</i>	158
A. Buko. Archeologia Polski wczesnośredniowiecznej. Odkrycia – hipotezy – interpretacje. Warszawa, 2005 <i>Beliaev L. A.</i>	163
“The Countess Praskovya Sergeevna Uvarova. The past. Joyful days long gone”. Moscow, 2005 <i>Smirnov A. S.</i>	169

Chronicle

Science and parascience in contemporary Russian archeology (following the discussion of the “Arkaim problem”) <i>Korenyako V. A., Kuzminykh S. V.</i>	173
Conference “Studies of the Yamnaya cultural and historical area”. The 3d Gorodtsov Readings. (Orenburg, 2006) <i>Mel'nik V. I., Morgunova N. L., Turetsky M. A.</i>	177
The 4 th scientific conference “Archeology of South-East Rus” <i>Priakhin A. D., Tropin N. A.</i>	181
In memory of Vadim Aleksandrovich Ranov <i>Amirkhanov H. A., Volgina V. A., Dodonov A. E., Drozdov N. I., Laukhin S. A., Nesmeyanov S. A., Nikonov A. A., Pospelova G. A., Pakhomov M. M., Hudjageldiev T. U.</i>	184
In memory of Alla Sergeevna Melnikova <i>Gaidukov P. G.</i>	185
In memory of Aleksandr Rudolfovich Artemiev <i>Artemieva N. G., Gaidukov P. G., Lopatin N. V.</i>	187
List of abbreviations	192

ФАНАГОРИЯ: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЫЕ НАХОДКИ

© 2007 г. В. Д. Кузнецов

Институт археологии РАН, Москва

“Обе формы насыпи (верхнее и нижнее плато городища Фанагории. – В.К.), под которою скрыт древнегреческий город, с давних пор обратили на себя внимание исследователей, производивших раскопки на этой местности. Но незначительность материальных результатов, добытых этими раскопками, и громадные суммы, которые потребовались бы для полного исследования этой местности, никогда не позволяли дать этим раскопкам надлежащих размеров”. (Герц, 1870. С. 265).

Боспорское государство, возникшее на периферии греческого мира, географически состояло из двух основных частей – европейского (Керченский полуостров) и азиатского (Таманский полуостров) Боспора. Фанагория, по словам Страбона (10.2.10), была важнейшим городом азиатской части. Один из крупнейших античных городов Северного Причерноморья, она лежит на южном берегу Таманского залива, у его юго-восточного угла. Характерная черта городища – доступность для исследований: на нем почти нет современной застройки (дальняя часть восточного некрополя занята поселком Сенной; на западном некрополе есть строения сельскохозяйственного акционерного общества “Приморский”; вдоль южной границы городища проходят железная и асфальтовая дороги) (рис. 1). Описывая древности Таманского полуострова, путешественники (Деламотре, Дюбуа Демонперё, Паллас, Кларк, Потоцкий и др.) пытались идентифицировать развалины города вблизи почтовой станции Сенной (большинство правильно считали их остатками Фанагории), а в курганном некрополе справедливо видели самый большой древнегреческий некрополь Тамани. Описанная ими картина изменилась незначительно, хотя много курганов, раскопанных в XIX в. (особенно на восточном некрополе) исчезло.

Городище в плане близко к прямоугольнику, вытянутому с СВВ на ЮЗЗ, и лежит на двух плато: нижнее спускается к морскому заливу, заканчиваясь небольшим обрывом; на верхнем расположена большая часть Фанагории. С востока и запада оно ограничено глубокими балками, служившими естественной защитой (над ними были построены городские стены). С юга городище тоже возвышается над окружающей местностью, но не так значительно. На севере город ограничен заливом (береговая линия в древности отстояла к северу на

220–240 м. См.: Блаватский, 1985. С. 169, 223; Блаватский, Кузищин, 1961. С. 137, 138). Нижнее и верхнее плато соединены лощинами, по которым, видимо, проходили улицы. Самая большая идет по восточной половине городища, поднимаясь с севера на юг вдоль самого высокого холма верхнего плато. Обрыв берега высотой до 5 м повышается с востока на запад (в осенне-весенний период его размывает море, и местные жители собирают древности на мелководье; так было и в XIX в.: Герц, 1870. С. 265; сейчас организована круглогодичная охрана городища и некрополя). В обрыве хорошо видны культурные слои, преимущественно средневекового и римского времени (фундаменты зданий из камня, вымостки из обломков керамики, мусорные ямы, пифосы, остатки виноделен); берег усеян камнем и керамикой. На поверхности городища остатки древних сооружений не видны: столетиями их разбирали местные жители, а позже, вплоть до 1980-х годов, распахивали. Французский путешественник Демонперё писал, что остатки городских стен и башен в первой половине 30-х годов XIX в. были видны (Dubois de Montpeux, 1843. Р. 65), но К.К. Герц усомнился в этом, осмотрев городище (1859) и подробно расспросив П.Д. Семеняку, владельца лежавшего вплотную к городищу хутора (Герц, 1870. С. 263, 264).

Роль Фанагории как важнейшего города азиатского Боспора и центра дорожной системы полуострова подчеркивает аэрофотосъемка: во всех направлениях видны дороги, связывавшие город со всеми крупными поселениями (Паромов, 1998. С. 216–225). С трех сторон его окружал самый большой на Таманском полуострове некрополь. Восточный некрополь шел на 2–3 км на восток вдоль древней дороги, начинавшейся от ворот и тянувшейся параллельно побережью (часть ее существует и сейчас). На всем протяжении стояли кур-

Рис. 1. Вид на Фанагорию с самолета. Начало 1960-х годов (вид с СВ).

ганы (многие скрыты археологами в XIX в.), насыпанные на ровных плато или холмообразных естественных возвышенностях. Западный некрополь (цепь курганов и грунтовый некрополь) тянется к западу примерно на 2 км, тоже вдоль берега моря; параллельно первой цепи курганов, южнее ее (по солончаку, к югу от дороги Сенная – Тамань) идет еще одна цепь. Южный некрополь лежит в основном за горой Майской, доминирующей над местностью; это двойная цепь курганов, вытянутая к югу по древней дороге, выходящей из городских ворот примерно в центре южной границы города¹ и пересекающей гору; эта цепь получила название “аллеи курганов”.

В конце XVIII в. Таманский полуостров был присоединен к России. Сразу возник интерес к местным древностям и было обращено внимание на огромное количество курганов на полуострове. Считается, что работы на некрополе первым начал военный инженер Вандервейде (Фан-дер-Вейде, Vanderweyde²), раскопав в конце XVIII в. один из самых больших курганов (Формозов, 1975. С. 175; Тункина, 1993. С. 11) с каменным двухкамерным склепом (большинство вещей разграбили привлеченные к работам солдаты) (Clarke, 1812. P. 527–531). С 1836 г. курганы Фанагории раскапывал директор музея древностей в г. Керчь А.Б. Ашик, а с 1839 г. Д.В. Карейша (1844. С. 619). Оба действовали грубо: в один сезон могли повредить более 30 курганов. По поручению Ашика работы “спешно и небрежно” вел “какой-то молодой грек... начинали курган и после первой неудачи оставляли его неисследованным вполне... Раскопками руководила одна жажда к золотым вещам... Ашик, проездом, быстро осматривал раскопки и

снова удалялся. Иногда найденные предметы направляли свой путь в заграничные музеи”. «Этот первый период правительственных раскопок на Таманском полуострове... период почти совершенного отсутствия правильных журналов и отчетов в раскопках. Из долгого периода служебной деятельности г. Ашика в делах министерства Внутренних Дел сохранился только один отчет об его раскопках на Таманском полуострове, перепечатанный им же в его сочинении “Воспорское царство” (часть II, стр. 11–27)» (Герц, 1875. С. 13, 14). В начале 1850-х гг. на курганах работал К.Р. Бегичев (найден мраморный саркофаг: Кобылина, 1956. С. 8, 9). Во второй половине XIX в. раскопки курганов в разных частях некрополя вели К.К. Герц, А.Е. Люценко, В.Г. Тизенгаузен, И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков, С.И. Веребрюсов, К.Е. Думберг (ОАК, 1862. С. XIII, XIV; 1866. С. VI, VII; 1868. С. XII–XIV; 1871. С. IV–VIII; 1877. С. XVII–XX; 1878. С. XV–XVII; Кобылина, 1956. С. 9, 10).

Работы XIX в. на городище были менее интенсивны (сосредоточены на нижнем плато и на склоне верхнего, где сейчас видны многочисленные траншеи). Самый высокий холм верхнего плато в центре городища, со слоями времени основания Фанагории, изуродован траншеями (не менее 11) длиной от 10 до 30 м. Это бессмысленное уничтожение культурного слоя к тому же не документировалось. Раскопки, начатые на городище после 1853 г., когда была найдена посвятельная надпись Кассалии Афродите Урании (КБН 972), вели всю вторую половину XIX в. на крайне низком методическом уровне К.Р. Бегичев, К.К. Герц, Я.М. Лазоревский, И.Е. Забелин, А.Е. Люценко, В.Г. Тизенгаузен, С.И. Веребрюсов (см.: Паромов, 1993. С. 116–125). В.Д. Блаватский оценил деятельность археологов XIX в. так: “Прежние раскопки Фанагории, хотя они велись в течение очень продолжительного времени, не дали ответа на основные вопросы, которые следовало прежде всего поставить: о границах города и характере культурных напластований в нем. Задача планомерного исследования Фанагории была в том, чтобы установить границы города (а также и те изменения, которые они претерпевали за время существования города), выяснить характер и время культурных напластований в различных частях города и, наконец, обследовать сплошные могильники и территорию, лежащую за пределами города” (Блаватский, 1940. С. 288, 289).

Начиная с рубежа столетий и до конца 1920-х годов раскопок Фанагории не было; в 1930, 1931 гг. К.Э. Гриневич и Л.П. Харко работали в юго-восточной части городища, где обнаружили печь IV в. н.э. для обжига керамики (изучена В.Ф. Гайдукевичем: 1934. С. 53–91). Научные исследования Фанагории начались в 1936 г. Была организована совместная экспедиция ГМИИ

¹ Многослойная мостовая IV в. до н.э., ведущая за город в южном направлении, найдена в начале 1980-х годов на раскопе “Южный город”.

² Так его фамилию пишет Э.-Д. Кларк, а вслед за ним и другие (Clarke, 1812. P. 527).

им. А.С. Пушкина и ГИМ (при участии Академии архитектуры, МГУ и ИФЛИ, 1936, 1937 гг.) под руководством А.П. Смирнова и В.Д. Блаватского. В 1938–1940 гг. экспедицией ГМИИ руководил В.Д. Блаватский (Кобылина, 1956. С. 10). Он сосредоточил внимание на участке вдоль береговой полосы городища и ближайших к городу западному и восточному некрополям (вскрыто около 1500 м² городища и около 1000 м² некрополя). Важнейший результат работ – определение западной, восточной и южной границ, выявление всего спектра культурных слоев и хронологии городища. Было установлено, что зону вдоль береговой полосы освоили уже в архаическую эпоху, и жизнь здесь продолжалась до XIII в. (Блаватский, 1940; 1941а; б; Паромов, 1993. С. 126–130).

После Великой Отечественной войны раскопки возобновились под руководством М.М. Кобылиной (ИА АН СССР и ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1947 г.). Усилия сосредоточили на центральной части нижнего плато под холмом, где в середине XIX в. были найдены три надписи; в самом юго-восточном углу городища, где в 1930 г. обнаружили печь для обжига керамики (раскоп “Керамик”); у берега Таманского залива (в центральной части городища и на западной окраине, рядом с раскопом В.Д. Блаватского). Небольшие раскопы заложили в западной части верхнего плато, где обнаружили остатки жилого дома IV в. н.э., погибшего в сильном пожаре, и в других местах. На южной окраине (раскоп “Керамик”) было изучено 6 керамических обжигательных печей III–IV вв. н.э., две из которых были практически целыми (округлые в плане, диаметром 4,4 и 5,5 м, с топочным отделением и обжигательной камерой). В них обжигали амфоры, кувшины, светильники, грузила (Кобылина, 1966. С. 172–186). Кроме того, обнаружили следы керамического производства более раннего времени (развалы печей, керамические шлаки, производственный брак, форма для оттискивания светильника) (Кобылина, 1967. С. 124, 125). Вывод о размещении здесь ремесленного квартала (Кобылина, 1970. С. 69–72) подтвердили раскопки 1980-х годов. М.М. Кобылина вскрыла также остатки оборонительных сооружений: “каменную подошву” оборонительной стены и проезд городских ворот (конец (?) V в. до н.э.; в IV в. до н.э. стена была разобрана; (Кобылина, 1969. С. 98–102; 1963а. С. 86, 87); возможна связь между этим событием и высказанным предположением о насильственном включении Фанагории в державу Спартокидов (Завойкин, 1998. С. 79, 80).

На раскопе “Центральный” (1959–1975 гг., с перерывами; общая площадь 575 м²) на нижнем плато городища (примерно там, где в 1853 г. была найдена первая надпись на мраморном пьедестале) М.М. Кобылина вскрыла слои от эпохи архаики до средневековья (IX–X вв.). Они сохранились крайне неравномерно: от последнего этапа жизни города

ущелела улица, идущая к морю, жилые и хозяйственные постройки. От ранних периодов, включая эпоху эллинизма, строительные остатки не сохранились (Кобылина, 1963б. С. 97–103; в. С. 129, 130). Особо интересен комплекс конца VI – начала V–IV вв. до н.э. (Кобылина, 1983. С. 51–61). На черепяной субструкции стоял каменный фундамент, нижняя часть которого относится к V в., а верхняя – к IV в. до н.э.: стены из сырца на каменном фундаменте построили в V в., а в IV в. до н.э. здание отремонтировали. По мнению автора раскопок, это остатки храма в антах (с чем не согласился В.С. Долгоруков: Долгоруков, Колесников, 1993. С. 113). М.М. Кобылина связала с ним найденные в XIX в. у подножия холма надписи эпохи Перисада I (вторая половина IV в. до н.э.), посвященные Афродите Урании, владычице Апатура (КБН 971 и 972).

В 1975 г. М.М. Кобылина заложила раскоп “Верхний город” на вершине упомянутого холма в центральной части верхнего плато. Работы на нем идут до сих пор (перерыв в 1981–1989 гг.; общая площадь превышает 1700 м²; из них 1450 м² исследуются в настоящее время; отметим, что две площади заложены внутри траншей XIX в.). Здесь сохранились слои римского (со II в.) и средневекового времени (включая фундаменты жилых домов хазарского периода), но слои эллинистической эпохи местами уничтожили перепланировки. Главный результат исследований участка – обнаружение материалов древнейшего периода Фанагории. Согласно письменным источникам, Фанагория основана выходцами из Теоса в 540-х годах до н.э. (Кобылина, 1956. С. 14; Graham, 1992. Р. 48; подробнее о проблеме метрополии Фанагории см.: Кузнецов, 2001. С. 227–236). Однако до раскопок на “Верхнем городе” материалов середины VI в. до н.э. не было. На нижнем плато и на берегу периодически находили вещи второй половины столетия, что давало основание помещать древнейший город на нижнем плато, на берегу залива (Кобылина, 1956. С. 14); строительные остатки архаического времени на морском берегу В.Д. Блаватский датировал “последними десятилетиями VI в. до н.э.” (Блаватский, 1940. С. 297, 298), но точные описания и фотографии вещевого материала отсутствуют.

Помимо исследований на городище, экспедиция под руководством М.М. Кобылиной изучала некрополь, в основном восточный (по нему в начале 1960-х годов прокладывали асфальтовую дорогу), с погребениями, преимущественно эпохи эллинизма и римского времени (1951. С. 241–249; 1957. С. 143–146; Марченко, 1956. С. 102–127; Коровина, 1967. С. 130–135; 1987. С. 71–109; Сокольников, 1972. С. 115–121; 1973. С. 67–71). Большинство погребений – в простых грунтовых ямах, но встречаются могилы с подбоями, перекрытые черепицами; погребения в каменных ящиках; детские захо-

Рис. 2. Вид на раскоп “Верхний город” с ЮВ.

Рис. 3. Склад хиосских амфор первой половины V в. до н.э.

ронения в амфорах. На вершине горы Майской (к югу от городища) исследовано святилище женского божества, рядом с которым найдено много votивных terra-cotta статуэток VI–III вв. до н.э. (Марченко, 1960. С. 101–107; 1962. С. 121–133; 1963. С. 86–90).

В 1979–1991 г.г. работы на южной окраине Фанагории и на части восточного некрополя проводил В.С. Долгоруков (траншея под трубопровод, 570×5 м; площадь с прирезками более 3000 м^2), открыв слои от начала V в. до н.э. до конца античности. Среди многочисленных сооружений: общественное здание с оштукатуренными стенами; небольшой храм в антах; “дом торговца зерном”; жилые дома эллинистического времени из сырцового кирпича; винодельни; траншея выборки городской оборонительной стены; многослойное мощение улицы IV в. до н.э. (из города в направлении Майской горы). Особо выделим впервые найденные в Фанагории могилы архаического времени, мастерскую коропласта первой половины V в. до н.э. и глиняно-плетневые постройки.

В настоящее время в Фанагории работает Таманская экспедиция ИА РАН под руководством автора статьи: в городе; в акватории его затопленной части; на некрополе и на сельской территории; (Кузнецов, 2005а. С. 77–93; б. 51–66). Предварительные работы установили, что Фанагория основана на холме, позднее оказавшемся в центре городища. Для исследования самых ранних слоев на вершине холма заложен раскоп (площадь 900 м^2 ; в 2006 г. расширен до 1450 м^2) (рис. 2), вскрывший слои от раннего средневековья до эпохи архаики. В позднеэллинистическое время, в римский и средневековый периоды здесь располагались жилые кварталы. Архитектурные сооружения сохранились крайне плохо, что объясняется выборкой камня (на полуострове нет его месторождений) для нового строительства. Планы и размеры жилых домов Фанагории этого времени удастся вос-

становить редко, обычно от здания сохраняется один – два фрагмента стен. Дома греческого и римского периода здесь строили из камня и сырцового кирпича (в классическую и эллинистическую эпохи обычно из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте). Такие дома долговечны: обмазанные несколькими слоями водоотталкивающего раствора (секрет его утерян: Hellmann, 1992. Р. 37–42), они могли стоять десятилетиями. В зимний холод сырцовая стена сохраняла в доме тепло, а в летний зной – прохладу. Для IV в. до н.э. зафиксированы остатки домов из прекрасно отесанных блоков ракушечника на фундаменте из необработанных камней.

В классическое и раннеэллинистическое время на месте раскопа был один из общественных центров города, занятый зданиями публичного характера. К III в. до н.э. относится фундамент здания площадью более 30 м^2 (сохранился не полностью), сложенный частично из вторично использованных архитектурных деталей. Видимо, это небольшой храм “в антах”. Вблизи него – общественное здание, сооруженное из грубо отесанных блоков ракушечника (IV в. до н.э. – начало эпохи эллинизма) (рис. 2). Стены, покрытые снаружи и изнутри высококачественной штукатуркой (местами видны ее следы), сохранились на высоту 0.4–1.5 м, что крайне необычно для Фанагории. Назначение здания неясно; его площадь – 130 м^2 ; внутри оно разделено на три помещения; с двух сторон к нему подходила каменно-черепяная вымостка, покрывавшая, видимо, и городскую площадь. Как это часто бывает, функциональное назначение здания, стоявшего на площади, определению не поддается (подробнее см.: Hansen, Fischer-Hansen, 1994. Р. 31).

Интересны материалы слоев архаического и раннеклассического времени. К первой половине V в. до н.э. относится фундамент длиной более 10 м из необработанных камней, на котором сохранились следы сырцовой стены. Учитывая ширину

Рис. 4. Клад серебряных монет архаического времени.

(1.1 м), можно думать, что она принадлежала общественному зданию (уходит под западный борт раскопа; для вскрытия заложен новый раскоп площадью в 450 м²). На участке открыты также жилые дома раннего времени. Слои первоначального периода существования античных городов в Причерноморье и других регионах греческого мира сохранились крайне плохо, что связано, главным образом, с последующими планировочными и строительными работами. От самого раннего времени обычно доходят только заглубленные в материк части конструкций. Среди них котлован прямоугольной формы, служивший складом хиосских амфор первой половины V в. до н.э. (рис. 3). Наиболее интересен жилой дом (сохранился не полностью), состоящий, по крайней мере, из трех помещений общей площадью более 70 м²; в одной из стен, примерно на уровне пола, найден клад серебряных монет в ионийском кувшинчике (162 монеты Пантикапея с изображением морды льва на лицевой стороне и вдавленного квадрата – на оборотной) (рис. 4). Под полом дома открыты остатки более ранней мастерской ремесленника (специа-

лизация неясна), почти уничтоженной двумя ямами. Сохранился очажок из перевернутой и вкопанной в песок верхней части амфоры, с углями и золой внутри; к нему подходила своеобразная труба из горл хиосских амфор (для поддува?). Амфорный материал датирует мастерскую серединой – третьей четвертью VI в. до н.э.; отсюда следует, что дом с кладом монет сооружен в последней четверти столетия.

На холме “Верхний город” открыто 11 жилых домов из сырцовых кирпичей. Выделим сохранившийся стены до высоты 0.9–1.6 м дом второй половины VI в. до н.э. площадью 12.5 м², погибший в сильном пожаре на рубеже столетий (Кузнецов, 1995. С. 106, 112). Он состоял из полуподвального рабочего и хозяйственного помещения, с жилой комнатой над ним (см. реконструкцию: Кузнецов, 1998. С. 10). Такой дом можно считать типичным жилищем греческих переселенцев не только в Фанагории, но и в других регионах Северного Причерноморья. Дома этого времени, квадратные или прямоугольные в плане, просты по конструкции и

Рис. 5. Каменный склеп с уступчатым перекрытием (вид от входа).

невелики, площадью 15–20 м² (Hoepfner, Schwandtner, 1986. С. 270; Hansen, Fischer-Hansen, 1994. Р. 84, 85). Вблизи от вышеописанного дома открыты остатки бронзолитейной мастерской, где найден фрагмент формы для отливки статуи в полный человеческий рост (Долгоруков, 1986. С. 145–149).

Улицы Фанагории имели ширину около 2.5 м; переулки гораздо уже, около 0.5 м, что, видимо, связано с нехваткой места на холме, где располагался ранний город. На протяжении жизни на исследуемом участке, с середины VI в. до н.э. до VII в. н.э., городские кварталы сохраняли ориентацию по странам света или близкую к ней (что фиксировали и ранее, см.: Кобылина, 1963а. С. 88); новые сооружения строили в основном на месте предыдущих. Следовательно, регулярная планировка Фанагории заложена, если не при основании города, то, во всяком случае, в архаическую эпоху. В литературе по греческой архитектуре и урбанизму господствует представление, что регулярная планировка греческих городов зародилась в колониальном мире как следствие демократических начал в политической структуре апойкий: все колонисты при переселении были равны, что проявлялось в равнозначности земельных участков, выделенных под жилое строительство и сельские наделы (см.: Owens, 1991. Р. 30–49).

Исследования некрополя Фанагории в последние два года связаны с участком восточнее городища, где будет строиться база экспедиции и археологический музей. На южном некрополе раскопан один курган, где открыт каменный склеп (подробнее: Кузнецов, 2004. С. 94–123). Погребальная камера имеет форму цилиндра, на котором лежит коническое уступчатое перекрытие из шести постепенно уменьшающихся в диаметре концентрических колец (рис. 5). Ложный свод сведен посредством напуска камней последующего ряда на камни предыдущего и накрыт сверху двумя блоками, имеющими изнутри камеры вид круга (плафон); высота от нижней грани нижнего уступа до камней плафона 1.49 м; общая высота камеры от потолка до плафона 2.87 м. Склеп прикрыт толстыми бревнами, уменьшающими давление на него земли. К входу в северной стороне камеры ведет дромос, перекрытый бревнами. Камера оказалась пустой (ограблена, видимо, в древности), но деревянный саркофаг маркирован следами тлена, а на каменном полу найдена бронзовая монета Пантикапея второй половины IV в. до н.э.

В 1958–1959 гг. под руководством В.Д. Блаватского были начаты подводные раскопки в северо-восточном секторе затопленной части, показавшие, что толщина культурного слоя в 185 м от уреза воды около 1.3 м (Блаватский, Кошеленко, 1963. С. 76–80).

В 1999 г. подводные исследования возобновила Таманская экспедиция ИА РАН (Кузнецов и др., 2003. С. 153–175). Установлено, что в древности полоса прибоя отстояла от современного уреза воды в среднем на 250 м, а местами и больше (общая площадь городища, затопленная морем – около 20–22 га). Было произведено аппаратное обследование морского дна и создана батиметрическая карта; затем начались подводные раскопки с использованием гидроэжекторов. Лучшие результаты дала западная окраина затопленной части городища где, на расстоянии около 160 м от уреза воды обнаружен ряж – конструкция из бревен (бревенчатая клетка), заполненная камнями (Кузнецов и др., 2006. С. 260–280) (рис. 6). Ряжи служили подводными фундаментами портовых сооружений (молов, маяков, причальных стенок и т.п.). Заполнить подводную конструкцию при дефиците камня на Таманском полуострове было сложной задачей, пришлось собрать все возможное: под водой оказались блоки и архитектурные детали зданий, обломки мраморных статуй и их постаментов, мраморные плиты с надписями и надгробия с некрополя. Ряд камней подняты нами со дна моря. Среди важнейших: четыре полностью сохранившиеся надписи; голова мраморной статуи более человеческого роста (рис. 7); фрагмент большого мраморного надгробия (?) (рис. 8); мраморная плита с изображением тамги.

щенника августов, благодетеля отечества и основателя, Юлий Менестрат, архигойтонит, своего бога и владыку почета ради (*поставил*)”.

В надписи использована самая полная титулатура, известная для Савромата II. Прежде всего, подчеркнута его прямая связь с царственными предками. В соответствии с принятой со времени Митридата VI Евпатора традицией, царь назван великим (μέγας). Далее следует типичная для Боспора титулатура, показывающая лояльность царя по отношению к Риму — φιλόκαισαρ καὶ φιλωμαίος. Следует обратить внимание на иерархию терминов в титулатуре: “проримские” термины предшествуют свидетельствующим патриотизм царя. Это не случайно: любовь к родине может быть проявлена только, если показана твердая лояльность к Риму (Buraselis, 2000. Р. 109). Практически все боспорские цари (по крайней мере, с середины I в. н.э.) были пожизненными первосвященниками культа римских императоров — ἀρχιερεῖ τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου (публичная демонстрация боспорскими правителями, из поколения в поколения, преданности императорам — уникальна среди зависимых царей. См.: Millar, 1996. Р. 170, 171). Далее перечислены титулы царя, которые свидетельствуют о его патриотизме и заботе о государстве.

Надпись о восстановлении портика. 220 г. н.э.
Ἀγαθῇ τύχῃ.

Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου
Ῥησκουπόριδος υἱοῦ μεγάλου βασιλέως Σαυ-
ρομάτου, φιλοκαίσαρος καὶ φιλωμαίου εὐσε-
5 βούς, τὴν στοὰν πολέμῳ καταφθαρεῖσαν
ἀνασκευάσας ἐκ θεμελίων Βεΐβιος Ἀχαι-
μένους τοῦ Βεΐβιου, λοχαγός, ἐκ τῶν ιδίων
ἀπεκατέστησεν τῇ πατρίδι ἐπὶ νησσάρχῃ
Ποπλίῳ Ἀντιμάχῳ τοῦ Δημητρίου δι' ἐπι-
10 μελείας Ἠλίου Μηνᾶ ἐν τῷ
ζιφ' ἔτει καὶ μηνὶ Λῶωι α'.

“В добрый час! В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, сына великого царя Савромата, друга цезаря и друга римского народа, благочестивого, выстроив от основания разрушенную войной стою, Бейбий, сын Ахемена, внук Бейбия, лохаг, восстановил ее из своих средств для отечества при *несархе* Публии, сыне Антимаха, внуке Деметрия, заботами Гелия, сына Мены, в 517 году, месяце Лое первого числа”.

Обращает на себя внимание неизвестный до сих пор термин νησσάρχης или νησάρχης³. Я считаю возможным видеть в нем эквивалент знакомой по боспорским надписям должности ὁ ἐπὶ τῆς νήσου, “начальник острова” (подробнее см.: Кузнецов, 2007).

³ О написании слова νήσος с двойной сигмой см. (Smith, 2000. Р. 128–130).

Надпись говорит о каких-то военных действиях незадолго до 220 г. н.э, нанесших ущерб Фанагории. Эпиграфика разных городов Боспора фиксирует восстановление и ремонт оборонительных сооружений на протяжении II–III вв. н.э. Больше всего таких надписей происходит из Танаиса: в текстах второй половины II – начала III в. н.э. (КБН 1241, 1242, 1243, 1246, 1247, 1248) говорится о восстановлении разрушенных временем (χρόνῳ διαφθαρέντα, καταφθαρέντα, ἡμελημένην ἀπὸ χρόνῳ) стен, башен, ворот (Болтунова, 1975. С. 47–49). Д.Б. Шелов пишет, что стены Танаиса надстраивали и утолщали дополнительными панцирями; вместо старых башен возводили новые, более мощные (1972. С. 271). Во II в. н.э. город дополнительно укрепили рвами (Арсеньева и др., 1996. С. 54). А.И. Болтунова отмечала, что сведений о восстановительных работах больше всего между 220 и 236 гг. н.э., специально выделяя 220 г. (1968. С. 51, 52). Все это свидетельствует о стремлении укрепить городские оборонительные сооружения перед какой-то внешней угрозой. Однако, как показывают археологические исследования, эти меры не спасли Танаис от разрушения в середине III в. н.э. какими-то варварскими племенами (Шелов, 1972. С. 301, 304; Арсеньева, Науменко, 2004. С. 37; Даньшин, 1990. С. 56). Другой город Боспорского государства, Горгиппия, разрушен вскоре после 239 г. н.э. (Кругликова, 1966. С. 12–14; Болгов, 1996. С. 27; Алексеева, 1997. С. 75). Как полагают некоторые исследователи, юго-восточная граница Боспора подверглась нападению, следствием чего стало разрушение Горгиппии. Другие же регионы государства оно не затронуло (Зубарь, 1998. С. 136). Теперь обнаруживается, что военные действия происходили и ранее 230-х годов; в них был вовлечен как район Горгиппии, так и другие части азиатского Боспора. Надпись на надгробии Гипсикратии. 63 г. до н.э. (рис. 9)

[Υ]ψίκρατες γύναι
βασιλέως Μιθραδάτο[υ]
Εὐπάτορος Διονύσου,
χαῖρε

“Гипсикрат, жена царя Митридата Евпатора Диониса, прощай”.

В этой надписи сразу вызывает удивление тот факт, что мужчина по имени Гипсикрат назван женой Митридата VI Евпатора. Хорошо известно, что у Митридата было несколько жен, которые родили ему много детей (Reinach, 1890. Р. 296–298). Среди них мы находим одну, о которой сообщает Плутарх в биографии Помпея. Рассказывая о последней битве Митридата с римлянами (66 г. до н.э.), биограф пишет (Plut. Pomp. 32.8; см. также: Val. Max. IV, 6. ext. 2): “Сам Митридат в начале сражения вместе с отрядом из восьмисот всадников прорвался сквозь ряды римлян, однако этот отряд быстро рассеялся и царь остался всего лишь с тре-

мя спутниками. Среди них находилась его наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царем и его конем...” (перевод Г.А. Стратановского).

Это свидетельство, рисующее образ амазонки, дает ключ к пониманию странного написания имени жены царя в фанагорийском надгробии: люди, поставившие памятник, хорошо знали такую деталь личных отношений царя с женой, как специфическое имя, которым он ее называл. Безусловно, эти люди были очень близки ко двору Митридата.

Итак, жена (по версии Плутарха наложница) Митридата Евпатора похоронена в Фанагории, с некрополя которого ее надгробный памятник перенесли и уложили в рязи при строительстве портового сооружения. Естественно задать вопрос, почему Гипсикратия умерла (погибла?) в Фанагории. Известно, что накануне смерти Митридата Евпатора в 63 г. до н.э. Фанагория подняла восстание против царя; за ней последовали другие северочерноморские города. Об этом довольно подробно пишут древние авторы, прежде всего Аппиан (App. Mithr. 108): “...он (Митридат) послал часть войска в Фанагорию, другой торговый порт при морском устье, чтобы владеть им с обеих сторон, пока еще Помпей был в Сирии. Однако фанагориец Кастор, когда-то оскорбленный (подвергнутый пыткам ἡκισμένους) царским евнухом Трифоном, напал на Трифона, когда он входил (в город), убил его и призвал народ к свободе. Хотя акрополем уже владели Артаферн и другие сыновья Митридата, жители обложили крепость деревом и подожгли ее, пока Артаферн, а также Дарий, Ксеркс, Оксатр и Евпатра, дети Митридата, испугавшись огня, не сдались и не были пленены. Из них только Артаферну было около сорока лет, остальные же были лишь прекрасными детьми. Клеопатра же, другая дочь Митридата, продолжала оказывать сопротивление; отец, восхищенный ее мужеством, послал множество бирем и освободил ее” (подробнее см.: Шелов, 1983. С. 56, 57; Панов, 2005. С. 41–45; Цветаева, 1965. С. 234–236). Мы не знаем, как освободили дочь царя: то ли солдаты, прорвавшись на акрополь, вывели ее из города; то ли они подавили восстание. Гипсикратия, видимо, погибла именно во время этих бурных событий, оказавшись в Фанагории вместе с детьми Митридата (среди которых могли быть их общие дети) или приплыв с военным отрядом на помощь осажденным. Учитывая ее храбрость, такое вполне вероятно.

Интерес представляет и большая, хорошо отполированная мраморная плита (10.7 × 0.7 м), на которой тщательно выбито изображение тамги –

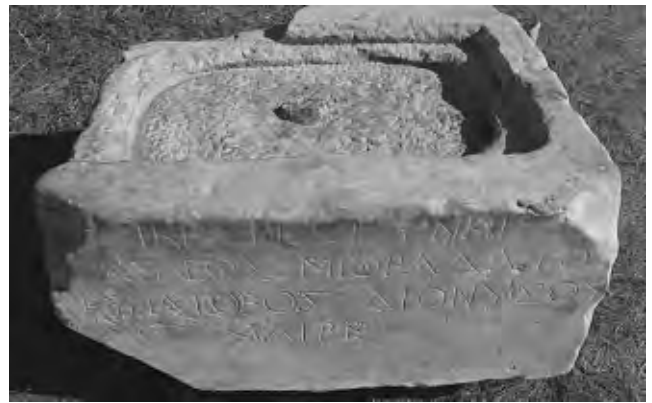

Рис. 9. Верхняя часть надгробного постамента под статую Гипсикратии (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 10. Мраморная плита с тамгой боспорского царя Савромата II (см. цветную вклейку № 2).

герба боспорского царя Савромата II (рис. 10). Эта тамга впервые выделена среди прочих царских знаков Боспора В.В. Шкорпилом (1911. С. 113; Драчук, 1975. С. 61–71). Вновь найденная тамга, видимо, самая большая из известных. Она могла быть вмонтирована в оборонительное сооружение Фанагории, например в одну из башен, после того, как городские укрепления отремонтировали по распоряжению царя во II – первой половине III в. н.э. Ведь Боспорское государство находилось в состоянии перманентных войн с варварскими племенами, и надписи часто говорят о ремонтах укреплений в разных боспорских городах в правление Савромата II.

Таким образом, установлено, что в эпоху расцвета (IV–II вв. до н.э., см.: Кобылина, 1963а. С. 86)

Посвятительная надпись царя Аспурга (Кузнецов, 2006. С. 156–161).

Βασιλεὺς Ἀσποῦργος, φιλορώμαιος,
βασιλέως Ἀσανδρόχου υἱός,
τὸν Ἔρωτα Ἀφροδείτῃ Οὐ-
ρανίαι Ἀπατοῦρου μεδέου-
5 σῃ χαριστήριον

Перевод: “Царь Аспург, друг римлян, сын царя Асандроха, (*посвятил статую*) Эрота Афродите Урании, владычице Апатура, в качестве благодарственного приношения”.

В династической истории Боспорского царства после смерти царя Асандра много неясных моментов. Один из документов (КБН 40) говорит, что боспорский царь Аспург “происходит от Асандроха” (τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου). Эта фраза породила целую дискуссию: Асандроха то идентифицируют с боспорским царем Асандром, то видят в нем варвара сарматского происхождения (Сапрыкин, 2002. С. 97, 98, 131–134; Яйленко, 1990. С. 164–166). В зависимости от этого, Аспурга считают приемным сыном Асандра, мужем, сыном и даже внуком Динамии (Ростовцев, 1916. С. 17). Ю.Г. Виноградов на основании фразы τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου выдвинул гипотезу, согласно которой Аспург – приемный сын Асандра. Аспург происходил из сарматского племени, о чем говорит и его имя, имеющее иранские корни. Отсюда Ю.Г. Виноградов заключал, что Аспург не был законным наследником боспорского престола, а захватил власть силой, основав новую, сарматскую по происхождению, династию (Виноградов, 1994. С. 151–170). Новая надпись ставит точку в дискуссии: в ней прямо сказано, что Аспург – сын Асандроха, а в нем специалисты практически единодушно видят боспорского царя Асандра. Соответственно, Аспург, будучи через мать Динамию потомком Митридата Евпатора, имел все права на боспорский престол.

Надпись на постаменте под статуей Савромату II (Кузнецов, 2006. С. 161–170).

Ἀγατὴ τύχη
τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασι-
λέα μέγαν Τιβ(έριον) Ἰούλιον Σαυρο-
μάτην, υἱὸν βασιλέως Ῥοιμη-
5 τάλκου, φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμεον,
εὐσεβήν, φιλόπατριν, ἀρχιερέα τῶν
Σεβαστῶν διὰ βίου καὶ εὐεργέτην
τὴν πατρίδος τὸν καὶ κτίστην, Ἰούλιος Μενέ-
στρατος, ἀρχικοιτωνεῖτης τὸν ἴδιον θεὸν
10 καὶ δεσπότην τειμῆς χάριν.

Перевод: “В добрый час. Происходящего от предков царей, великого царя Тиб(ерия) Юлия Савромата (*его статую*), сына царя Реметалка, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, любящего свое отечество, пожизненного первосвя-

Рис. 6. Конструкция из бревен и камней (ряж) под водой (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 7. Мраморная голова в момент находки (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 8. Фрагмент мраморного надгробия (?) (см. цветную вклейку № 2).

Фанагория занимала площадь 60 га или более (Долгоруков, 1984. С. 77 – определял ее в 50 га). Город простирался примерно на 1 км (ср.: Кобылина, 1949. С. 46) между двумя глубокими лощинами на западе и на востоке, от раскопа “Город А” до раскопа “Восточный берег” (№ 24 и 36 на плане Я.М. Паромова: 1993. С. 126, 129). Южная граница шла вдоль современной железной дороги, в 400–500 м от берега залива, примерно с востока на запад (определена исследованиями В.Д. Блаватского и М.М. Кобылиной и подтверждена раскопками автора; см.: Кобылина, 1949. С. 47; № 41, 44, 45, 61, 62, 77 на плане Я.М. Паромова: 1993. С. 130, 131, 135, 136, 139, 140). Северную границу определял берег моря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М. Античный город Горгишпия. М., 1997.
- Арсеньева Т.М., Бётгер Б., Виноградов Ю.Г. Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Новые данные о фортификации Танаиса // Древности Боспора. 2004. Вып. 7.
- Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4.
- Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // ТГИМ. 1941а. Вып. 16.
- Блаватский В.Д. Раскопки в 1940 г. // ВДИ. 1941б. № 1.
- Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938–1939 гг. // МИА. 1951. № 19.
- Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985.
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А. Открытие затонувшего мира. М., 1963.
- Блаватский В.Д., Кузицин В.И. Подводные разведки в 1958 г. // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, 1996.
- Болтунова А.И. Новая строительная надпись из Танаиса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 г. // ИГАИМК. 1934. Вып. 80.
- Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. 1870. Т. 2.
- Герц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Древности. 1875. Т. 6. Вып. 1.
- Даньшин Д.И. Танаиты и танаисцы во II–III вв. н.э. // КСИА. 1990. Вып. 197.
- Долгоруков В.С. Фанагория // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
- Долгоруков В.С. Литейная форма из Фанагории // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Долгоруков В.С., Колесников А.Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.
- Завойкин А.А. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагории // Древности Боспора. 1998. Т. 1.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Карейша Д.В. Разрытия курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 г. // ЗООИД. 1844. Т. 1.
- Кобылина М.М. Фанагорийская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
- Кобылина М.М. Раскопки “восточного” некрополя Фанагории в 1948 г. // Матер. по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 1951. № 19.
- Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57.
- Кобылина М.М. Фанагорийский склеп // КСИА. 1957. Вып. 70.
- Кобылина М.М. Культура Фанагории досарматского периода // Античный город. М., 1963а.
- Кобылина М.М. Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. 1963б. Вып. 95.
- Кобылина М.М. Исследования Фанагории в 1959–1960 и 1962 гг. // СА. 1963в. № 4.
- Кобылина М.М. Керамическое производство Фанагории в IV в. н.э. // СА. 1966. № 3.
- Кобылина М.М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Кобылина М.М. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Кобылина М.М. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 1983. № 2.
- Коровина А.К. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Коровина А.К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // Сообщ. ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1987. Вып. 8.
- Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории). М., 1966.
- Кузнецов В.Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сб. 1995. Вып. 6.
- Кузнецов В.Д. Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина. 1998. Вып. 1.
- Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. 2001. Вып. 4.
- Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // Проблемы истории, филологии, культуры. В честь 70-летия проф. Г.А. Кошеленко. 2004. Вып. XIV.
- Кузнецов В.Д. Фанагория: новые исследования // КСИА. 2005а. Вып. 219.
- Кузнецов В.Д. Уникальные открытия на Таманском полуострове // Вестн. истории, литературы, искусства. 2005б. Т. 1.
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории. Ч. 2 // ВДИ. 2007. № 1.
- Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // Древности Боспора. 2003. Вып. 6.
- Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Колесников А.Б. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // Древности Боспора. 2006. Вып. 9.
- Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. № 57.

- Марченко И.Д. К вопросу о культах азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2.
- Марченко И.Д. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ им. А.С. Пушкина. Сб. статей. М., 1962.
- Марченко И.Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95.
- ОАК за 1859 г. СПб., 1862.
- ОАК за 1865 г. СПб., 1866.
- ОАК за 1866 г. СПб., 1868.
- ОАК за 1869 г. СПб., 1871.
- ОАК за 1874 г. СПб., 1877.
- ОАК за 1875 г. СПб., 1878.
- Панов А.Р. Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сб. 1993. Вып. 2.
- Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. 1998. Т. 1.
- Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. Т. 25.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сокольский Н.И. Фанагорийский склеп // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Сокольский Н.И. Земляной склеп в поселке Сенная // КСИА. 1973. Вып. 133.
- Тункина И.В. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII – пер. четв. XIX в. // Боспорский сб. 1993. Вып. 2.
- Формозов А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в перв. полов. XIX в. // СА. 1975. № 1.
- Цветаева Г.А. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий // Новое в советской археологии. М., 1965.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- Шелов Д.Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2.
- Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // ИАК. 1911. Вып. 40.
- Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990.
- Buraselis K. Kos between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the Middle Second Century B.C. until Late Antiquity. Philadelphia, 2000.
- Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. T. V. Paris, 1843.
- Clarke E.-D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. T. I. Paris, 1812.
- Graham A.J. Abdera and Teos // JHS. 1992. V. 112.
- Hellmann M.-Ch. Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque d'après les inscriptions de Délos. Paris, 1992.
- Hoepfner W., Schwandner E.-L. Haus und Staat im klassischen Griechenland. Berlin, 1986.
- Hansen M.H., Fischer-Hansen T. Monumental Political Architecture in Archaic and Classical Greek Poleis. Evidence and Historical Significance // From Political Architecture to Stephanus Byzantius. Sources for the Ancient Greek Polis. Historia Einzelschriften. Heft 87. Stuttgart, 1994.
- Millar F. Emperors, Kings and Subjects: The Politics of Two-Level Sovereignty // Scripta Classica Israelica. 1996. V. XV.
- Owens E.J. The City in the Greek and Roman World. L.; N.Y., 1991.
- Reinach Th. Mithridate Eupator roi du Pont. Paris, 1890.
- Smith M.F. ΝΗΣΟΣ at Oinoanda in Lycia – Misspelling or Genuine Variant? // ZPE. 2000. V. 130.

A History of the investigations and new finds at Fanagoria

V. D. Kuznetsov

Summary

The article gives a brief history of investigations at Fanagoria, the largest Classical monument in Russia. In the first half of the 19th c., the purpose of excavations at necropoleis was to obtain Classical objects of art. The first scientific excavations were undertaken in 1936. Decades of work revealed the boundaries of the town, the depth of the cultural layer, the span of the town's existence, and various cultural data. The hillfort, necropolis and the submerged area are currently excavated by the RAS IA Taman' expedition. In the central part of the hillfort, on the hill where Fanagoria had been founded in the middle of the 6th c. B.C., materials dating from the Archaic period up to the 7th c. A.D were discovered. Of the most interest are new data on 6th–5th cc. B.C. domestic and public buildings, and various archeological materials which show Fanagoria to have been a typical Greek town. Among the interesting finds is a 4th c. B.C. stone crypt with ledged ceiling. About one-third of Fanagoria is submerged in the Taman' Gulf. In 1999, underwater excavations revealed a rare wooden frame which served as underwater foundation for some port structure. The Taman' peninsula is poor in stone, and the builders used building blocks, architectural pieces, marble statue fragments, inscribed slabs and gravestones to fill the wooden frame. Four inscriptions have been recovered. One reads that King Aspourgios dedicated a statue of Eros to Aphrodite Ourania, the Mistress of Apatouron; the second, on a pedestal base, tells that the statue was dedicated to King Sauromates II; the third records the restoration in 220 A.D. of a portico destroyed in a war; the fourth is the epitaph of Hypsicratia, wife of Mithridates II Eupator. Among the other finds recovered from the sea are a marble male head, a fragment of a marble gravestone (?) and a large marble slab with a tamga – the emblem of Sauromates II.

ОБРАЗ ЭРОТА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРА, ХЕРСОНЕСА И ОЛЬВИИ

© 2007 г. М. В. Скржинская

Институт археологии НАН Украины, Киев

В античной литературе и в эпиграфических источниках, касающихся античных государств Северного Причерноморья, отсутствуют упоминания о знакомстве местного населения с образом Эрота. В Элладе и ее колониях классического и более поздних периодов это древнее божество, некогда представлявшееся одним из четырех первоначал мира (Hes. Theog. 116–122), имело считанные посвященные ему святилища (Paus. XXVII, 1). Самое известное из них находилось в Беотии; там, в городе Феспии поклонялись древнейшему изображению Эрота в виде необработанного камня, и там же в течение нескольких столетий стояли статуи, исполненные знаменитыми скульпторами IV в. до н.э. Праксителем и Лисиппом (Paus. XXVII, 3). Эрот, натягивающий лук, Лисиппа известен сейчас в нескольких более поздних мраморных копиях (Виппер, 1972. С. 255. Рис. 282).

В то же время Эрот, начиная с классического периода, стал излюбленным образом в античной литературе и искусстве. Привозные и местные произведения прикладного искусства дают возможность узнать, каким внешне представляли себе Эрота жители Северного Причерноморья и в общих чертах воссоздать известные здесь некоторые мифы и легенды об этом божестве.

К числу наиболее ранних изображений Эрота в Северном Причерноморье относится расписанный в начале V в. до н.э. афинским вазописцем краснофигурный лекиф, найденный в Ольвии (Прушевская, 1941. С. 318–325). Крылатый юноша Эрот стоит в профиль, занимая все поле картины на вазе; в руках он держит цветок лотоса и керикейон (рис. 1). Последний напоминает о преданиях, в которых Гермес считался отцом Эрота, в других же вариантах эту роль отводили Зевсу или Аресу (Eur. Hippol. 533; Alc. Fr. 8d). Цветок лотоса указывает на связь Эрота с богиней подземного царства Персефой. Недаром многие статуэтки Эрота найдены в некрополях Ольвии, Херсонеса и Боспора, иногда они находились в погребениях вместе с терракотами Персефоны (Белов, 1970. С. 70, 71; Русаева, 1979. С. 68). Напомним, что в орфических гимнах Эрот выступает обладателем ключей от царства мертвых, но вместе с тем имеет ключи эфира, неба и моря (Hymn. Orph. 58). Опушенный потухший факел у Эрота, изображенный на некоторых

терракотовых статуэтках, найденных на Боспоре, напоминает о конце жизни (ДБК, 1854. Табл. 70а, 8; Кобылина, 1961. С. 91, 92. Табл. 13, 3), а некоторые ученые выделяют среди терракот из некрополей Северного Причерноморья особый тип Эрота-Танатоса, олицетворяющего смерть (Кобылина, 1970. С. 13; Белов, 1970. С. 28); в первые века нашей эры мраморные саркофаги из Херсонеса украшали фигурами Эротов (Античная художественная..., 1973. № 455–462).

Однако большинство образов Эрота в литературе и в искусстве связаны с радостью жизни и любви. Уже в архаический период Эрот стал превращаться из сурового космического божества в золотоволосого подобного ветру юношу (Sorrh. Fr. 50; Анаст. Fr. 5), и это отразилось на его иконографии. Скульпторы, вазописцы и ювелиры изображали его прекрасным подростком, а начиная с эллинистического периода, главным образом шаловливым ребенком. Недаром Павсаний (IX, 27, 2) назвал его самым юным из богов. Уже в классический период Эрот повсеместно считался сыном Афродиты и ее постоянным спутником; утвердилось поверье, что хитроумный и жестокосердый божок любви посылает стрелы из своего лука в сердца людей и богов, доставляя им и наслаждение, и страдания. Таким, например, описан Эрот в мифологическом эпосе “Аргонавтика” Аполлония Родосского (III, 111–159), самом большом по объему стихотворном сочинении из уцелевшей литературы эллинистического времени.

Подобные фольклорные и литературные сюжеты находили отображение в произведениях монументального и особенно часто прикладного искусства. Множество примеров такого рода имеется в материалах раскопок Северного Причерноморья.

Очень часто Эрота изображали просто спутником Афродиты, стоящим или сидящим рядом с богиней; и за этим не кроется никакого иного смысла. В этой роли он встречается на картинах ваз, например в многофигурной композиции со сценой Элевсинских мистерий на пелике из Павловского кургана близ Пантикапея (Уильямс, Огден, 1995. С. 167; Beazley, 1963. № 392; LIMC, Bd. 4. № 1403), а также на местных и привозных терракотах (Силантьева, 1974. С. 18. № 33. Табл. 7, 3; Русаева, 1979.

С. 23. Рис. 11; На краю ойкумены..., 2002. С. 6. № 231) и мраморных статуэтках (Античная скульптура..., 1976. С. 23. № 33). Есть изображение, на которых Эрот проявляет свою любовь к матери, обнимая и целуя ее, или завязывая ей сандалию; такие сцены представлены на терракоте из Фанагории (ОАК, 1871. Табл. 2, 3), на крышке бронзового зеркала и золотом перстне IV в. до н.э. из кургана Большая Близница на Тамани (Античная художественная..., 1973. С. 27. № 67; Уильямс, Огден, 1995. С. 194. № 126).

В эллинистический период греки очень любили изображать детей, часто играющих с разными домашними животными. В русле этой моды появились статуэтки и вазы с крылатым мальшом Эротом, катающимся на дельфине, верхом на петухе и тому подобные. Жители Северного Причерноморья охотно приобретали такие терракоты (Кобылина, 1961. С. 93–97) и мраморные статуэтки (Античная скульптура..., 1976. С. 24. № 37); они иллюстрировали шаловливый характер Эрота, но вряд ли намекали на какие-то конкретные предания.

Начиная с классического времени, фигура Эрота в изобразительном искусстве нередко имеет значение аллегии любовного влечения богов и людей, а также брака. В такой роли обнаженный юноша или мальчик Эрот появляется в мифологических и бытовых сценах. Вот несколько примеров из коллекции расписных vaz, найденных на Боспоре. На одной картине Эрот парит над Ариадной, к которой приближается ее будущий муж Дионис (ОАК, 1906. С. 88); на другой он сопровождает Амфитриту, плывущую на дельфине на свадьбу с Посейдоном (ДБК, 1854. Табл. 61; Shefold, 1934. № 413; LIMC, Bd. 1. S. 727. № 33), а на пеликах из Ольвии и Пантикапея со сценой похищения Европы он сопровождает ее в пути на Крит для бракосочетания с Зевсом (ОАК, 1871. С. 181–183; Shefold, 1934. № 436, 491; LIMC, Bd. 4. S. 80. № 66, 67). В качестве аллегии фигурка Эрота может повторяться несколько раз на одной и той же картине. Таковы, например, крышка леканы и лебет из Пантикапея. На лекане изображены свадебные приготовления с участием шести Эротов (№ 25)¹: один с венком летит к невесте, другой завязывает ей сандалию, третий сидит у ее ног, четвертый играет на тимпане, пятый протягивает украшения невесте, шестой несет лутрофор, сосуд для свадебных церемоний (рис. 2); столько же Эротов на свадебном лебете мастера Марсия, изобразившего невесту, принимающую подарки (Лукьянов, Гриневич, 1915. С. 19–31).

Серия терракот и несколько ювелирных изделий дают уникальный материал об одном широко известном на Боспоре сказании об Эроте и Психее. Хотя, начиная с XIX в., интересующие нас памят-

¹ В скобках здесь и далее указаны номера в каталоге в конце статьи.

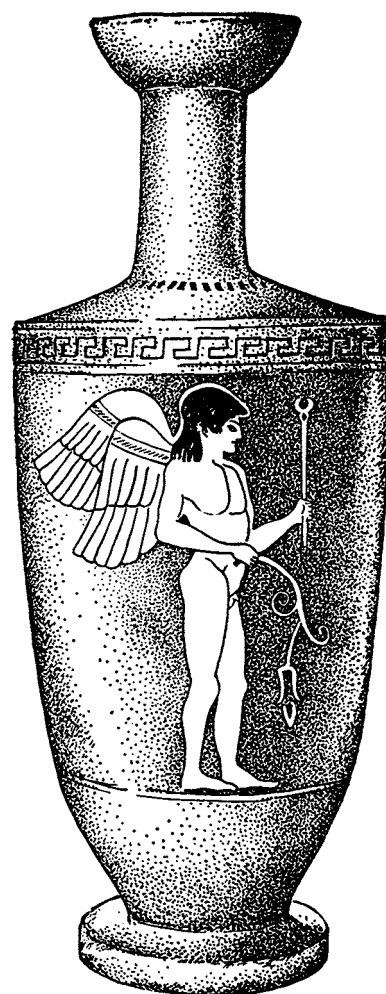

Рис. 1. Эрот с керикийоном и цветком лотоса. Лекиф из Ольвии. Начало V в. до н.э.

Рис. 2. Эроты в сцене приготовления к свадьбе. Крышка леканы из Пантикапея. 350–340 гг. до н.э.

ники с изображением этих божеств включались в разные издания, их никогда не собирали вместе и потому не исследовали, когда и где в Северном Причерноморье распространилось греческое предание со столь популярным во многих областях Эллады сюжетом.

В античном искусстве изображения Эроса и Психеи стали излюбленной темой художников эпохи эллинизма, а затем и римского времени. Эту пару божеств можно увидеть на мраморных статуях, алтарях и саркофагах, на стенных росписях и мозаиках, на терракотовых статуэтках, рельефах и светильниках, а также на различных ювелирных изделиях (LIMC, 1991. S. 569–585). Однако в сохранившейся античной литературе рассказ, вдохновивший эти произведения, уцелел лишь в изложении писателя и философа II в. н.э. Апулея. Он включил его в свой знаменитый роман “Метаморфозы” (IV, 28 – VI, 24), более известный под данным ему впоследствии названием “Золотой осел”. Таким образом, греческое предание о любви Эроса и Психеи имеется сейчас на латинском языке в версии, литературно обработанной выдающимся оратором и писателем; в совершенстве владея греческим языком и прекрасно зная литературу эллинов, он, наконец, объединил в своем повествовании несколько фольклорных и литературных сюжетов об Эроде и Психее (Helm, 1959. S. 1434–1438).

В эти сюжеты эллины издавна вкладывали переносный смысл; имя Психеи (ψυχή) по-гречески одновременно означает понятия “душа” и “бабочка” (Aristot. Hist. Anim. IV, 7). В древности душу отождествляли с чем-то летучим, и ее нередко олицетворяли бабочка или мотылек. Предания о скитаниях и страданиях Психеи, ищущей своего возлюбленного Эроса – это аллегория поисков согласия между душой и любовью в ее разных проявлениях, порой противоречащих душевным устремлениям. Недаром Апулей называет героя и Амуром, и Купидоном, т.е. олицетворением любви и страсти.

На свои устные источники указал сам Апулей, назвав этот рассказ сказкой и вложив его в уста малограмотной старухи гречанки, которая хотела развлечь безутешную девушку, попавшую в плен к разбойникам. Повествование начинается с традиционного сказочного зачина: “Жили в некотором государстве царь с царицей, и было у них три дочери”. Далее разворачивается один из весьма распространенных у многих народов сюжет о девушке, ставшей возлюбленной таинственного существа, которое ей запрещено видеть. Такова, например, всем нам с детства известная сказка “Аленький цветочек”. Героиня сказки нарушает запрет, ее возлюбленный исчезает, а девушка отправляется его искать. Преодолев разные трудности, она находит своего суженого, и, как положено в сказке, все счастливо кончается свадьбой.

В греческом варианте сказки девушка становится жертвой рассерженной Афродиты и зависти своих менее удачливых сестер. Влюбившийся в Психею Амур спасает ее от гибели, спровоцированной богиней, и поселяет в роскошном сказочном дворце. Там невидимые слуги исполняют любое желание Психеи, а по ночам к ней является таинственный любовник, которого ей запрещено видеть. Несмотря на его возражения, Психея добивается согласия на встречу с сестрами; те подбивают ее зажечь ночью светильник и посмотреть, не окажется ли возлюбленный страшным чудовищем, от которого родятся ужасные дети. Капля горячего масла, упавшая с фитиля светильника, обожгла и разбудила спящего Амура. Психея увидела прекрасного юношу, а он покинул ее, упрекнув в нарушении запрета.

Не в силах жить без любимого Психея отправилась его искать. Она долго блуждала и в конце концов попала к разгневанной Афродите, которая была девушкой и обращалась с ней как с подневольной служанкой, давая ей непосильную работу. Преодолевая тяжелейшие испытания, Психея с помощью разных доброжелателей справлялась с заданиями Афродиты; описание исполнения этих заданий является мистической аллегорией страстей и страданий человеческой души.

Для выполнения последнего распоряжения богини Психея спустилась в Аид к Персефоне, чтобы получить ларчик с якобы находящейся в нем божественной красотой. Несмотря на запрет Персефоны, Психея открыла ларчик, желая взять себе немножко чудодейственного снадобья, чтобы понравиться своему возлюбленному. Из ларчика вырвался дух сна, и Психея впала в непробудный сон. Но Амур разыскал Психею, загнал в ларчик дух сна и разбудил девушку уколом своей стрелы. Потом, заручившись поддержкой Зевса и его влиянием на Афродиту, Амур привел Психею к олимпийским богам. Зевс повелел Гермесу дать девушке выпить амброзию, сделавшую ее бессмертной и потому равной божественному происхождению Амура. После этого ничто не мешало их браку, и на свадьбе боги разделили пожелание Зевса, чтобы Купидон никогда не отлучался от объятий Психеи, т.е. чтобы страсть всегда находилась в гармонии с душой.

Археологические находки свидетельствуют, что боспоряне узнали предания об Эроде и Психее уже в период раннего эллинизма, т.е. вскоре после распространения этого рассказа в Элладе. К древнейшим памятникам такого рода относятся найденный в Артюховском кургане на Тамани перстень с камеей III в. до н.э. (№ 20). На ней изображен ребенок Эрот, ловящий бабочку, олицетворяющую Психею. Тот же сюжет представлен на терракоте из Пантикапея (№ 21). Стоит отметить, что перстень долго служил украшением,

сменив нескольких владельцев до того, как в середине II в. до н.э. попал в погребение. Установлено, что сначала камея находилась в кольце с подвижной дужкой, а затем, по новой моде, ее сделали щитком золотого перстня (Максимова, 1979. С. 66). К упомянутому кругу мифологических и аллегорических представлений о душе и любви относятся изображения Эрота, прижимающего к груди бабочку на золотых серьгах из Пантикапея (№ 22, 23) и на терракоте из Мирмекия (№ 24), относящейся уже к римскому времени, но по типу восходящей к образцам III–II вв. до н.э. (Денисова, 1981. С. 122).

Гораздо более многочисленны изображения Психеи в виде девушки или девочки рядом с Эротом. Иногда за ее спиной видны крылья мотылька, которые контрастируют с птичьими крыльями Эрота; это хорошо видно на терракотах из Пантикапея и Кеп (№ 4, 15) и на пантикапейской золотой бляшке (№ 16). Эрот изображается полностью обнаженным, а Психея либо одета в легкий хитон, либо частично обнажена до бедер. Чаще всего эти два божества представлены обнимающимися и целующимися (рис. 3), реже просто стоящими рядом. Это знаменует гармонию души с любовью.

Рельефы на мегарской чаше и золотой бляшке из Пантикапея иллюстрируют рассказ Апулея, хотя они исполнены гораздо раньше времени его жизни. Так подтверждается, что сказка в романе опирается на уходящую в древность традицию. На рельефе мегарской чаши Эрот склоняется к полулежащей Психее на лугу среди трав и цветов (№ 2). Это можно трактовать как момент, когда Психея, спасенная Эротом, приходит в себя, а может быть, это апофеоз их любви после свадьбы, когда Психея уже не запрещается видеть своего возлюбленного. На рельефе бляшки (№ 16) Эрот стоит на коленях около спящей Психеи, он вынимает стрелу из колчана, чтобы уколоть и разбудить девушку, усыпленную содержимым ларчика, полученного от Персефоны (Apol. Met. VI, 21).

Сохранились также античные иллюстрации к не использованному Апулеем рассказам об Эроте и Психее. На мозаике конца III в. до н.э. из Клазомен и на более поздних камнях и терракотах неоднократно изображалось, как Эрот в присутствии Афродиты мучает Психею или связывает ей руки (Стефани, 1878. С. 108–110; Неверов, 1971. № 22, 24, 47; LIMC, 1991. S. 577). Подобные сюжеты были известны и жителям Боспора, о чем свидетельствуют находки перстня в Тирамбе (№ 11) и серебряных чаш с рельефами в сарматском кургане на Нижнем Дону (Karoshina, 1963. P. 257, 258; LIMC, 1991. S. 577). Восемь великолепных чаш, исполненных греческими ювелирами на рубеже III–II вв. до н.э., явно попали к сарматскому вождю из Эллады через Боспор. Дно этих чаш украшено рельефными медальонами. На одном представлены привязанная к колонке Психея и Эрот, прикасающийся

Рис. 3. Эрот и Психея. Терракотовая статуэтка эллинистического периода из Пантикапея.

ся к ней горящим факелом; а на другом рельефе, наоборот, Психея таким же образом мучает Эрота. На гранате, вставленном в золотой перстень, который носил боспорянин на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э., вырезана сходная композиция с Эротом, мучающим Психею (№ 11). Способ мучения факелом выбран не случайно; ведь наряду с луком и стрелами, которыми Эрот ранил сердца, факел стал его частым атрибутом, потому что им он разжигал огонь любви. Греки видели в подобных картинах аллегорический смысл: в них отражались телесные и душевные мучения любящего человека.

Все памятники с изображением Эрота и Психеи из античных городов и некрополей Северного Причерноморья обнаружены только на Боспоре, почти равномерно распределяясь на его европейской и азиатской сторонах; большинство из них терракотовые статуэтки и рельефы, есть также мегарские чаши и ювелирные изделия. Важно отметить, что наряду с привозными терракотами встречаются экземпляры из местной глины (№ 7, 12, 13, 17) (Сокольский, 1964. С. 109. Рис. 7; Николаева, 1974. С. 16. № 40, 41). В приложенном к статье каталоге собрано 24 таких изображения из разных публикаций; 9 предметов прикладного искусства с интересующим нас сюжетом происходят из раскопок Пантикапея (№ 2, 4, 9, 10, 16, 19, 21, 22,

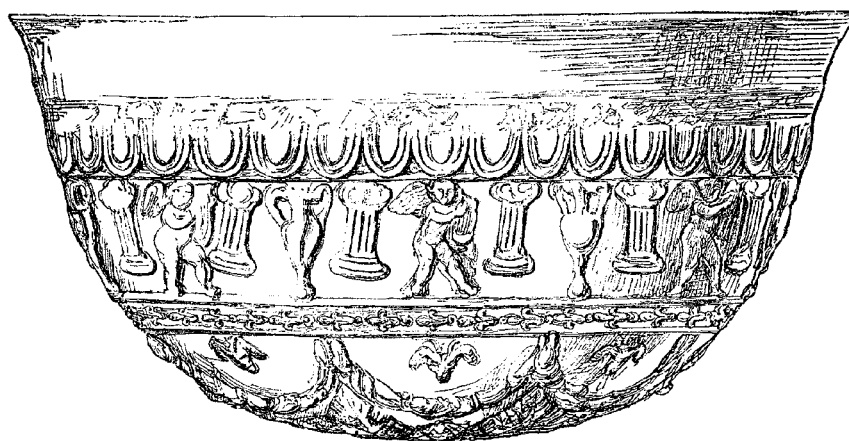

Рис. 4. Эроты-музыканты. Мегарская чаша из Фанагории. III в. до н.э.

23), 3 – из Мирмекия (№ 14, 18, 24), 2 – из Тиритаки (№ 7, 17), 1 – из Нимфея (№ 3), а на азиатской стороне Боспора по 2 – из Кеп (№ 15, 20), Фанагории (№ 5, 6) и Гермонассы (№ 1, 13), 1 – из Горгииппии (№ 8), 1 – из Тирамбы (№ 11) и 1 место находки которого неизвестно, но сделан из боспорской глины (№ 12). Этот достаточно представительный список, конечно, нельзя считать исчерпывающим. В него не включены, например, упомянутые выше два серебряных блюда, явно попавшие к сарматам через Боспор, или три недатированные статуэтки Амура и Психеи из Пантикапея, упомянутые в составленной в конце XIX в. описи терракот Одесского музея (Деревицкий и др., 1898. С. 3, 5). Вероятно, фрагменты подобных изображений находятся среди неопубликованных материалов из раскопок боспорских поселений и некрополей.

Терракота из Гермонассы (№ 1), датированная А.К. Коровиной (1974. С. 41. № 3) второй половиной IV в. до н. э., оказывается самой древней в серии подобных статуэток, но скорее всего она нуждается в пересмотре времени ее изготовления. В сводах памятников с изображением Эрота вместе с Психеей древнейшие изделия появляются на столетие позднее (LIMC, 1991. s. v. Psyche. S. 569–585). Археологические находки на Боспоре указывают, что здесь постоянный интерес к преданиям об Эроте и Психее возник во второй половине III в. до н.э. и не угасал до II в. н.э.

Важнейшие атрибуты Эрота – лук и стрелы – чрезвычайно редко встречаются на изображениях этого божества в Северном Причерноморье (№ 16), зато в его руках часто находятся музыкальные инструменты (№ 25–39). Изображения Эрота-музыканта на различных предметах прикладного искусства найдены на многих городищах и некрополях, среди них преобладают импортные изделия, но есть и вещи местного производства (№ 31, 32). Все они имеют аналоги в разных частях греческой ойкумены, так что Эрота можно считать одним из са-

мых музыкальных божеств эллинов. Такое представление об Эроте утвердилось со времени раннего эллинизма и продолжалось в римское время. Судя по многочисленным изображениям, Эрот не отдавал предпочтения какому-то виду музыки, в отличие от Аполлона, игравшего исключительно на лире и кифаре, либо от Диониса и его спутников, любивших духовые и ударные инструменты, или от Кибелы, символом которой был бубен.

Терракотовые статуэтки, мегарские чаши и ювелирные изделия из Ольвии, Херсонеса и Боспора изображают Эрота с легкой лирой и тяжелой кифарой, опирающейся на подставку (рис. 4; № 27–33; 35–38). На мраморном алтаре (рис. 5) эллинистического времени из Ольвии один Эрот играет на лире, другой – на аулосе (№ 38); с тем же духовым инструментом он представлен на бронзовом украшении сосуда, найденного на Тамани (№ 34); на терракотах из Ольвии Эрот аккомпанирует на тимпане танцующей девушке (№ 26), стоит с этим инструментом рядом с Афродитой (№ 39), а на росписи леканы из Пантикапея играет для невесты (№ 25).

Наряду с Эротом существовали еще два персонифицированных божества, связанные с любовным влечением и браком; это страсть Потос и желание Химерос (Miller, 1986. P. 166). Платон в “Пире” (197d) назвал их порождением Эрота, а Эсхил считал Эрота и Потоса детьми Афродиты (Suppl. v. 1039). В храме Афродиты в Мегарах, по сообщению Павсания (I, 43, 6), наряду со статуей богини находились скульптуры Эрота, Потоса и Химероса, выполненные знаменитым скульптором Скопасом.

Как показывают надписи на вазах (Beazley, 1963. P. 1171, I, 1328, 92), иконография Эрота отличалась от Потоса и Химероса. Поэтому надо думать, что двое молодых обнаженных мужских крылатых божеств в одной композиции представляют Эрота и Потоса, а три – Эрота, Потоса и Хи-

мероса. Вопреки установившемуся представлению о двух Эротах около Афродиты, изображенных на найденных в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре золотых и серебряных медальонах (ОАК, 1896. С. 180. Рис. 555) и перстнях (Гриневиц, 1926. С. 36), их следует рассматривать как спутников богини Эрота и Потоса. Они располагаются по двум сторонам бюста Афродиты, как будто бы для симметрии; однако есть сходные медальоны и с одним Эротом (ИАК, 1905. С. 17. Рис. 12), поэтому, мне кажется, что это два разных божества.

То же самое можно увидеть и на расписных вазах. Эрот и Потос или Химерос сопровождают летящую на лебеде Афродиту на картине пелики из Пантикапея (Shefold, 1934. № 480); вместе с богиней они присутствуют в сценах мифа о Парисе и Елене на гидрии и лекифе, также найденных в некрополе Пантикапея (Shefold, 1934. № 159, 291). В сценах свадьбы, как уже говорилось, может быть нарисовано до шести аллегорических фигур крылатых божеств любви, и нам трудно определить, кто из них Потос и Химерос, или все они аллегории Эрота.

На картинах, украшающих несколько рыбных блюд из некрополей европейской и азиатской частей Боспора, Эрот, Потос и Химерос сопровождают Европу, едущую на свадьбу с Зевсом (Shefold, 1934. № 51, 55–59; Скржинская, 2002. С. 33–35. Рис. 9). Любопытно сравнить росписи ваз с наиболее подробным литературным изложением мифа в поэме Мосха “Европа”. В свите финикийской царевны поэт упомянул всех нарисованных на вазах персонажей мифа, за исключением Эрота, Потоса и Химероса. Их отсутствие можно объяснить тем, что страсть Зевса в поэзии описана словами, а художникам для этого пришлось воспользоваться аллегорическими фигурами.

Итак, на основании большой серии археологических находок можно заключить, что, начиная с IV в. до н.э. образ Эрота был хорошо знаком жителям античных государств Северного Причерноморья. Здесь Эрот не вошел в число широко почитавшихся божеств. В нем видели главным образом постоянного спутника Афродиты и аллегорическую фигуру, олицетворяющую любовь и брак. В последней роли выступали также родственные Эроту божества Химерос и Потос. В эллинистический и римский периоды в Северном Причерноморье, как и в других областях Эллады, Эрота чаще других божеств представляли играющим на различных музыкальных инструментах.

Отсутствие изображений Эрота вместе с Психеей в коллекциях археологических находок из Тир, Ольвии и Херсонеса дает основание заключить, что устные и литературные рассказы о паре этих божеств на северных берегах Понта нашли благодарную почву только на Боспоре. Наверное, это объясняется тем, что они примыкали к кругу

Рис. 5. Эроты с лирой и с аулосом. Мраморный алтарь из Ольвии. Первая половина III в. до н.э. Реконструкция А.В. Круглова.

сказаний об Афродите; не случайно формы II–I вв. до н.э. для рельефных украшений ваз и статуэток Психеи найдены при раскопках святилища богини в Кечах (Сокольский, 1964. С. 109; Николаева, 1974. С. 16. № 40, 43). Афродита занимала ведущее положение в пантеоне богов Боспорского царства, а в других государствах Северного Причерноморья она не играла столь важной роли (Русяева, 1986. С. 546, 547). Предания об Эроте и Психее стали популярными в среде боспорян, начиная с эпохи раннего эллинизма и продолжали бытовать в римский период. Здесь, как и в Эллад, подобные рассказы воспринимались не только как сказка, а, наверное, имели также аллегорическое и мистическое истолкование.

Терракотовые статуэтки и ювелирные изделия привозили в античные города Северного Причерноморья примерно из одних центров, а в отборе их сюжетов сказывались особенности культуры того полиса, куда поступал импорт. Во всех государствах на северном краю ойкумены существовало общее для эллинов представление об Эроте как постоянном спутнике Афродиты и как о шаловливом подростке или ребенке, способном подчинить своей прихоти богов и людей. На примере же мно-

гочисленных изображений Эрота и Психеи можно увидеть, с одной стороны, отличие духовной жизни Боспорского царства от его ближних и дальних соседей в Северном Причерноморье, с другой – удостоверить в единстве культуры многочисленных городов этого государства, ведь интересующие нас памятники почти в одинаковом количестве найдены на европейской и азиатской сторонах Боспора.

КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЭРОТА С ПСИХЕЕЙ И ЭРОТА-МУЗЫКАНТА НА ПРЕДМЕТАХ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ²

Эрот и Психея

1. Терракотовая статуэтка. Вторая половина IV (?) в. до н.э. Гермонасса (Стефани, 1873. Табл. 1, 2; Коровина, 1974. С. 41. № 3. Табл. 47, 3).
2. Мегарская чаша. II в. до н.э. Пантикапей (Античные государства..., 1984. С. 354. Табл. 163, 16; Забелина, 1984. С. 159).
3. Терракотовая статуэтка. II в. до н.э. Нимфей (Грач, 1999. С. 53).
4. Терракотовая статуэтка. II–I в. до н.э. Пантикапей (Силантьева, 1974. С. 30. № 147. Табл. 33, 1).
5. Терракотовый рельеф. I в. до н.э. Фанагория (Кобылина, 1974. С. 29. № 91. Табл. 32, 5).
6. Терракотовая статуэтка. I в. до н.э. Фанагория (Кобылина, 1974. С. 29. № 92. Табл. 32, 4).
7. Терракотовая статуэтка. I в. до н.э. Тиритака (Пругло, 1970. С. 99. Табл. 45, 3).
8. Терракотовая статуэтка. I в. до н.э. Горгиппия (Кругликова, 1974. С. 48. Табл. 54, 3).
9. Терракотовая статуэтка эллинистического периода. Пантикапей (Стефани, 1877. С. 148, 166; Толстой, Кондаков, 1889. С. 96. Рис. 134).
10. Терракотовая статуэтка эллинистического периода. Пантикапей (ДБК. Т. 2. С. 72. Табл. 64, 9).
11. Эрот, мучающий Психею. Золотой перстень с инталией на гранате. I в. до н.э. – I в. н.э. Поселение Тирамба на Тамани (Античные государства..., 1984. С. 357. Табл. 166, 16).
12. Терракотовая статуэтка из боспорской глины. Место находки не известно. I в. до н.э. – I в. н.э. (На краю ойкумены..., 2002. С. 65. № 232).
13. Терракотовая статуэтка. I в. до н.э. – I в. н.э. Гермонасса (Финогенова, 1992. С. 269. Рис. 14).
14. Терракотовая статуэтка. I в. н.э. Мирмекий (Денисова, 1981. С. 122. Табл. 20 м).
15. Терракотовая статуэтка. I в. н.э. Кепы (Сорокина, 1974. С. 20. Табл. 14, 6).

16. Золотая бляшка с отверстиями для пришивания. I–II вв. н.э. Пантикапей (На краю ойкумены..., 2002. С. 54. № 171).

17. Терракотовый рельеф. I–II вв. н.э. Тиритака (Пругло, 1970. С. 99. Табл. 45, 4).

18. Терракотовый рельеф. I–II вв. н.э. Мирмекий (Денисова, 1981. С. 124. Табл. 28 ж).

19. Терракотовая статуэтка римского времени. Пантикапей (Силантьева, 1974. С. 30. Табл. 33, 5).

Эрот и бабочка, олицетворяющая душу

20. Эрот, ловящий бабочку. Каменя. III в. до н.э. Артюховский курган близ Кеп (Максимова, 1979. С. 66. Рис. 19).

21. Эрот, ловящий бабочку. Терракотовая статуэтка эллинистического периода. Пантикапей (ДБК, 1854. Т. 2. С. 112. Табл. 73, 4).

22. Эрот, прижимающий к груди бабочку. Золотая серьга римского времени. Пантикапей (ОАК, 1878–1879. С. 36. Рис. 2).

23. Эрот, прижимающий к груди бабочку. Золотая кольцеобразная серьга. Эллинистический период. Пантикапей (ДБК, 1854. Т. 1. С. 50. Табл. 7, 8).

24. Эрот, прижимающий к груди бабочку. Терракотовая статуэтка. Начало I в. н.э. Мирмекий (Денисова, 1981. С. 122. Табл. 20 е).

Эрот-музыкант

25. Эрот с тимпаном в сцене приготовления к свадьбе. Крышка леканы. 350–340 гг. до н.э. Пантикапей (Толстой, Кондаков, 1889. С. 73. Рис. 105; Shefold, 1934. S. 159. № 10; Beazley, 1963. № 1476).

26. Эрот с тимпаном и танцующая женщина. Терракотовая статуэтка. IV в. до н.э. Ольвия (Скуднова и др., 1970. С. 54. № 56).

27. Эроты с кифарами. Мегарская чаша. III в. до н.э. Ольвия (Лосева, 1962. С. 202).

28. Эроты с кифарами. Мегарская чаша. III в. до н.э. Пантикапей (Лосева, 1962. С. 202. Рис. 4, 2).

29. Эроты с кифарами. Мегарская чаша. III в. до н.э. Фанагория (Толстой, Кондаков, 1889. Т. 1. Рис. 113).

30. Эрот-ребенок, едущий на дельфине, играя на кифаре. Терракотовая статуэтка. III в. до н.э. Херсонес (Белов, 1970. С. 74. Табл. 21, 8).

31. Эрот-ребенок, едущий на дельфине, играя на кифаре. Терракотовая статуэтка. II в. до н.э. Фанагория (Кобылина, 1961. С. 93, 94. Табл. 13, 2).

32. Эрот-ребенок, едущий на дельфине, играя на кифаре. Терракотовая статуэтка. II в. до н.э. Фанагория (Кобылина, 1961. С. 93, 94. Табл. 13, 4).

33. Эрот с кифарой. Мегарская чаша. III–II вв. до н.э. Пантикапей (Забелина, 1984. С. 159, 169. Рис. 4 в).

² В каталоге указаны предмет, на котором сделано изображение, место его находки, основные издания и датировка по этим изданиям.

34. Эрот, играющий на аулосе. Скульптурное украшение бронзового сосуда. II–I вв. до н.э. Тамань (На краю ойкумены..., 2002. С. 135. № 632).

35. Эрот с лирой. Терракотовая статуэтка. Конец II–I в. до н.э. Мирмекий (Денисова, 1981. С. 122. Табл. 20 а).

36. Эрот с кифарой, опирающейся на подставку. Терракотовая статуэтка. Вторая половина I в. до н.э. (Денисова, 1981. С. 120. Табл. 20 б).

37. Эрот с лирой. Золотая подвеска к серьге. Эллинистический период Пантикапей (ДБК, 1854. Табл. 12а. № 13).

38. Эроты с лирой и аулосом. Мраморный алтарь. Первая половина III в. до н.э. Ольвия (Круглов, 2000. С. 285. Рис. 2).

39. Эрот с тимпаном около Афродиты. Терракотовая статуэтка. Эллинистический период. Ольвия (Русяева, 1979. С. 23. Рис. 11).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
- Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л., 1973.
- Белов Г.Д. Терракоты Херсонеса // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. 1970. Вып. Г1-11.
- Виппер Б.Р. Искусство древней Греции. М., 1972.
- Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Гриневиц К.Э. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса // Херсонесский сборник. 1926. № 1.
- Денисова В.И. Киропластика Боспора. Л., 1981.
- Деревицкий А.Н., Павловский А.А., Штерн Э.Р. Музей императорского Одесского общества истории и древностей. Вып. 2. Терракоты. Одесса, 1898.
- Древности Боспора Киммерийского (ДБК). СПб., 1854.
- Забелина В.С. Импортные “мегарские” чаши из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. № 7. Культура и искусство Боспора. М., 1984.
- ИАК. № 17. СПб., 1905.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. САИ. 1974. Вып. Г1-11. Ч. IV.
- Коровина А.К. Терракотовые статуэтки из Гермонассы // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. САИ. 1974. Вып. Г1-11. Ч. IV.
- Кругликова И.Т. Терракоты Горгии // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. САИ. 1974. Вып. Г1-11. Ч. IV.
- Круглов А.В. Реконструкция и интерпретация мраморного алтаря из Ольвии // Жертвоприношение. М., 2000.
- Лосева Н.М. Импорт и местное производство “мегарских” чаш на Боспоре // МИА. 1962. № 103.
- Лукьянов С.С., Гриневиц Ю.П. Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись // Матер. по археологии России. 1915. № 35.
- Максимова М.И. Артюховский курган. М., 1979.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М., 2002.
- Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л., 1971.
- Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. САИ. 1974. Вып. Г1-11. Ч. IV.
- ОАК за 1870 г. СПб., 1971.
- ОАК за 1878–1879 г. СПб., 1879.
- ОАК за 1895 г. СПб., 1896.
- ОАК за 1905 г. СПб., 1906.
- Пругло В.И. Терракоты из Тиритаки // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. 1970. Вып. Г1-11.
- Прушевская Е.О. Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля // СА. 1941. № 7.
- Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979.
- Русяева А.С. Религия // Археология УССР. Т. 2. Киев, 1986.
- Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки Пантикапея. САИ. 1974. Вып. Г1-11. Ч. IV.
- Скуднова В.М., Славин Л.М., Клейман И.Б. Описание терракот из Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. 1970. Вып. Г1-11.
- Скржинская М.В. Иллюстрации литературных произведений на аттических вазах из раскопок Боспора // РА. 2002. № 1.
- Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кехах // СА. 1964. № 4.
- Сорокина Н.П. Терракоты из некрополя Кеп // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. САИ. 1974. Вып. Г1-11. Ч. IV.
- Стефани Л. Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в 1876 г. в южной России // ОАК за 1877 г. СПб., 1878.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1889.
- Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. СПб., 1995.
- Финогенова С.И. Терракоты Гермонассы // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ. № 10. М., 1992.
- Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963.
- Kaposhina S.I. A Sarmatian Royal Burial at Novocherkassk // Antiquity. 1963. V. 148. № 37.
- Helm R. Psyche // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 23. № 2. Stuttgart, 1959.
- Lexicon iconographicum mythologiae classicae (LIMC). Bd. 1, 4, 7. München, 1981–1991.
- Miller S. Eros and the Arms of Achilles // AJA. 1986. V. 90. № 2.
- Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Bd. 4. Berlin; Leipzig, 1934.

The god Eros as viewed by the Greek population of the Bosporos, Chersonesos and Olbia

M. V. Skrjinskaya

S u m m a r y

On the basis of a large series of archeological finds one may conclude that starting from the 4th c. B.C. the inhabitants of classical states on the northern border of the Greek ecumene were well acquainted with Eros, though the deity is not mentioned in North Pontic literary and epigraphic sources. He was mainly perceived as the constant companion of Aphrodite and as an allegorical figure personifying love and marriage. Love and marriage were also personified by the deities Chimeros and Potos. As in other regions of Hellas, in the North Pontic area Eros was depicted playing musical instruments more frequently than other deities. The fact that archeological finds from Thera, Olbia and Chersonesos do not depict Eros in company with Psyche allows to conclude that as far as the North Pontic area is concerned, oral and literary tales about this celestial couple were appreciated in the Bosporos only. Legends about Eros and Psyche became popular among the Bosporos population starting from the Early Hellenistic epoch, and continued to circulate in the Roman period. As in Hellas, these stories were not considered to be mere fairytales, but were probably interpreted in an allegorical and mystical way. Terra cotta figurines and jewelry were imported into classical North Pontic towns from the same centers approximately. The common Hellenic image of Eros as the constant companion of Aphrodite, and as a mischievous youth or child who is capable of making gods and men bow to his fancies, existed in all states on the northern rim of the ecumene. The numerous images of Eros and Psyche show, on the one hand, that the spiritual life of the Bosporos State differed from that of its near and far North Pontic neighbors and, on the other hand, prove the cultural unity of the numerous towns within the state.

ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ МАЛЫХ ФОРМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2007 г. Г. Г. Король*, Л. В. Конькова**

* Институт археологии РАН, Москва

** Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

В археологических исследованиях памятников раннего средневековья значительную роль играют типологические построения, связанные с изделиями из металла. Особое место среди них занимают изготовленные из цветного металла ременные украшения коня и всадника, распространенные повсеместно в степной Евразии и на прилегающих территориях. Их форма и декор используются для выявления относительной хронологии в силу того, что они обладают ярко выраженными особенностями, присущими определенному времени и территории. Этот обширный фонд создает возможность для типологических и хронологических построений, но и вызывает немало вопросов: где производились эти изделия, как они поступали в конкретные небольшие регионы, как распространялись на значительных территориях. Яркий пример концентрации такого рода находок в середине IX – середине XI в. – географическое сердце Центральной Азии Саяно-Алтай, через который пролегали нити многочисленных связей между народами и государствами.

В Центральной Азии, как и на западе евразийских степей, в раннем средневековье протекал процесс формирования и развития нового художественного стиля в декоративном искусстве, так называемого степного орнаментализма, для которого характерно преобладание растительного орнамента геометризованных форм и подчинение ему других видов орнамента и декора (Федоров-Давыдов, 1976. С. 61). Особенностью эпохи была историческая активность кочевников и череда их государственных образований – каганатов. Это содействовало формированию и развитию в конце I тыс. н.э. в тюркской культуре яркого регионального варианта “степного орнаментализма” – саяно-алтайского (или южносибирского). Периоды политической активности Уйгурского и затем Кыргызского каганатов, распространение их влияния на значительные центральноазиатские регионы были временем сложения и расцвета этого стиля. Сопутствовало этому процессу и сложение комплекса технологических приемов производства тюркской культуры малых форм, позволявших передавать изящный и сложный декор и кроме того насыщать

огромную территорию значительным объемом продукции.

Авторы провели сравнительный комплексный анализ художественных и технологических особенностей тюркской культуры малых форм саяно-алтайского региона (от Иртыша на западе до Забайкалья на востоке). Этот массив (около 2 тыс. предметов) представляет практически полную подборку материалов из музеев и других хранилищ археологических коллекций, включая раскопки и случайные сборы XIX–XX вв. Опубликованные материалы последних лет привлекались в качестве аналогов художественного ряда и технологических особенностей, определяемых визуально. В результате этих исследований были выявлены характерные черты тюркской культуры малых форм и некоторые закономерности ее формирования.

Основная характерная черта – *многообразие художественных особенностей* – проявляется в наборе мотивов и композиций преобладающего растительного декора. Помимо обычных для любого растительного орнамента трилистников, пальметт, симметричных побегов, цветов, цветочных розеток и т.п., здесь представлены и особые мотивы. Среди них – “виноградные гроздья и лоза”. Наиболее популярен вариант в виде расщепленной пальметты, вырастающей из бутона другой пальметты. Эта композиция известна на ременных украшениях не только из саяно-алтайского региона, но и Средней Азии, очень близкие варианты происходят из Восточной Сибири (Бурятия), реплики есть в Восточной Европе (Король, Конькова, 2006). Другой “особый” мотив связан с буддийским искусством и широко распространен в раннесредневековых росписях пещерных монастырей Турфанского оазиса в Восточном Туркестане. Это “цветок смоквы” (в виде шляпки с высокой округлой тульей и опущенными книзу полями из удлинённых лепестков, с лентой между ними), священного дерева Будды. Геометрический декор, помимо обычных и распространенных в декоративном искусстве разного времени многих народов элементов прямолинейного и криволинейного орнамента при преобладании криволинейных мотивов, включает также мотивы, связанные с буддийским искусством. Это “пламенеющая жемчужина”

и “бесконечный узел”, в позднейшем искусстве – “узел счастья”.

Разнообразен и набор мотивов зооморфного ряда, включающий как обычных представителей фауны, так и фантастических животных. По мнению В.А. Коренько, изображения рогатых оленей-самцов и комолых оленей или “ланей”, стоящих, идущих, лежащих, в центральноазиатском декоративном искусстве восходят к буддийскому изобразительному искусству (2002. С. 174). Возможно, и в рассматриваемом комплексе иконография этих изображений, особенно с “цветком лотоса” в качестве основания, на котором стоит животное, имеет тот же источник. Но есть среди них и явные реминисценции скифо-сибирского стиля (олени с характерной иконографией рогов); есть и элементы, пришедшие из иранского или согдийского искусства (развевающийся шарф на шее животного и др.). Представлены птицы: фениксы, среди них – с лентой в клюве, известный иранский мотив, петухи, небольшие птички и особенно много уток и гусей, в том числе летящих. Мотив летящей птицы у сибирских народов имеет глубокие местные корни, хорошо известно особое место водоплавающих птиц в мифологии тюрков. В рассматриваемом нами искусстве можно видеть и образ рыбы, в том числе парных рыбок. Происхождение этого мотива и такой же формы украшений-подвесок восходит к древнекитайскому искусству. Пара рыб – распространенный буддийский символ, как отголосок буддийской символики он известен в традиционном искусстве народов Саяно-Алтая.

Антропоморфные изображения представляют “личины”, преимущественно в виде подвесок. Помимо антропоидных образов, включающих и мифические существа, есть группа антропоморфных, передающих портретные черты лица человека. Она интересна иконографическими деталями, отражающими конкретные антропологические типы (Король, 2005б; 2006а). Известны три неполных набора и отдельные предметы, украшенные антропоморфно-сюжетными изображениями.

Другая характерная черта – наличие “серийных изделий”, внешне не просто аналогичных, а идентичных, т.е. практически одинаковых по форме (размер может чуть варьироваться) и орнаменту. В их декоре преобладают растительные композиции. Предметы таких серий встречаются во всех регионах Саяно-Алтая и даже за его пределами. Орнаментальные композиции ряда серий представлены “особыми” мотивами, символика которых внешне чужда местной культуре (буддийские символы, виноград) и предположительно связана с западной частью Центральной Азии. Но именно эти серии и считались, по-видимому, наиболее престижными и популярными, судя по их значительному распространению.

В многообразии художественных особенностей отчетливо видны две закономерности: *инокультурные влияния*, т.е. разные историко-культурные источники характерных черт тюревтики малых форм (растительный декор, имеющий аналогии в Средней Азии, Восточном Туркестане, на мусульманском Востоке; буддийские символы; китайские мотивы; а также элементы традиционного искусства иранского кочевнического мира, восходящие к скифскому времени) и *творческий подход в восприятии инокультурных элементов и мотивов*. Творческий подход в соответствии с материальными потребностями и духовными представлениями каждого конкретного этноса как к производству, так и к “заказу” или применению предлагаемых изделий был одной из основ развития и расцвета раннесредневекового искусства в степной Евразии. Подобный процесс (“заимствование образов, выработанных профессиональным искусством высоких цивилизаций, а также их переосмысление и трактовка в соответствии с особенностями своего мировоззрения, художественно-пространственного восприятия и технологии исполнения”), выявленный в генезисе позднеаварского зооморфного искусства, рассматривается как проявление общей закономерности развития искусства кочевников (Вайнштейн, Коренько, 1988. С. 49), с чем невозможно не согласиться.

Наиболее яркие проявления творческого подхода в рассматриваемом нами искусстве можно наблюдать в превращении мотива гроздьев винограда с проработанными и выделенными ягодами в подобие хвойной шишки с сетчато-ромбической схемой ее изображения (Кызласов, Король, 1990. Рис. 45, 4, 5). “Пламенеющая жемчужина” претерпевает несколько этапов в сторону схематизации в трех направлениях: сохранение сути первоначального изображения, но в очень схематичном виде; превращение его в подобие цветка, и в подобие светильника (Кызласов, Король, 1990. С. 106–108. Рис. 45, 3; Худяков, 1987. Рис. 16). Антропоморфно-сюжетные изображения также демонстрируют творческий подход в их выборе. Явно иноэтническая иконография (полумесяц, прически, головные уборы, плод в руках и др.) – лишь инструмент для воплощения в изобразительной форме (или объяснения через нее) собственных идей, отраженных в традиционном мировоззрении, мифологии тюркских народов (Король, 2005а; 2006б. С. 219, 220). Таким образом, выявляется процесс не только инокультурных влияний как таковых, но и заимствование нужных, понятных элементов, которые или сохраняются, или видоизменяются, упрощаются.

С многообразием художественных особенностей тюревтики малых форм неразрывно связана еще одна характерная черта – *многообразие технологических традиций*. Универсальной основной технологической схемой изготовления было тон-

костенное литье с использованием восковой модели, образующее рельефную орнаментированную поверхность. Создавались пустотелые украшения, имитирующие объемные изделия, что способствовало достижению значительной экономии металла. Среди вариантов можно назвать ажурное литье, в результате создавалось почти всегда высокохудожественное изделие. Отмечаются единичные экземпляры, изготовленные в другой технологической традиции: заготовка с плоской поверхностью покрывалась гравированным орнаментом. Также единичные предметы декорированы с помощью техники таушировки (насечки) медью по бронзе. Имеется серия приемов вторичной обработки поверхности литых изделий: дополнительные врезные линии, подчеркивающие выразительность рельефного декора; в некоторых случаях фон обработан пуансонами с разными рабочими окончаниями; золочение поверхности; серебрение; в ряде случаев – лужение.

Использовались оптимальные с технологической точки зрения сплавы, позволяющие за счет их жидкотекучести добиться очень точного и тонкого воспроизведения и репродуцирования декорированной поверхности. Преобладает оловянно-свинцовая бронза с разным количеством олова и свинца. Представлены оловянная бронза, свинцовая бронза, единичные случаи мышьяковой бронзы. Выявлены латунь, в том числе так называемая золотая латунь с высоким содержанием цинка; сложная латунь. Отдельные группы составляют предметы, изготовленные на основе сплава серебра с медью (особенность западной части рассматриваемого региона). Есть незначительное число медных изделий.

Следующая характерная черта – *несколько уровней качества изготовления предметов*. Это проявляется в качестве отливки, подборе металла для ее изготовления, тонкостях проработки деталей декора. Особенно наглядно соотношение разных уровней качества прослеживается в исследованных “серийных изделиях”. Среди них можно назвать серии с декором “пальметты в составе композиций с центральной лепестковой розеткой” (Конькова, Король, 2004а) (заметим, что это самая популярная из серийных композиций, известно более 130 предметов, наибольшее число найдено в Минусинской котловине предгорьев Западного Саяна и на Алтае, в том числе Рудном Алтае – Восточный Казахстан, остальные – в Кузнецкой котловине, Туве, Забайкалье); “цветок смоквы – центр растительного узора”, “пламенеющая жемчужина”, “виноградные гроздья и лоза” (Конькова, Король, 2004б). Интересны в этом отношении и наблюдения по комплектам с антропоморфно-сюжетными изображениями (Конькова, Король, 2005). Наиболее высококачественные изделия из перечисленных и других подробно исследованных нами коллекций изготовлены из латуни, включая

золотую латунь. Среди изученного массива предметов выделяются изделия разного уровня качества со следами ремонта. Преобладает ремонт крепежной системы грубыми способами, включая железные гвозди с крупными шляпками, нарушающие внешний облик предмета; и фиксирование предмета стяжками (вплоть до кожаных веревочек) для сохранения формы. При этом встречаются вновь изготовленные отливки по отремонтированным предметам (видны следы ремонта оригинала).

Таким образом, можно говорить не только о разных источниках, но и нескольких уровнях формирования массива рассматриваемых изделий, отражающих сложные и разнообразные культурные контакты в Центральной Азии в конце I – начале II тыс. н.э. Хорошо вычленились иноземные художественные влияния (буддийские символы; виноград и др.), возможно, как уже говорилось, с территорий Восточного Туркестана, Средней Азии, Афганистана, Ирана, Ближнего Востока. К тому же часть именно этих изделий имеет оригинальные составы: преимущественно латунь, сплав, производство которого в эпоху раннего средневековья связано с некоторыми из перечисленных территорий. Одним из древнейших центров производства латуни считается Индия. В I тыс. н.э. одним из крупнейших производителей латуни становится Средняя Азия. В танском Китае (VII – начало X в.) секрет производства латуни не был известен. Ее получали в готовом виде по караванным путям с запада. В хрониках этой династии упоминаются племена, проживающие в районах между северным Афганистаном и северной Индией, производящие латунь (Малявкин, 1989. С. 85). Как пишет Э. Шефер, китайцы были знакомы с латунью как с персидским товаром. Ее ввозили для придворных ремесленников, а шла она на отделку поясов чиновников 8 и 9 степеней (1981. С. 338). Предположительно освоение изготовления латуни в Китае датируется сунским периодом (конец X–XIII в.). Рассматриваемые нами ременные украшения из латуни представлены в основном высококачественными во всех отношениях изделиями. Они составляют немногочисленную группу первого (высшего) уровня качества изделий.

Следующий уровень качества (второй) представлен многими предметами тех же традиционных тюркских форм с аналогичными изделиями первого уровня и другими композициями. Особенно наглядно соотношение уровней качества, как уже говорилось, выявляется на примере “серийных изделий”. Предметы внешне воспринимаются как абсолютно идентичные первому уровню качества, но все же имеют другой состав металла и чуть менее высокое качество. Тиражирование этих изделий ведет к появлению многочисленных предметов третьего уровня качества (с его ухудшением). Дальнейшее тиражирование предметов более низкого качества приводит к постепенной де-

градации декоративного изображения: от незначительной до чрезвычайной нечеткости его рисунка, вплоть до неузнаваемости композиции или ее деталей. Синтез художественных и технологических традиций из разных источников, творческая переработка ряда декоративных мотивов происходили, по-видимому, на втором уровне качества. Это высокохудожественные и достаточно качественные изделия, но все же отличающиеся от первого уровня.

На наш взгляд, производство всего исследованного массива тюркетики малых форм не было однозначно связано с территорией Саяно-Алтая. Немногочисленные высококачественные вещи первого уровня качества заведомо являются “импортом”. Изделия второго уровня представлены образцами ремесленного производства достаточно высокого качества и связаны, вероятно, с городским ремеслом. Их производство могло локализоваться в городах на торговых путях Центральной Азии, крупных торгово-ремесленных центрах, которые находились в фокусе интересов различных племен и народов раннего средневековья. Единичные художественные изделия этого уровня могли быть изготовлены непосредственно в ставках каганов профессионалами-ремесленниками из городских центров, но обеспечение массового производства тысяч предметов не являлось задачей таких мастеров, обслуживавших лично кагана и, возможно, его ближайшее окружение.

Третий уровень качества обеспечивал, вероятно, наиболее массовый спрос. Места производства могли быть представлены колониями мастеров-ремесленников, выходцев из городских центров, находящихся за пределами этих центров и приближенных к территориям непосредственного спроса на изготавливаемые изделия. Известны подобные колонии, основанные согдийцами, от Средней Азии до Китая.

Самый низкий уровень качества предположительно связан с ремонтом ременной гарнитуры на местах, с необходимостью пополнять недостающие детали комплектов сбруи, поясов. Мог использоваться наличный металл, переплавленный из сломанных или невостребованных предметов из цветного металла. Поэтому качество металла было разным: от хорошего до очень низкого, а качество декора почти всегда чрезвычайно низкое, так как на этом уровне происходило только очередное тиражирование предметов уже невысокого уровня качества; мастеров-художников среди литейщиков здесь, по-видимому, не было.

Об отношении самих тюрков к ремеслам и какому-либо другим занятиям, кроме военных походов, грабежа, охоты и т.п., есть свидетельства арабских авторов. Интересен рассказ автора начала X в. Ибн ал-Факиха о событиях VIII в. в Средней Азии, когда была предпринята попытка обратить тюркешского кагана в ислам. Арабский посол, объяс-

няя кагану кто такие мусульмане, сказал: они – жители городов, и среди них есть банщики, портные, сапожники. В ответ каган продемонстрировал послу свое несметное войско (под десятью знаменами было развернуто сто тысяч вооруженных всадников), сказав: среди воинов кагана нет ни банщика, ни сапожника, ни портного. “Если же они примут ислам и будут выполнять все его предписания, то что же они будут есть?” (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 105–108). Для нас в этом описании интересен не только вопрос отношения кагана тюрков к организованному ремесленному занятию, но и количество (даже при условности приведенной цифры) воинов под его знаменами. Учитывая что в походах каждый воин имел еще и запасных лошадей, можно представить, какое число ременных сбруйных украшений требовалось для снаряжения всего войска, для регулярной замены этих украшений в случае их утраты или поломки. Дошедшее до нас количество ременных (включая поясные) и других украшений снаряжения воина-всадника, представленных тюркетикой малых форм, – лишь незначительная часть бывших в употреблении изделий.

Грубый внешний ремонт, о котором говорилось выше, вероятно, свидетельствует о распаде сложившихся культурных связей в центральноазиатских сообществах, обеспечивавших производство и бесперебойные поставки изделий по многоуровневой, но четко функционировавшей системе “производство – распространение”. Это было связано, с одной стороны, с изменением политической ситуации, вызванной расширением киданьской империи Ляо, простиравшейся к середине X в. от Японского моря до Восточного Туркестана. Под контроль и влияние киданей попали караванные пути, благодаря чему была установлена связь с государствами Восточного Туркестана и Средней Азии без посредников. Выход новой политической силы на историческую арену, военные действия способствовали активизации миграционных потоков с востока на запад в 30-х годах XI в. С другой стороны, в XI в. на значительной части Центральной Азии и других территориях возник кризис, связанный с дефицитом цветного металла. В частности, в Средней Азии серебряный кризис, охвативший весь мусульманский Восток, вызвал расширение спроса на бронзу и увеличение ее производства (Беленицкий и др., 1973. С. 287, 294). В сунском Китае была нехватка сырьевых ресурсов для выпуска медных монет. Сырье пытались получать, к примеру, через торговлю с киданями, у которых закупалось серебро и медные монеты. Согласно письменным источникам, кидани добывали медь, железо, золото и серебро, которые у них покупали также и чжурчжэни (Воробьев, 1975. С. 92, 101). В Китае затруднения с сырьевыми ресурсами привели к увеличению производства железных монет, а за-

тем и появлению в XI в. бумажных денег (Ивочкина, 1990. С. 39, 40; Гл. 3).

В значительной степени следствием всех этих изменений стало применение и распространение принципиально другой технологии изготовления ременной гарнитуры с конца X в. на территории Тувы и Минусинской котловины. Произошел постепенный переход от литых объемных изделий из цветного металла к железным украшениям с серебряной инкрустацией (врезная таушировка) с упрощением декоративного ряда. При производстве использовались совершенно иные приемы – ковка и инкрустация, не требовавшие сложных навыков литейщика со специальными приспособлениями и тонкой художественной работы. Необходимы были горн, набор молоточков, чеканы и серебряная проволока. Эти методы могли быть освоены на базе местных кузнечных традиций, которые хорошо были развиты в тюркской среде и известны как по археологическим данным, так и по письменным источникам. В меньшей степени эти процессы затронули западную часть Саяно-Алтая (Кузнецкая котловина, северо-западные предгорья Алтая и Рудный Алтай), где изделия из цветного металла доживают до XII в. включительно, отдельные предметы известны и из более поздних памятников (Кузнецкая котловина).

Задача выявления мест производства торевтики малых форм неизбежно ставит вопросы о запасах металлических руд, местах их добычи, выплавки металла, распределении сырья – этапах, предшествующих производству готовых вещей. Изучение древнего горного дела и ремесла повсеместно демонстрирует их пространственное несовпадение. Запасы полезных ископаемых локализуются преимущественно в горных зонах, добыча руды требует специальных знаний горно-рудного дела. Производство металла из руды требует знания металлургических процессов, а также значительных топливных запасов, которые достаточно быстро заканчиваются в местах добычи руды, если рядом производить плавку. Поэтому во многих случаях находки древних рудников не сопровождаются остатками плавильных сооружений. Соответственно, возникает специализация в области горно-добывающего дела и отдельно металлургического производства, что подтверждается и исследованиями железоделательного производства в средние века, к примеру в Минусинской котловине (Киселев, 1949. С. 323–328). Производство изделий из готового металла требует ремесленных навыков и соответствующего ремесленного оснащения, что чаще всего связано с центрами ремесленного производства. Торговля слитками металла и передача их на расстояние известна с древнейших времен, она осуществлялась и в средние века, что обеспечивало городское ремесло необходимым сырьем.

В литературе, посвященной средневековому Саяно-Алтаю, доминирует мнение о том, что эта зона была местом высокоразвитого производства разнообразных видов изделий из металла, в том числе оружия, снаряжения воина-всадника, включая ременные украшения (С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, В.П. Левашова, Л.Р. Кызласов, Я.И. Сунчугашев и др.). Основой для подобного мнения служат: 1) многочисленные находки предметов из черного (и остатки его производства) и цветных металлов; 2) свидетельства письменных источников (китайские и арабские) о богатстве недр и производстве железных изделий; 3) данные геологии о богатстве полезных ископаемых в регионе. Казалось бы, мнение обосновано. Но проведенное комплексное исследование средневекового цветного металла заставило нас также обратиться к материалам геологии и письменным источникам.

С точки зрения геологии, складчатая зона Центральной Азии, включающая значительные горные массивы от Средней Азии до Забайкалья, чрезвычайно богата разнообразными полезными ископаемыми, включая руды металлов. Но по данным геологов, значительная их часть была открыта и освоена позднее (с XVIII в.). Есть сведения о древних горных разработках в основных регионах Саяно-Алтая – Рудный Алтай, Кузнецкий Алатау, Тува, Хакасия и юг Красноярского края, а также исследования археологов некоторых из них (Громов, 1960; Карцов, 1963; Сунчугашев, 1969; 1975; 1979; Геологическое..., 2000; Чекалин, 2000; устная информация 1970-х годов геолога А.Н. Зинченко, Усть-Каменогорск). К сожалению, известные с древности места разработок руд цветных металлов не имеют датирующего средневекового материала и посему их использование остается лишь гипотезой. Интересные подробности о месторождениях руд металлов на Среднем Енисее, времени их открытия, запасах и возможностях разработки с учетом наличия вблизи топлива и воды приводит Г.Ф. Миллер в записках о своем путешествии в 1739 г. по предгорьям Саян и Минусинской котловине (Сибирь XVIII века..., 1996. С. 144–171).

В связи со свидетельствами Нового и Новейшего времени особый интерес представляют средневековые письменные источники, на которые опираются исследователи, зачастую цитируя их очень подробно (Кюннер, 1951. С. 9, 12, 13; 1961. С. 59; Кызласов, 1969. С. 119; 1984. С. 110, 111). Все источники сообщают, что “земля кыргызов” богата железом, золотом, серебром, оловом. При этом медь ни в одном источнике не упоминается. В известном руническом тексте из Тувы есть слово “копи (шахты)” без уточнения добываемой руды (Малов, 1952. С. 83).

В источниках также перечисляются товары, вывозимые из “страны кыргызов”. Среди них – оружие, подчеркивается высокое качество стрел, ножей, мечей, изготовленных из метеоритного

железа, богатство которого на данной территории особо отмечается китайскими источниками. В свою очередь, как по письменным, так и по археологическим данным известно, что на Саяно-Алтай поставлялись из Средней Азии и Восточного Туркестана предметы роскоши, в том числе металлическая посуда, зеркала, монеты, а из Китая – помимо других товаров – зеркала, монеты, использовавшиеся и как платежное средство, судя по рунической пояснительной надписи на одной из них: “одна расходная монета” (Кызласов, 1969. С. 120, 121; 1984. С. 114–116; Киселев, 1949. С. 333, 334; Мокрынин, 1973. С. 108–112; Лубо-Лесниченко, 1989; Илюшин, 2005. С. 171–174).

Археологические источники свидетельствуют в первую очередь о широком развитии кузнечной обработки черного металла (горны, шлаки, крицы и т.п.). В ряде случаев на поселениях со следами такого производства (к примеру, на Среднем Енисее) найдены медные шлаки (и даже “бронзовые”!), оплавленные кусочки бронзы (заметим, что шлаки и остатки металла не подвергались аналитическому исследованию). Это подтверждает наше предположение о вероятном наличии местной производственной составляющей в комплексе всех изученных нами изделий из цветного металла. Интересным подтверждением одного из уровней системы производства ременных украшений являются находки матриц из свинцовых сплавов для изготовления оттисков для отливки антропоморфных подвесок-“личин” с характерными антропологическими особенностями. Отлитые высококачественные матрицы служили основой для отливки и тиражирования поясных и сбруйных украшений со сложным декором. Подчеркнем, что почти на 2 тыс. исследованных нами экземпляров, найденных за более чем 250 лет изучения территории, другие матрицы, кроме антропоморфных (две из Минусинской котловины, одна – с Алтая; последняя имеет почти идентичные подвески: одну из Срогского могильника на Алтае, другую – из Минусинской котловины), не известны. В Кузнецкой котловине отмечаются как отдельные находки, слиток цветного металла, глиняные литейные формы (Илюшин, 2005. С. 170; на табл. 6, 5 приведен обломок литейной формы явно не для ременного украшения). В Туве найдены также отдельные оловянные пластинки и кружочки, которые в литературе рассматриваются как свидетельство добычи олова и производства местными племенами оловянных изделий, в том числе ременных украшений (Кызласов, 1969. С. 119, 120; Сунчугашев, 1969. С. 100). Изученный нами комплекс ременных украшений из памятника именно местных племен (погребение по обряду ингумации, а не кремации, характерной для кыргызов) в Туве (могильник Успенское, курган 3, раскопки С.А. Теплоухова, 1926 г.) содержал исключительно изделия (как с растительным орнаментом, так и “гладкие”)

из сложной латуни и не содержал оловянных предметов. Добавим, что среди всего изученного нами массива торевтики малых форм оловянные изделия не выявлены.

Отметим и тот хорошо известный факт, что скопление металлических изделий на определенной территории не обязательно свидетельствует об их производстве на этой территории, скорее лишь об их популярности, престижности и ценности для населения. Таким образом, можно заключить, что местное производство в микрорегионах Саяно-Алтая решало локальные задачи и не могло обеспечить огромный спрос всего региона на изделия торевтики малых форм в течение сколько-нибудь длительного времени.

Мода на ременные украшения характерных тюркских форм была широко распространена в раннем средневековье в Средней Азии и Восточном Туркестане, что наглядно представлено в настенных росписях и терракотовых статуэтках. Производство их документируется находками в городских слоях. В то же время, по археологическим данным и письменным источникам, известен бурный рост добычи и производства цветного металла в Средней Азии в IX–X вв. (при Саманидах), в период вхождения в зону влияния Арабского халифата. Производство металла становится градообразующим фактором, десятки городов возникают в непосредственной близости от мест его добычи. С XI в., при Караханидах, добыча руд пришла в упадок и никогда не поднималась до уровня X в. (Массон, 1931; Беленицкий и др., 1973. С. 81–93, 200, 201, 285–288; Буряков, 1982. С. 143–145, 189). Письменные источники и археологические данные также свидетельствуют о добыче и производстве металла в раннем средневековье в Восточном Туркестане, богатом полезными ископаемыми (Восточный Туркестан..., 1995. С. 8–22, 232–239).

Богатства Средней Азии и смежных областей были привлекательны не только для арабов, но и для тюркских правителей. В Танских хрониках сообщается, к примеру, что Кашгар, западная область Восточного Туркестана, богатая металлом, регулярно платила тюркам дань. Форма дани не конкретизируется, но приведен подробный перечень металлов: медь, железо, олово, красный мышьяк (Бичурин, 1950. С. 258). Отметим, что в городах Ближнего Востока, также достигшие небывалого расцвета в IX–X вв., поступала в качестве товара медь в основном из Индии, известно даже изменение цен на нее и соотношение с ценами на другие металлы: железо, олово, золото (Большаков, 1984. С. 47, 206, 207).

Данничество было широко принято в эпоху средневековья и могло служить значительным каналом, по которому распространялся как металл в слитках, так и готовые изделия. В Центральной и Восточной Азии в X в. и позже, при Чингисхане и его преемниках Чингисидах, формы данничества и

даров представляли собой особые формы торговли (обмена), осуществляемой на межгосударственном уровне и отражающей политические взаимоотношения. В число даров, например, у киданей, входили украшенный золотом и серебром пояс, седло, узда, лошадь и др. Дары такого рода зависели от ранга чиновников (см.: Кюннер, 1951. С. 13; 1961. С. 56; Малов, 1952. С. 33; Супруненко, 1963. С. 68, 70–72, 75; 1974. С. 242; Воробьев, 1975. С. 102–105; Е Лун-Ли, 1979. С. 294–299; Малявкин, 1989. С. 104 и др.; Арапов, 2004).

В караванном (чисто торговом, оптовом) обмене письменные источники не упоминают ременные украшения как значительный товар. При этом они могли быть объектом военной добычи: “золото, серебро” в древнетюркских надписях-эпитафиях (Малов, 1952. С. 58, 74), по-видимому, означают украшения, металлическую посуду, и, как уже сказано, объектом политических отношений с отчетливым указанием на статус участников процесса. Кроме того, известно о сопровождении караванов воинами-тюрьками, позже киданями. Договор о такой охране теоретически мог быть скреплен подношением правителю партий поясных и сбруйных комплектов, которые очень ценились в среде воинов-всадников (что прекрасно отражено в тюрко-монгольском эпосе). Пояса и отдельные бляхи, пряжки были средством вознаграждения выдающихся воинов за их заслуги (Малов, 1952. С. 17, 27, 46, 95, 97), пояс – обязательный атрибут, изображенный на древнетюркских каменных изваяниях. Часть таких предметов, скорее всего, принадлежала к выявленному нами первому уровню качества, часть – ко второму.

Еще одним возможным каналом пополнения массива ременных украшений было выведение ремесленников в колонии вдоль торговых путей, а также развитие в пограничных с тюрками городах ремесел (особенно в IX–X вв.). Производство в них учитывало нужды скотоводов (и воинов) и специализировалось на обработке сырья (кожи, шкуры), поступавшего от них в обмен на другие товары (Мокрынин, 1973. С. 119). Из этого сырья, возможно, изготовлялся и большой объем ременных изделий, украшенных декоративными металлическими деталями. Это, вероятно, обеспечивало массовые изделия – второй и третий уровни качества, которые учитывали запросы основной части “потребителей”. Запросы эти могли отличаться, возможно, в рамках государственных объединений и в соответствии с какими-то официальными или этническими предпочтениями художественного ряда и традициями населения микрорегионов Саяно-Алтая.

В сущности, система производства и распространения, т.е. обеспечения значительных пространств Центральной Азии торевтикой малых форм, носила надэтнический характер и формировалась в системе сложных культурных связей и разделения труда. Сами воины, использовавшие

эти изделия, на наш взгляд, не участвовали в системе производства (исключения, конечно, вполне вероятны). За этим стояли не только экономические причины, но и глубинные основы психологии обществ профессиональных воинов (и скотоводов), сохранявшиеся и зафиксированные даже в начале XX в. В качестве примера приведем автобиографические записки китайского писателя маньчжурского происхождения, в которых есть пассаж о восприятии ремесленных занятий в среде маньчжуров, захвативших Китай еще в XVII в. “Если кто-то из маньчжурских военных захотел бы обучиться ремеслу, все стали бы смотреть на него не только косо, но даже с презрением. Основная жизненная обязанность знаменного мужа заключалась в том, чтобы нести военную службу” (Лао Шэ, 1981. С. 333).

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапов Д.Ю. Обряды преподнесения подарков в системе традиционных ценностей народов Евразии // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тез. докл. науч. конф. М., 2004.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.
- Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII в.). М., 1984.
- Бураков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Вайнштейн С.И., Коренько В.А. О генезисе искусства кочевников: авары // Народы Азии и Африки. 1988. № 1.
- Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура. М., 1995.
- Геологическое прошлое Кузнецкого бассейна и окружающих его структур: Геология месторождений полезных ископаемых и горная промышленность Кемеровской области. Вып. 1. М., 2000.
- Громов Л.В. Исторические исследования на службу поиску полезных ископаемых (Древняя металлургия Хакаско-Минусинской котловины) // Уч. зап. Хакасии. Вып. VIII. Абакан, 1960.
- Е Лун-ли. История государства киданей. М., 1979.
- Ивочкина Н.В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае: Эпохи Тан и Сун. М., 1990.
- Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005.
- Карцов В.Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XX в. // Уч. зап. Хакасии. Вып. IX. Абакан, 1963.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.; Л., 1949.

- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Конькова Л.В., Король Г.Г. Система “декор – технология” в моделировании этнокультурных процессов Средневековья (на материалах Саяно-Алтая) // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тез. докл. науч. конф. М., 2004а.
- Конькова Л.В., Король Г.Г. Художественно-технологические блоки как направление реконструкции художественных и технологических традиций в средневековье (на примере Саяно-Алтая) // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2004б.
- Конькова Л.В., Король Г.Г. Ременные украшения с антропоморфно-сюжетными изображениями из памятников Центральной Азии рубежа I–II тыс. н.э. (состав металла) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005.
- Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002.
- Король Г.Г. Антропоморфно-сюжетные изображения на ремennых украшениях кочевников Евразии конца I – начала II тыс. н.э. // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005а.
- Король Г.Г. Средневековые личины Саяно-Алтая (типология, особенности, антропология) // Мир наскального искусства. Сб. докл. междунар. конф. М., 2005б.
- Король Г.Г. Средневековые личины Саяно-Алтая и Восточной Европы (торевтика малых форм) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006а.
- Король Г.Г. “Степной орнаментализм” раннесредневекового декоративного искусства и тюркский эпос: закономерности формирования и развития // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундам. иссл. Президиума РАН. Кн. первая. М., 2006б.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII вв. // Археол. вести / ИИМК РАН. Вып. 14. М., 2006.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Кюннер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н.э. // Зап. ХакНИИЯЛИ. Вып. II. Абакан, 1951.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Лао Шэ. Под пурпурными стягами // Избранное. М., 1981.
- Лубо-Лесниченко Е.И. “Уйгурский” и “киргизский” пути в Центральной Азии // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XXVII. СПб., 1989.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Малышкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- Массон М.Е. К истории горной промышленности Карамазара. Ташкент, 1931.
- Мокрынин В.П. Торговые связи Киргизстана (VI–X вв.) // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Вып. VI. Новосибирск, 1996.
- Сунчугаев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве // МИА. № 149. М., 1969.
- Сунчугаев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975.
- Сунчугаев Я.И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. Новосибирск, 1979.
- Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века “Ли Вэй-Гун Хочан Ипинь Цзи” // Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Т. V. Вып. 1. Фрунзе, 1963.
- Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974.
- Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.
- Чекалин В.М. О создании отдела полезных ископаемых в Музее истории и развития горного производства на Алтае (г. Змеиногорск) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000.
- Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.

Production and distribution of Early Medieval small-form toreutics in Central Asia

G. G. Korol', L. V. Kon'kova

Summary

Complex analysis of about two thousand Sayan Altai equestrian warrior belt decorations made of colored metals and dated to the turn of the 1st and 2nd millenniums A.D. revealed the formation and evolution patterns for both the “steppe ornamentalist” style and the production and distribution system, which allowed to supply extensive territories with a large amount of requested products. The article analyzes the diversity of artistic features, the influence of other cultures and creative approach, various technological traditions; it determines for the first time the quality levels of the artifacts, presents a model of the production and distribution system and examines metal mining and fabrication. The currently dominant view of highly developed native arts production in nomad states of the Sayan Altai may be amended in view of the new data. Large Central Asian territories were supplied with small-form toreutics on a supra-ethnic basis. The supply system formed within a framework of complex cultural relations, had diverse sources, and was only to a small extent related to local production.

О МОНЕТАХ “БИК-БАЗАРА” И “ТИМУР БИК-БАЗАРА” (ДЖУЧИДЫ, XV в.)

© 2007 г. А. В. Пачкалов

Институт археологии РАН, Москва

Светлой памяти Марианны Борисовны Северовой

Эмиссии XV в. остаются наименее изученными в нумизматике Джучидов. Во многом это обусловлено плохой сохранностью монет и трудностью атрибуции. В XV в. в Бик-Базаре чеканились серебряные и медные монеты¹. Несмотря на то, что монеты Бик-Базара были известны еще Х.М. Френу (Fraehn, 1826. Р. 381), информация об этом монетном дворе до сих пор не была рассмотрена в рамках одного исследования².

В историографии указывалось, что место выпуска этих монет неясно (Федоров-Давыдов, 1960. С. 188; Лебедев, Клоков, 2004. С. 23). Однако некоторые нумизматы высказывали версии о месте чеканки монет Бик-Базара. Так, О. Кодрингтон считал этот монетный двор неизвестным городом и локализовал его в Средней Азии, совершенно не аргументируя свою точку зрения (Codrington, 1904. Р. 142); Э. Цамбаур размещал Бик-Базар в Поволжье (Zambaur, 1968. S. 84). Существует мнение и о местоположении монетного двора в центральной части Улуса Джучи (в районе между Азовом и Астраханью) (Agat, 1976. S. 52).

Монеты Бик-Базара немногочисленны, все они относятся к XV в. (на многих монетах даты не ставились или не сохранились). В нумизматических каталогах XIX в. были кратко опубликованы серебряные монеты: Чакре 818 г.х./1415–1416 гг. и б.г. (Марков, 1896. № 1494–1495); Дервиш 802 г.х./1399–1400 гг. или 806 г.х./1403–1404 гг.³ (Fraehn, 1826. Р. 381), 820 г.х./1417–1418 гг., 821 г.х./1418–1419 гг. и б.г. (Марков, 1896. № 1501, 1502, 1506); Махмуд бен Мухаммад бен Тимур б.г. (Марков, 1896. № 31, 32); Сайид-Ахмад бен Ахмад б.г. (Марков, 1896. № 48–51).

Известные находки серебряных монет Бик-Базара:

¹ На некоторых монетах легенда читается несколько иначе – “чекан Бик-Базари” (Рева, 2005. С. 160).

² Такие варианты чтения монетного двора, как “Бинг-Базар” (Fraehn, 1826. Р. 381; Лебедев, Клоков, 2004. С. 35) или “Бинк-Назар” (Krehl, 1856. Р. 39) вызывают сомнения.

³ Видимо, дата искажена (в 802 и 806 гг.х. Дервиш еще не правил). Истинная дата – вероятно, 820 г.х.

I. Отдельные находки: Каменный Бугор (окрестности Селитренного городища, Астраханская обл.), до 2004 г. Мухаммад бен Тимур⁴ – 1 (Лебедев, Клоков, 2004. С. 27, 35. Рис. 5, 65).

II. Клады: 1. Шареный (Жареный) Бугор (Астрахань), 1867 г. Чакре – 2 экз. (Федоров-Давыдов, 1960. С. 167. № 188).

2. Казань, 1893 г. Махмуд⁵ – 2 экз.; Ахмад – 1 экз.; Сайид-Ахмад⁶ – 4 экз. (Федоров-Давыдов, 1960. С. 168. № 195).

3. Большой Шикши-Олуяз (Татарстан), 1895 г. Мухаммад бен Тимур – 4 экз. (А.К. Марков, определявший монеты клада, оставил атрибуцию под вопросом) (Федоров-Давыдов, 1960. С. 167. № 189).

4. Чуфут-Кале (Крым), 2002 г.⁷ Дервиш – количество монет неизвестно (Майко, 2003. Рис. 4, 14).

5. Рыбная слобода (?) (Татарстан), 2003 г.⁸ Дервиш – 11 экз. (Рева, 2005. С. 160. № 16–21).

В своде кладов джучидских монет имеется упоминание о двух монетах Тимура, выпущенных в Бик-Базаре (клад из г. Ейска 1889 г.) (Федоров-Давыдов, 1960. С. 175. № 226). В действительности эти монеты выпущены ханом Ахмадом на монетном дворе Тимур Бик-Базар (Пачкалов, 2005б. С. 67, 68).

Новые находки позволяют продвинуться в решении вопроса о месте чекана рассматриваемых монет. Однако очевидно, что нет оснований локализовать эмиссии Бик-Базара в Средней Азии. Наибольшее число монет происходит с территории Татарстана (не менее 22 экз.), встречаются они также в Крыму и в Нижнем Поволжье. Известно, что серебряные монеты могли распространяться

⁴ Сохранность монеты плохая. Имя предка Тимура неясно (Мухаммад – предположительное чтение).

⁵ Возможно, эти же монеты опубликованы в каталоге А.К. Маркова (1896. № 31, 32).

⁶ Возможно, эти же монеты опубликованы в каталоге А.К. Маркова (1896. № 48–51).

⁷ Клад опубликован не полностью. Возможно, в комплексе были и другие монеты Тимур Бик-Базара.

⁸ Клад опубликован не полностью. Возможно, в комплексе были и другие монеты Бик-Базара.

на значительные расстояния от места выпуска. Например, серебряные монеты Сарайчука чаще встречаются в кладах за пределами Приуралья, чем в том регионе, где они чеканились.

До недавнего времени были известны только серебряные монеты Бик-Базара. В 1996 г. на городище Сарайчик (к северу от г. Атырау, Западный Казахстан) начались широкомасштабные археологические раскопки экспедиции ИА АН РК под руководством З.С. Самашева. Впервые археологические работы на этом памятнике приняли систематический характер. В ходе работ был собран большой комплекс джучидских монет, среди которых выявлены анонимные пулы с изображением своеобразной двуногой тамги, выпущенные в Бик-Базаре. Эти монеты были первоначально опубликованы как пулы Орда-Базара (Гончаров, 2000. С. 86. Рис. 6б), но по приведенной легенде, очевидно, что монеты выпускались в Бик-Базаре (Гончаров, 2005. С. 12; Пачкалов, 2005а. С. 87). Примечательно, что находки таких монет на других памятниках пока неизвестны. Среди единичных находок только в большом комплексе XV в. с Каменного Бугра была найдена одна серебряная монета Бик-Базара. Учитывая это обстоятельство, чеканка монет Бик-Базара в Сарайчуке или где-то в его округе представляется вполне вероятной.

Слово “базар” на джучидских монетах XV в. чаще встречается вместе со словом “Орда”. В настоящее время можно считать, что монеты Орда-Базара чеканились в различных регионах Улуса Джучи (по крайней мере, в Нижнем Поднепровье и в Нижнем Поволжье или Приуралье) (Пачкалов, 2005а). Итальянский путешественник Перо Тафур (1430-е годы) упоминает великий базар Великого хана (*lordo basar*). По его словам, “это место подобно большому городу” с рынком (Tafur, 1926. Р. 136). Видимо, подобное место именовалось на монетах “Орда-Базаром”. На рассматриваемых в статье монетах слово “базар” сопровождается словом “бик”, т.е. базар, принадлежавший не хану, беку Едигею или кому-то из его потомков.

Примечательно, что древнейшие монеты с легендой “Бик-Базар” были выпущены при ханах Чакре и Дервише, бывших ставленниками Едигея⁹. Официальная должность Едигея обозначается в источниках различными терминами: эмир, темник, бек (бик). Письменные источники подтверждают, что хан Чакре был посажен на трон Едигеем (Шильтбергер, 1984), а Дервиш целиком зависел от могущественного бика. Ал-Айни, например, сообщает: “при нем (Идики) находился человек из рода Чингисханова, по имени Дервиш хан, которого Идики поставил (над ними) в виде хана, но (на самом деле) власть да право приказывать и запрещать принадлежали ему (Идики)” (Тизенгау-

зен, 1884. С. 532). В отдельных случаях Едигей осмеливался ставить свое имя на монетах. Например, известны двуименные монеты Дервиша и Едигея (Веселовский, 1922. С. 52–54). Наибольшее число известных в настоящее время именных монет Бик-Базара выпущено от имени Дервиша (не менее 16 экз.). Где же производилась чеканка таких монет?

Редкость находок серебряных монет не позволяет делать уверенных выводов, однако находки медных монет Бик-Базара исключительно в Сарайчуке, наличие монет Дервиша, выпущенных в Сарайчуке, а также сведения о принадлежности земель по Уралу Едигею, позволяют считать, что и серебряные монеты Дервиша Бик-Базара выпускались в Сарайчуке или где-то в окрестностях.

“Заяцкий” – эпитет, применявшийся к Едигею в летописях (Сказание о царстве Казанском, 1959. С. 29). В историографии неоднократно отмечалось, что “улус Эдиге находился в районе Яика, у города Сарайчука” (например: Сафаргалиев, 1960. С. 75; Трепавлов, 2002б. С. 75, 124)¹⁰. Возле Сарайчука Едигей погибает в 822 г.х. (Тизенгаузен, 1884. С. 473). Возможно, бек был погребен в Сарайчуке, имеются сведения и о погребении в некрополе этого города сына Едигея (Deweese, 1993. Р. 194).

Бекство (бийство) в XV в. перешло в Большой Орде к потомкам Едигея. Монеты Бик-Базара ханов, правивших после Дервиша (Мухаммад бен Тимур (?), Махмуд, Ахмад¹¹, Сайид-Ахмад¹²), были найдены еще в XIX в., однако подробно они не были опубликованы, что заставляет воздерживаться от уверенных выводов. Видимо, чеканка этих монет производилась в базарах беков (биев), бывших преемниками Едигея при ханах Джучидах. При этом не все монеты с легендой “Бик-Базар” могли выпускаться в приуральском регионе. Информации о месте выпуска этих монет пока недостаточно.

На монетах Ахмада чекан “Бик-Базара” сопровождается словом “Тимур”. На мой взгляд, в монетном чекане происходит персонификация имени “Бик-Базара”. Потомок Едигея поставил перед словом “Базар” свое имя!

Две серебряные монеты султана Ахмада, выпущенные на монетном дворе Тимур Бик-Базар без обозначения даты, были кратко опубликованы в

¹⁰ В источнике: “отец мой князь велики (бек Едигей) на Яике” (Трепавлов, 2002а. С. 144).

¹¹ Монета Ахмада могла быть чеканена и в Тимур Бик-Базаре (слово “Тимур” могло остаться незамеченным).

¹² В джучидской нумизматике XV в. могло быть несколько ханов с именем Сайид-Ахмад. А.К. Марков относил монеты Бик-Базара из Эрмитажного собрания к продукции Сайид-Ахмада бен Ахмада (т.е. к самому концу XV в.). Опубликован чекан Сайид-Ахмада бен Керим-Берди (1439–1460 гг.) и Сайид-Ахмада, ставленника Едигея, выпускавшего монеты в 1416–1417 гг. (Рева, Шарафеев, 2005. С. 57–59).

⁹ Шильтбергер называет Едигея “делателем королей” (1984. С. 34).

каталоге мусульманских монет имп. Эрмитажа А.К. Марковым (1896. № 41, 42).

Возможно, эти две монеты те же, что и найденные в Ейске в 1889 г. в составе клада из 605 серебряных монет Джучидов, Гиреев, турецких и генуэзско-крымских эмиссий (Пахомов, 1954. С. 63, 64. № 1643).

Среди двух экз., кратко опубликованных А.К. Марковым, чтение легенд на первом сомнительный не вызывает (Марков, 1896. № 41) (ГЭ, инв. № 24713). На втором экземпляре пока неясен как монетный двор, так и имя хана (Марков, 1896. № 42) (ГЭ, инв. № 24722). На аверсе этой монеты читается титулатура, но третья строчка, где расположено имя правителя, к сожалению, остается неясной (слово “Ахмад” здесь вряд ли возможно). На реверсе вокруг джучидской тамги легенда: “чекан ... Бик Базара”. Несохранившееся слово реверса, вряд ли слово “Тимур” (рис. 1). Благодаря содействию М.Б. Северовой удалось ознакомиться еще с семью экз. монет Ахмада. Не на всех экземплярах легенды сохранились полностью, но можно предполагать, что все монеты чеканены в Тимур Бик-Базаре¹³ (ГЭ, инв. № 24714–24715, 24717–24721) (рис. 2)¹⁴. Обстоятельства находок этих монет мне неизвестны.

Аверс – легенда в три строки:

*Султан
Верховный
Ахмад хан*

Реверс – в центральной части поля имеется изображение джучидской тамги, вокруг нее легенда:

Чекан Тимур Бик Базар(и)

Попыток интерпретации имени монетного двора и его локализации, кажется, еще не предпринималось. Только Э. Цамбаур заметил, что Тимур Бик-Базар располагался где-то в “Астраханском Кипчаке” (Zambaur, 1968. S. 94). В списке монетных дворов у Г.А. Федорова-Давыдова Тимур Бик-Базар не фигурирует.

На монетах Тимур Бик-Базара присутствует имя Ахмада, однако дата отсутствует и монеты не обязательно могут относиться ко времени правления этого хана. Среди обозначений монетного двора на монетах Ахмада помимо Тимур Бик-Базара упоминается также Хаджи-Тархан. Монет Ахмада известно немного и большинство из них не имеют дат. Интересно, что на некоторых монетах Хаджи-

Рис. 1. Джучидская монета XV в., чеканенная в “... Бик-Базаре”. Эмитент неясен (ОН ГЭ. Инв. № 24722).

Тархана стоят необычные даты – 886 г.х./1481–1482 гг. и 888 г.х./1483–1484 гг. (монеты 886 г.х. были найдены в Краснодарском крае, а монеты 888 г.х. в Румынии). О. Илиеску предполагал на основании нумизматических находок в Румынии, что мы имеем дело с посмертным чеканом (Iliescu, 1960. P. 274), так как из письменных источников известно, что Ахмад погиб в 1481 г. Однако нельзя исключать, что мы имеем дело с искажением даты. Случаи зеркального написания цифры “6” и перевернутого написания цифры “8” хорошо известны и многократно встречаются в джучидской нумизматике и для XIV–XV вв. (даты могут читаться и так: 872 или 876 или 882 г.х.; 877 или 878 г.х.). Однако посмертный чекан султана Ахмада также возможен. Подобная практика известна для монетного дела средневекового мусульманского Востока и в Золотой Орде применялась во второй половине XIV в. – известен чекан от имени “покойного (великого) Джанибека” и не исключено, что монеты Тимур Бик-Базара были чеканены уже после смерти Ахмада, при его сыновьях.

Мангытский бик Тимур, сын Мансура сына Едигея (по другому мнению, он был сыном Дин-Суфи сына Мансура), занимавший обычную для потомков Едигея должность беклербека ханов Большой Орды (“амир ал-умара” – эмир эмиров) – заметная фигура в истории Восточной Европы XV в. Тимур оценивал свое место в Большой Орде такими словами: “а мене самого как цара вид”. Известно, что Тимур требовал от московского князя суммы денег, равной выплате хану (Сыроечковский, 1940. С. 37). Дань из Руси поступала к беклербеку еще во время пребывания его в Хаджи-Тархане (Трепавлов, 2002б. С. 122). В письменных источниках Тимур выступает как от-правитель послов наряду с ханом Ахмадом. Венецианского дипломата Джан Баттиста Тревезиана, посетившего Большую Орду при Ахмаде, сопровождали в обратной дороге два посла – от Ахмада и от Тимура (Jorga, 1909. S. 168). Начало политической деятельности Тимура неясно. Его внук в середине XVI в. вспоминал: “Темир князь был на

¹³ На монете с инв. № 24721 реверс плохо сохранился. Видно слово “чекан” и угадывается “Базар”. В настоящее время мне известна только одна монета Ахмада, со словом “Орда” (видимо, от “Орда-Базара”) (Клоков, Лебедев. 2005. С. 37. Рис. 5, 80). Вероятнее, монета № 24721 чеканена все же в Тимур Бик-Базаре.

¹⁴ Выражаю искреннюю признательность М.Б. Северовой (ОН ГЭ) за возможность ознакомиться с монетами Тимур Бик-Базара из собрания ГЭ.

Рис. 2. Джучидские монеты Ахмада, выпущенные в Тимур Бик-Базаре (ОН ГЭ. Инв. № 24713–24715, 24717–24721).

своем юрте в Нагаех. А как... над дедом моим стала невзгода, и он... поехал служить к астороханскому царю” (Трепавлов, 2002б. С. 120). В конце 1460-х годов письменные источники фиксируют пребывание его в Хаджи-Тархане у хана Касима бен. Махмуда бен Кучук-Мухаммеда. Тимур был вместе с ханом Касимом в осажденной Астрахани (Материалы по истории..., 1969. С. 20). По мнению В.В. Трепавлова, Тимур мог стоять у самых “истоков истории Астраханского ханства” и сопровождал уже Махмуда бен Кучук-Мухаммеда в Хаджи-Тархане (Трепавлов, 2002б. С. 120). Позднее Тимур переходит на сторону хана Ахмада, принимая активное участие в политической жизни Большой Орды при этом хане и его сыновьях (например, сопровождает Ахмада в “Стоянии на Угре”).

Локализация нахождения монетного двора Бик-Базар (с именем Тимур) – неясна. Известно место находки только двух экз., обнаруженных в кладе из 605 серебряных монет на территории Северного Кавказа. Клад состоял главным образом из монет, выпущенных в Крыму. В кладе содержались монеты Османской империи, три джучидские монеты, чеканенные в Нижнем Поволжье (в Хаджи-Тархане при Мухаммаде бен Тимуре и Ахмаде), монета Абдаллаха, выпущенная, вероятно, где-то в Поднепровье (чекан Орды). На основании клада из Ейска можно предполагать, что монеты Тимур Бик-Базара были чеканены где-то в западной части Улуса Джучи (вероятно, недалеко от

Крыма), но нельзя исключать, что данные монеты чеканились на Нижней Волге.

В пользу локализации монетного двора в Поднепровье могут свидетельствовать следующие обстоятельства. Во-первых, имеются сведения, что “князев Тимирев улус” располагался в Приднепровье (Памятники дипломатических сношений..., 1882. С. 119; Трепавлов, 2002б. С. 123, 132). Во-вторых, видимо, в Поднепровье в XV в. Джучидами осуществлялся чекан монет в Орда-Базаре (а вероятнее, в Орда-Базарах) (Пачкалов, 2005а). И, наконец, в Ейском кладе большинство джучидских и постджучидских монет выпущены в Крыму, т.е. в непосредственной близости от Поднепровья.

Новые публикации расширяют источниковую базу по монетам Тимур Бик-Базара.

Две монеты Ахмада “Орда-Базара” опубликованы недавно киевским нумизматом К.К. Хромым. Место находки не указывается (2004. С. 45, 46. Рис. 12; Табл. 3, 12; Табл. 6, 26.1). Судя по приведенной прорисовке и фотографиям, обе монеты выпущены не в Орда-Базаре, а в Тимур Бик-Базаре (легенда о.с. сохранилась не полностью). К.К. Хромов ошибся, посчитав, что “слово, сохранившееся после слова “Чекан” скорее похоже на цифру “4”, чем на написание имени “Тиму(р)” (2004. С. 46). Одна из этих монет является перечеканом из татаро-генуэзского аспра с именем Хаджи-Гирея. Этот факт свидетельствует в пользу

версии локализации места чекана монет Тимур Бик-Базара на Украине.

Другая монета, возможно, относящаяся к продукции Тимур Бик-Базара, опубликована в составе большого клада 2002 г. из Чуфут-Кале (Майко, 2003)¹⁵. Насколько можно судить по приведенной в публикации прорисовке, в комплексе имелась по крайней мере одна монета Ахмада (?)¹⁶, на реверсе которой читаются слова: “...Бик-Базар (?)” (Майко, 2003. Рис. 4, 1). Учитывая, что слово “Бик” представлено в нижней части монеты, перед ним должно было иметься и другое слово (с большой долей вероятности можно предполагать, что это было слово “Тимур”, не сохранившееся на этом экземпляре).

Далеко не все легенды на джучидских монетах XV в. в настоящее время прочитаны. Известны немногочисленные монеты Махмуда бен Мухаммада бен Тимура, на реверсе которых читается слово “Мансур” (Лебедев, Клоков, 2004. С. 36. № 75. Рис. 5, 75; Майко, 2003. Рис. 3, 2–5). Оставшаяся часть легенды реверса (предшествующая слову “Мансур”) еще не реконструирована. Связаны ли эти монеты с деятельностью бека Мансура, сына Едигея и отца бека Тимура остается пока неясным.

Работа выполнена при финансовой поддержке “Фонда содействия отечественной науке”, грант по программе “лучшие аспиранты РАН”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гончаров Е.Ю. Медные джучидские монеты XV в. // Восьмая Всероссийская нумизмат. конф. Тез. докл. и сообщ. М., 2000.
- Гончаров Е.Ю. Монетное обращение города Сарайчук в средние века // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв. Тр. междунар. нумизмат. конф. М., 2005.
- Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округа после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизмат. сб. Т. 4. Нижний Новгород, 2004.
- Майко В.В. Кирк-Ерський клад XX ст. (попереднє повідомлення) // Археологія. № 2. Київ, 2003.
- Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.
- Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I (1487–1533 гг.). 1882.
- Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 6. Баку, 1954.
- Пачкалов А.В. О локализации монетного двора Орда-Базар (XV в.) // РА. 2005а. № 2.
- Пачкалов А.В. Тимур Бик-Базар – монетный двор XV в. // Тринадцатая Всероссийская нумизмат. конф. Тез. докл. и сообщ. М., 2005б.
- Рева Р.Ю. Монеты хана Дервиша // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв. Тр. междунар. нумизмат. конф. М., 2005.
- Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М. Неизвестный Сайид-Ахмад // Тринадцатая Всероссийская нумизмат. конф. Тез. докл. и сообщ. М., 2005.
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. М., 1960.
- Сказание о царстве Казанском. М., 1959.
- Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
- Трепавлов В.В. Волга в сакральной топографии тюрок и славян // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Матер. круглого стола “Великий Волжский путь и Волжская Булгария” и Междунар. научно-практич. конф. “Великий Волжский путь”. Ч. II. Казань, 2002а.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002б.
- Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. Т. I. М., 1960.
- Хромов К.К. Восточная нумизматика в Украине. Ч. I. Монеты Джучидов XIII–XV вв. Киев, 2004.
- Шильтбергер И. Путешествия по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. Баку, 1984.
- Agat N. Altinordu paraları katalogu 1250–1502. Istanbul, 1976.
- Codrington O. A manual of Musalman numismatics. L., 1904.
- Deweese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles abd Conversation to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
- Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826.
- Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2. Gotha, 1909.
- Iliescu O. Monede tătaresti din secolele XIII–XV, gasite pe teritoriul Republicii populare Romine // Studii si cercetari de numismatica. T. III. Bucuresti, 1960.
- Krehl L. De numis muhammedanis in Numophylacio Regio Dresdeni asservatis Commentatio. Leipzig, 1856.
- Tafur P. Travels and adventures. 1435–1439. L., 1926.
- Zambaur E. Die Munzprägungen des Islams. Zeitlich und örtlich geordnet. Bd. I. Wiesbaden, 1968.

¹⁵ Клад опубликован не полностью. Возможно, в комплексе были и другие монеты Тимур Бик-Базара.

¹⁶ На монете имеется надчеканка.

On the coins of Bik-Bazar and Timur Bik-Bazar (Dzhuchi dynasty of the 15th c.)**A. V. Pachkalov**

Summary

The data on Dzhuchid coins of the 15th c. issued at Bik-Bazar and Timur-Bik Bazar are considered in the article. The Bik Bazar mint appears for the first time on coins of khans Chakre and Dervish who were protégées of powerful Bek Edigey. The author suggested that the names of these mints were connected with the activity of Edigey and his descendants (including Bek Timur). The discovery of the copper coins of Bik Bazar at the Saraychik site (eastern Kazakhstan) and the data on location of the Ulus of Edigey in this region permit to suppose that some coins of Bik-Bazar could be issued in Priural'e. Under Akhmad the coins were issued at Timur Bik-Bazar (Bek Timur is a descendant of Edigey). The coins of Timur Bik-Bazar from the Hermitage collection are published in the suggested paper for the first time. The hammering of these coins could be carried out in the Lower Volga region or in the Lower Dnieper region.

РЕЗЕРВУАРНЫЙ ЭФФЕКТ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДАТИРОВАНИЯ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

© 2007 г. Й. ван дер Плихт*, Н. И. Шишлина**, Р. Е. М. Хеджес***, Э. П. Зазовская****, В. С. Севастьянов*****, О. А. Чичагова*****

* Радиоуглеродная лаборатория Гронингенского университета

** Государственный Исторический музей, Москва

*** Исследовательская археологическая лаборатория Оксфордского университета

**** Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Москва

***** Радиоуглеродная лаборатория Института географии РАН, Москва

Абсолютная хронология культур эпохи бронзы Евразийской степи строится на анализе радиоуглеродных данных, полученных по кости человека, животных, древесине, органическому веществу почв и растительных остатков, которые происходят из стратифицированных комплексов – курганов (Александровский и др., 1997; Черных, Орловская, 2004). В течение многих лет в рамках Степной археологической экспедиции Государственного Исторического музея проводились раскопки курганов и отбор образцов для составления хронологической шкалы культур эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия¹.

В результате проведения сопоставительного анализа радиоуглеродных данных, полученных для ранней катакомбной, восточноманычской катакомбной и ямно-катакомбной культур было отмечено, что даты, полученные по образцам древесины и костям человека из одного погребения, различаются. Было высказано предположение, что возможной причиной более древнего возраста дат, полученных по костям человека, является “резервуарный эффект”.

Исследования последних лет (Olsson, 1983; Lanting, Plicht, 1995, 1996; Cook et al., 2001) показали, что потребление пищи водного происхождения – рыбы, моллюсков – приводит к тому, что коллаген костей человека и животных оказывается намного древнее в результате влияния так называемого “резервуарного эффекта”. Эффект морского резервуара хорошо изучен (Арсланов, 1987; Хасанов, Савинецкий, 2002). Однако на радиоуглеродный возраст потребителей продуктов речного происхождения оказывал влияние и эффект пресноводного водоема (Lanting, Plicht, 1995, 1996).

¹ Первоначально датирование образцов проводилось в ИГРАН, далее в рамках совместного исследовательского проекта – в Гронингенской радиоуглеродной лаборатории. Часть образцов продатирована в Берлинской и в Упсальской радиоуглеродных лабораториях.

Задачами данного исследования стало изучение влияния резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст коллагена кости человека раннекатакомбной, восточноманычской катакомбной и ямно-катакомбной культур, проведение масс-спектрометрического исследования и анализ новой серии радиоуглеродных данных.

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ И РЕЗЕРВУАРНЫЙ ЭФФЕКТ

Согласно существующим международным соглашениям, на которых базируется радиоуглеродное датирование (Mook, van der Plicht, 1999), для расчета возраста образца учитывается значение периода полураспада ^{14}C , вносится поправка на изотопное фракционирование, из-за меняющейся во времени концентрации ^{14}C радиоуглеродный возраст переводится в календарный путем калибровки ^{14}C даты. Для ее проведения рекомендуется программа INTCAL04 (Reimer et al., 2004).

Все эти соглашения применяются к образцам наземного происхождения, которые находятся в равновесии с атмосферным CO_2 . Для образцов, которые содержат радиоуглерод, происходящий из водных резервуаров (океанов, озер, рек), неорганический углерод (карбонаты), следует учитывать и другие факторы.

В большинстве случаев радиоуглеродные даты водных образцов получаются намного древнее, чем даты по синхронным наземным материалам. Им присущ мнимый радиоуглеродный возраст. Это результат проявления резервуарного эффекта, связанного с особенностями круговорота углерода в морских и речных экосистемах. Изучение резервуарных эффектов показало не только разницу в радиоуглеродных датах синхронных образцов наземного и водного происхождения, но и выявило необходимость введения еще одной поправки на резервуарный эффект. Рассмотрим, в чем он

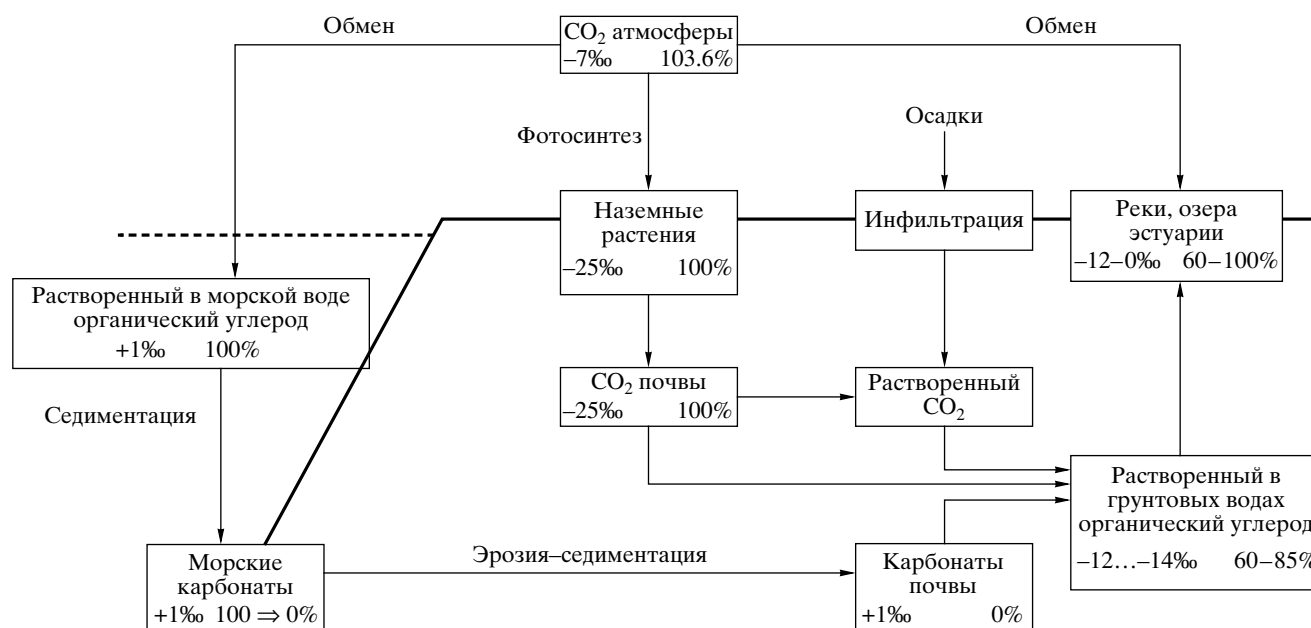

Схема цикла неорганического углерода.

состоит и каким образом эта поправка может быть вычислена.

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ ОБРАЗЦОВ МОРСКОГО И РЕЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Основы радиоуглеродного метода базируются на ^{14}C датировании наземных образцов, которые находятся в равновесии с атмосферным углеродом. За "современную активность", равную 100%, принимается активность древесины 1950 г. нашей эры. Поправка на изотопное фракционирование, приведенная к стандартному значению -25‰ , основывается на определенном соотношении стабильных изотопов углерода в древесине – $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$. Обеднение или обогащение материалов наземного происхождения ^{14}C происходит в результате изотопного фракционирования.

В океанической воде значение $\delta^{13}\text{C}$ для растворенного органического углерода составляет примерно $+1\text{‰}$ (рисунок). Равновесие с атмосферой, однако, предполагает ^{14}C активность 105%. Предположим, что у современных образцов наземного происхождения значения активности ^{14}C равно 100% и $\delta^{13}\text{C} -25\text{‰}$. Они находятся в равновесии с атмосферным CO_2 . Так как значение $\delta^{13}\text{C}$ для CO_2 составляет $+7\text{‰}$, то соответствующая активность радиоуглерода атмосферы $^{14}\text{a} = 103.6\%^2$. Это согласуется с процессом изотопного фракционирования: поскольку $^{14}\text{C} = 2\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{13}\text{C}$ увеличивается от -25‰ до -7‰ на 18‰, таким образом ^{14}C увеличи-

вается на $36\text{‰} = 3.6\%$. Принимая во внимание обмен между атмосферой и океанической водой и разницу в значениях $\delta^{13}\text{C}$ для обоих резервуаров углерода, получаем значение активности $^{14}\text{a} = 105\%$; в то время как в реальности это значение составляет 100%.

Такая ситуация может быть объяснена следующим образом. В океане выделяются поверхностный и глубинный водные слои. Быстрый обмен CO_2 и соответственно $^{14}\text{CO}_2$ существует только между поверхностным слоем воды и атмосферой, тогда как соответствующий обмен между глубинным и поверхностным водными слоями происходит очень медленно. На глубине изотопный состав углерода тяжелее и активность углерода ^{14}C более низкая, чем на поверхности. В результате подъема воды с глубины поверхностный водный слой имеет активность ^{14}C меньше, чем ожидаемые 105%. В Северном Атлантическом океане значение активности $^{14}\text{C} - 100\%$. Разница в 5% эквивалентна 400 ^{14}C годам, и поэтому все водные образцы оказываются древнее на 400 лет, приобретая мнимый возраст. Таким образом, датируя морские образцы и переводя полученный радиоуглеродный возраст в календарный, согласно принятым соглашениям необходимо помнить, что морские образцы получаются древнее, чем синхронные им наземные или атмосферные. Значение в 400 лет определено разницей датировок синхронных водных и наземных образцов и является поправкой на эффект морского резервуара – ΔR . Однако последние исследования показали, что к ней должны добавляться еще и дополнительно региональные поправки (Савинецкий, Хасанов, 2004). Морской резервуарный эф-

² ^{14}a – обозначение активности ^{14}C .

Таблица 1. Влияние резервуарного эффекта на возраст образцов речной рыбы из различных водоемов Нидерландов

Голландские водоемы	Год гибели	$^{14}\text{a}(\%)$ в атмосфере	$^{14}\text{a}(\%)$ определенный	Соотношения	Мнимый возраст
1	1990	115	87.3	0.759	2215
2	1994	112	82.1	0.733	2495
3	1989	116	102.3	0.882	1010
4	1989	116	74.0	0.638	3610

фект присутствует не только в морских организмах, таких как рыба, раковины, но также проявляется пропорционально у животных и человека, в системе питания которых присутствуют морепродукты.

Обращаем внимание на то, что пресноводные водоемы бывают стоячие и проточные. Проточные водоемы – это реки, которые питаются преимущественно грунтовой водой. Фильтрующаяся через почву дождевая вода растворяет CO_2 в корнеобитаемой толще почвы. Этот CO_2 имеет современную ^{14}C активность и $\delta^{13}\text{C} = -25\text{‰}$. В том случае, если почвообразующими или подстилающими породами служат морские карбонатные породы, в грунтовых водах происходит растворение древнего CO_2 карбонатов, который имеет бесконечно малое содержание ^{14}C ($^{14}\text{a} = 0$) и значение $\delta^{13}\text{C} = -12\text{‰}$. Растворение дополнительного CO_2 и процессы обмена CO_2 в глубоких горизонтах почвы и породах вне корнеобитаемой толщи приводят к изменению значений ^{14}a , как показано на рисунке. Значение современной активности $^{14}\text{a} = 85\%$, обычное для вод р. Рейн, соответствует эффекту резервуара в 1200 лет. Это означает, что свежая рыба из р. Рейн, если растворенный карбонат действительно поступает в рыбу по пищевым цепям, будет иметь возраст 1200 лет от настоящего времени. При радиоуглеродном датировании животных и людей, в пищевом рационе которых преобладает пресноводная рыба, будет также наблюдаться резервуарный эффект, и, таким образом, полученные радиоуглеродные даты по таким образцам будут иметь мнимый возраст.

В раковинах резервуарный эффект был открыт на заре радиоуглеродной эры. При датировании

морских раковин четвертичного периода была определена поправка на резервуарный эффект: $\Delta R = 400$ лет. Такие измерения являются частью калибровочной процедуры (Reimer et al., 2004; Hughen et al., 2004).

Резервуарный эффект выявлен для речных раковин, водорослей, рыб (Olsson, 1983). Например, резервуарный эффект проявляется в моллюсках и рыбах из разных речных водоемов Нидерландов (Lanting, Plicht, 1995–1996) (табл. 1).

В рамках нашего исследования была продатирована рыба из озера Деед-Хулсун (табл. 2). Это показало присутствие резервуарного эффекта в исследуемом озере. Такая же ситуация характерна и для рек Северного Кавказа (Warren et al., 2006).

СТАБИЛЬНЫЕ ИЗОТОПЫ В ПИЩЕВЫХ ЦЕПЯХ (^{13}C , ^{15}N)

Исследования изотопного фракционирования в связи с радиоуглеродным датированием показали, что значения $\delta^{13}\text{C}$ в коллагене костей человека и животного могут определяться его системой питания. Растения разделяются на две группы по механизму фотосинтеза: растения групп C3 и C4. Они различаются и по содержанию $\delta^{13}\text{C}$ (Vogel, 1980): для растений группы C3 $\delta^{13}\text{C} = -25\text{‰}$; а C4 $\delta^{13}\text{C} = -12\text{‰}$. Наиболее распространенные растения принадлежат к группе C3 (стандарт для расчета поправки на изотопное фракционирование $\delta^{13}\text{C} = -25\text{‰}$, таким образом, она делается в расчете на растения группы C3). К растениям группы C4 относятся просо, кукуруза и сахарный тростник.

Однако, измерив $\delta^{13}\text{C}$, невозможно определить, является ли его большее значение (около -21‰) результатом включения в систему питания морской рыбы или растений группы C4. Значения $\delta^{13}\text{C} = -21\text{‰}$ может означать как вегетарианскую систему питания, так и смешанные системы питания, либо с компонентами мяса наземных животных и речной рыбы, либо состоящую из морской и речной рыбы. Таким образом, линейные смешанные модели (поправки ^{14}C возраста с учетом только $\delta^{13}\text{C}$) не верны.

Измерение значения $\delta^{13}\text{C}$ – обязательная процедура для всех радиоуглеродных лабораторий. Но лишь некоторые лаборатории сегодня измеряют $\delta^{15}\text{N}$. Используя значения $\delta^{15}\text{N}$ как дополнитель-

Таблица 2. Влияние резервуарного эффекта на возраст образца рыбы из озера Деед-Хулсун

Материал	Лабораторный номер	Год гибели	^{14}C возраст, в годах от наших дней (AD)	Интервал калиброванного возраста 1 σ , (AD) (начало : конец) вероятность
Сазан	ИГАН-3232	2005	560 ± 50	(1315 : 1355) 0.54 (1389 : 1422) 0.46

Таблица 3. Средние значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ и резервуарный эффект, ожидаемый в коллагене костей человека и животных, при теоретическом 100%-ом пищевом рационе

Системы питания	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰)	Резервуарный эффект, лет
Растения группы C3	-21	+5	0
Мясо травоядных животных (растения группы C3)	-18	+8	0
Растения группы C4	-7	+5	0
Морепродукты	-13	+18	400
Речная рыба	-24	+16	1500–2500
Озерная рыба	-20	+16	500–1500

Таблица 4. Влияние резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст коллагена костей морских животных и людей с 100% морской системой питания

Образец	Год гибели	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	Мнимый ^{14}C возраст от наших дней, годы
Тюлень	1886	-16.1	480 ± 50
Морж	1915	-10.5	590 ± 50
Кит	1931	-17.2	450 ± 50
Эскимос	1750 ± 50	-12.6	560 ± 50
Полярный медведь	1932	-16.2	465 ± 45

ный инструмент, можно получить надежные данные, поскольку величина $\delta^{15}\text{N}$ имеет более высокие положительные значения для рыбы, нежели для пищи наземного происхождения (табл. 3).

Используя данные о стабильных изотопах ^{13}C и ^{15}N , можно получить информацию о трофических

пищевых цепях. Это лучше всего иллюстрируют двумерные графики в пространстве координат $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ (Bocherens, 2003; Richards, Hedges, 2003).

ВЛИЯНИЕ РЕЗЕРВУАРНОГО ЭФФЕКТА НА РАДИОУГЛЕРОДНЫЙ ВОЗРАСТ КОЛЛАГЕНА КОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Впервые резервуарный эффект в археологических образцах был изучен Таубером (Tauber, 1979). Кости арктических животных и человека, время смерти которых было известно и в диете которых преобладали морские продукты (100%), были датированы радиоуглеродным методом (табл. 4). Все даты показали резервуарный эффект с поправкой $\Delta R = 400$ годам.

Б.Ф. Хасанов и А.Б. Савинецкий (2002; 2004) провели параллельные датировки морских и наземных организмов, происходящих из культурных слоев древнеэскимосских поселений Дежнево и Эквен на Чукотке. Они определили резервуарный эффект и разницу календарных дат морских и наземных организмов от 607 до 140 лет.

Специальный проект был выполнен Й.Н. Лантингом и Й. ван дер Плихтом: радиоуглеродным методом датировались кости голландских графов и людей с известной датой смерти (табл. 5).

Данные показывают, что в образцах имеет место резервуарный эффект. Для всех средневековых людей полученное значение $\delta^{13}\text{C}$ определено значительной долей рыбы в системе питания.

Наиболее иллюстративный пример, связанный с изучением системы питания, резервуарного эффекта и его влияния на радиоуглеродный возраст, был проведен археологами, изучавшими мезолитический памятник на Балканах – в ущелье Железные ворота (Cook et al., 2001; 2002). Они определили значения $\delta^{13}\text{C}$, ^{14}C и $\delta^{15}\text{N}$ в образцах костей людей, похороненных после битвы, которая состоялась в 7000 г. до н.э. В телах людей, павших в бою,

Таблица 5. Влияние резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст коллагена костей известных исторических персонажей и анонимов

Имя персонажа	Год смерти	Радиоуглеродный возраст коллагена костей			Разница между BP и Cal. BP	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
		год н.э. (Cal. AD)	лет назад (Cal. BP)	(BP)			
Флорис I	1061	1051	910	1020 ± 50	110	-19.8	–
Дирк VI	1157	1147	920	1250 ± 30	330	-18.85	+10.6
Хадеви	1167	1157	910	1105 ± 45	195	-19.8	+10.9
Виллем I	1222	1212	850	1215 ± 50	365	-19.9	–
Тибальд	1160	1150	920	1065 ± 20	145	-20.0	–
Ромбут	775	765	1250	1390 ± 50	140	–	–
Святой Герлах	1165	1155	920	1450 ± 55	240	-19.6	+11.0

Таблица 6. Влияние резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст коллагена костей рыбы из могильника Шахаевский-1: курган 4, погребение 32, западноманычская катакомбная культура

Материал	Лабораторный номер	^{14}C возраст, в годах от наших дней (BP)	Интервал калиброванного возраста 1σ , (BC) (начало : конец) вероятность	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
Семена воробейника (<i>Lithospermum officinale</i>)	Ua-21407	3745 ± 45	(2268 : 2260) 0.04 (2206 : 2124) 0.65 (2091 : 2043) 0.31	-20.7	—
Кость судака	GrA-26902	4390 ± 40	(3084 : 3065) 0.14 (3028 : 2924) 0.86	-16.54	+14.95

застряли наконечники стрел, сделанные из костей наземных копытных животных. Как кости человека, так и кости копытных были продатированы радиоуглеродным методом. Кости человека оказались древнее на 300–500 лет. Мнимый возраст образцов кости человека является результатом воздействия резервуарного эффекта. В системе питания мезолитического населения, проживавшего в ущелье Железные ворота, значительное место занимала рыба из Дуная. Значения $\delta^{15}\text{N}$ для костей человека +15‰, для костей наземных животных +5‰.

Чтобы подтвердить наличие эффекта резервуара, датирование коллагена кости человека должно сопровождаться ^{14}C данными для синхронных и происходящих из аналогичного или того же контекста образцов наземного происхождения. Кроме того, значения отношений $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ могут предоставить информацию о палеодиете и, таким образом, о возможности проявления мнимого возраста в датироваемых образцах.

ВЛИЯНИЕ РЕЗЕРВУАРНОГО ЭФФЕКТА НА РАДИОУГЛЕРОДНЫЙ ВОЗРАСТ КОЛЛАГЕНА КОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА РАННЕЙ КАТАКОМБНОЙ, ЯМНО-КАТАКОМБНОЙ И ВОСТОЧНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУР

Для проверки выдвинутой нами гипотезы о влиянии резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст образцов костей древнего человека мы провели дополнительные исследования.

Были продатированы образцы костей рыбы из катакомбного погребения и полученный ^{14}C возраст сравнивался с другими ^{14}C датами. Были также получены значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ для коллагена костей животных и человека, происходящих из одних и тех же погребений и курганов, что позволило идентифицировать систему питания древнего человека, убедиться в достоверности имеющихся ^{14}C дат и применить к ним поправку на изотопное фракционирование. Наконец, параллельно датировались разные углеродсодержащие материалы

из одного или близкого археологического контекста. Рассмотрим полученные результаты.

Для проверки рабочей гипотезы о присутствии резервуарного эффекта в исследуемом регионе в эпоху бронзы были продатированы кости судака и семена воробейника (*Lithospermum officinale* из могильника Шахаевский-1³ (табл. 6).

Разница в полученных датах позволяет выявить влияние резервуарного эффекта на образец костей рыбы из погребения катакомбной культуры: $\Delta R = 650$ годам. Однако эта поправка не может быть использована как общая для Северо-Западного Прикаспия, ее величина не постоянна во времени и различается по регионам (Савинецкий, Хасанов, 2004).

Следующим шагом исследования стало изучение изотопного состава коллагена костей человека (табл. 7) и сравнение полученных данных с изотопным составом коллагена костей животных, найденных в курганах и погребениях этого же времени. Для некоторых исследованных образцов получены также и ^{14}C даты.

Как видно из табл. 7, в коллагене костей человека значения $\delta^{13}\text{C}$ варьируют от -21.54 до -15.29‰, а $\delta^{15}\text{N}$ от +12.42 до +18.13 ‰. Соответственно в костях травоядных животных значения $\delta^{13}\text{C}$ от -21.16 до -17.38 ‰, а $\delta^{15}\text{N}$ – от +4.66 до +9.92. Значения $\delta^{13}\text{C}$ позволили нам ввести в радиоуглеродные даты поправку на изотопное фракционирование⁴.

Результаты свидетельствуют о том, что в системе питания всех проанализированных индивидумов большое место занимали речные и озерные продукты. Подтверждают это и найденные в погребениях микропластинки чешуи речной и озерной рыбы (могильник Зунда-Толга-2, к. 1, п. 5), кости судака, осетра и сазана (Шилов, 1975), раковины речных моллюсков (Шахаевский-1, к. 4, п. 32). О постоянном рыбном компоненте в системе пита-

³ Погребение относится к западноманычской катакомбной культуре, родственной восточноманычской катакомбной культуре.

⁴ Такая поправка была введена в радиоуглеродные даты по костям человека, выполненным в ИГРАНе. Ее величина колеблется от 80 до 160 лет.

Таблица 7. Результаты радиоуглеродного датирования и масс-спектрометрического исследования изотопного состава углерода и азота коллагена костей человека и животных из погребений раннекатакомбной и восточно-манычской катакомбной культур Северо-Западного Прикаспия

Курган/погребение	Материал (кость)	Лабораторный номер	¹⁴ C возраст, в годах от наших дней (BP)	Интервал калиброванного возраста 1σ, (BC) (начало : конец) вероятность	δ ¹³ C, ‰	δ ¹⁵ N, ‰
Ранняя катакомбная культура						
<i>Песчаный V</i>						
к.3, п.1	Мужчина 45–50 лет	Bln-5616	4073 ± 35	(2834 : 2817) 0.13 (2664 : 2645) 0.11 (2638 : 2569) 0.64 (2516 : 2500) 0.11	–17.02	+17.16
к. 3, п. 2	Мужчина 40–45 лет	ИГАН-2946	3788 ± 57	(2335 : 2324) 0.03 (2306 : 2304) 0.00 (2301 : 2135) 0.94 (2076 : 2075) 0.00 (2069 : 2064) 0.01	–21.54	+15.24
к. 2, п. 3	Мужчина 40–45 лет	ИГАН-2878	3908 ± 117	(2567 : 2522) 0.11 (2498 : 2265) 0.74 (2261 : 2205) 0.14	–18.15	+15.79
к. 1, жертвенное место 1	Лошадь		–		–21.16	+4.66
<i>Темрта III</i>						
к. 1, п. 1	Мужчина 40–45 лет	ИГАН-2945	3987 ± 42	(2569 : 2516) 0.62 (2500 : 2469) 0.37	–18.34	+14.95
к. 1, п. 4	Мужчина 40–45 лет	ИГАН-2947	4100 ± 50	(2855 : 2812) 0.23 (2746 : 2725) 0.09 (2697 : 2577) 0.67	–18.15	+14.73
<i>Бага-Бурул</i>						
к. 5, п. 6	Подросток 15–16 лет		–		–18.79	+12.64
к. 5, п. 19	Бык		–		–18.5	+9.92
<i>Манджикины-2</i>						
к. 42, п. 4	Ребенок 3–4 лет		–		–15.29	+18.13
к. 54, п. 6	Женщина 25–35 лет	ИГАН-2277	4319 ± 41	(3010 : 2980) 0.28 (2957 : 2952) 0.03 (2940 : 2891) 0.68	–17.59	+15.04
<i>Зунда-Толга-2</i>						
к. 2, п. 3	Мужчина около 35 лет	ИГАН-2547	4363 ± 123	(3326 : 3232) 0.21 (3224 : 3219) 0.01 (3174 : 3160) 0.02 (3119 : 2883) 0.74	–18.62	+13.92
<i>Зунда-Толга-5</i>						
к. 1, п. 5	Мужчина 50–60 лет	IGAN-3116	4102 ± 114	(2871 : 2802) 0.23 (2779 : 2568) 0.71 (2519 : 2499) 0.06	–18.65	+14.03
Восточноманычская катакомбная культура						
<i>Бага-Бурул</i>						
к. 5, п. 11	Женщина 25–35 лет	IGAN-2765	5079 ± 341	(4325 : 4286) 0.03 (4269 : 3623) 0.87 (3604 : 3523) 0.08	–16.94	+15.82
к. 5, жертвенное место 4	Бык/корова		–		–20.65	+6.22
к. 5, жертвенное место 15	Овца		–		–19.35	+8.28
<i>Островной</i>						
к. 3, п. 38	Овца				–19.21	+6.65
<i>Зунда-Толга-1</i>						
к. 9, п. 1	Овца		–		–17.38	+9.70
к. 10, п. 3	Овца				–18.83	+5.13
<i>Чилгир</i>						
к. 1, п. 4	Женщина >45 лет	ИГАН-2652	4295 ± 41	(3003 : 2992) 0.07 (2929 : 2880) 0.92	–17.24	+15.71

Таблица 8. Результаты радиоуглеродного датирования образцов древесины и кости человека из раннекатакомбных погребений могильника Хар-Зуха и влияние резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст костей погребенного человека

Курган/погребение	Материал	Лабораторный номер	^{14}C возраст, в годах от наших дней (BP)	Интервал калиброванного возраста 1σ , (BC) (начало : конец) вероятность	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
к. 4. п. 1	Дерево	IGAN-1273	3561 ± 308	(2336 : 2323) 0.01 (2308 : 1519) 0.98	–	–
к. 5 п. 3А	Женщина пожилого возраста	ОхА-4734	3940 ± 70	(2565 : 2532) 0.15 (2528 : 2525) 0.09 (2496 : 2338) 0.79 (2322 : 2309) 0.04	–15.42	+18.1
к. 1. п. 5	Мужчина 45–50 лет	IGAN-1420	4059 ± 152	(2874 : 2465) 1.00	–17.62	+15.7

Таблица 9. Результаты радиоуглеродного датирования образцов кости человека и фрагментов костяных молоточковидных булавок и влияние резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст костей погребенного человека

Материал	Лабораторный номер	^{14}C возраст, в годах от наших дней (BP)	Интервал калиброванного возраста 1σ , (BC) (начало : конец) вероятность	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
<i>Зунда-Толга-5, курган 1, погребение 7</i>					
Женщина 50–55 лет	ИГАН-2494	4866 ± 57	(3708 : 3632) 0.86 (3558 : 3538) 0.13	–17.77	+14.93
Фрагмент костяной булавки	GrA-29135	4110 ± 45	(2856 : 2812) 0.25 (2747 : 2725) 0.12 (2698 : 2617) 0.48 (2610 : 2581) 0.15	–21.01	+5.36
<i>Темрта V, курган 1, погребение 2</i>					
Фрагмент костяной булавки	GrA-30051	4110 ± 45	(2856 : 2812) 0.25 (2747 : 2725) 0.12 (2698 : 2617) 0.48 (2610 : 2581) 0.15	–18.28	+8.75

ния человека свидетельствуют и полученные изотопные данные.

Это означает, что все ^{14}C даты по раннекатакомбной и восточноманычской культурам, полученные по костям этих людей, удревнены в связи с резервуарным эффектом и должны быть откорректированы с использованием поправки ΔR .

Чтобы вычислить поправку ΔR , нужно было продатировать иные углеродсодержащие материалы, происходящие из тех курганов и погребений, для которых уже имеются ^{14}C даты по костям человека. Представители катакомбных культур занимали разные экологические ниши. Система питания отдельных индивидуумов, зависевшая от пищевых ресурсов местообитания, должна была быть разной. Поэтому и искомая ΔR для каждого рассматриваемого случая, скорее всего, также будет различаться.

Для ранней катакомбной культуры предположительное значение ΔR пока может быть опреде-

лено по сопоставлению ^{14}C данных, полученных по кости человека и по древесине из могильника Хар-Зуха (табл. 8). Захоронения этого могильника очень близки по погребальному обряду и, скорее всего, были оставлены самостоятельной группой раннекатакомбного населения.

Данные табл. 8 свидетельствуют о резервуарном эффекте в костях погребенного человека, составляющем 400 ± 100 ^{14}C лет. Более точное определение невозможно из-за значительной ошибки в датировании древесины. Дальнейшее проведение параллельного датирования разных углеродсодержащих образцов из погребений раннекатакомбной культуры должно уточнить поправку ΔR .

Было проведено датирование двух, близких по типу костяных молоточковидных булавок, происходящих из ямно-катакомбного и раннекатакомбного погребения. Параллельно были продатированы и кости человека (табл. 9).

Таблица 10. Результаты радиоуглеродного датирования коллагена костей человека и животных из могильников восточноманычской катакомбной культуры и влияние резервуарного эффекта на радиоуглеродный возраст коллагена костей человека

Курган/погребение	Материал	Лабораторный номер	^{14}C возраст, в годах от наших дней (ВР)	Интервал калиброванного возраста 1 σ , (ВС) (начало : конец) вероятность	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
<i>Островной</i>						
к. 3, п. 10	Взрослый человек	ИГАН-2130	3860 $\pm$ 60	(2458 : 2416) 0.21 (2410 : 2283) 0.70 (2248 : 2232) 0.08 (2217 : 2215) 0.02	–17.69	+12.8
к. 3, п. 38	Овца	ИГАН-3115	3743 $\pm$ 67	(2277 : 2252) 0.11 (2228 : 2222) 0.03 (2210 : 2109) 0.53 (2105 : 2035) 0.33	–19.21	+6.65
<i>Манджикины-1</i>						
к. 14, п. 1	Мужчина 30–35 лет	ИГАН-2493	4025 $\pm$ 113	(2859 : 2809) 0.12 (2752 : 2721) 0.07 (2701 : 2457) 0.76 (2418 : 2407) 0.02 (2375 : 2367) 0.01 (2361 : 2352) 0.02	–16.59	+17.7
к. 14, п. 1	Древесина, ясень (<i>Fraxinus</i>)	ИГАН-3229	3760 $\pm$ 90	(2289 : 2131) 0.87 (2085 : 2054) 0.13	–	–

Полученная разница в возрасте определяет мнимый возраст коллагена костей женщины 50–55 лет, $\Delta R = 750$ годам. Изотопные данные указывают, что в ее системе питания большое место занимали речные продукты, а одинаковые даты булавов, сделанные из кости или рога животных, – те интервалы, на которые следует ориентироваться при определении исторических интервалов для раннекатакомбной и ямно-катакомбной групп.

Для восточноманычской катакомбной культуры получены параллельные датировки образцов костей человека, животного и древесины из двух могильников (табл. 10).

Изотопные данные определенно свидетельствуют о рыбном компоненте в системе питания погребенных людей. Основываясь на разнице дат, полученных по костям человека и овцы из могильника Островной, можно предложить поправку на резервуарный эффект $\Delta R = 230 \pm 100$ ^{14}C лет. Это соотносится с полученными для образцов значениями $\delta^{15}\text{N}$. Такая же поправка определена разницей дат для древесины и костей человека из могильника Манджикины-1: $\Delta R = 260 \pm 140$ ^{14}C лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование регионального резервуарного эффекта, идентификация системы питания населения степей эпохи бронзы, параллельное датирование разных углеродосодержащих образцов позволили выявить удревнение ра-

диоуглеродных дат, полученных по костям погребенного человека. Установлено, что удревнение радиоуглеродного возраста костных образцов вызвано резервуарным эффектом.

Он доказывается разницей ^{14}C данных, полученных по многочисленным углеродосодержащим материалам: по костям человека, животных, не употребляющих пищу водного происхождения, древесине, семенам, растительным остаткам, происходящим из близкого археологического контекста, т.е. синхронных. Большинство образцов костей погребенного человека раннекатакомбной, ямно-катакомбной и восточноманычской катакомбной культур удревнено. В системе питания представителей этих культур большую роль играли речные и озерные продукты, возможно морские – рыба, моллюски, водоросли, что доказывается изотопными данными – $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ – основными пищевыми индикаторами, а также присутствием в некоторых погребениях костей рыб, микропластинок чешуй рыб, раковин моллюсков. Включение в систему питания степного населения рыбного компонента привело к резервуарному эффекту и к удревнению радиоуглеродного возраста коллагена костей человека. Мнимый радиоуглеродный возраст и отражает такое удревнение.

В настоящий момент, имея первые полученные данные, мы можем определить пока только очень условную региональную и временную поправку ΔR на резервуарный эффект и предложить откорректированные, согласно этой поправке, истори-

ческие интервалы существования изучаемых культур эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия. Накопление систематических данных по перекрестным датировкам различных синхронных углеродосодержащих материалов позволит в будущем уточнить предлагаемые поправки: 400 ± 100 ^{14}C лет для раннекатакомбной культуры и 240 ± 60 ^{14}C лет для восточноманычской катакомбной. Таким образом, раннекатакомбную культуру Северо-Западного Прикаспия мы предлагаем датировать 2600–2350 гг. до н.э., а восточноманычскую катакомбную – 2500–2000 гг. до н.э.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, гранты № 05-06-80082-а, 06-6-88000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Чичагова О.А., Пустовойтов К.Е., Шишлина Н.И. Методика и методология радиоуглеродных исследований археологических объектов степных регионов России // *Степь и Кавказ (культурные традиции)*. Тр. ГИМ. Вып. 97. М., 1997.
- Арсланов Х.А. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л., 1987.
- Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф. Динамика добычи китов древними эскимосами на побережье Чукотки (по калиброванным радиоуглеродным датам) // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2004. № 3.
- Хасанов Б.Ф., Савинецкий А.Б. Параллельные датировки морских и наземных организмов из северной части Берингового моря // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2002. № 1–2.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // *РА*. 2004. № 2.
- Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Bocherens H. Isotopic biogeochemistry and the palaeoecology of the mammoth steppe fauna // *Deinsea*. 2003. № 9.
- Cook G.T., Bonsall C., Hedges R.E.M. et al. A freshwater diet-derived ^{14}C reservoir effect at the stone age sites in the Iron Gates gorge // *Radiocarbon*. 2001. № 43.
- Cook G.T., Bonsall C., Hedges R.E.M. et al. Problems of dating human bones from the Iron Gates // *Antiquity*. 2002. № 76.
- Hughen K.A., Baillie M.G.L., Bard E. et al. MARINE04 marine radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // *Radiocarbon*. 2004. № 46.
- Lanting J.N., van der Plicht J. Wat hebben Floris V, skelet Swifterbant en visotters gemeen? // *Palaeohistoria*. 1995–1996. № 37–38.
- Mook W.G., van der Plicht J. Reporting ^{14}C activities and concentrations // *Radiocarbon*. 1999. № 41.
- Olsson I.U. Dating of non terrestrial materials // *Proceedings. Groningen Symposium. ^{14}C and Archaeology*. PACT Publications. 1983. № 8.
- Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E. et al. INTCAL04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // *Radiocarbon*. 2004. № 46.
- Richards M.P., Hedges R.E.M. Variations in bone collagen $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ values of fauna from Northwest Europe over the last 40 000 years // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2003. № 193.
- Tauber H. ^{14}C activity of arctic marine mammals // *Radiocarbon dating*. California, 1979.
- Vogel J.C. Fractionation of the Carbon isotopes during photosynthesis. Berlin, 1980.
- Warren R., Higham T.F.G., Belinsky A., Harke H.G.H. Diet-derived radiocarbon reservoir effects: an example from the Russian North Caucasus // *The 19th International Radiocarbon Conference. Abstract*. Oxford, 2006.

Reservoir effect and results of ^{14}C dating of Catacomb cultures of the North-West Caspian Steppe Area: a case study

J. van der Plicht, N. I. Shishlina, R. E. M. Hedges, E. P. Zazovskaya,
V. S. Sevastianov, O. A. Chichagova

Summary

Additional studies of the local reservoir effect, identification of the diet system of the Bronze Age population, parallel dating of different samples taken from the same or similar context provide a possibility to identify reservoir effect in human bone collagen of Bronze Age cultures. Such dates have an “apparent excess age” due to the reservoir effect and are older than ^{14}C dates of other terrestrial samples which are not affected by this factor. Variations of ^{14}C dates obtained for human bones and other terrestrial samples taken from the same or similar synchronous archeological context confirm this result. Most ^{14}C dates of human bones of the Early Catacomb, Yamnaya-Catacomb and East Manych Catacomb cultures are older than has been expected. At the moment the new data are only sufficient to make an approximate regional reservoir effect correction. Additional study will help us in the future to verify such correction for the Early Catacomb culture, i.e. $\Delta R \approx 400 \pm 100$ ^{14}C years, and for the East Manych Catacomb culture $\Delta R \approx 240 \pm 60$ ^{14}C years. Using these corrections we may propose the historical time interval for the Early Catacomb culture as 2600–2350 Cal. B.C., and for the East Manych Catacomb culture as 2500–2000 Cal. B.C.

ОБ ОДНОМ ИЗ АСПЕКТОВ “ПРОБЛЕМЫ III В. ДО Н.Э.” В САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2007 г. С. В. Демиденко

Институт археологии РАН, Москва

В последние годы на страницах российской археологической литературы активно обсуждается проблема выделения сарматских памятников III в. до н.э., суть которой сводится к тому, что в Нижнем Поволжье, Подонье и Южном Приуралье практически отсутствуют комплексы, которые без сомнения могут быть датированы данным периодом времени.

Не останавливаясь на истории возникновения проблемы, связанной первоначально с археологической ситуацией в Северном Причерноморье и подробно изложенной в работах С.В. Полина и А.В. Симоненко (Полин, 1992; Симоненко, 1993; Полин, Симоненко, 1997. С. 87–98; 2004. С. 367–373), а затем поднятой В.Ю. Зуевым в отношении памятников Нижнего Поволжья, Подонья и Южного Приуралья (1999. С. 305–323), отмечу, что в настоящее время существует два взаимоисключающих объяснения сложившейся ситуации. Так, В.Ю. Зуев в “хиатусе III в. до н.э.” предлагает видеть хронологический разрыв в культурной традиции, свидетельствующий о том, что памятники IV в. до н.э. (IV и, возможно, IV – начала III в. до н.э.) относятся к одной традиции, завершающей в целом скифскую историческую эпоху. В то время, как памятники II–I вв. до н.э. образованы самостоятельной и в целом независимой от предыдущей культурной традицией, которую следует связывать с сарматской эпохой в истории кочевников евразийских степей (Зуев, 2002. С. 198). В.М. Клепиков, М.Г. Мошкова и А.С. Скрипкин, отрицая наличие “хиатуса III в. до н.э.”, выступают за непрерывное развитие раннесарматской культуры в IV–I вв. до н.э. (Скрипкин и др., 2002. С. 101–122) и, используя предложенный В.М. Клепиковым “метод “зажатых” датировок”¹ (Клепиков, 2000. С. 122),

делают попытку выделить погребения III в. до н.э. (Клепиков, 2002; Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 47–81; Скрипкин, Клепиков, 2004. С. 95–106).

Причины возникновения столь противоположных мнений лежат, на мой взгляд, во-первых, в состоянии самих источников, которыми оперируют авторы, или, лучше сказать, в состоянии публикаций имеющихся на сегодняшний день материалов, позволяющих давать их двойственную трактовку; во-вторых, в отсутствии желания оппонентов признавать какие-либо выводы противоположной стороны, даже при их очевидной правомерности; в-третьих, в пылу полемики обе стороны допускают ошибки и неточности, что также не способствует установлению объективной исторической истины.

Детальный анализ этих причин, как впрочем и анализ аргументов противоборствующих сторон, могли бы послужить темой отдельной работы. Мне же в данной статье хотелось бы остановиться на одном из аспектов “проблемы III в. до н.э.”, связанных с датировкой некоторых сарматских погребений, в которых были обнаружены бронзовые литые котлы, выделенного мной *типа VI варианта 1 подварианта А (тип VI.1.A)*, имеющие полушаровидное тулово с сужающимися к устью стенками, воронковидный поддон, две вертикальные петлевидные ручки с тремя выступами, две ручки-петельки под венчиком, а в верхней трети сосуда перетянутые веревочкой (Демиденко, 1997. С. 120–159).

Прежде всего, речь пойдет о кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан² (Саратовская обл.), в котором вместе с бронзовым котлом *типа VI.1.A* (рис. 1, б) были найдены бронзовые втульчатые наконечники стрел (рис. 1, 2), железные трехлопастные наконечники стрел с длинным черешком (рис. 1, 4), железный меч с прямым перекрестьем и серповидным навершием (рис. 1, 5), лепной, слегка подлощенный круглодонный и округлобокий сосуд с хорошо выделенной шейкой, отогнутым наружу венчиком, орнаментированный по плечикам

¹ Суть метода: “существуют хорошо датированные вещевые комплексы IV и II–I вв. до н.э. При сравнительном анализе этих хронологических пластов можно выделить категории вещей, которые представлены в IV в. до н.э., но отсутствуют во II–I вв. до н.э., и наоборот. Если вещи первого списка встречаются в комплексе с вещами второго списка, логично предположить возможность прекращения бытования первых и появления вторых в нефиксированном промежутке III в. до н.э. Следовательно, сочетание в закрытом комплексе вещей раннего и позднего этапов раннесарматской культуры позволяет выделять конкретные памятники III в. до н.э.” (Клепиков, 2000. С. 117).

² В.М. Клепиков и А.С. Скрипкин в сводной таблице комплексов с бронзовыми и железными наконечниками стрел в состав кург. 1 погр. 5 из могильника Верхний Еруслан ошибочно внесли плоскодонный горшок из позднесарматского кург. 2 погр. 1 того же могильника (Клепиков, Скрипкин, 2002. Рис. 7, 3).

двумя параллельными желобками и рядом ногтевых насечек под ними (рис. 1, 3), железная пряжка с боковым выступом, расположенным в одной плоскости с кольцом пряжки (рис. 1, 7), железный нож (рис. 1, 8). Автор раскопок отметил, что данное погребение (по обряду и набору инвентаря) полностью соответствует захоронениям раннесарматской культуры III–I вв. до н.э., причем тяготеет к наиболее ранним комплексам. В то же время бронзовый котел является самым поздним предметом, поскольку его многочисленные аналогии обнаруживаются в комплексах среднесарматского времени I в. до н.э. – I в. н.э. Поэтому исследователь датировал кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан временем не позднее II в. до н.э., так как именно в это время исчезают бронзовые наконечники стрел (Юдин, 1997. С. 180). В.М. Клепиков первоначально отнес данное погребение к III – первой половине II в. до н.э. (Клепиков, 2000. С. 120). Обоснованные сомнения в подобной датировке были высказаны В.Ю. Зуевым (2000. С. 83). Наконец, в одной из последних работ по хронологии раннесарматской культуры, написанной В.М. Клепиковым совместно с А.С. Скрипкиным, рассматриваемый комплекс из могильника Верхний Еруслан был окончательно “зажат” в рамках III в. до н.э. (Клепиков, Скрипкин, 2002. Рис. 7, 3). Основным аргументом для этого послужило сочетание в данном комплексе бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел, которые, по твердому убеждению (или предубеждению) авторов, отсутствуют в хорошо датированных погребениях II–I вв. до н.э. (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 65; Скрипкин, Клепиков, 2004. С. 97, 99). Но исследователи почему-то не обратили внимания на железную пряжку с боковым выступом, которая, по мнению самого А.С. Скрипкина, является одним из элементов материальной культуры, распространяющихся в сарматской среде во II в. до н.э. и имеющих аналогии в памятниках гунно-сарматского времени на Среднем Енисее (Скрипкин, 2000. С. 24. Рис. 5А, 17–19. Рис. 5Б, 17–20). Кроме того, без должного внимания был оставлен собственно сам бронзовый котел.

Первоначально котел из кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан был отнесен мной также к III в. до н.э. (Демиденко, 1997. С. 125). Однако в дальнейшем эта точка зрения была пересмотрена, поскольку, во-первых, по своим морфологическим признакам он абсолютно ничем не отличался от остальных сосудов *типа VI*, уверенно датированных концом II в. до н.э. – первой половиной II в. н.э. (Демиденко, 2000. С. 45). Во-вторых, исследование структуры и состава металла³ показало, что данный экземпляр (анализ № 293)⁴ органично вписы-

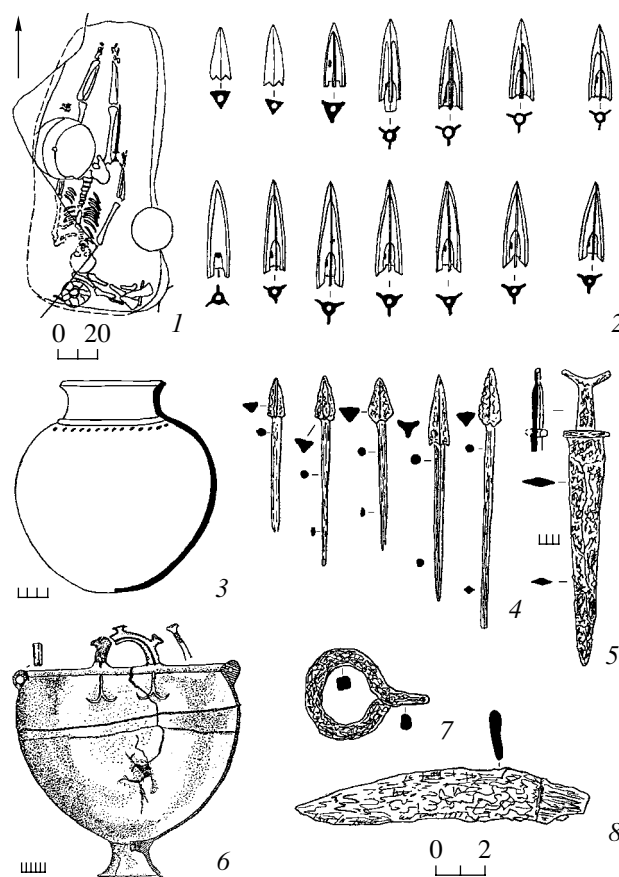

Рис. 1. Могильник Верхний Еруслан, кург. 1 погр. 5: 1 – план погребения; 2 – бронзовые втульчатые наконечники стрел; 3 – лепной глиняный сосуд; 4 – железные черешковые наконечники стрел; 5 – железный меч; 6 – бронзовый литой котел; 7 – железная пряжка с боковым выступом; 8 – железный нож (по Юдину А.И., 1997).

вается в технологическую схему, по которой были отлиты и остальные сосуды *типа VI*. В частности, было установлено, что он попадает в одну металлографическую группу (12 экземпляров)⁵ с котлами из кург. 3 погр. 21 могильника Бердия – *тип VI.1.A* (рис. 2, 1) (1-й экземпляр) (анализ № 2922), из кург. 2 могильника Барановка I – *тип VI.1.A* (рис. 2, 2) (анализ 2915), из кург. 5 могильника Антонов – *тип VI.2.A* (рис. 2, 3) (1-й экземпляр) (анализ 2904), из кург. 28 могильника Высочино VII – *тип VI.6.A* (рис. 2, 4) (1-й экземпляр) (анализ 2921), которые датируются I – первой половиной II в. н.э. В эту же группу входят два сосуда *типа X* (Высочино V, кург. 26 погр. 2 (1-й экземпляр); Бердия, кург. 3 погр. 1 (2-й экземпляр)), четыре сосуда *типа XI* (Высочино V, кург. 26 погр. 2 (2-й экземпляр); Антонов, кург. 5 (2-й экземпляр); Бердия, кург. 8 погр. 4; случайная находка у пос. Комсомольский,

³ Автор искренне благодарит Н.В. Рындину, под руководством которой было проведено данное исследование.

⁴ Анализы № 2936, 2922, 2915, 2904, 2921 проведены в Лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ.

⁵ Пользуясь случаем, приношу благодарность Е.И. Беспалому, В.И. Мамонтову, М.Г. Мошковой, И.В. Сергацкову, В.В. Плахову и А.И. Юдину, любезно предоставившим данный материал для исследования.

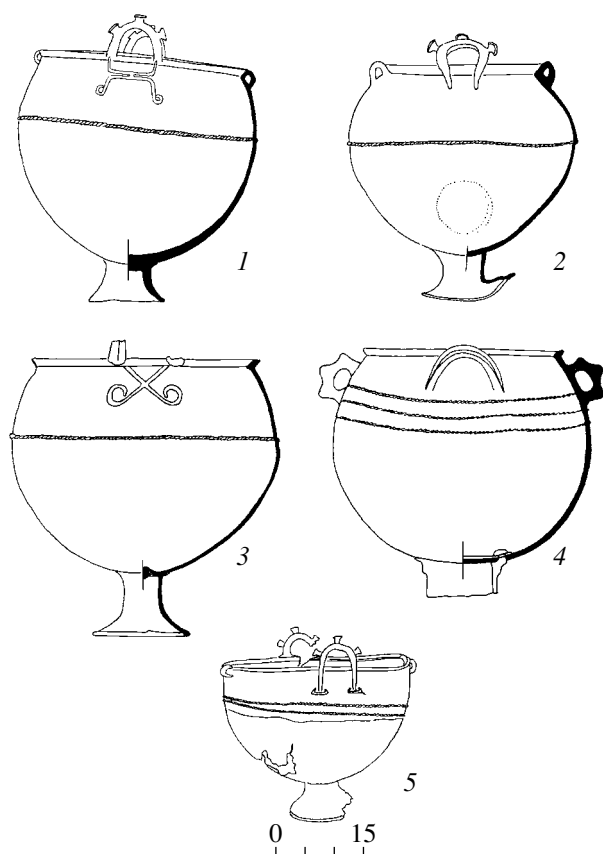

Рис. 2. Бронзовые котлы конца II в. до н.э. – середины II в. н.э.: 1 – котел из кург. 3 могильника у ст. Бердия (*mun VI.1.A*); 2 – котел из кург. 2 могильника Барановка (*mun VI.1.A*); 3 – котел из кург. 5 могильника Антонов (*mun VI.2.A*); 4 – котел из кург. 28 могильника Высочино VII (*mun VI.6.A*); 5 – котел из кургана у с. Булаховка (*mun VI.1.A*).

широкое распространение которых вообще начинается с середины I в. н.э., и один котел *mina VIII* (Лебедевка VI, кург. 36), относящийся уже к поздне-сарматскому времени (первая половина III в. н.э.). Эта группа характеризуется мелкодендритной структурой металла без следов гомогенизации (рис. 3, 1–4), высокой теплопроводимостью стенок литейной формы, высокой скоростью остывания отливки, использованием при литье оловянисто-свинцовых сплавов. Причем содержание олова и свинца в металле котла из кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан составляет соответственно 8.0 и 13.0%⁶, что также наиболее характерно для котлов I – первой половины II в. н.э. Назовем и еще одну характерную деталь, объединяющую перечисленные выше котлы – использование при изготовлении литейной формы двусоставного глиняного литейного стержня с выпуклой нижней частью, а также – веревочки, которой стягивалась растительная конструкция, предохраняющая плавкую

модель котла от проседания внешней части литейной формы. К настоящему моменту мною учтено 54 котла *mina VI*. Непосредственно к варианту 1 подварианта A (*VI.1.A*) относятся 29 экземпляров. Ни один (!) из них не найден в комплексах IV – начала III в. до н.э. Подобное сочетание морфологических и технологических характеристик на известных мне котлах IV – начала III в. до н.э. также не встречается, поэтому датировать котел из кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан, как и все погребение, III в. до н.э. не представляется возможным.

Данный факт подтверждают материалы из кург. 1 погр. 21 могильника Донской (Ростовская обл.), где также был обнаружен котел *mina VI.1.A*. По всем морфологическим параметрам, которые во многом определяют и сходную технику изготовления, этот экземпляр абсолютно аналогичен котлу из могильника Верхний Еруслан. Совпадает, в частности, и такая интересная деталь, как “якоревидные” тамгообразные знаки, расположенные попарно у оснований вертикальных петлевидных ручек с тремя выступами. Дата комплекса не вызывает сомнений. Наряду с бронзовым котлом (рис. 4, 18) здесь были обнаружены остатки золотой фольги (рис. 4, 14, 15), железные наконечники стрел с короткой трехлопастной головкой и длинным черешком, также аналогичные железным наконечникам стрел из кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан (рис. 4, 11, 12), втульчатый железный наконечник стрелы с плоским треугольным пером (рис. 2, 13), фрагменты длинного железного меча (рукоять не сохранилась) (рис. 4, 16) и, наконец, бронзовая литая прямоугольная пряжка с изображением лежащего верблюда (рис. 4, 17) (Илюков, 2001. С. 198–207). По мнению А.С. Скрипкина, подобные пряжки являются одним из хроноиндикаторов позднего этапа раннесарматской культуры (Скрипкин, 2000. С. 24) и появляются скорее всего в середине II в. до н.э. (Клепиков, Скрипкин, 2004. С. 99).

Еще один котел *mina VI.1.A*, имеющий “якоревидные” тамгообразные знаки под основанием вертикальных петлевидных ручек с тремя выступами (рис. 5, 2), найден на Нижнем Дону в кург. 6 могильника Московский II (Ростовская обл.) (Илюков, Власкин, 1992. С. 159). Правда, единственное сарматское погребение в кургане было ограблено. Сохранившийся инвентарь – пара железных колец (рис. 5, 3), фрагменты бронзового колечка, обломок железного ножа, три кусочка мела, стеклянные бусы (ребристые с внутренней позолотой (рис. 5, 4), биконическая голубого цвета (рис. 5, 5), боченковидная с внутренней позолотой (рис. 5, 6), шаровидная светло-зеленая (рис. 5, 7)) – также не противоречит дате II–I вв. до н.э.

Из аналогичных ранних экземпляров *mina VI.1.A*, обнаруженных на соседних территориях, назову котел из кургана у с. Булаховка (Днепропет-

⁶ Спектральный анализ № 2615–276, ВНИИР.

ровская обл., Украина), который был найден в комплексе с серебряными фаларами и датируется концом II – началом I в. до н.э. (Смирнов, 1984. С. 110). От описанных выше сосудов он отличается лишь наличием двойной веревочки и отсутствием “якоревидных” тамгообразных знаков. Основания ручек на тулове котла обрамлены рельефными подтреугольными валиками (рис. 2, 5) (Костенко, 1978). Остальные котлы *типа VI* датируются в рамках I в. до н.э. – первой половины II в. н.э.

Таким образом, учитывая несомненное сходство котлов из кург. 1 погр. 21 могильника Донской, из кург. 6 могильника Московский II и из кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан, проявляющееся и в таких деталях, как тамгообразные знаки под ручками сосудов, можно с большой долей вероятности утверждать, что все они были изготовлены и использовались примерно в одно и то же время в середине II в. до н.э. Даже если предположить несколько более раннюю хронологическую позицию котла из Верхнего Еруслана по сравнению с котлами из могильников Донской и Московский II, то и в данном случае она не будет выходить за рамки первой половины – середины II в. до н.э., поскольку особенности технологии изготовления не позволяют “оторвать” его от других экземпляров данного типа.

Сочетание бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел, обнаруженное в кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан, также не может рассматриваться в качестве аргумента в пользу его датировки III в. до н.э. По данным сводной таблицы, в которую В.М. Клепиков и А.С. Скрипкин включили 38 памятников, относящихся, по мнению авторов к III в. до н.э. (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 69), сочетание бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел прослежено в 18 погребениях. Если проанализировать взаимовстречаемость в этих комплексах хроноиндикаторов IV в. до н.э. и II–I вв. до н.э.⁷, то окажется, что в 13 (!) из них преобладают хроноиндикаторы II–I вв. до н.э. и только в одном погребении – IV в. до н.э.

⁷ Хроноиндикаторы IV в. до н.э.: 1 – бронзовые наконечники стрел; 2 – железные втульчатые дротики; 3 – костяные втульчатые наконечники стрел; 4 – ворворки; 5 – зеркала с плоским диском и боковой ручкой; 6 – тальк в тесте керамики; 7 – круглодонные сосуды; 8 – античная керамика IV–III вв. до н.э.; 9 – золотые перстни с выпуклым щитком; 10 – железные стержневые браслеты; 11 – пирамидальные бусы. Хроноиндикаторы II–I вв. до н.э.: 12 – железные черешковые наконечники стрел; 13 – мечи с прямым перекрестьем и серповидным навершием; 14 – мечи с кольцевидным навершием; 15 – “молоточки”; 16 – зеркала с валиком и ручкой-штырем; 17 – орнамент сосудов – “полотенца”; 18 – полированные костяные проколки с отверстием; 19 – бусы с внутренней позолотой; 20 – бусы гагатовые дисковидные; 21 – коралловые веточки; 22 – бронзовые восьмерковидные пряжки (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 69).

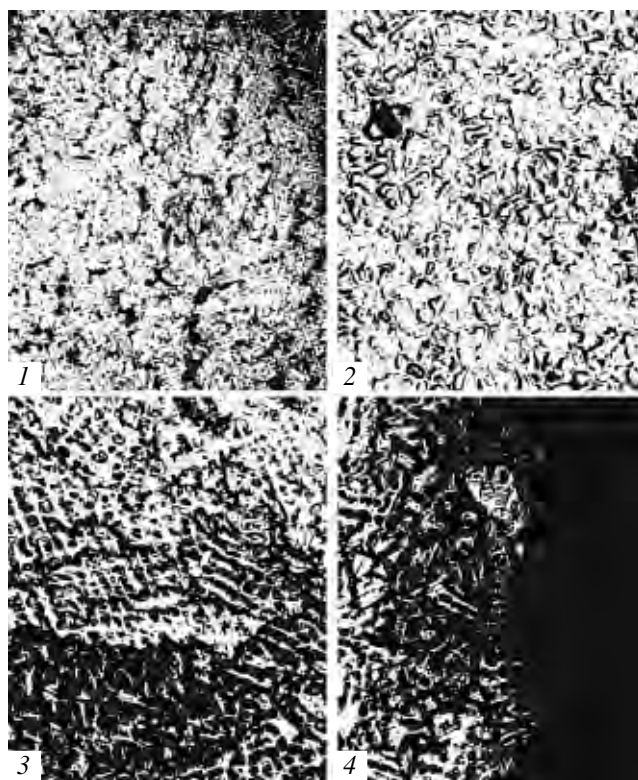

Рис. 3. Микроструктуры литых сарматских котлов II в. до н.э. – середины II в. н.э.: 1 – Верхний Еруслан, кург. 1 погр. 5 (Анализ № 2936, ув. 70); 2 – Антонов, кург. 5 (Анализ № 2904, ув. 120); 3 – Бердия, кург. 3 (Анализ № 2922, ув. 120); 4 – Барановка, кург. 2 (Анализ № 2915, ув. 120).

В целом же хроноиндикаторы II–I вв. до н.э. преобладают в 23 погребениях из 38, причем в некоторых комплексах это соотношение составляет 5 : 1 (Белокаменка, кург. 1 погр. 3; Бережновка II, кург. 14 погр. 22), 4 : 1 (Венгеловка, кург. 2 погр. 10; Бережновка, Южная группа, кург. 2 погр. 11; Верхний Еруслан, кург. 1, погр. 5), 3 : 1 (Визенмиллер II, кург. 4 погр. 3; Калиновка, кург. 19 погр. 17; Журов курган, погр. 2; Киляковка, кург. 4 погр. 4; Кривая Лука XVI, кург. 1 погр. 18), 2 : 1 (Усатово, кург. G5 погр. 11; Усатово, кург. F19 погр. 2; Эльтон, кург. 13 погр. 2; Питерка II, кург. 1 погр. 11; Джангала, кург. 3 погр. 2; Калиновка, кург. 8 погр. 41; Бережновка II, кург. 14 погр. 19; Кривая Лука XVI, кург. 1 погр. 20; Кривая Лука XVI, кург. 6 погр. 4), 4 : 2 (Старица, кург. 42 погр. 2, 3), 3 : 2 (Киляковка, кург. 4 погр. 5; Белокаменка, кург. 6 погр. 5) и только в трех погребениях преобладают хроноиндикаторы IV в. до н.э. – 2 : 1 (Торгунское, кург. 1 погр. 9; Бережновка II, кург. 85 погр. 2; 15-й поселок, кург. 1 погр. 1). В оставшихся 13 погребениях количество хроноиндикаторов IV и II–I вв. до н.э. равнозначно – 1 : 1. В среднем в выборке из 38 погребений встречаемость хроноиндикаторов II–I вв. до н.э. (80 случаев) почти в 2 раза выше, чем встречаемость хроноиндикаторов IV в. до н.э. (46 случаев). А такой хроноиндикатор IV в. до н.э., как “ко-

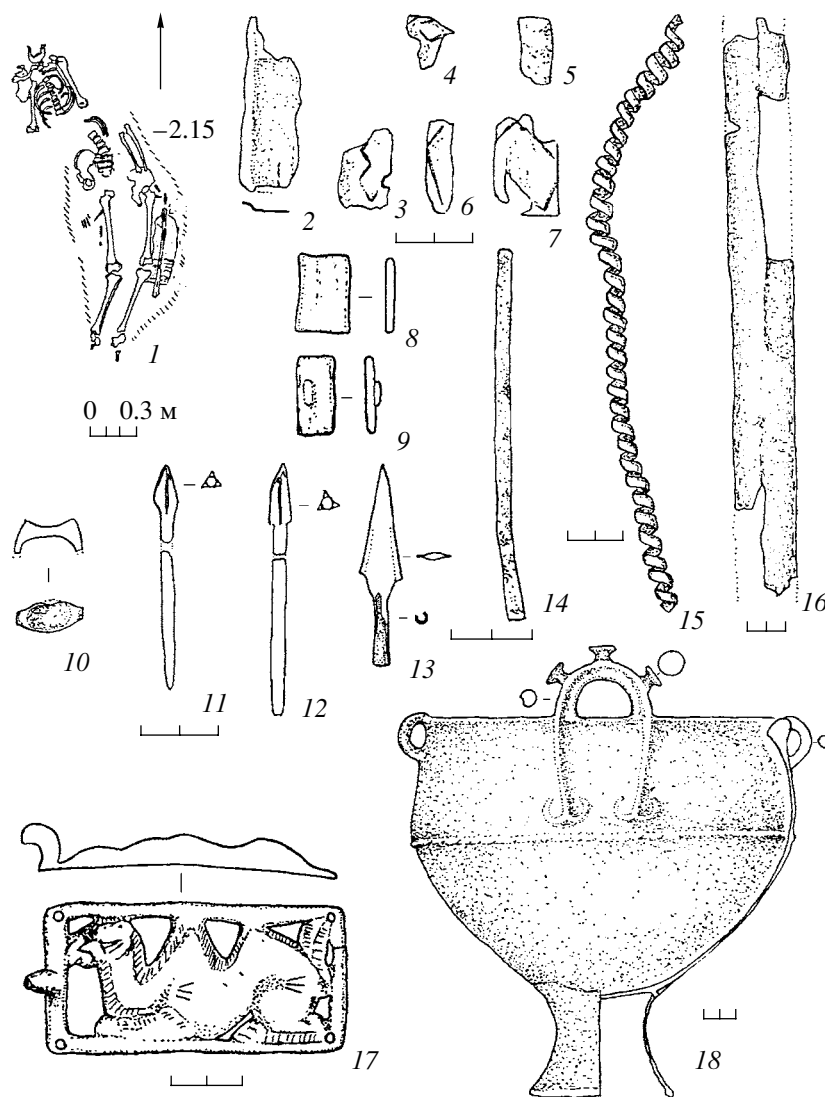

Рис. 4. Могильник Донской, кург. 1 погр. 21: 1 – план погребения; 2–7 – обрывки золотой фольги; 8, 9 – фрагменты железной втулки (?); 10 – железный перстень; 11, 12 – железные черешковые наконечники стрел; 13 – железный наконечник стрелы с плоским треугольным пером и втулкой; 14 – прямая ленточка из золотой фольги; 15 – спиралевидная ленточка из золотой фольги; 16 – фрагменты железного меча; 17 – бронзовая пряжка; 18 – бронзовый литой котел (по Ильюкову, 2001).

стяные втульчатые наконечники стрел”, не встречен вообще ни разу, поэтому его можно было и не включать в таблицу (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 69).

Данные факты свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что погребения собственно III в. до н.э. В.М. Клепикову и А.С. Скрипкину все-таки убедительно выделить не удалось. По крайней мере, 60% погребений из 38 “эталонных” комплексов “зажать” в III в. до н.э. не представляется возможным. Скорее всего, они действительно относятся уже ко II в. до н.э., может быть, к первой его половине. Вероятно, это понимают и сами исследователи, так как, с одной стороны, категорично утверждая наличие памятников III в. до н.э. в Нижнем Поволжье, с другой стороны, объясняют, что имеют в виду все-таки “трудно выделяемый времен-

ной промежуток с рубежа IV–III вв. до начала или даже середины II вв. до н.э.” (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 67)⁸. В любом случае «метод “зажатых” датировок», предложенный В.М. Клепиковым, скорее следует рассматривать в качестве оригинальной гипотезы⁹, а не в качестве “единственно

⁸ Эта двойственность позиции в определении дат различных периодов, на мой взгляд, хорошо видна в последней работе исследователей, подводящей итоги хронологическим изысканиям в области раннесарматской культуры Нижнего Поволжья. В частности, второй период датируется “III или III – началом II вв. до н.э.”, а третий период – “II–I или серединой II–I вв. до н.э.” (Скрипкин, Клепиков, 2004. С. 97, 98).

⁹ Гипотетичность подобного подхода подчеркивается и в вышедшей недавно рецензии А.В. Симоненко на монографию В.А. Клепикова (Симоненко, 2003. С. 301).

возможного” метода (Клепиков, 2000. С. 122) для выделения памятников III в. до н.э., поскольку происходит искусственное занижение датировки более поздних погребений, что хорошо видно на примере комплекса с котлом *типа VI.1.A* из кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан¹⁰.

Таким образом, сочетание в комплексах втульчатых бронзовых наконечников стрел с железными стрелами с длинным черешком не может служить бесспорным индикатором III в. до н.э. Большинство погребений, в которых они встречены, вероятнее всего, относятся ко II в. до н.э., возможно, к его первой половине.

Появление котлов *типа VI* и, что следует особенно подчеркнуть, сопутствующих им изменений в технике литья также следует относить к первой половине – середине II в. до н.э. и рассматривать их в контексте инноваций, распространяющихся в сарматской культуре во II–I вв. до н.э. и связанных с передвижениями кочевых племен, вызванных активизацией хунну на востоке. Каких-либо данных, позволяющих безошибочно датировать комплексы с этими котлами III в. до н.э. на сегодняшний день нет.

В то же время изучение морфологических и технологических особенностей всей совокупности савромато-сарматских бронзовых литых котлов V в. до н.э. – III в. н.э. позволяет утверждать, что длительного разрыва в развитии литейного дела в “темный” период III в. до н.э. у сарматских племен не было, поскольку на каждом из этапов развития “савромато-сарматской культурно-исторической общности” фиксируются черты, характеризующие, с одной стороны, преемственность в развитии такой своеобразной категории изделий, какими являются литые котлы, с другой стороны, на каждом этапе в технологии изготовления сосудов появляются новые элементы, не использовавшиеся или нехарактерные для предыдущего этапа (Демиденко, 2000. С. 67–70).

Возможно детальное изучение не только морфологических, как это делалось до сих пор, но и технологических характеристик других категорий изделий (оружия, украшений, зеркал, керамики и

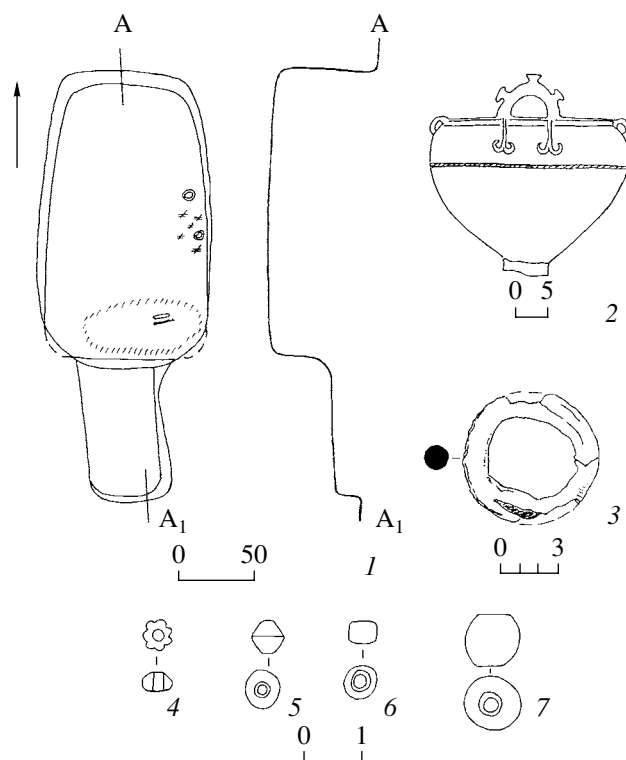

Рис. 5. Могильник Московский II, кург. 6 погр. 1: 1 – план погребения; 2 – бронзовый литой котел; 3 – железные кольца-ручки; 4 – стеклянная продольно-ребристая бусина с внутренней позолотой; 5 – стеклянная биконическая голубая бусина; 6 – стеклянная бочонковидная бусина с внутренней позолотой; 7 – стеклянная шаровидная светло-зеленая бусина (по: Илюкову, Власкину, 1992).

т.д.) позволит выявить тенденции развития вещей, аналогичные установленным для сарматских котлов. Однако хотелось бы отметить, что ограничение исследований рамками только одного региона или одного хронологического этапа, к сожалению, не может дать полного понимания динамики развития всех типов какой-либо из категорий вещей, что в свою очередь может привести и к не совсем объективной оценке исторической ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демиденко С.В. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М., 1997.
- Демиденко С.В. Бронзовые котлы раннего железного века как источник по истории и культуре древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Зуев В.Ю. О путях решения “проблемы III в. до н.э.” в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus. 1999. № 3.

¹⁰ При обсуждении основных положений данной статьи на Международном семинаре “Региональные проблемы формирования и развития раннесарматской культуры”, проходившем в Волгограде 26–29 марта 2006 г., В.И. Клепиковым было высказано мнение, что бронзовый котел оказался в кург. 1 погр. 5 могильника Верхний Еруслан случайно, при сооружении более позднего погр. 4, которое частично нарушало свод подбоя погр. 5 и было почти полностью ограблено. Соответственно погр. 5 датируется более ранним временем, а котел – более поздним. Я не могу согласиться с данным предположением, поскольку в публикации А.И. Юдина, в описании погр. 5, которое подтверждается и чертежом захоронения, четко сказано, что бронзовый котел “...стоял в средней части могилы, под западной стенкой, с завалом на кости таза погребенного” (Юдин, 1997. С. 174. Рис. 2, 1) и, следовательно, никакого отношения к погр. 4 не имел.

- Зуев В.Ю. К вопросу о выделении памятников III в. до н.э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000.
- Зуев В.Ю. Несколько заметок по ходу сарматской дискуссии // Боспорский феномен. Т. II. СПб., 2002.
- Ильюков Л.С. Курганы с погребениями раннесарматского времени // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.
- Ильюков Л.В., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов на/Д., 1992.
- Клепиков В.М. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 1. Самара, 2000.
- Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III в. до н.э. Волгоград, 2002.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002.
- Костенко В.М. Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Вып. 2. Днепропетровск, 1978.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Полин С.В., Симоненко А.В. Скифы и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997.
- Полин С.В., Симоненко А.В. Сарматы и гибель Великой Скифии // *Kimmerowie, sckytowie, sarmaci*. Krakow, 2004.
- Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Симоненко А.В. "Проблема III в. до н.э." – вариант решения? Рец.: В.М. Клепиков "Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III в. до н.э." Волгоград, 2002 // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.
- Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000.
- Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Краснодар, 2004.
- Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. 2000. № 1.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Юдин А.И. Сарматские погребения из курганов у с. Верхний Еруслан // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997.

On one of the aspects of "the problem of the 3d c. B.C." in Sarmatian archeology

S. V. Demidenko

Summary

The article is devoted to one of the aspects of the "problem of the 3d c. B.C." in Sarmatian archeology, related to the dating of graves which yielded cast bronze cauldrons of the VI.1.A. type according to the author's classification. Considering the morphological and technological peculiarities of the cauldron from burial 5 of mound 1 of the Upper Yeruslan burial ground in the Saratov region, which has analogies only in Sarmatian artifacts of the middle of the 2nd c. B.C. – first half of the 2nd c. A.D., the author does not deem it possible to date this grave to the 3d c. B.C., as V.M. Klepikov and A.S. Skripkin do on the basis of the "pressed dates" method. Analysis of chronoindicators of the 4th and 2nd–1st cc. B.C. employed by V.M. Klepikov and A.S. Skripkin to identify 38 reference graves of the 3d c. B.C. shows that chronoindicators of the 2nd–1st cc. B.C. dominate in almost 60% of the cases. The fact that both collared bronze and shafted iron arrowheads are encountered within the complex cannot point unconditionally to the 3d c. B.C., as chronoindicators of the 2nd–1st cc. B.C. dominate in 13 of the 18 graves studied by V.M. Klepikov and A.S. Skripkin, and chronoindicators of the 4th c. B.C. in one grave only. The above facts show that V.M. Klepikov's "pressed dates" method is an original hypothesis rather than "the only possible" means to identify 3d c. B.C. sites, as dates for later burials artificially acquire a downward bias. This is well illustrated by the example of the complex which contained the cauldron of the VI.1.A. type from burial 5 of mound 1 of the Upper Yeruslan burial ground. The appearance of cauldrons of the VI type and corresponding changes in casting techniques should be referred to the first half – middle 2nd c. B.C. and considered in the context of the innovations spreading through Sarmatian culture in the 2nd–1st cc. B.C. due to the migrations of nomad tribes troubled by the Hsuyunnu in the East. Currently there is no data which could allow to date the complexes containing the cauldrons to the 3d c. B.C.

РАСКОПКИ “ЦАРСКОГО” КУРГАНА В ФИЛИППОВКЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

© 2007 г. Л. Т. Яблонский*, Д. В. Мещеряков**

* Институт археологии РАН, Москва

** Оренбургский государственный педагогический университет

Летом 2006 г. Приуральская экспедиция Института археологии РАН провела раскопки кургана 4 могильника Филипповка-1, расположенного на территории Илекского района Оренбургской области. Этот могильник прославился на весь мир благодаря выдающимся находкам, которые были сделаны там во время работ уфимской археологической экспедиции под руководством А.Х. Пшеничнюка. Могильник насчитывает 28 курганов, которые датируются раннесарматским временем (на наш взгляд, вторая половина V–IV в. до н.э.). В центре памятника находились два наиболее крупных кургана (№ 1 и 4). Диаметры насыпей этих курганов достигали 100–120 м, а высота их приближалась к 8 м. По традиции курганы таких размеров обычно называют “царскими”.

Раскопки кургана № 1, предпринятые в конце 80-х годов прошлого столетия (Пшеничнюк, 1989; 1995; 1997; 1999), дали многочисленную коллекцию уникальных находок из драгоценных металлов, в том числе серию знаменитых золотых оленей. Центральное погребение этого кургана оказалось полностью разграбленным, и почти все находки происходили из ям-тайников, обнаруженных вблизи бортов могильной ямы.

Курган № 4 весной 2005 г. подвергся попытке ограбления с использованием экскаватора, обладающего телескопической стрелой. Грабители прорыли две траншеи шириной до 5 м и глубиной свыше 7 м, которые под углом сходились в центре кургана и, расширяясь там, образовывали карьер неправильной подчетырехугольной в плане формы. Силами Приуральской экспедиции траншеи и карьер в 2005 г. были засыпаны. Однако дальнейшее разрушение кургана под воздействием как природных, так и антропогенных факторов представлялось неминуемым. Поэтому еще осенью прошлого года были начаты переговоры о подготовке экспедиции для полного исследования кургана 4. Ситуация осложнялась тем, что предстояло совершить большой цикл земляных работ по полной передвижке огромной насыпи кургана.

До раскопок насыпи околокурганное пространство вокруг нее было прочищено до материка. В результате к северу от кургана была найдена

воронкообразная водосборная яма глубиной свыше 3 м.

У южной полы насыпи на поверхности древнего горизонта были расчищены отдельные скопления костей лошади, в том числе почти полные скелеты, а также лошадиные черепа (9 штук), которые лежали в один ряд затылочными частями на юг.

Под насыпью кургана была прослежена деревянная конструкция перекрытия погребальной камеры, которая состояла из бревен, уложенных в радиальном направлении в 7–10 слоев. Конструкция была сожжена и фиксировалась в сильно обугленном состоянии.

В юго-западном секторе кургана, в толще нижних слоев насыпи был обнаружен жертвенный комплекс: остатки шкуры крупного хищника (от нее сохранились кости лап и массивные когти). В пределах шкуры был расчищен скелет крупной хищной птицы с когтистыми лапами, возможно сокола, а также многочисленные детали уздечек – бронзовые и костяные (различного рода бляшки, нашивки, ворворки, чомбурные петли и т.д.). Многие из этих предметов были выполнены в традициях звериного стиля. Здесь же – несколько пар удил и псалиев (в общей сложности – около 200 предметов).

Под насыпью кургана было обнаружено пять могильных ям.

Погребение 1 фиксировалось в верхних слоях насыпи. Сохранилось захоронение мужчины зрелого возраста¹, который лежал в деревянной гробовине, без сопровождающего инвентаря. На крышке гробовины были расчищены копыта и бабки лошади, которые находились в правильном анатомическом сочленении. По-видимому, поверх гроба была уложена лошадиная шкура. Это захоронение является впускным и вероятнее всего датируется эпохой раннего средневековья.

Еще два впускных захоронения (№ 2 и 3) находились в восточной поле насыпи, и одно (№ 4) – в западной. Направление длинных осей могильных ям соответствовало направлению края насыпи

¹ Здесь и далее все антропологические определения были сделаны в поле А.Т. Яблонским.

Рис. 1. Золотая гривна из погребения 2 (см. цветную вклейку № 1).

Рис. 2. Золотая деталь горита (умбон) и портупейные пряжка и крюк из погребения 3, *in situ* (см. цветную вклейку № 1).

кургана в данных секторах. В центральной части насыпи было найдено основное погребение (№ 5). Оказалось, что погребения № 2–5 являются синхронными и датируются раннесарматским временем.

Очень важно отметить, что все впускные захоронения не были потревожены грабителями, и таким образом представляют собой закрытые археологические комплексы. Ямы впускных захоронений прослеживались с уровня выше поверхности погребенной почвы и были сделаны, когда нижние слои насыпи вокруг центрального захоронения уже существовали.

Погребение 2 принадлежало пожилому по тем временам (50–55 лет) воину. Он был захоронен в глубокой (около 4 м) подпрямоугольной в плане яме. Вдоль ее длинных бортов были устроены заплечики, на которых располагались поперечно бревна перекрытия. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой в южный сектор. Он был уложен на травянистую подстилку, перекрывавшую всю площадь погребальной камеры.

В юго-восточном углу могилы находился железный чешуйчатый панцирь, а в юго-западном углу в пол погребальной камеры был воткнут вертикально массивный железный наконечник копья (его древко не сохранилось). На груди погребенного находилась гривна с заходящими концами. Она была выполнена из литого золотого прута. Концы гривны украшены объемными фигурками лежащих в полный рост хищников кошачьей породы, вероятно львов (рис. 1).

Поперек бедер, рукоятью у правой кисти лежал короткий железный меч-акинак. Перекрестие меча золотое, бабочковидной формы с гравированным изображением многофигурной композиции в зверином стиле. Ножны меча, вероятно деревянные, были украшены золотой полосой из фольги и инкрустированы золотыми спирально согнутыми проволочками. Темляк меча украшала крупная хрустальная граненая бусина. Острие меча располагалось поверх скопления бронзовых наконечников стрел (более 200 разнотипных экземпляров). На головках некоторых наконечников прослеживались разнотипные тамгообразные знаки.

Возле левого локтя находился массивный золотой чашевидный предмет конусообразной формы с отверстием в дне, а несколько выше – массивная золотая литая пряжка в виде фигурки лежащего тигра. Пряжка имела две взаимоперпендикулярные прорези. Она служила в качестве обоймы для перекрестия ремней портупеи. Конусообразный предмет являлся умбоном портупеи. От самого горита сохранились переплетенные прутья, на поверхности которых фиксировались следы кожи.

Погребение 3 располагалось неподалеку от погребения 2 и к северу от него. На дне глубокой могильной ямы с заплечиками и бревнами перекрытия был расчищен скелет молодого мужчины-воина. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой в южный сектор. На поверхности дна погребальной камеры сохранился тлен от травянистой подстилки. Справа от скелета, под бортом погребальной камеры *in situ* располагались две металлические детали копья – массивный железный наконечник, типологически аналогичный вышеописанному, и серебряный литой вток в виде трубки с резным окончанием. Судя по их взаиморасположению, длина копья превышала 3 м.

Шею погребенного украшала гривна с заходящими концами, сделанная из золотого литого прута. Концы предмета оформлены объемными фигурками лежащего хищника кошачьей породы. У левого бедра находились золотые детали горита – массивный умбон, типологически аналогичный описанному выше, и пряжка (обойма для перекрестия ремней), выполненная в виде пластины с двумя железными петлями на оборотной стороне (рис. 2). Лицевая поверхность пряжки покрыта золотой фольгой со штампованной многофигурной

композицией в зверином стиле. Рядом с левой бедренной костью, ниже тазобедренного сустава был найден портупейный крюк. Он сделан из литого серебра и изображает композицию из голов грифона и пантеры (рис. 2). Детали животного и мифической птицы покрыты глубокой гравировкой, заполненной плакировкой золотом.

У левого бедра располагался также железный боевой топор. Поперек бедер, рукоятью к правой кисти лежал короткий железный меч-акинак. Поверх острия меча находился колчан, наполненный стрелами, от которых сохранились бронзовые наконечники (более 60 экземпляров). Головки некоторых наконечников покрыты тамгообразными знаками.

Между скелетом и наконечником копья стояла деревянная чаша, от которой помимо древесного тлена сохранилась золотая накладка на венчик. Она представляет собой прорезную ажурную пластину с гравированным многофигурным изображением в зверином стиле.

Погребение 4 находилось в западной поле насыпи кургана и фиксировалось в нижней части насыпи выше поверхности погребенной почвы. Могильная яма по форме в плане приближалась к широкому прямоугольнику и достигала глубины около 4 м от поверхности, с которой она начиналась. Длинной осью яма ориентирована параллельно краю насыпи кургана в данном секторе. Вдоль длинных бортов могильной ямы проходили заплечики, на них в поперечном направлении лежали бревна перекрытия, от которых сохранились отпечатки. На поверхности восточного заплечика был найден массивный железный наконечник копья, типологически аналогичный описанным выше.

На дне погребальной камеры были расчищены два скелета. Захоронение парное одновременное. Оба погребенных лежали на спине, головой в южный сектор, в вытянутом положении. Скелет с восточной стороны принадлежал молодому мужчине. Он лежал вытянуто на спине, головой в южный сектор, лицом в сторону девушки. В головах погребенного лежал железный меч-акинак, поверх которого находился серебряный сосуд. Сосуд имел носик-слив, украшенный фигурой быка (?) с бородой (рис. 3). Противоположная ручка сосуда была утрачена в древности, и место ее крепления к корпусу было тщательно запаяно и зашлифовано.

На шее погребенного была надета гривна с заходящими концами, сделанная из литого золотого прута. Концы гривны украшали литые фигурки баранов. Вдоль правой плечевой кости располагались нашивки из штампованного золотого листа, изображающие тигров. На восьми крупных нашивках – тигр анфас с головой, слегка приподнятой над передними лапами. На бедренных частях животных сделаны углубления в виде запятой,

Рис. 3. Серебряный сосуд из погребения 4 (см. цветную вклейку № 1).

ограниченные зернью. Эти углубления и внутренние поверхности оттопыренных ушей заполнены бело-голубой эмалью. Еще 11 нашивок, более мелких, выполнены в виде профильных изображений тигров. С обратной стороны фигурок имеются парные петли для нашивания. Всего, таким образом, здесь было зафиксировано 19 нашивок, которые, очевидно, украшали борт плаща вдоль левой руки.

На запястьях погребенного – массивные золотые литые браслеты. Концы кольцевидного браслета, украшенные изображениями ушастого животного с длинной узкой мордой, были сомкнуты. Другой браслет, более массивный, так называемый омеговидный, имел разомкнутые концы, которые были украшены объемными фигурками баранов (рис. 4). Поперек бедер располагался железный меч-акинак. У правого предплечья находился колчан, от которого сохранился набор разнотипных бронзовых наконечников стрел (98 штук); рядом – железный, обтянутый золотой фольгой колчаный крюк, украшенный изображением в зверином стиле.

Рис. 4. Золотой браслет из погребения 4 (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 5. Золотая гривна на женском скелете из погребения 4, *in situ* (см. цветную вклейку № 1).

В ногах погребенного стояли два дисковидных деревянных блюда, сохранившихся в виде коричневого тлена. На одном блюде находились обломки железных (неопределимых) предметов, бусы и бисер. На другом – серебряное дисковидное зеркало с приклепанной к диску костяной рукоятью с резным изображением фигуры волка, золотые бусины, кусочки антрацина и красной краски. Любопытно, что типичный для сарматов женский комплекс предметов был уложен в ногах мужчины.

Другой скелет принадлежал девушке 18–20 лет. Она лежала вытянута на спине, головой в южный сектор, лицом вверх. На шее была гривна из литого золотого прута с заходящими концами, украшенными объемными фигурками кошачьего хищника (рис. 5). В отличие от уже рассмотренных гривен поверхность этой не гладкая, а рифленая. На запястья надеты два массивных браслета оме-

говидной формы из золотого литого прута, концы которых украшены объемными фигурками козлов.

Слева вдоль плечевой кости и крыла таза, как и в случае с мужчиной, располагались золотые нашивки – восемь крупных, литых, изображающих фигурки тигров в профиль (головы анфас, слегка приподняты над передними лапами). Типологически фигурки аналогичны принадлежавшим мужчине, так же украшены с инкрустацией эмалью и зернью. Еще 11 нашивок выполнены в технике штамповки по золотому листу и изображают фигурки тигров в профиль. С обратной стороны они имеют парные петельки для пришивания. Между голенями погребенной кучкой лежали разнообразные бусы, бронзовая подвеска в виде утки и 12 бронзовых бубенчиков котловидной формы.

В ногах погребенных в ряд располагались четыре крупные бусины (меловые и глазчатая), которые, вероятно, украшали край общего для обоих покрывала.

Погребение 5 располагалось под центральной частью насыпи. Оно представлено большой подпрямоугольной в плане ямой с коридорообразным дромосом, отходящим на юг из центральной части южного борта камеры. Сверху камера была перекрыта бревнами, которые лежали в радиальном направлении в 7–10 слоев. Внешние концы бревен были перекрыты кучами хвороста. И бревна, и хворост найдены в сильно обугленном состоянии. Нижние слои насыпи над бревнами прокалены докрасна. Центральная часть перекрытия была разрушена дважды – при древнем и современном ограблении погребальной камеры – и не сохранилась. В центре погребальной камеры располагался подквадратный в плане глинобитный жертвенник, символизирующий очаг. Поверхность его была покрыта сантиметровым слоем золы. Стенки очага располагались строго по сторонам света.

Северный борт погребальной камеры был пробит древней грабительской воронкой. Захоронения здесь полностью разрушены, и от них сохранились лишь разбросанные в беспорядке мелкие бусины, в том числе золотые. Юго-западная четверть погребальной камеры была разрушена в 2005 г. ковшом экскаватора, который заглубился в ее дно на 20–25 см. На северном борту экскаваторного карьера лежали *in situ* два золотых бубенчика. Западный борт карьера прорезал вдоль позвоночника скелет подростка (№ 1), который залегал непосредственно под западным бортом погребальной камеры. В ногах этого скелета найдена бусина. Экскаватором также была разрушена привходовая и средняя части дромоса. Следы работы ковша экскаватора были обнаружены также к востоку от средней части дромоса.

Основная площадь погребальной камеры осталась нетронутой грабителями. Здесь удалось за-

Рис. 1

Рис. 3

Рис. 2

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 4 (ст. Яблонского, Мещерякова)

Рис. 6 (ст. Кузнецова)

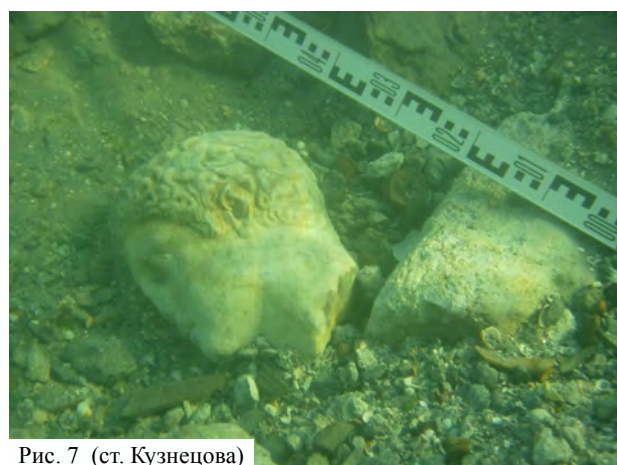

Рис. 7 (ст. Кузнецова)

Рис. 8 (ст. Кузнецова)

Рис. 9 (ст. Кузнецова)

Рис. 10 (ст. Кузнецова)

фиксировать следы упавшего легкого (внутреннего) перекрытия погребальной камеры, представленного тонкими длинными плашками шириной 8–10 см. Некоторые из них лежали непосредственно на полу камеры и на поверхности очага. Это дает основания полагать, что перекрытие рухнуло, когда камера была еще полон. В привходовой части камеры, близко к устью дромоса были расчищены скелеты трех лошадей, кости которых лежали в анатомически правильных сочленениях. Один их скелетов был полуразрушен ковшом экскаватора.

Вся картина свидетельствует о том, что погребенные располагались вокруг очага (вдоль его стен) парами. При этом ориентировка погребенных не имела значения. Так, скелеты 2 и 3 оказались лежащими черепами на запад, скелет 4 – на север, а скелет 5 – на юг. Захоронения совершались в специальных гробовинах с крышками. Углы гробовин были сделаны из толстых брусьев, которые скрепляли бронзовыми скобами, вколачивая в них большие литые бронзовые гвозди с грибовидными шляпками и четырехугольными в сечении стержнями. В таких гробовинах было зафиксировано два скелета. При одном из них найден железный браслет, украшенный золотой фольгой, золотой и серебряной проволокой, а также золотая серьга.

Еще две гробовины были зафиксированы *in situ*. Они не были потревожены грабителями, но оказались совершенно пустыми. В пространстве между гробовинами 2, 3, 4 и 5 находился жертвенный комплекс. Сверху лежал большой деревянный сосуд, обернутый серебряными и золотыми листами. Сосуд с двумя соединяющимися сферическими чашами, обернутыми серебряными орнаментированными листами. Парные ручки чаш выполнены в виде голов баранов, направленных мордами в разные стороны и обернутых толстой золотой фольгой. Детали поверхности (глаза, пасти, уши, рога, щеки) проработаны по фольге в технике отбивки. В нижней части сосуда расположены ноги барана, также обернутые золотой фольгой. В средней части поддона передние и задние ноги барана смыкаются (рис. 6). Рядом с сосудом находился бронзовый светильник. Он выполнен в виде полон скульптуры быка-зебу (с характерный горбом на загривке). Бык был установлен на ноги, головой на север. Между горбом и затылком располагалось круглое в плане отверстие для наливания масла. От передней части морды отходит длинная цилиндрическая трубка (для фитиля).

Под обоими сосудами была расчищена сплетенная из тонких прутьев сумочка-корзинка, в которой находились: костяная ложечка с резной (в зверином стиле) ручкой; железный нож с литой серебряной рукоятью, украшенной рельефным изображением рогатого оленя; обломок железного предмета, обернутого толстым золотым листом;

Рис. 6. Сосуд и бронзовый светильник из погребения 5, *in situ* (см. цветную вклейку № 1).

деревянные прутья с золотыми полыми цилиндрической формы орнаментированными деталями (рукояти нагаек).

Некоторые вещи располагались вокруг очага. Среди них: стеклянная полусферическая чашка, две большие бронзовые фигурки баранов, небольшие золотые нашивки с профильными штампованными изображениями льва, крестообразная штампованная большая золотая нашивка с изображением сходящихся в центре голов баранов (вид сверху).

На протяжении почти тысячи лет ранние кочевники, известные в древних письменных источниках под именем “сарматы”, господствовали в степях Восточной Европы. Современники скифского царства, они не только пережили его, но вероятно, способствовали (согласно сообщению Диодора Сицилийского [II, 43]) его падению в III в. до н.э. Воинственность сарматов фиксируется не только в письменных, но и в археологических источниках. Предметы вооружения и конской упряжи – наиболее частая находка в мужских захоронениях сарматского типа. Нередки случаи находок комплексов вооружения и в женских захоронениях, что делает правдоподобными сведения древнегреческих источников о вооруженных женщинах-амазонках, сражающихся наравне с мужчинами. Воинственные сарматские орды сыграли выдающуюся роль в формировании этнополитической ситуации в Восточной Европе и Средней Азии не только в раннем железном веке, но и в эпоху раннего средневековья. Предполагают, что вооруженные сарматские отряды могли принять активное участие в событиях, связанных с падением во II в. до н.э. Греко-Бактрийского царства (Скрипкин, 1990), располагавшегося на юге Средней Азии и основанного еще Александром Македонским.

В первые века нашей эры интенсивные передвижения сарматов в степях Восточной Европы от Северного Кавказа и Боспора вплоть до Дуная стали одним из факторов, послуживших катализатором для Великого переселения народов. В этом контексте особое значение имело противостояние “варваров” Римской империи. Полагают, что остатки сарматского и аланского населения могли войти в состав готской державы Германариха, которая нанесла страшные поражения Римской империи, что в конце концов привело к ее падению и расколу на “Западную” и “Восточную” империи в 395 г. Окончательный распад Римской империи произошел несколько позже (в V в.) под ударами гуннов, в орду которых входили, по всей видимости, и остатки позднесарматских группировок. Хорошо известны последствия распада Римской империи и образования Восточного, Византийского царства со столицей в Константинополе для истории Древней Руси, затем и России. Более того, есть основания полагать, что держава Германариха претендует даже на роль предшественницы Киевской Руси (Петрухин, Раевский, 1998. С. 132–136).

Археологическое изучение сарматов началось сравнительно недавно, лишь в начале XX столетия. Замечательный русский историк М.И. Ростовцев (1918) стал первым, кто отождествил группу археологических памятников (курганные могильники) Южного Приуралья с историческими сарматами. В отличие от древних авторов Ростовцев не связывал происхождение сарматов с геродотовыми савроматами. Иной точки зрения придерживался основатель советской сарматоведческой школы Б.Н. Граков, который еще в 1947 г. выделил четыре последовательные стадии развития сарматской культуры, обозначив ее первый этап именно как савроматский (1947). Близкой точки зрения придерживался и ведущий отечественный сарматолог К.Ф. Смирнов, что нашло отражение в самом названии его основополагающего труда (1964).

Однако точку зрения М.И. Ростовцева поддерживают и сегодня. Речь идет не только об умозрительных рассуждениях В.Ю. Зуева (2000) с его хронологическим хиатусом между так называемой филипповской и прохоровской культурами. Здесь нужно учитывать и мнение таких специалистов, как Э.А. Грантовский и Д.С. Раевский, которые решали вопрос на базе этнонимических материалов (1984) и пришли к заключению о разном происхождении этнонимов “савроматы” и “сарматы”.

Несмотря на различные точки зрения по вопросу об этногенезе сарматов, пожалуй, все специалисты-археологи согласны в том, что прародина сарматов, очаг формирования их многовековой культуры находится именно в степях Южного Приуралья и Зауралья. Именно здесь встречаются древнейшие могильники сарматского типа. К числу таких памятников принадлежат и Филиппов-

ские курганы, которые, по мнению пионера их научного исследования А.Х. Пшеничнюка, датируются временем не позже IV в. до н.э. Однако типологическое положение памятника в ряду прочих остается пока не очень ясным. А.Х. Пшеничнюк склонен относить его к собственно раннесарматской (прохоровской) культуре. В пользу этой точки зрения свидетельствуют многочисленные находки, которые продолжают существовать и в памятниках классической прохоровской культуры. В первую очередь речь идет о предметах вооружения (наконечники стрел, мечи так называемого переходного типа) и деталях конской упряжи, включающих железные удила и псалии. Вместе с тем филипповские курганы дали также большую и разнообразную серию предметов в так называемого зверином стиле. Причем стиль этот выглядит настолько архаичным, что некоторые исследователи говорили даже о VI в. до н.э. как о времени их вероятного изготовления, не исключая, таким образом, что типологически памятник относится к савроматской (досарматской) эпохе (Королькова, 2006). Решение вопроса осложнялось тем, что значительное количество таких находок происходило из тайников кургана 1. Драгоценные вещи в них были сложены бессистемно, и находки эти можно уподобитькладам сокровищ, в составе которых вещи разной хронологической атрибуции сосуществуют.

Научное значение материалов кургана 4 Филипповского могильника состоит прежде всего в том, что драгоценные находки в нем, с одной стороны, находят аналогии в других курганах могильника, в том числе в кургане 1, а с другой – в том, что они получены из закрытых археологических комплексов, непо потревоженных грабителями погребальных камер, где эти находки располагались *in situ*, в строгом археологическом контексте. Так, вместе с серебряным сосудом были найдены наконечники стрел и мечи, датировка которых довольно хорошо разработана в сарматской археологии. То же можно сказать относительно золотых браслетов и гривен, уникального сдвоенного сосуда с ручками в виде голов баранов. Все это, наряду с материалами из других курганов, несомненно предоставит возможность для более строгой хронологической атрибуции каждого из предметов и памятника в целом.

Все данные свидетельствуют о том, что Филипповский могильник в смысле периодизации различных этапов развития сарматской культуры является памятником переходным от савроматской эпохи к собственно сарматской и знаменует собой самый ранний этап формирования комплекса признаков раннесарматской культуры в Южном Приуралье. Кургана 4 в плане хронологическом и типологическом хорошо вписывается в систему прочих курганов могильника, выделяясь лишь своими

масштабами и богатством сопровождающего инвентаря.

Раскопки кургана 4 исключительно важны и для реконструкции особенностей погребального обряда некрополя. Почти все курганы могильника были разграблены древними и современными грабителями, которые, копая колодцы в центре насыпей, разрушали не только погребальные камеры, но и их деревянные перекрытия. В случае с курганом 4 нам исключительно повезло: и древние, и современные грабители, угодив в центральную погребальную камеру, оставили значительную ее часть не тронутой. Это дало возможность проследить конструкции очага-жертвенника, легкого дополнительного (нижнего) перекрытия собственно могильной ямы, выявить планировку отдельных захоронений внутри коллективного склепа. Так, впервые в не потревоженном состоянии были найдены мощные деревянные гробовины, в конструкции которых использовались специальные бронзовые скобы и гвозди. Такие гвозди встречались в могильнике и раньше, но только теперь удастся с уверенностью установить их истинное назначение.

Что уж говорить о дополнительных погребениях, которые вообще сохранились в первозданном виде вместе с сопровождающим инвентарем, обнаруженным *in situ*. Так, нами была зафиксирована система украшения плащей золотыми нашивками и выявлен порядок расположения этих деталей одежды (рис. 7). В одном из захоронений положение *in situ* наконечника копья и его втока позволяет точно восстановить длину копья сарматского воина — около 3 м. Детально реконструируются особенности конструкции сарматских горитов, найденных впервые. Новой находкой пополнена серия предметов тяжелого защитного вооружения (чешуйчатый доспех).

В результате сегодня мы располагаем исключительно надежными данными об облике раннесарматского тяжеловооруженного воина: на голове кованый железный шлем с наносником и нащечниками, торс защищен чешуйчатым доспехом на кожаной основе, на левом локте — плетеный из прутьев и покрытый кожей горит с умбоном и портупейной пряжкой для перекрещивания ремней, длинное копье с массивным железным наконечником, короткий железный меч-акинак на правом бедре, железный боевой топор, лук и колчан со стрелами (иногда более 200 штук) — на левом бедре. Этот образ в целом напоминает картинку из романа о средневековых западноевропейских рыцарях, но их сарматские “прототипы” на 2000 лет старше!

Захоронения лошадей и остатки тризн, сопровождавшихся поеданием лошадей (кости и черепа у подножия насыпи кургана) заставляют вспомнить о том, что Клавдий Птолемей (V, 3, 16) называл сарматов гипофагами, т.е. конеедами. Воткну-

Рис. 7. Золотые нашивки на плащ из погребения 4, *in situ* (см. цветную вклейку № 1).

тый вертикально наконечник копья и большие кучи хвороста по краям погребальной площадки напоминают рассказ Геродота о погребальном обряде кочевников-скифов (правда, там речь шла о воткнутом железном мече).

Очень важно, что “рядовые” находки из кургана 4 (наконечники стрел и копий, мечи и кинжалы, бусы и серьги) находят прямые аналогии в других, менее богатых курганах могильника. Кроме того, планировка захоронений и подношений в кургане 4 вокруг очага-жертвенника точно соответствует картине, выявленной нами ранее в погребении на поверхности древнего горизонта кургана 15 того же могильника. Там было найдено, в частности, звено золотого украшения с изображением ахеменидского царя. По аналогии с изображениями на печатях из Персепольского дворца и другими находками с территории древней ахеменидской державы находка может быть датирована в пределах второй половины V в. до н.э. (Балахванцев, Яблонский, 2007).

Говоря о значении раскопок 2006 г., стоит также подчеркнуть, что в результате помимо вещевого материала была получена серия палеоантропологических и палеозоологических находок, отобранные для почвоведческого, палинологического и микробиологического исследования образцы погребенных почв, дерева, органических материалов из могильных ям и перекрытий, которые в будущем дадут дополнительную информацию о памятнике. Музейная коллекция нашей страны пополнилась большой серией выдающихся ярких экспонатов, не имеющих аналогов ни в одном из музеев мира.

Еще предстоит большая и кропотливая работа по научному осмыслению полученного при раскопках разнообразного и многочисленного материала, но уже сегодня можно с уверенностью ска-

зять, что в отечественной археологии сделано открытие, которое еще долгое время будет приковывать к себе внимание как специалистов-археологов, так и самой широкой общественности.

Проект готовился под патронажем губернатора Оренбургской области А.А. Чернышева. Пользуясь случаем, в этой первой публикации основных результатов раскопок мы хотим с благодарностью отметить организации и их руководителей, а также лиц, которые своим участием и поддержкой обеспечили успех экспедиции: Департамент по культуре и искусству при Администрации Оренбургской области и лично директора В.В. Ренева, М.Г. Дмитриеву, Е.В. Лылову; Оренбурггазпром и лично генерального директора С.И. Иванова, А.М. Пискунова, Н.М. Сураева; ГУП “Оренбургремдорстрой” и лично директора Г.Г. Караулова; ТНК ВР и лично директора филиала “ТНК-ВР Оренбург” В.С. Грабовского; Главу Администрации Илекского района Оренбургской области В.И. Еремина; РОВД Илекского района и лично начальника А.В. Наумова, ст. лейтенанта А.А. Калганникова; директора ОНО ПЗ “Димитровский” В.Л. Королева; председателя колхоза “Привольное” А.П. Дубских; граждан США. Jim and Lesley Vedder из Calle Del Sol в Калифорнии. Работа выполнялась при бюджетном финансировании со стороны Президиума РАН и поддержке РГНФ, проект № 06-01-18138е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // РА. 2007. № 1.
- Граков Б.Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
- Грантовский Э.А., Раевский Д.С.* Об ираноязычном и “индоарийском” населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. М., 1984.
- Зуев В.Ю.* Основные проблемы хронологии “раннесарматской” культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Матер. IV Междун. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. Вып. 1. Самара, 2000.
- Королева Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2006.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- Пишеничнюк А.Х.* Раскопки “царского” кургана на Южном Урале // Препринт. БНЦ УрО АН СССР. Уфа, 1989.
- Пишеничнюк А.Х.* Царский курган у с. Филипповка на Южном Урале // Ядйяр. Вестн. АН РБ. Гуманитарные науки. 1995. № 1.
- Пишеничнюк А.Х.* Находка века // Памятники Отечества. 1997. № 38.
- Пишеничнюк А.Х.* “Царский” курган на Южном Урале // Наука в России. 1999. № 3.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918. Вып. 37.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Excavations of a “royal” mound at Filippovka (preliminary publication)

L. T. Yablonsky, D. V. Mescheriakov

Summary

In 2006, the Urals expedition of the RAS IA excavated the “royal” mound № 4 of the Filippovka 1 burial ground (Ileksky region of the Orenburg area, RF). The mound was over 7 m high, and its diameter reached 120 m. It contained a thick wooden cover, a sacrificial complex and five burials. Four of them date to Early Sarmatian time (2nd half of the 5th–4th cc. B.C.). Three joint burials were undisturbed by robbers. Warriors were buried in two of them. Their grave goods included iron armour, shields with gold details, iron swords and spearheads, silver sword-belt hooks decorated with gold, quivers with bronze arrowheads, and an iron battle axe. On the chests of the warriors there were cast gold torcs, decorated in the animal style at the terminals. The third joint burial was a double one (a young man and a woman), and contained, in addition to arms, gold torcs and bracelets, a unique cast silver vessel and gold cloak-plates. Burials in the central grave pit with dromoi were placed in special wooden coffins. Among the finds one should especially note a wooden vessel, overlaid with gold and silver plate in the form of ornamented duplicated chalices and handles in the shape of rams’ heads.

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СЕН-МАРТЕН-ДЕ-ФОНТЕНЕ (КАЛЬВАДОС, ФРАНЦИЯ).

РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК 1985–1986 гг.¹

© 2007 г. Кристиан Пиле

Канский университет, Нижняя Нормандия, Франция

Расположение некрополя и его ближайшие окрестности. Некрополь Сен-Мартен-де-Фонтене (Pilet et al., 1994, Р. 32–54) (рис. 1) находится в Нижней Нормандии, на территории провинции Кальвадос. Он был обнаружен примерно в 400 м к югу от приходской церкви Св. Мартина, давшей имя местечку Сен-Мартен-де-Фонтене. Само название “Фонтене” (позднелатинское *fontana* – фонтан, источник) не дает никакого представления о том, кем были люди, жившие здесь. Топонимы “Фонтене” многочисленны во Франции. Современные коммуны Сен-Мартен-де-Фонтене, де Фонтене-ле-Мармьон и де Сент-Андре-сюр-Орн являлись частью владений Каролингов “Фонтене”, что известно нам благодаря упоминанию в одном из законов Карла Лысого, датирующегося 846 г. Размер королевского домена был достаточно обширен и достигал, согласно Люсьену Мюссе, 2285 га (Musset, 1949).

В предшествующую эпоху Меровингов здесь прослеживаются два христианских центра с расположенными поблизости кладбищами. Один из них представлял собой находящуюся рядом с римской дорогой часовню, посвященную Св. Георгию (в настоящее время это Сен-Жермен-дю-Шемен коммуны де Фонтене-ле-Мармьон), а также некрополь, где в 1827 г. была найдена маленькая бляшка из золота, украшенная гранатом (поясная или обувная пряжка?). Этот предмет датируется первыми десятилетиями V в. н.э. и свидетельствует о ношении представителями элиты (часто военной) украшений, производившихся на территории Центральной и Восточной Европы (рис. 2, 25).

Вторым культовым местом являлась деревенская базилика, посвященная Св. Мартину (сегодня приход Сен-Мартен-де-Фонтене), где и был открыт некрополь, ставший сюжетом данной статьи. Здесь в центре более позднего церковного кладбища были обнаружены каменные саркофаги эпохи раннего средневековья, что говорит о сложности истории данного места. С принятием христианства

старое кладбище было оставлено, а новое основано вокруг первого церковного прихода. Сходное явление наблюдается во многих некрополях Нормандии: Эрувиле (Desaëns, 1971), Френувиле (Pilet, 1980), Жибервиле (Pilet, 1990), Саннервиле (Pilet, 1992). Подобные изменения в погребальном обряде происходили в VII в. н.э., в период христианизации местности, когда и были сооружены церкви, посвященные Св. Мартину и Св. Георгию. По-видимому, оба кладбища – новое и старое – могли какое-то время использоваться одновременно, например в период строительства церкви.

В качестве некрополя могильник Сен-Мартен-де-Фонтене использовался с VI в. до н.э. по VII в. н.э. Наблюдается hiatus между более ранними захоронениями и первыми кремациями, совершенными в раннеримский период, когда происходило становление погребального обряда. Могильник занимал большую территорию прямоугольной формы, около 8000 м², которую удалось полностью раскопать. В общей сложности там насчитывалось 944 погребения, включая 880 ингумаций (818 одиночных захоронений и 62 парных или перезахоронений) и 64 кремации. Захоронения на этом значительном пространстве были различной ориентировки. Семь ингумаций предримского времени (на западе и на севере некрополя) были ориентированы по линии север–юг, к раннеримскому периоду (северная часть некрополя) относятся одна ингумация, ориентированная по линии запад–восток, а также 61 кремация. В позднеримский период в северной части могильника рядом с тремя кремациями было совершено 28 ингумаций, имеющих ориентировку север–юг, и 6 ингумаций, ориентированных по линии восток–запад. Начиная с V в. н.э. все захоронения ориентируются именно так – по линии восток–запад.

Некрополь и исторический контекст Второй Лионезы (современная Нормандия) в 400–500 гг. н.э. В позднеримский период хорошо прослеживается преобладание галло-римского населения в этой части Канской равнины (Pilet et al., 1994, Р. 68–90). В частности, в 7 км от некрополя расположено галло-римское поселение Арегенуя

¹ Перевод с французского языка выполнен кандидатом исторических наук Е.Л. Сосниной.

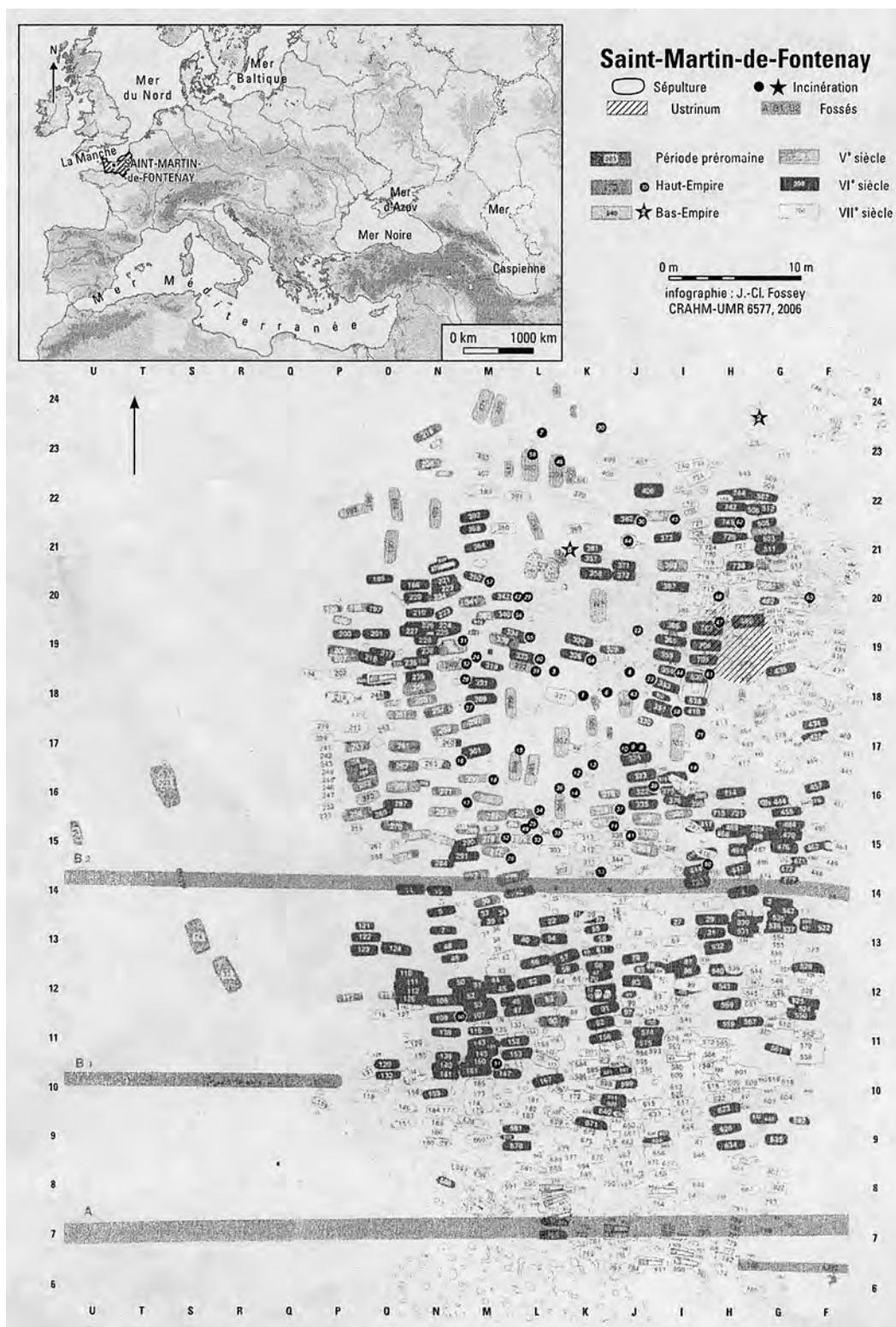

Рис. 1. План некрополя и фрагмент географической карты его расположения.

(Aregenua), современный Вьё (Virard, 1994; 2002). Набеги саксонцев и франков вдоль побережья Ламанша в конце III в. (Whittaker, 1989) привели к созданию в этих местах административного и воен-

ного округа Вторая Лионеза и возведению в начале IV в. серии крепостей (*castra*) вдоль “саксонского побережья” (*litus saxonicum*) для защиты береговой линии (Pilet, 2005; Пиле, 2006).

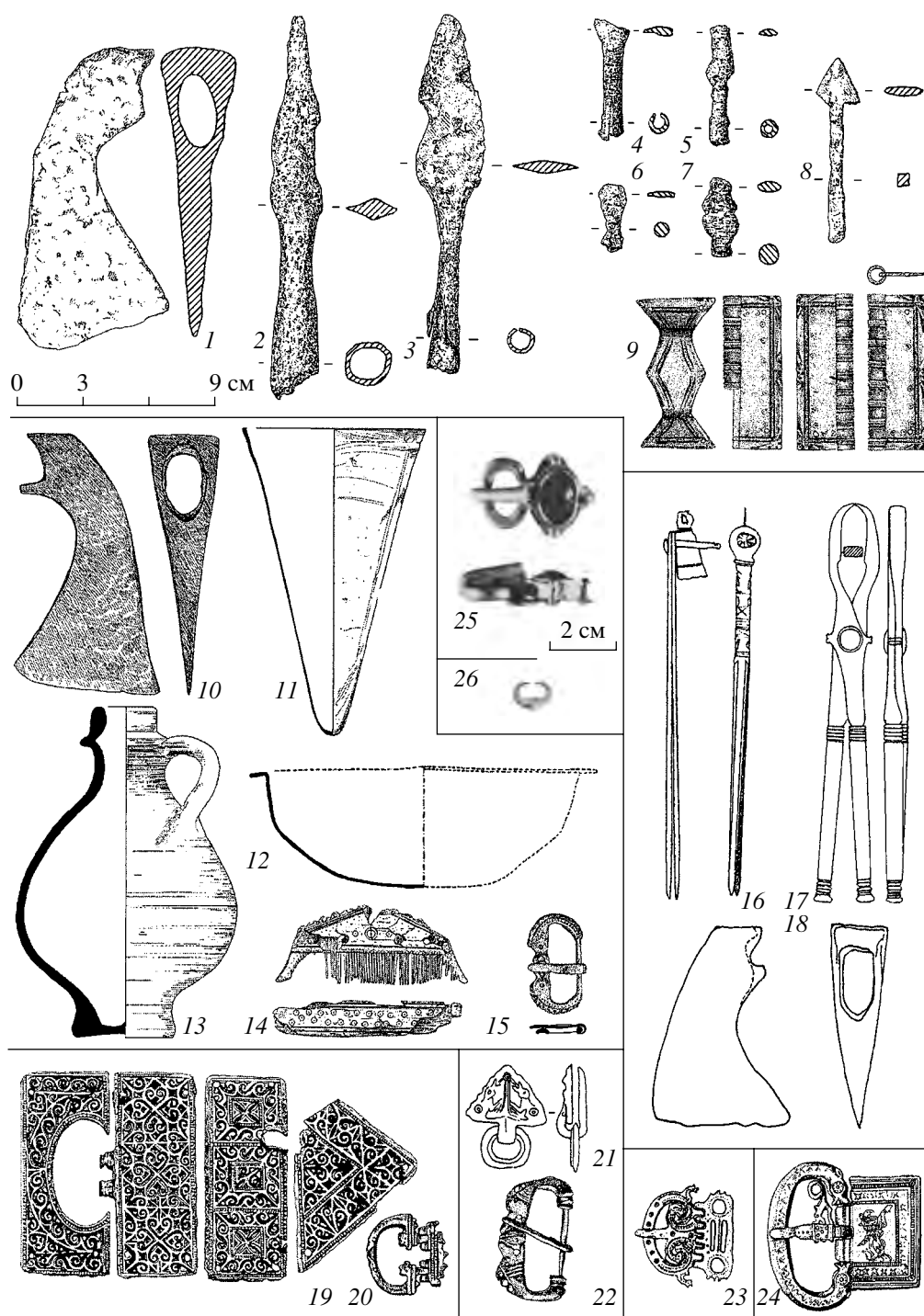

Рис. 2. Находки IV–V вв. в Нормандии: 1–9 – Байё “Пьер Солен” (раскопки XIX в., кости не собирались, описание отсутствует; серебряная монета императора Аркадия 395–408 гг. в настоящее время утеряна); 10–15 – Лизьё “Мишеле”, погребение 955 (мужчина 12–14 лет); 16–18 – Френувиль, погребение 276 (взрослый мужчина); 19, 20 – Сен-Вигор-ле Гран “Пулинь” (раскопки XIX в., кости не собирались, описание отсутствует); 21, 22 – Лизьё (находки на поселении); 23 – Сэ (находки на поселении возле паперти церкви); 24 – Коломбье-сюр-Селль (отдельная находка), 25 – Сен-Жермен-дю-Шемен (раскопки XIX в., погребение в каменном саркофаге; кости не собирались, описание отсутствует); 26 – Сен-Мартен-де-Фонтене, погребение 719, находка в заполнении (неопределенный погребенный). 1, 10, 18 – топор, 2 – наконечник дротики, 3 – наконечник копья, 4–8 – наконечники стрел, 9 – поясные накладки, 11 – кубок, 12 – котел, 13 – кувшин, 14 – гребень, 15, 20, 22–25 – поясные пряжки, 16 – циркуль, 17 – пинцет хирургический, 19 – поясные накладки, 21 – подвеска, 26 – калачевидная серьга. 1–8, 10, 18 – железо; 9, 12, 15–17, 20–23 – бронза; 11 – стекло; 13 – керамика; 14 – кость; 19 – бронза с позолотой; 24 – бронза с чернением; 25 – золото, гранаты; 26 – серебро.

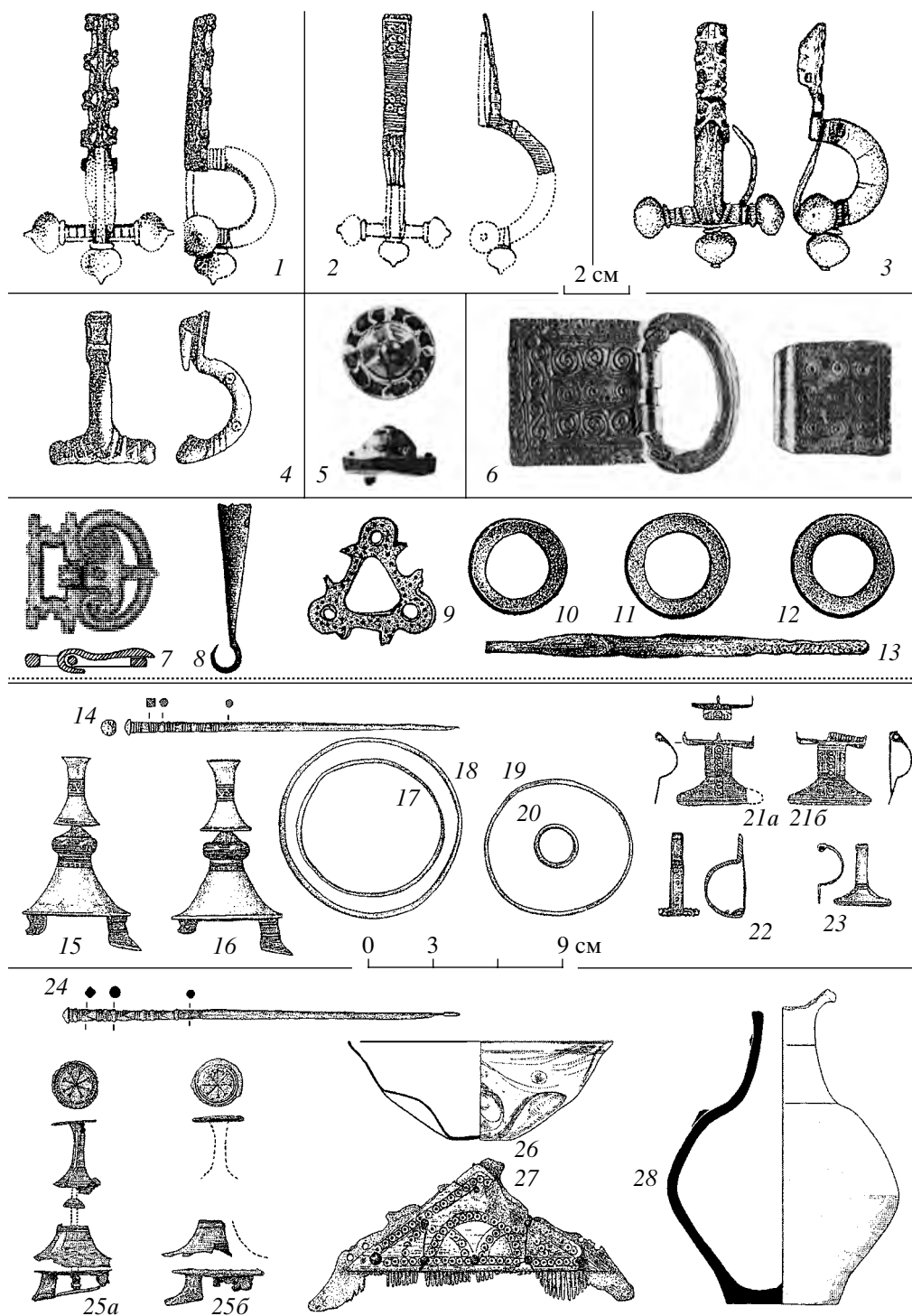

Рис. 3. Находки IV–V вв. в Нормандии: 1 – Сен-Мартен-де-Фонтене, погребение 272 (кости отсутствуют); 2 – погребение 2 (кремация, инвентарь положен в яму размерами 0,15 × 0,05 м); 3 – Байё “Рю Летьер” (находки на поселении); 4 – Френувиль, погребение 557 (взрослый мужчина); 5 – погребение 18 (взрослая женщина); 6 – погребение 364 (взрослый мужчина); 7–14 – погребение 452 (взрослый мужчина); 15–24 – Сен-Вигор-ле Гран “Пулины”, погребение 4 (раскопки XIX в., кости не собирались, описание отсутствует); 25–29 – Лизье “Мишеле”, погребение 968 (женщина 55–65 лет). 1–4, 22, 23 – арбалетовидные фибулы; 5 – брошь; 6 – поясная пряжка и наконечник пояса; 7 – поясная пряжка; 8, 9 – фрагменты весов; 10–12 – кольцевидные гири; 13 – трубочка; 14 – заковка для волос; 15, 16, 25 (а, б) – фибулы в форме дудочки; 17–19 – браслеты; 20 – кольцо; 21 (а, б) – фибулы с треугольной ножкой; 24 – заковка для волос; 26 – кубок; 27 – гребень; 28 – кувшин. 1–4, 6–13, 22–25 – бронза; 5 – золоченая бронза, гранаты; 13, 27 – кость; 14, 17–21 – серебро; 15, 16 – серебро, янтарь, бронза; 25 – серебро, бронза; 26 – стекло; 28 – глина.

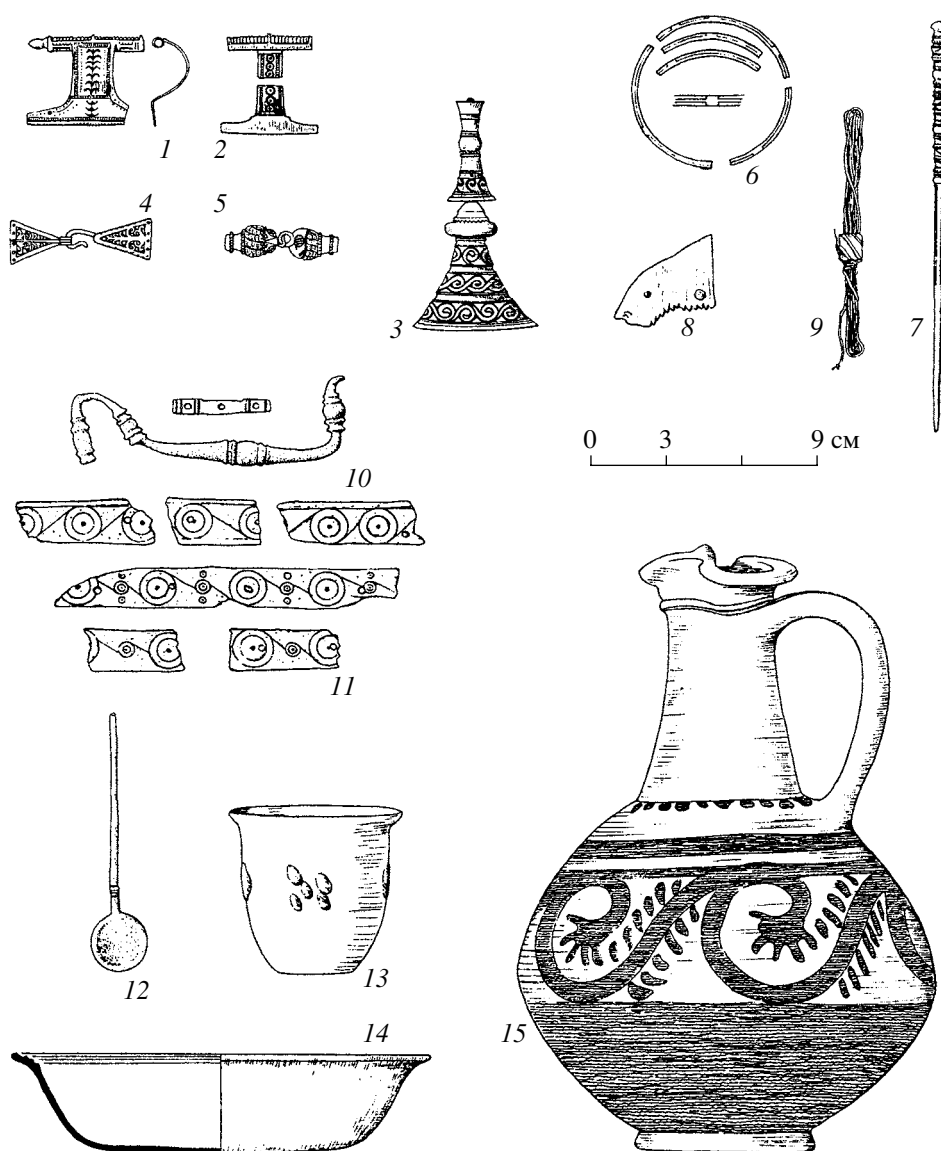

Рис. 4. Отдельное захоронение взрослой женщины из Фекампа: 1, 2 – фибулы с треугольной ножкой; 3 – фрагменты фибулы в форме дудочки; 4, 5 – застёжки кольца; 6 – фрагменты браслета; 7 – закладка для волос; 8 – фрагмент гребня; 9 – нить; 10 – фрагмент ручки сундука; 11 – фрагменты сундука; 12 – ложка; 13 – стакан; 14 – котел; 15 – кувшин. 1, 2, 4, 5, 7, – серебро; 3 – серебро, бронза, янтарь; 6, 8, 11, 12 – кость; 9 – золото; 10, 14 – бронза; 13 – стекло; 15 – глина.

Оставляя в стороне выбор местечек Байё и Вьё в качестве центров территориального командования *litus saxonicum*, скажем лишь, что военное присутствие, административное или нет, должно было поддерживаться достаточно долго для того, чтобы противостоять набегам саксов на берега Ламанша, если верить панегирику Аполлинара в честь императора Авитуса, прочитанному 1 января 456 г. в Риме (Sidoine Apollinaire. Carmen VII, 369–371).

Все эти события оставили материальные следы в археологических памятниках региона. Так, при-
бытие набранных в армию иностранцев (северные

и восточные германцы – см.: Demougeot, 1975; 1979) в конце IV – начале V в. прослеживается по мужским и женским захоронениям во многих местах Второй Лионезы: могильниках Байё (рис. 2, 1–9; 3, 3), Белленгревиле, Коломбье-сюр-Селль (рис. 2, 24), Фель (рис. 5, 1–12), Фекампе (рис. 4, 1–15), Френувиле (рис. 2, 16–18; 3, 4, 5, 6, 7–13), Лизьё (рис. 2, 10–15, 21–22; 3, 24–28), Мульте (клад из Эйрана) (рис. 6, 1–7), Ро, Сен-Вигор-ле-Гран “Пулиньи” (рис. 2, 19–20; 3, 14–23), Сэ (рис. 2, 23). Предметы погребального инвентаря этого же времени, обнаруженные в захоронениях Сен-Мартен-де-

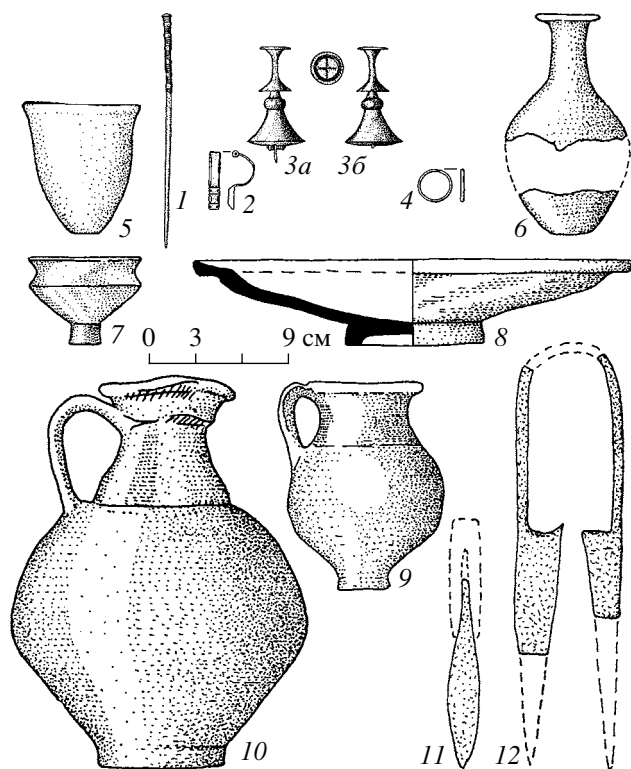

Рис. 5. Могилиник Фель, погребение 4 (взрослая женщина): 1 – заковка для волос; 2 – фибула; 3 (а, б) – фибулы в форме дудки, 4 – кольцо, 5 – стакан, 6 – бутылочка, 7 – кубок, 8 – миска, 9, 10 – кувшин, 11 – нож, 12 – ножницы. 1 – серебро; 2, 4 – бронза; 3 – серебро, янтарь; 5, 6 – стекло; 7–10 – глина; 11, 12 – железо

Фонтене, демонстрируют также присутствие романо-германской культуры (рис. 3, 1, 2).

Итоги раскопок: изменения погребального обряда и границ могилиника. При проведении раскопок могилиника было установлено, что мощность гумуса равнялась приблизительно 20 см. Вмещенные в известковую материковую породу захоронения прекрасно распознавались благодаря пятнам могильных ям прямоугольной и округлой формы. Погребения с деревянными гробами и обкладками из досок, которые угадывались по наличию гвоздей и следов дерева, а также с каменными саркофагами из известняка располагались отдельно от других захоронений. В 250 случаях вокруг останков находилась обкладка из камней. Глубина могильных ям, включая слой гумуса, варьировалась между 0.30 и 1.20 м и не имела никакой связи с каким-либо периодом использования некрополя; длина колебалась от 0.50 до 2.50 м, а ширина – от 0.30 до 0.90 м. Можно связать, однако, наиболее глубокие могильные ямы с присутствием более представительного инвентаря у погребенных в 5 случаях для IV в. н.э. и в 6 случаях – рубежа V и VI вв. Как правило, можно отметить значительное пространство между захоронениями предримского

периода по сравнению с погребениями V в. н.э. и двух последующих столетий, когда случаи перекрывания одной могилы другой достаточно часты.

Кремированные останки помещались в небольшие ямы круглой формы глубиной 0.15 м и диаметром 0.20 м, за исключением кремации 5, которая располагалась в небольшой прямоугольной яме (размеры 0.98 × 0.35 × 0.25 м) (рис. 1, обозначена кружками и звездочками).

Захоронения датировались по предметам материальной культуры. Если таковых не было, само погребальное сооружение (тип могильной ямы, размеры, ориентировка), а также стратиграфические наблюдения и место расположения захоронений являлись топо-хронологическими признаками.

В результате раскопок было открыто несколько сооружений непогребального характера, предшествующих захоронениям римской эпохи: четыре ямы и остатки постройки, прослеживающейся по многочисленным столбовым ямам (Pilet et al., 1994, Р. 43, 44) (рис. 1, А, В1, В2). Эти конструкции трудно интерпретировать, так как все они были нарушены позднейшими захоронениями. Ямы имели U- и V-образный профиль, глубина их варьировалась от 0.20 до 0.30 м, ширина – от 0.30 до 1 м. В столбовых ямах не обнаружено следов клиньев, в их земляном заполнении присутствовали остатки пищи (кости, ракушки) и несколько бытовых предметов (черепки от горшков, кремневые орудия). Постройка была прямоугольной в плане формы размерами 6.40 × 2.50 м. Судя по расположенным по периметру столбовым ямам, речь идет о деревянной конструкции.

Эта планировка может быть соотнесена с остатками фермы местного населения, которая распознается благодаря наличию входа в виде ворот. Если время возникновения этой фермы датировать не представляется возможным, то период, когда она была заброшена, находится в хронологических рамках 30-х годов до н.э. – 30-х годов н.э. Эту датировку помогают установить галльская бронзовая монета, терракотовая черная ваза обтекаемой формы типа *terra nigra*, а также галло-бельгийская керамика, обнаруженные в заполнении столбовых ям. Другая местная ферма была открыта с помощью аэрофотосъемки в 1983 г. в 2.3 км к северо-востоку от некрополя. Период окончания ее функционирования без сомнения связан с земледельческим освоением этого участка в I в. н.э. (Vipard, 1994), что также подтверждается переносом места обитания на 700 м восточнее, на территорию близлежащей виллы.

Нужно также упомянуть присутствие в данном месте слоев эпохи неолита. Разумеется, они были нарушены позднейшими наслоениями, но находки свидетельствуют об их наличии: в заполнении ям были найдены кремневый наконечник стрелы и

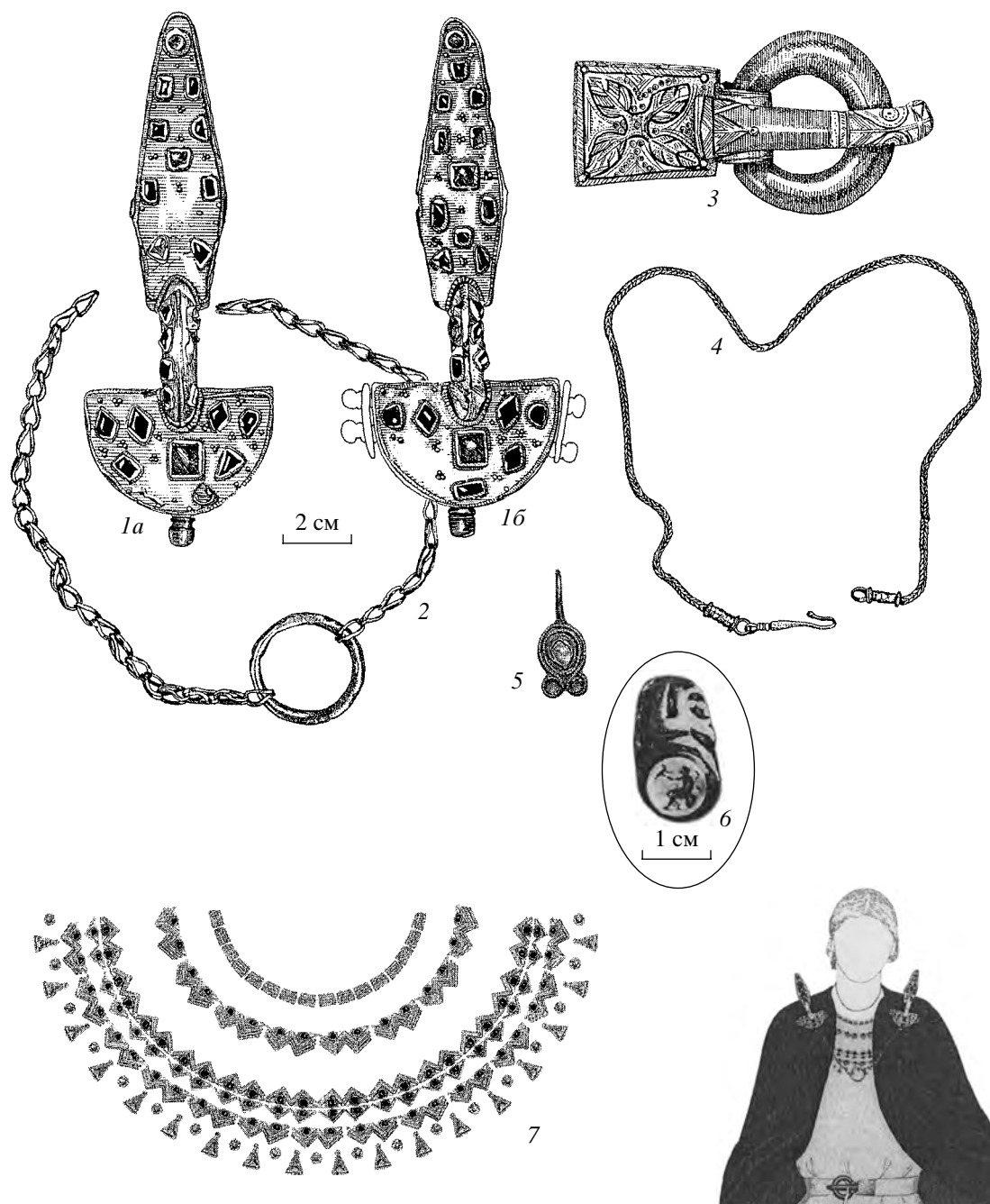

Рис. 6. Находки из Мульты (раскопки XIX в.; сохранилась нижняя челюсть, по которой погребение определено как женское, 20–40 лет; описание отсутствует): 1 (а, б) – двупластинчатые фибулы, 2 – цепочка с кольцом, 3 – поясная пряжка, 4 – ожерелье, 5 – серьга, 6 – перстень (в настоящий момент утерян), 7 – нашивные бляшки на вырезе платья. 1 – золото, серебро, гранаты, стекло; 2 – серебро; 3 – серебро с позолотой; 4–7 – золото.

множество фрагментов сферических кубков, выполненных в дунайской традиции.

Обратимся теперь к особенностям погребального обряда и границам могильника Сен-Мартен-де-Фонтене, характерным для римского периода и эпохи раннего средневековья.

В раннеримский период складывается организация пространства некрополя: появляются огоро-

женный участок и место сжигания тел покойных (*ustrinum*) (рис. 1, Н 19). Огороженное пространство занимало четвертую часть северо-восточного участка памятника. Площадка для кремации была обнаружена благодаря изменению цвета почвы, которая имела красноватый и серый оттенок. Использование здесь огня было подтверждено и петрографическим анализом наслоений. Границы

площадки не были найдены, так как впоследствии она была перекрыта захоронениями V–VII вв. Обозреваемая поверхность представляет собой прямоугольник, размеры которого около 26 м². Раскопки и анализ показали, что костры для сожжения тел находились на скальном основании естественного происхождения, вскрытом после очистки верхнего слоя от гумуса на глубину 20–30 см. Выделяются две элитные кремации (47 и 61), окруженные небольшими оградками квадратной формы в виде деревянных частоколов.

С момента появления места для сжигания тел, площадка, предназначенная для захоронений, была обнесена частоколом. Обнаружено два ряда столбов с восточной стороны. Распространение кремаций показывает, что в других направлениях погребения также не выходят за пределы выбранного для захоронений пространства. Огороженный участок и площадка для кремаций выделялись на местности благодаря высокому столбу, который без сомнения был виден всякому, проезжавшему по древней дороге из Тури-Акурта в Кан (вдоль западного края могильника), а также жителям расположенной к востоку от некрополя виллы.

В позднеримский период границы некрополя остаются неизменными на севере, востоке и юге. С западной стороны сооружается ограда, которая не переносилась до момента прекращения функционирования кладбища. Во многих захоронениях взрослых были найдены своеобразные предметы (керамика высокого качества, треугольный костяной гребень, костяная пиксида, крестовидные бронзовые фибулы), которые, возможно, указывают на присутствие знатных лиц в этой маленькой общине в конце IV в. (Pilet et al., 1994. Р. 83, 226, 232, 233). Большей частью захоронения были ориентированы по линии север–юг, но 6 могил имели ориентировку восток–запад. Три деревянные постройки, расположенные внутри огороженного участка позднеримского времени, прослеживаются благодаря столбовым ямам (Pilet et al., 1994. Р. 83. Строения А, В, С). Две из них занимали площадь около 32 м² и взаимно перекрывали друг друга под прямым углом; третья выдавалась в сторону примерно на 6 м². В данном случае невозможно дать четкую датировку строениям согласно их взаимному перекрыванию. Можно только предположить, что деревянные части быстро старели при соприкосновении с землей, что влекло за собой частые перестройки. Идентифицировать эти структуры достаточно сложно из-за отсутствия инвентаря и того, что они были перекрыты захоронениями. Может быть, это была деревянная часовня, свидетельство начала христианизации? Это вполне возможно, поскольку именно здесь найдено два предмета с христианскими надписями, датируемые концом IV в. или началом V в.: серебряное кольцо и фрагмент каменного саркофага, обнару-

женные в погребениях 240 и 765 (Pilet et al., 1994. Р. 151–153).

В эпоху раннего средневековья, начиная с V в., все захоронения имеют ориентировку по линии восток–запад (головой на запад, лицом к востоку). Эта практика не изменилась вплоть до прекращения захоронений на некрополе. Однако надо отметить три отклонения от нее, относящиеся к VII в.: захоронение 129, где останки лежали головой на восток и лицом на запад, а также два захоронения 71 и 77, где останки были ориентированы головой на юг, лицом на север. Эти три случая, без всякого сомнения, связаны с разграблением могил. Обычно ориентировка в подобных захоронениях одна и та же, лишь иногда она нарушалась из-за повторных захоронений. Нарушение ряда или смещение оси могильной ямы, присутствие нетронутого пространства в результате повторного использования погребального сооружения (3, 4 и 5 случаев) свидетельствуют о размещении покойных внутри семейных участков некрополя. Можно предположить, что семейные участки захоронений отмечались на поверхности кольями с зарубками или же каменными стелами (Pilet et al., 1994. Р. 225).

Большинство покойных лежало на спине, конечности вытянуты вдоль тела или уложены на лобке, как делалось и в IV в. В некоторых случаях руки были сложены на животе или лобке, а ноги связаны, что предполагает наличие ограниченного пространства в виде гроба или деревянной обкладки могилы. Исключения составляют погребенные на боку, а также захоронение 329, где человек был уложен в могилу со связанными руками (Pilet et al., 1994. Р. 379). Такие положения покойных появляются в наиболее поздних захоронениях конца VII в.

В могильных ямах были найдены следы гвоздей от гробов или деревянных ящиков. Нужно добавить, что в 195 случаях была обнаружена каменная обкладка, в большей или меньшей степени окружавшая тело покойных. Найдено также 17 саркофагов, сделанных в виде трапециевидных монолитных ванн. Все их крышки плоской или подтреугольной формы были обнаружены разбитыми, что свидетельствует о вторичном использовании саркофагов.

Оригинальность данного некрополя заключается в обнаружении группы женских захоронений с понтийско-дунайскими украшениями, датируемых V в.: большими фибулами с обкладкой из серебряной фольги, которые носили на плечах, пальчатыми фибулами и широкими прямоугольными поясными накладками (рис. 7, 1–10; 8, 10–15). Большинство из этих погребенных женщин отличалось высоким ростом и искусственно деформированными черепами. В шести других случаях искусственную деформацию черепов можно датировать концом V в. и началом VII в. (Pilet et al., 1994. Р. 102–105). Эти новые данные вызывают вопрос:

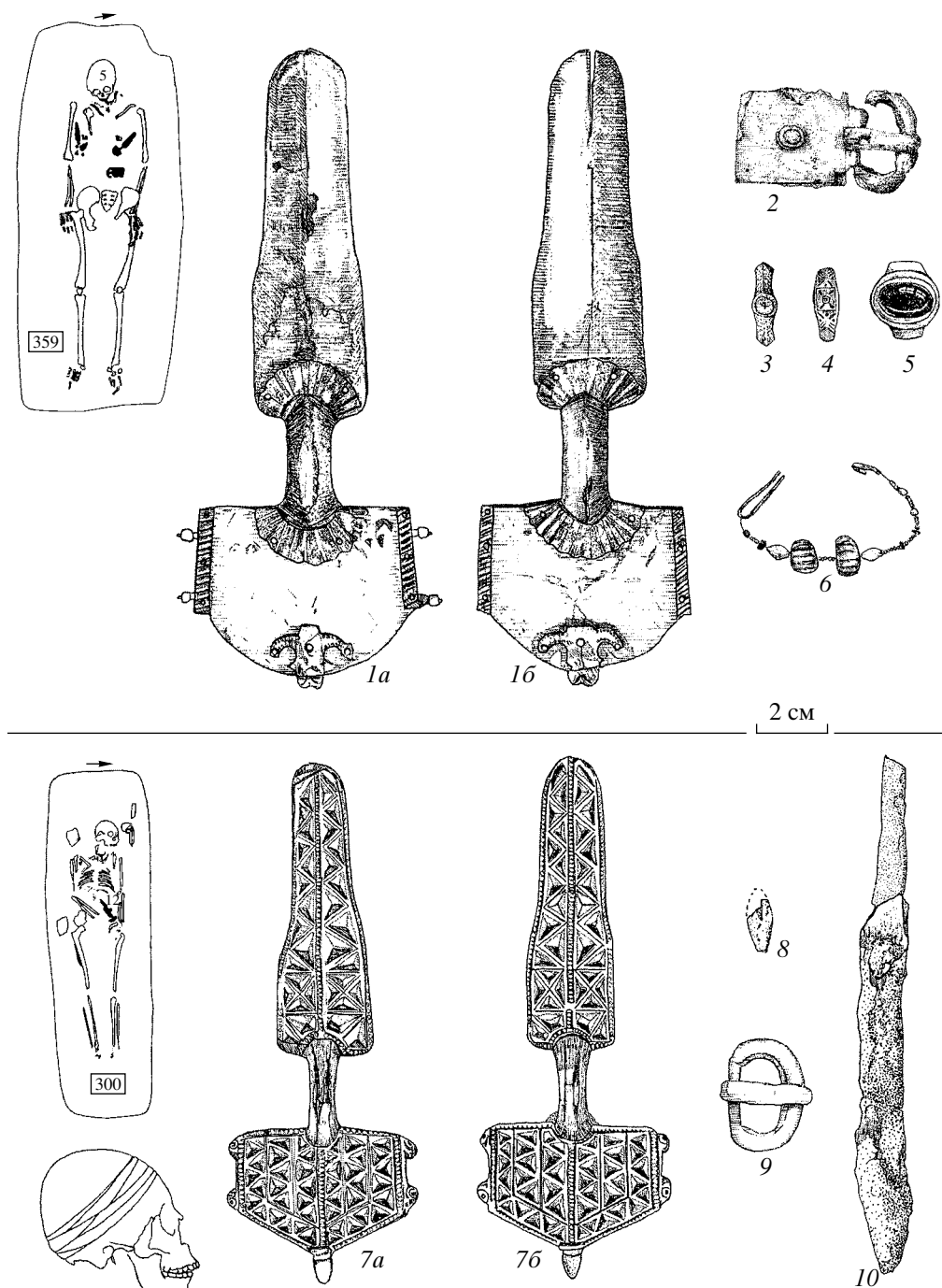

Рис. 7. Находки из Сен-Мартен-де-Фонтене: 1–6 – погребение 359 (женщина 20–30 лет), 7–10 – погребение 300 (женщина 20–30 лет). 1 (а, б), 7 (а, б) – двупластинчатые фибулы, 2, 9 – поясные пряжки, 3–5 – перстни, 6 – ожерелье из 46 бусин и застежки в виде двух крючков, 8 – бусина, 10 – нож. 1 – серебро, бронза с позолотой; 2 – серебро, железо, стекло; 4 – серебро; 5 – серебро, гранат; 6 – янтарь, стекло, серебро, бронза; 7 – серебро с позолотой; 8 – янтарь; 9 – бронза; 10 – железо.

существует ли связь между захоронениями, совершенными в 400–430 гг. в ближайших окрестностях (инвентарь могилы “принцессы” из Мульты; бляшка из Сен-Жермен-дю-Шемен – рис. 2, 25), и захоронениями женщин с украшениями понтийско-дунайской моды из Сен-Мартен-де-Фонтене?

Можно заключить, что защита *litus saxonicum* была в достаточной мере привлекательна для отрядов варваров, которых брали на военную службу в прибрежные гарнизоны. Северные и восточные германцы также присутствовали во Второй Лионеze в середине V в., о чем свидетельствует

Рис. 8. Находки из Сен-Мартен-де-Фонтене: 1–9 – погребение 282 (женщина 20–30 лет); 10–15 – погребение 270 (женщина 20–30 лет). 1 (а, б) – птицевидные фибулы, 2 (а, б) – двухпластинчатые фибулы, 3 (а, б) – серьги, 4, 5 – перстни, 6 – ожерелье из 12 бусин, 7, 14 – поясная пряжка, 8 – нож, 9, 13 – кольца, 10 (а, б) – пальчатые фибулы, 11 (а, б) – круглые фибулы в стиле клуазоне, 12 – ожерелье из 77 бусин и колец, 15 – фрагмент стакана. 1 – серебро с позолотой, гранаты; 2, 10 – серебро с позолотой; 3, 4 – серебро, гранаты; 5, 9 – бронза; 6 – янтарь, стекло; 7, 8, 13, 14 – железо; 11 – серебро, золото, железо, гранаты; 12 – стекло, янтарь, серебро; 15 – стекло.

карта находок римских солидов (Pilet, 2005; Пиле, 2006). В V в. эта часть Галлии была еще галло-римской, но уже весьма экзотичной (Kazanski, 1989; 1994).

Для того чтобы объяснить длительность существования пришлых культур, можно вспомнить Прокопия Кесарийского, свидетельствующего о том, что отряды римлян вошли в состав войск

франков со своим оружием, званиями и знаменами. Это объясняет приток в армию франков пришедшего населения (женщин и мужчин), которое прежде находилось на службе у Римской империи. Впоследствии оно пыталось сохранить свою моду и обычаи.

С прибытием франков Хлодвиг наблюдается резкая смена власти во Второй Лионезе. В 500-х годах н.э. появляется множество привилегированных захоронений в Сен-Мартен-де-Фонтене. Речь идет о погребениях с оружием 261 и 262 (Pilet et al., 1994. Р. 112–118, 128–133, 200–202). Оба покойных были похоронены рядом, каждый в камере, обложенной деревом. Один из них имел при себе серебряный денарий (*argenteus*) императора Анастасия (491–518 гг.) в качестве “обола Харона”. Появляется множество захоронений богатых женщин (например 270 и 282) (рис. 8), с близкими чертами обряда, которые были погребены неподалеку.

Другая группа погребенных с оружием относится к самому началу VI в.: это захоронения 53, 107, 108 (Pilet et al., 1994. Р. 182), сопровождавшиеся богатыми женскими погребениями (46 и 47) (Pilet et al., 1994. Р. 172–175). Все они имеют идентичные признаки. Один из погребенных мужчин имел при себе в качестве “обола Харона” *argenteus* императора Юстина I (518–527 гг.).

Анализ археологических находок в данном регионе, в частности монет, показывает, что оседание в этой местности франков произошло за время, несколько превышающее время жизни одного поколения (25–30 лет), что можно соотнести с первой группой носителей оружия в Сен-Мартен-де-Фонтене (датируется по *argenteus* с именем Анастасия), затем – с погребением с оружием, открытым в Саннервиле (датируется по трети секстария – *triens* – с именем Юстина I), и, наконец, с вооруженным мужчиной из погребения 10 в Герувилетте (датируется по *triens* с именем Юстиана I, 527–565 гг.).

В конце VII в. участок с погребениями в саркофагах на юге некрополя (75, 76, 273, 162–164, 148–150, 665) еще содержит элитные захоронения (рис. 1). В отличие от предыдущих периодов в них нет инвентаря, но все саркофаги Сен-Мартен-де-Фонтене были вторично использованы, и по этой причине все предметы могли быть извлечены. Хотя имеются данные о непотревоженных безынвентарных погребениях в саркофагах в Френувиле, Жибервиле и Ильфе, следует отметить, что отсутствие инвентаря является их характерной чертой. Этот способ захоронений современен процессу христианизации сельской местности, хорошо прослеживаемому по перенесению мощей Св. Мартина и основанию посвященной ему церкви (Ewig, 1961; 1979; Fournée, 1963). Попытка провести параллель между пропагандой новой веры и использованием саркофагов находит свое обоснование

при рассмотрении захоронений вокруг церкви. Наличие здесь саркофагов может означать социальное или семейное захоронение, но скорее культурную традицию, связанную с захоронением обращенных в новую христианскую веру. Напротив, у индивидов, погребенных в деревянных гробах, наблюдается присутствие предметов, символизирующих принятие христианской религии (Pilet et al., 1994. Р. 151–159).

Результаты антропологических исследований. В этническом плане антропологические исследования останков Сен-Мартен-де-Фонтене дают относительно гомогенную картину основного населения Нижней Нормандии, такую, какая нам рисовалась благодаря предыдущим исследованиям. В итоге, благодаря более детально разработанной хронологии, позволяющей рассматривать похороненных в могильнике Сен-Мартен-де-Фонтене не в широком временном диапазоне, как на других памятниках, но в динамике, из века в век, мы можем констатировать наличие гомогенности между индивидами IV и VII вв., и в то же время между этими двумя полюсами становится очевидным появление пришедшего населения в V и VI вв. В V в. это аллохтонное присутствие подтверждается как данными археологии, так и антропологии: женщины высокого роста, с искусственно деформированными черепами, иногда носящие украшения, прототипы которых находят в Центральной Европе.

Впечатляет малочисленность мужского населения в V в., в период исторических потрясений. Весьма вероятной представляется гипотеза, согласно которой определенное количество убитых воинов было захоронено вдали от своей родины. В VI в. имеются также глобальные расхождения между группами женского населения раннего и позднего периодов. Более того, мультивариационный анализ показал, что как среди мужчин, так и среди женщин присутствуют две различные большие группы, к одной из которых, очевидно, принадлежали местные жители, к другой – вновь прибывшие, имеющие в дальнейшем взаимосвязь с индивидами, жившими в VII в. Эта гипотеза о проживании здесь иноземцев является наиболее правдоподобным объяснением огромного демографического скачка, который можно наблюдать в Сен-Мартен-де-Фонтене в конце V в. и на протяжении всего VI столетия.

В плане условий жизни, антропологический анализ велся с применением нового метода исследований, основанного на изучении зубного камня (Pilet et al., 1994. Р. 125–127), для того чтобы выяснить условия гигиены и систему питания. Если зубного камня достаточно, можно выполнить анализ различных включений, имеющихся в его минеральной структуре, обычно состоящей из фосфата и кальция. После растворения зубного камня под микроскопом видны частички пылицы, раститель-

ные волокна, остатки мясной пищи, а также частички кварца, что и было выявлено у исследуемых индивидов из Сен-Мартен-де-Фонтене. Частицы кварца, видимо, находились в используемой ими посуде, что объясняет изношенность зубов. Еда готовилась на основе пшеницы или ячменя в керамической посуде, содержащей кварц, который смешивался с пищей в процессе приготовления. Таким образом, проведенные комплексные исследования могильника римского времени и эпохи раннего средневековья Сен-Мартен-де-Фонтене позволили пролить свет на этнические процессы формирования населения Второй Лионезы в этот насыщенный историческими событиями период, проследить динамику изменения погребального обряда, начиная от предримской эпохи и заканчивая принятием христианства в сельской местности Меровингской Франции, а также получить новую информацию об антропологическом типе и условиях обитания местных жителей разного происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пиле К.* Иноземцы в Нормандии (по данным могильников конца IV – первой половины VI вв.) // Боспорские исследования. Вып. XI. Симферополь; Керчь, 2006.
- Decaëns J.* Un nouveau cimetière du haut moyen âge en Normandie, Hérouvillette, Calvados // *Archéologie Médiévale*. 1971. T. I.
- Demougeot E.* La Notitia Dignitatum et l'histoire de l'Empire d'Occident au début du Ve siècle // *Latomus*. 1975. T. 34.
- Demougeot E.* La formation de l'Europe et les invasions barbares. V. 2. Paris, 1979.
- Ewig E.* Le culte de saint Martin à l'époque franque // *Revue de l'Histoire de l'Eglise de France*. 1961. T. XLVII. № 144.
- Ewig E.* Le culte de saint Martin à l'époque franque // *Spätantikes und Fränkisches Gallien*. Beihefte der Francia. T. 3. № 2. München, 1979.
- Fournée J.* Enquête sur le culte populaire de saint Martin en Normandie // *Cahiers Léopold Delisle*. Numéro spécial. 1963.
- Kazanski M.* La diffusion de la mode danubienne en Gaule (fin du IVe s. – début du VIe s.: essai d'interprétation historique) // *Antiquités Nationales*. 1989. № 21.
- Kazanski M.* Répartition des boucles d'oreilles en forme de croissant // *Pilet C. et als.* La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados). Recherches sur le peuplement de la plaine de Caen du Ve s. avant J.-C. au VIIe s. après J.-C. // *Supplément a Gallia*. 1994. V. 54.
- Musset L.* Partages paroissiaux et partages féodaux: le domaine de Fontenay (près Caen) // *Revue Historique de Droit Français et Étranger*. 1949. T. XXVII.
- Pilet C.* La Nécropole de Frénouville // *BAR. International Series* 83. V. 3. Oxford, 1980.
- Pilet C.* Les nécropoles de Giberville // *Archéologie Médiévale*. 1990. T. XX.
- Pilet C.* Le village de Sannerville. Fin de la période galloise – fin du VIIe s. après J.-C. // *Archéologie Médiévale*. 1992. T. XXII.
- Pilet C., Le Bagousse A., Buchet L. et al.* La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados). Recherches sur le peuplement de la plaine de Caen du Ve s. avant J.-C. au VIIe s. après J.-C. // *Supplément à Gallia*. 1994. № 54.
- Pilet C.* Étrangers, datation archéologique, durée culturelle // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Керчь, 2005.
- Sidoine Apollinaire.* Poèmes. Panégyrique d'Avitus. T. I. Paris, 1960.
- Vipard P.* Romanisation du terroir autour d'Aregenua // *Pilet C. et al.* La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados). Recherches sur le peuplement de la plaine de Caen du Ve s. avant J.-C. au VIIe s. après J.-C. // *Supplément à Gallia*. 1994. V. 54.
- Vipard P.* La cité d'Aregenua (Vieux, Calvados), chef-lieu des Viducasses. État des connaissances. Paris, 2002.
- Whittaker C.R.* Les frontières de l'Empire Romain // Traduction C. Goudineau avec la collaboration de C. Castelnau, Centre de Recherches d'Histoire Ancienne. V. 85. Besançon, 1989.

Roman and Early Medieval graves at Saint-Martin de Fontenais (Calvados, France). Results of salvage excavations in 1985–1986

C. Pilet

Summary

The article is a summing-up publication of the data from Saint-Martin de Fontenais necropolis. The article covers the necropolis itself, its vicinity and regional historical context; results of excavations at burial grounds and non-burial structures are published. The last section of the article lists the chronological stages which the author considers to be of especial importance. Complex analysis of the remains allows the author to define the ethnic characteristics which can indicate the presence of foreign population on the basis of anthropological data, and to characterize living conditions.

КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ АЛАН

© 2007 г. И. А. Аржанцева

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Так сложилось, что история алан с точки зрения археологии изучена крайне неравномерно. В основном были исследованы многочисленные могильники алан, которые отличаются своеобразным погребальным обрядом и богатым инвентарем (Абрамова, 1986; 1997; Каминский, 1984; Савенко, 1986; Кузнецов, 1961; Рунич, 1976; 1977; Афанасьев, Рунич, 2001; Габуев, 1985, 1991). Со всем по-другому дело обстоит с поселениями, которым, в силу ряда причин, уделялось гораздо меньше внимания. К настоящему моменту известны сотни аланских поселений – крепостей и городищ, относящихся к разным ландшафтным зонам и периодам существования аланских племен на Северном Кавказе (Алексеева, 1992; Ковалевская, 1981. С. 83–93). Тем не менее лишь крайне незначительное количество поселенческих аланских памятников подвергалось хоть сколько-нибудь планомерным, систематическим и масштабным раскопкам и исследованиям (Кузнецов, 1993а; Биджиев, 1983; Чеченов, 1967).

Возникновение большинства поселений на протяжении всей истории Аланского государства зависело не только от природных или экономических факторов, но и от необходимости контролировать ключевые регионы, через которые проходили караванные пути. В начальный период аланской истории (до гуннского нашествия – IV в. н.э.) вряд ли можно говорить о каких-либо городских центрах на территории, занятой аланскими племенами. Хотя достаточно интересным представляется феномен существования в это время в предгорьях Центрального Кавказа, на равнинах и в долинах рек Кумы, Терека и Сунжи крупных поселений (так называемых земляных городищ). Эти городища (Зилга, Брут, Нижний Джулат, Алхан-кала) по внешним признакам (укрепленная цитадель на речном мысу с обрывистыми берегами, система искусственных оборонительных сооружений, многочастная структура, огромная занимаемая площадь) схожи между собой и являлись чем-то вроде протогородских центров (Аржанцева, Деопик, 1989; Arzhantseva et al., 2000. С. 211–253). Находясь в зоне непосредственных контактов равнинных земледельческих и степных скотоводческих племен, такие поселения брали на себя многие функции, характерные уже для развитых городских центров: средоточие торговли – главным образом продуктами сельского хозяйства. Большой инте-

рес представляют внешнеэкономические функции таких протогородов, важнейшая из которых – производство высококачественной и стандартизированной керамики, которой снабжались все степи Предкавказья от Волги до Дона (Гугуев, 1993).

Значительное количество городищ, имеющих синхронные слои и сходную структуру, расположенных на компактной территории, наводит на мысль о том, что эти городища, бесспорно принадлежа одному этносу, могут быть материальными следами какой-то конфедерации больших родов (Аржанцева, Малашев, 1999; Воронин, Малашев, 2006. С. 57–59). Совокупность таких протогородов с мощной фортификацией была в состоянии контролировать определенную земледельческую территорию и пролегающие по ней пути. Большинство из этих городищ практически синхронно прекращают свое существование к середине I тыс. н.э. Основная масса поселенческих памятников II–IV вв. с мощными культурными напластованиями сосредоточена на территории Затеречья, тогда как в районе Пятигорья и верхней Кубани аналогичных городищ этого времени заметно меньше (Воронин, Малашев, 2006. С. 59).

Начиная с середины I тыс. н.э. аланы, занимавшие ключевые позиции на Северном Кавказе, оказываются втянутыми в орбиту сложных политических взаимоотношений Ирана и Византии и позже Хазарского каганата, чьи интересы постоянно сталкиваются на Северном Кавказе. В конце V – начале VI в. скорее всего уже существовало два крупных объединения алан, сложившихся на базе локальных вариантов аланской культуры (Иессен, 1941. С. 27; Гадло, 1984б. С. 120–131; Кузнецов, 1973. С. 60–74; 1988. С. 76–78; Ковалевская, 1984. С. 131–142). Восточное объединение располагалось около Дарьяльского прохода, ведущего в зависимость от персов Картли. Таким образом, восточные аланы в своей политике были ориентированы на Иран. Западное объединение алан располагалось в верховьях Кубани и географически было близко к Лазике и Абхазии, находившихся под контролем Византии. Поэтому Западная Алания входила в зону влияния Византии (Ковалевская, 1984. С. 131–143; Кузнецов, 1992. С. 85–99). В письменных источниках, правда, есть лишь смутные указания на какое-либо деление алан по территориальному признаку. Упоминание сирий-

ского историка и географа Абу'л-Фида (1273–1331 гг.) о делении алан на собственно алан и близкого им по образу жизни и религии некоего тюркского народа ал-Ас (*al-As*), расположенного восточнее (Алемань, 2003. С. 327, 328), скорее всего указывает не на территориальное деление аланских племен, а на деление алан на оседлые и кочевые племена. Тем не менее археологически прослеживаются два варианта аланской культуры: западный и восточный.

В VI в. н.э. разразилась ирано-византийская война за контроль над Шелковым путем (История Византии, 1967. С. 325). Ожесточенные ирано-византийские войны VI в. блокировали западную оконечность Великого Шелкового пути, тем самым оживив северокавказскую трассу, которая проходила по территории Западной Алании (Савченко, 1993; 1997. С. 90–127; Кузнецов, 1993б). Аланы контролировали все удобные проходы в Закавказье и к черноморским портам, взимая дань с торговых караванов дорогами шелками и прочими ценными товарами. Вот почему в аланских погребениях VII–IX вв. н.э., расположенных в районе торговых путей, так много находок восточных шелков (Иерусалимская, 1972. С. 5; 1992. С. 7–9). Значительный приток материальных ценностей вызвал обогащение и расцвет Западной Алании (Кузнецов, 1992. С. 96; 1993а. С. 10). Археологически это выразилось в росте населения, появлении продуманной системы хорошо укрепленных крепостей, скоплении шелков в погребальных комплексах, расположенных недалеко от основных перевалочных пунктов. Для того чтобы караванные пути нормально функционировали, для обеспечения их безопасности, а также для регулярного получения дани, безусловно, нужна была хорошая организация и централизованное правление. В связи с этим интересна высказанная впервые В.Б. Ковалевской версия о расположении в Пятигорье и прилегающих районах верхней Кубани и Балкарии домена и подвластных территорий аланского “царя” 50–70-х годов VI в. Сарозия, упоминавшегося византийским письменным источником на протяжении ряда лет, с 558 по 572 г. н.э. (Ковалевская, 1981. С. 84; 1984. С. 134, 135; Гадло, 1984а. С. 19). Согласно этим данным, Сарозий проводил последовательную политику союза с Византией. Кисловодская котловина, по реконструкции В.Б. Ковалевской, входила в зону владений Сарозия. Только здесь проходили перевальные пути, неподвластные Ирану. Соответственно, именно здесь сосредоточивались основные интересы Византии. Проводить определенную и твердую внешнюю политику было можно, только опираясь на прочные тылы.

Естественно предположить, что резкое увеличение массы населения и появление в конце VI или начале VII в. серии поселений с системой “строга продуманной организации обороны” (Иессен,

1941. С. 24, 25) как раз по всем горным долинам, уходящим к перевальным путям, связаны с деятельностью того же Сарозия (Ковалевская, 1984. С. 134, 135). Здесь, на территории верхней Кубани, Пятигорья и современной Балкарии в конце VI или на рубеже VII в. возникла сеть однотипных городищ-крепостей. Крепости сооружались через каждые 2–3 км на оконечности мыса, господствуя над рекой. На примере нескольких исследованных крепостей можно судить об их структурах, а также о высоком уровне строительного мастерства алан, которые объединили местные традиции строительства с высокотехничными навыками, привнесенными в Западную Аланию, возможно, с черноморского побережья.

Особенно показателен в плане исследования каменных крепостей район Кавказских Минеральных Вод и верхнего Прикубанья, где в течение длительного времени проводились археологические разведки и исследования (Ковалевская, 1981; Минаева, 1971; Афанасьев et al., 2004). К настоящему моменту составлена одна из лучших и подробнейших региональных археологических карт в России. Только на территории Кисловодска и окрестностей насчитывается более 800 разнообразных и разновременных археологических памятников (Коробов, 2002. С. 70). Несмотря на хорошую археологическую исследованность этого микрорегиона в целом, только единицы из аланских поселенческих памятников подверглись систематическим раскопкам (Указатель, Рим-Гора). Лишь последние 10 лет широкомасштабные, планомерные раскопки проводятся на крепости Горное Эхо и в ее окрестностях (работы ведутся с 1996 г. комплексной археологической экспедицией Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН).

Материалы, полученные в ходе работ экспедиции, позволили судить о подробной структуре и особенностях этих синхронных крепостей. Крепость Горное Эхо среди крепостей Кисловодской котловины была выбрана как эталонный памятник для комплексного исследования (историю исследования памятника см.: Аржанцева и др., 2003). По классификации А.П. Рунича, городище Горное Эхо отнесено к категории “миниатюрных” в сравнении с такими объектами, как Рим-Гора и некоторые другие (Рунич, 1974. С. 95–109). Но среди памятников VI–IX вв. н.э. долины р. Аликоновки и всего бассейна р. Подкумок этот памятник представляется довольно крупным. Площадь укрепленной части объекта на скальном останце составляет около 1 га. Если же учесть близко расположенные раннесредневековые поселения, которые скорее всего были связаны с городищем, то этот показатель многократно возрастает. Городище занимает ключевые позиции в створе начала самого протяженного ущелья Кисловодской котловины. К настоящему моменту в целом завершен

крупномасштабный топографический план (1 : 500), с нанесением на него остатков сооружений, видимых на поверхности (рис. 1). Раскопки памятника показали необычную плотность застройки. Уже в VI в. Горное Эхо было крупной крепостью, построенной с использованием передовых по тем временам строительных приемов и технологий. Было высказано предположение, что именно крепость Горное Эхо была одной из резиденций правителя Сарозия (Аржанцева и др., 2003. С. 9), но эта гипотеза нуждается в подтверждении большим количеством данных.

Крепостные стены, башни, жилые и хозяйственные постройки были сложены из крупных блоков серого известняка, который ломали на нижнем скальном уступе того же мыса, превращая его тем самым в неприступную цитадель. По периметру большей части скального останца размещалось предположительно около десяти крупных башен размерами 7×8 – 8×8 м, расположенных на расстоянии 25–40 м друг от друга и соединенных стенами (рис. 1, 2, Б, В). Особым сооружением была стена с комплексом башен и пристроек, перегородившая плато в южной его части. Для крепостей этого периода характерно деление скального останца в самом узком месте поперечной стеной на две части. Эта стена отличается особенной мощностью и сложной структурой. При детальном исследовании выяснилось, что это ключевое фортификационное сооружение не представляет собой сплошной кладки. Это целая система помещений и так называемых строительных (субструкционных) клеток (рис. 3, 4, А, Б). Скорее всего они служили цокольным основанием, образуя площадку, на которой и была возведена стена-перемычка. Причем строительные площадки этого сооружения были устроены террасами, ступенчато понижаясь к краю плато (рис. 5).

Бесспорным можно считать наличие двух строительных периодов на памятнике, отличающихся друг от друга строительными материалами и техникой. Основной период датируется VI–VIII вв. Датировка слоев сделана по характерному керамическому материалу, вещам и монетным индикациям (рис. 6, I). Именно в этот период внутреннее пространство укрепленной части городища было плотно застроено помещениями с функциональной площадью от 8–10 до 20 м² и более. Ввиду плотности застройки часто бывает сложно разделить один дом от другого. Несколько помещений могут быть пристроены к одной длинной стене (раскоп 1, помещения 10 и 6, 8 и 18 – рис. 3). Отдельные дома состоят из одного-двух помещений. Дома расположены очень близко друг от друга, образуя нечто вроде квартальной планировки с улицами, небольшими “двориками”, вымостками и внешними пандусами (рис. 2, Б, В). Все исследованные к настоящему моменту помещения и сооружения (около 40) можно разделить на несколько ти-

пов: 1 – жилые (их большинство); 2 – хозяйственные; 3 – фортификационные и 4 – субструкции и вспомогательные конструкции различного предназначения. К последним можно отнести уличные пандусы, платформы, вымостки и строительные клетки, которые использовались при сооружении крупных объектов, таких как обводная стена и стена-перемычка внутри крепости.

Исследование строительных технологий показало, что все крупные объекты – несущие стены, обводные стены, стена-перемычка – сложены из хорошо обработанных блоков известняка на два фаса с забутовкой между ними, блоки плотно подогнаны друг к другу. Специальные анализы показали наличие глинистых и цементных растворов в кладке; цокольный ряд выкладывался на глиняной подушке. Наличие глиняных подушек в сочетании со слабоглинистыми растворами, возможно, свидетельствует о том, что постройки сооружались с учетом сейсмоопасности данной зоны. Перегородки же сложены просто из двух рядов плиток песка. В технике кладки наблюдаются элементы “перевязки”. Такая строительная техника появляется и широко распространяется на Северном Кавказе в начале I тыс. н.э., бытует вплоть до развитого средневековья. Судя по обилию остатков обожженной глины с отпечатками прутьев в слое, на памятнике присутствовали и легкие турлучные конструкции. Сочетание каменных сооружений и турлучных построек типично для Северного Кавказа с древнейших времен вплоть до нового времени.

В жилых помещениях часто фиксируются остатки пристенных каменных лежанок, расположенных по всему периметру (раскоп 1, помещения 6, 7, 18). Очаги в жилых и хозяйственных постройках зафиксированы двух типов: угловые прямоугольные, сложенные из плит известняка со следами прокала (раскоп 1, помещение 6); круглые, с глиняной обмазкой, расположенные в центре помещения (раскоп 1, помещение 7). Одновременное наличие двух этих типов очага так же, как и каменные пристенные лежанки, известно на многих синхронных аланских поселенческих памятниках, где проводились раскопки (Кузнецов, 1992. С. 276; Ковалевская, 1981. С. 175. Рис. 59). К основному периоду жизни крепости относятся и такие элементы благоустройства, как коллектор (водосборник), примыкающий вплотную к хозяйственному комплексу (помещение 7 – рис. 2, А), дренажные канавки, вырубленные в скальном материале и расчищенные практически возле всех крупных сооружений, уличный пандус, платформы-вымостки из крупных блоков известняка, ровно подтесанный материк на открытых участках (улицы, “дворики”, проходы между домами).

Таким образом, для первоначального и основного периода жизни крепости характерны следующие особенности строительной техники и прие-

Рис. 1. Горное Эхо. План.

мов: наличие элементов продуманной планировки; определенная система фортификации: обводная и поперечная стены, фланкирующие башни сложной конструкции; наличие целых хозяйственных

комплексов; применение такого строительного приема, как штрабление (предварительная разметка) и выравнивание материка перед строительством; высококачественная строительная техника;

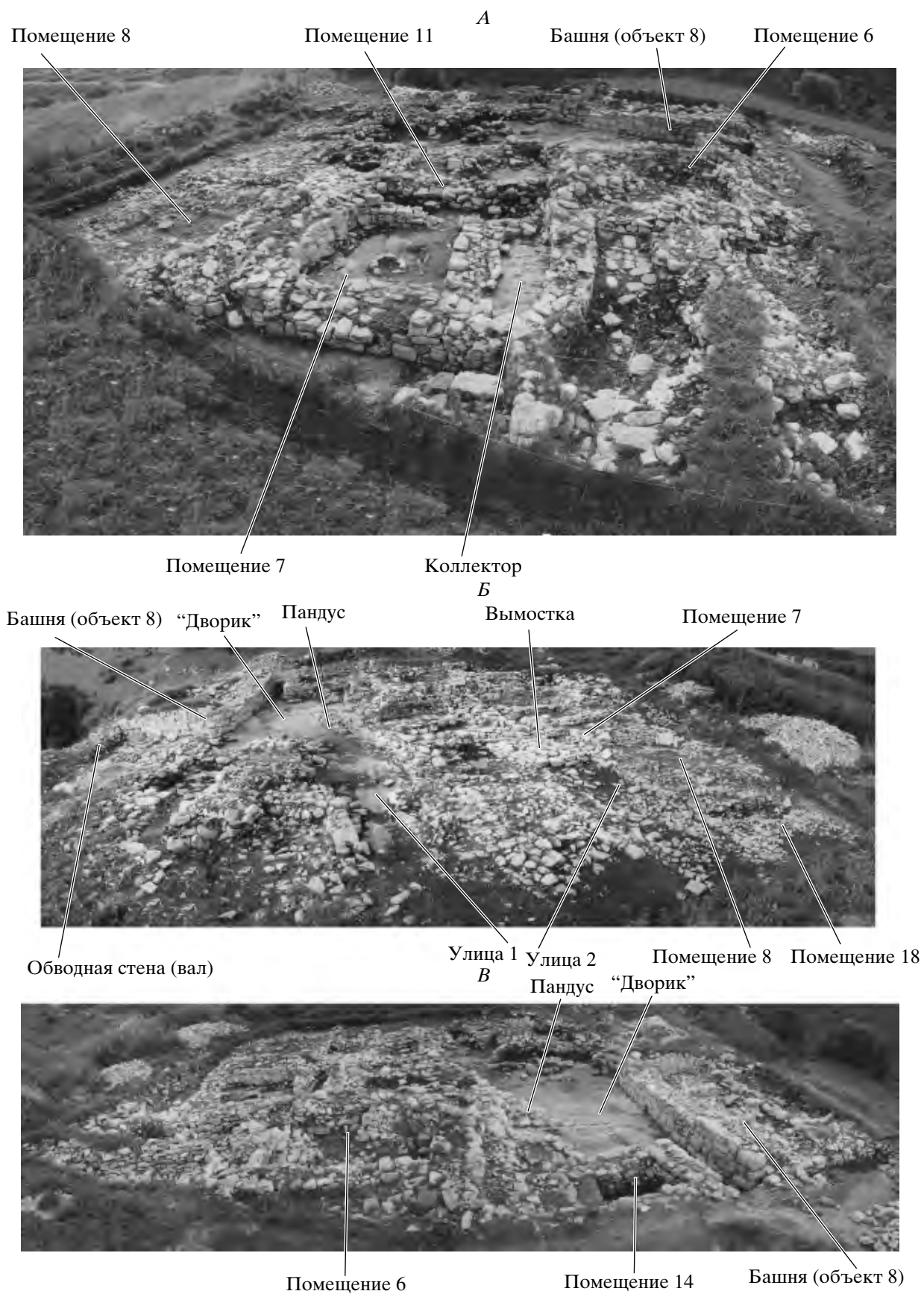

Рис. 2. Горное Эхо. Раскоп 1, панорама: А – вид с запада; Б – вид с севера; В – вид с юга.

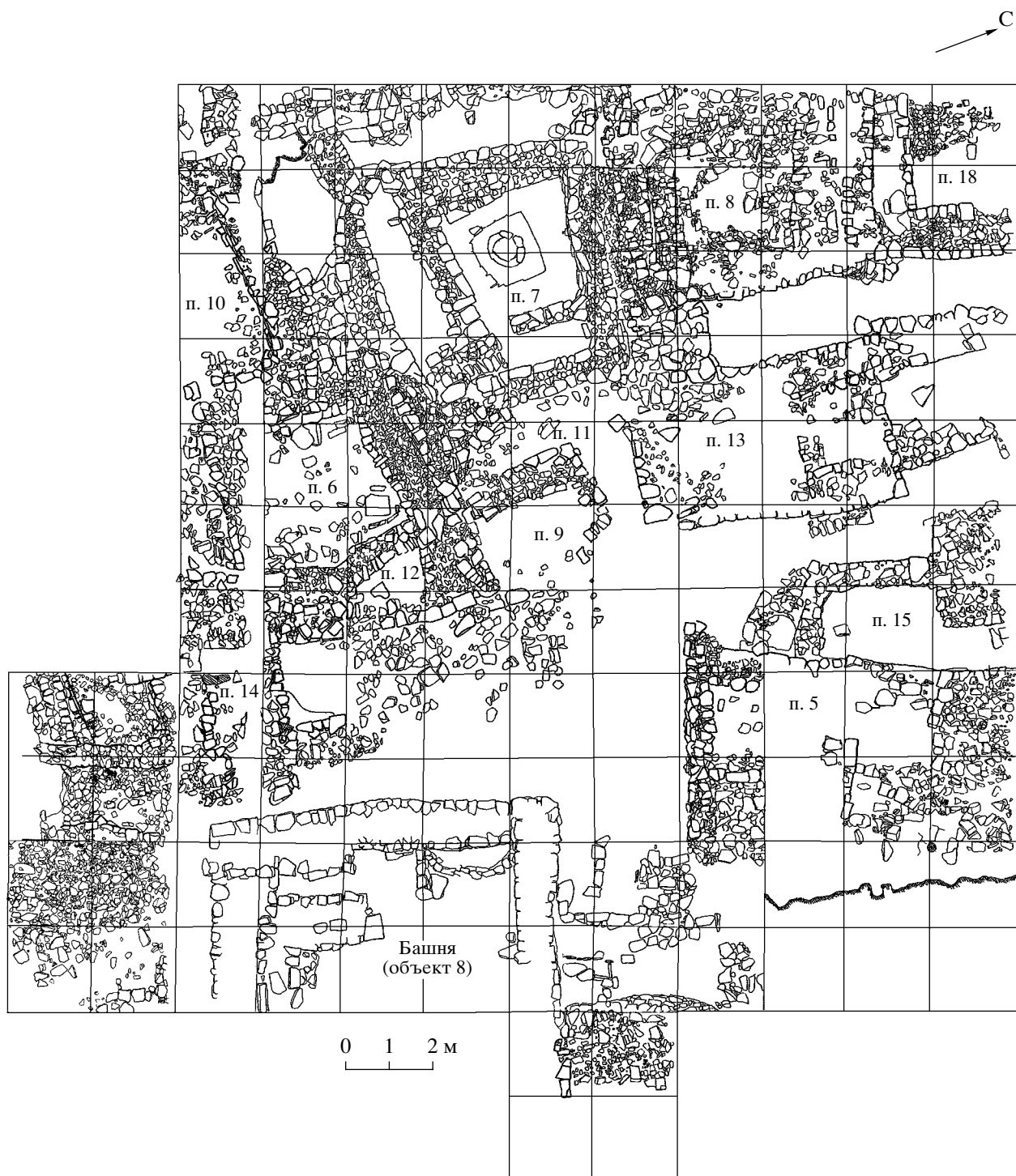

Рис. 3. Горное Эхо. Раскоп 1, план.

использование сложных архитектурных деталей (перемычки, карнизы, замковые камни и т.д.). В нижнем (основном) строительном горизонте на площади основного раскопа 1 (780 м²) выявляется до 20 жилых построек. Если принять данный показатель за средний, то их общее число на памятнике могло доходить до 70–80. При учете башен, кото-

рые были не только частью фортификации, но и жилыми, следует предполагать, что одновременно на городище могло пребывать до 300–400 человек.

При исследовании систем жизнеобеспечения подобных поселений наименее изученным оказался вопрос ведения сельскохозяйственного производства в условиях горных территорий. Как имен-

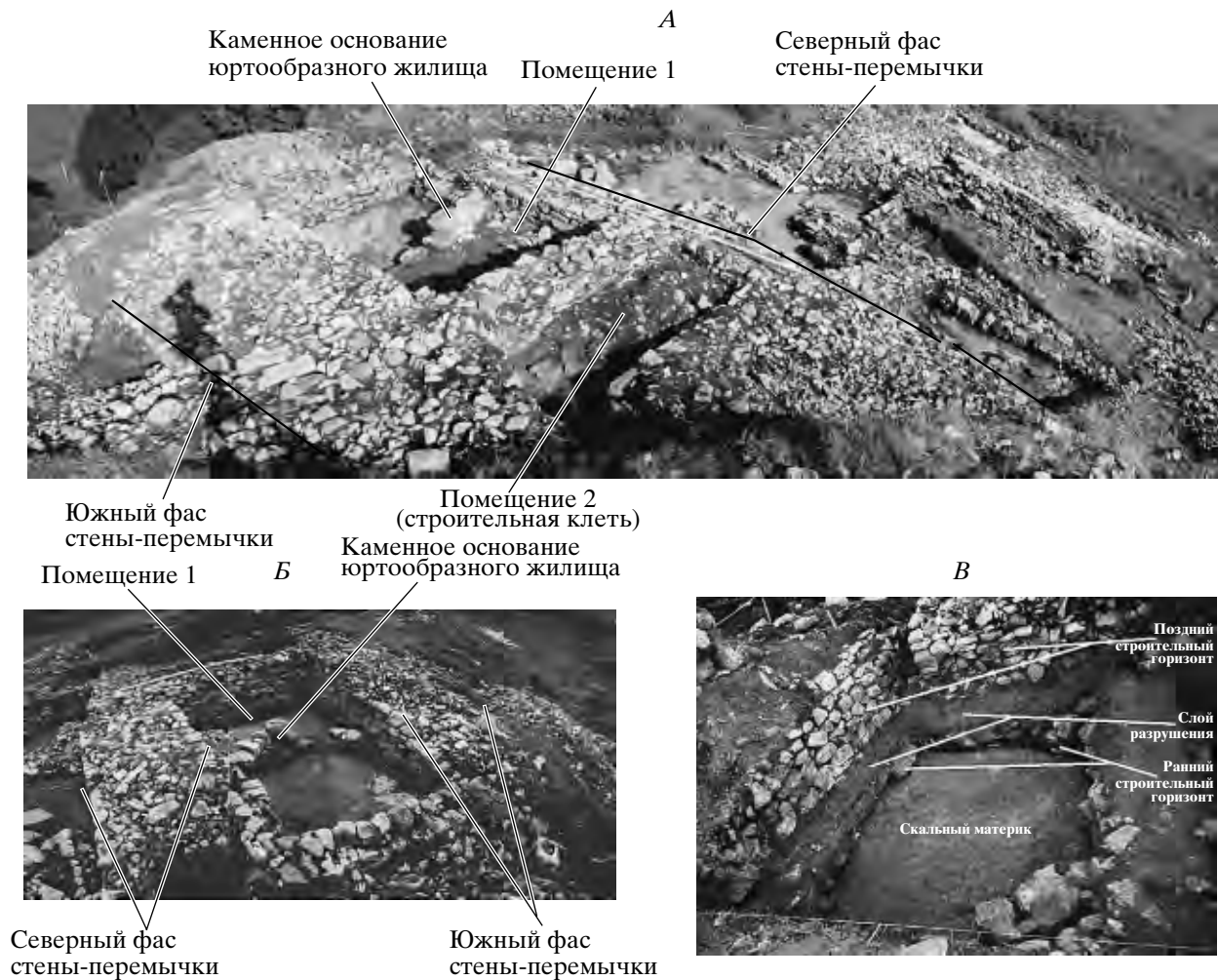

Рис. 4. Горное Эхо. Раскоп 4: А – панорама, вид с востока; Б – остатки юртообразного жилища; В – раскоп 1, слой разрушения между двумя строительными периодами.

но могло быть обеспечено значительное население сельскохозяйственной продукцией в условиях горных районов? Многолетние геолого-почвенные и ландшафтные исследования на городище Горное Эхо и в его окрестностях, проводившиеся С.Н. Седовым, М.А. Бронниковой, И.В. Туровой (Институт географии РАН), позволили сформулировать ряд новых нетривиальных гипотез, касающихся эволюции ландшафтов и приспособления к ним древнего человека. Природные условия исследованного региона (Кисловодская котловина) были стабильно благоприятны для развития пастбищного скотоводства и земледелия. На основании сопоставления погребенных почв под насыпями террас и курганами скифского времени с современными почвенными поверхностями (анализы по морфологическим признакам выполнены в лаборатории Bornemouth University, UK, по изотопному составу гумуса – в Институте почвоведения и фотосинтеза РАН) мы можем сделать вывод, что во вторую половину голоцена (7 тыс. л.н.) климат

оставался более или менее стабильным. Наблюдалась легкая тенденция к увеличению увлажнения, но в целом климат благоприятствовал степным экосистемам. Это означает, что в районе Кавказских Минеральных Вод формирование и функционирование этнокультур в течение последних двух тысячелетий происходило в условиях преобладания травянистых растительных ассоциаций с лесами только по долинам рек. Эта ситуация контрастно отличается от ландшафтной динамики в Западном Предкавказье (верховья Кубани, Зеленчука, Марухи и западнее до Черного моря), где в позднем голоцене произошла резкая смена климата и господствовавшие ранее степные экосистемы сменились лесами (Alexandrovsky et al., 1999. Р. 193–199). Таким образом, в районе Кавказских Минеральных Вод в целом условия для пастбищного животноводства были всегда благоприятны, в отличие от более западных регионов (Arzhantseva et al., 2001. С. 115–124).

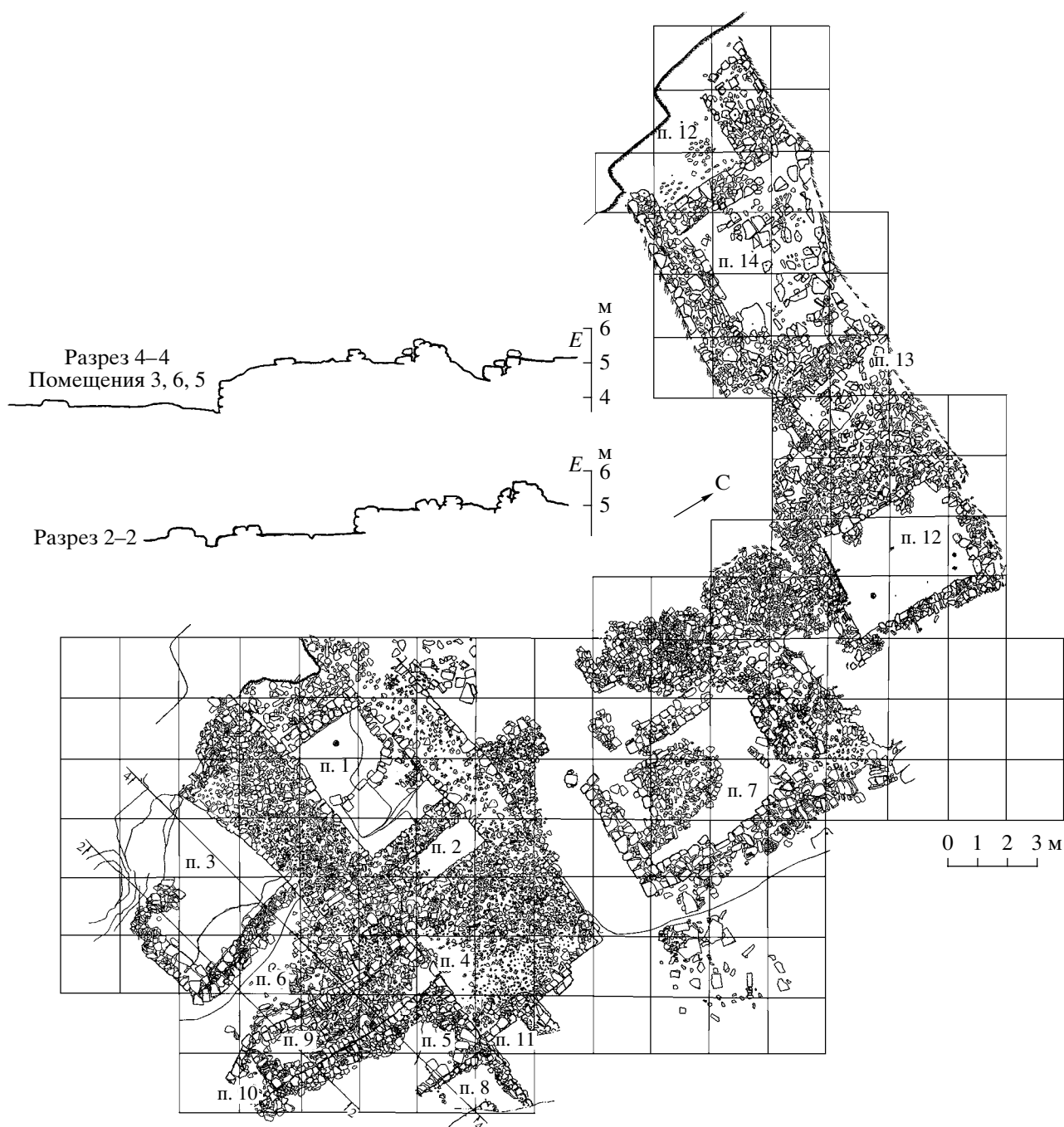

Рис. 5. Горное Эхо. Раскоп 3 и 4, сводный план.

Обследование территорий вдоль долины реки Аликоновки Кисловодской котловины показало, что склоны гор повсеместно превращены в сельскохозяйственные угодья путем их рукотворного перестраивания в систему ступенчатых террас (от 1 до 7 на одном склоне). На целом ряде таких террас был исследован процесс формирования антропогенно преобразованных почв – культурных слоев. Учитывая значительную площадь сельхозугодий и высокую технологичность их обработки,

можно сделать вывод, что население Кисловодской котловины в VI–VIII вв. производило достаточное количество сельскохозяйственной продукции не только для обеспечения своих нужд, но и, вполне вероятно, для выплаты той самой дани хазарам, о которой упоминают письменные источники (Коковцов, 1932. С. 101, 102, 105). В свете последних исследований представляется вероятным то, что аланы снабжали хазар сельскохозяйственной продукцией. В целом исследования аланских

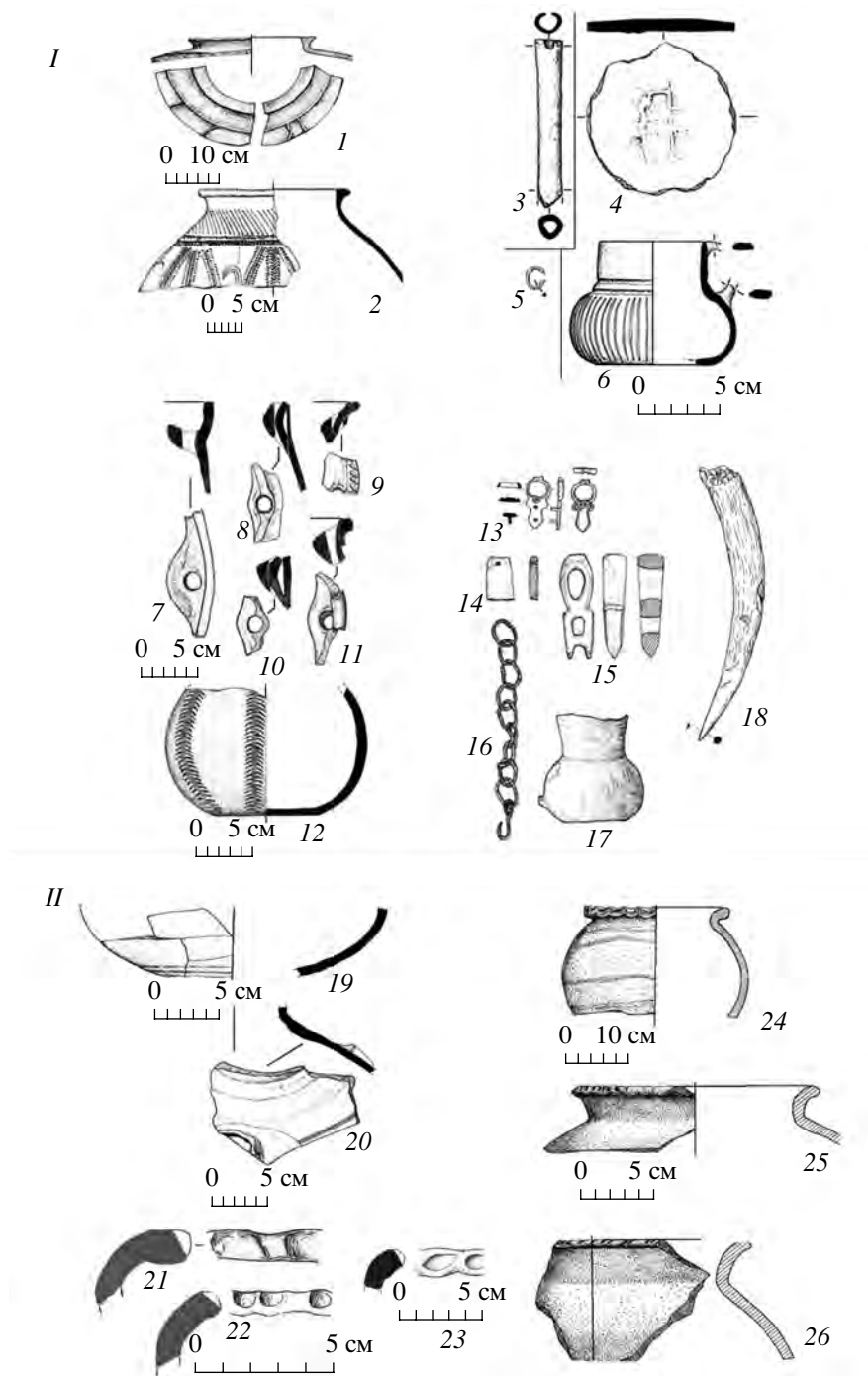

Рис. 6. Горное Эхо. *I* – комплекс находок из основного слоя VI–VIII вв.: 1, 2, 4, 6–12, 17 – керамика; 3, 15, 18 – кость, рог; 5, 13, 16 – металл; 14 – камень. *II* – комплекс керамики из позднего слоя IX–X вв.: 19, 20 – причерноморские красноглиняные амфоры IX в.; 21–26 – красноглиняная керамика салтовского облика.

поселений и сельскохозяйственных угодий, особенностей строительной техники и систем землепользования показывают, что аланы хорошо адаптировались к особенностям предгорного ландшафта.

В стратиграфических разрезах и бортах раскопов на крепости Горное Эхо поверх основного

слоя VI–VIII вв. зафиксирован слой “разрушения” мощностью до 80 см с явными признаками пожара (рис. 4, *B*). При помощи геофизических методов (работы выполнены сотрудниками НПЦ “Геотехнология” М.Я. Кацем, И.Н. Модины, А.Т. Пелевиным и С.Б. Соколовым) этот слой был зафиксирован практически на всей крепости. Скорее всего

это указывает на то, что в конце основного периода (предположительно конец VIII в. н.э.) произошла локальная катастрофа (пожар), возможно антропогенного характера, после чего крепость некоторое время находилась в запустении. Очевидно, в это же время (VIII в. н.э.) крепость и ее окрестности попали в зону землетрясения, о чем свидетельствуют характерные завалы стен построек и наличие нерегулярных трещин в скальном материке, уходящих под стены построек. Тектоническая активность в этот период подтверждается и анализом толщ склоновых отложений в окрестностях крепости. Опорные разрезы, заложенные в непосредственной близости от памятника, обнаружили ритмичное строение склоновых отложений: горизонты хорошо развитых погребенных почв чередуются с грубыми каменистыми склоновыми наносами, не затронутыми почвообразованием. Это свидетельствует о том, что в период позднего голоцена на исследуемой территории периоды стабилизации склоновых поверхностей и развития почвообразования сменялись периодами резкой активизации склоновых процессов, что было обусловлено как природными (оледенения, вулканическая деятельность, землетрясения), так и, возможно, антропогенными факторами. Датировать эту склоновую активность удалось благодаря керамике, типичной для этого периода.

Нестабильность геологической ситуации должна была оказать большое влияние на жизнь аланских племен региона и, в частности, могла явиться причиной прекращения функционирования некоторых поселений и оттока населения в более спокойные районы. Отток населения из района Кисловодской котловины и последующее ее запустение подтверждается данными исследования других поселенческих памятников и в особенности погребальных комплексов (Ковалевская, 1984. С. 172–174; Афанасьев, 1993. С. 151; Малашев, 2001. С. 39). Тем не менее вряд ли можно говорить об окончательном запустении региона. На крепости Горное Эхо зафиксирован поздний строительный горизонт, что свидетельствует о повторном заселении этой крепости, возможно потомками предыдущего населения. Вполне вероятно, что жизнь на памятнике и не прекращалась, но интенсивность ее была значительно ниже. Поздний период датируется IX–X вв. по характерному керамическому материалу салтовского облика и красноглиняным поздним причерноморским амфорам (рис. 6, II). Вторичное строительство и заселение происходило непосредственно поверх слоя “разрушения”, после его нивелировки под строительство (рис. 8).

Для позднего строительного периода характерно: частичное использование старой планировки и основных ключевых сооружений (башни, стены) основного строительного периода; строительная техника качественно ниже, чем в предыдущий период, кладки сложены небрежно, остатков строи-

тельных растворов не зафиксировано; массовое вторичное использование строительных материалов (в кладках присутствует большое количество архитектурных деталей, использованных не по назначению); перестройки поверх старых планировок. По-видимому, к позднему периоду относится и частичная реконструкция (или ремонт) стены-перемычки, отделяющей южную часть крепости от северной. И именно в это время вплотную к стене-перемычке, поверх планировки помещения 1 (раскоп 3) было построено юртообразное жилище с каменным основанием (рис. 4, Б). Точно такая же стратиграфическая ситуация была зафиксирована на крепости Указатель, где поверх планировки зданий VI–VII вв. были сооружены несколько юрт с каменными основаниями (Ковалевская, 2005. Рис. 21).

В.Б. Ковалевская вполне обоснованно связала это явление с процессом вытеснения алан из этого богатого региона тюркоязычными кочевниками (возможно, болгарями) в период возвышения Хазарского каганата (Ковалевская, 1984. С. 148, 149). Поскольку на городище Горное Эхо остатки юртообразного жилища зафиксированы только один раз (несмотря на то что к настоящему моменту вскрыто более 1000 кв. м культурного слоя), вряд ли можно говорить о крупномасштабном переселении тюркских племен в этот период на территорию алан. Скорее всего, мы имеем дело с вещественным доказательством того, что на крепости длительно присутствовал представитель Хазарского каганата, контролировавший сбор дани. В этой связи примечательно местоположение юрты – она занимала стратегически ключевое место возле стены-перемычки, возвышавшейся над всей крепостью, но достаточно близко к краю плато, в непосредственной близости от спуска вниз, в долину реки.

Очевидно, что система небольших крепостей, вероятно созданная при Сарозии, продолжала существовать и во времена Хазарского каганата вплоть до конца IX – начала X в. С падением его в середине X в. н.э. существенно усилилось и приобрело новое качество византийское влияние на Северном Кавказе. Это выразилось в массовой христианизации алан, распространении византийских строительных традиций, строительстве монументальных храмовых комплексов X–XIII вв. н.э. Можно даже говорить о физическом присутствии и участии византийских мастеров, пришедших вместе с миссионерами (Кузнецов, 1993б. С. 87–93; Перфильева, 1981. С. 123; 1992. С. 180–200).

К X в. на территории Западной Алании насчитывалось несколько десятков крепостей, размеры и структура которых позволяла определить их уже как города-крепости. Почти все они имели сложную, хорошо продуманную, приспособленную к особенностям местного ландшафта оборонитель-

ную систему, построенную по всем правилам фортификации. На настоящий момент известно более десятка крупных городов-крепостей X–XII вв., главным образом в верховьях Кубани, с хорошо развитой фортификацией, цитаделями, крупными каменными постройками, христианскими храмами (Ильичевское, Первомайское, Амгата, Хумаринское, Рим-Гора, Уллу-Дарбунлу). Наиболее известным и крупным городом Западной Алании X–XII вв. являлся Нижний Архыз, где, по мнению специалистов, находился в X–XI вв. центр аланской епархии и была резиденция Аланского митрополита (Кузнецов, 1992. С. 317–319; Малахов, 1992. С. 149–170). Но Нижний Архыз все-таки был не типичным, не рядовым городом. Это был административный и культурно-идеологический центр Алании, имеющий все основания претендовать на статус столицы (Кузнецов, 1993б, С. 225–228).

В плане выяснения характерной структуры города-крепости этого периода наиболее интересен другой памятник, тесно связанный с Нижним Архызом, расположенный в непосредственной близости от него, – Кяфарское городище, которое, возможно, являлось ставкой светского правителя Западной Алании – Дургулея Великого (Кузнецов, 1988. С. 83–85; 1993б, С. 228–231). Здесь находилась его резиденция, размещались многочисленные военные гарнизоны, здесь же обнаружен и некрополь с каменными гробницами, украшенными прекрасным рельефом. По мнению крупнейшего специалиста-кавказоведа В.А. Кузнецова, своего наивысшего могущества и расцвета Алания достигла при Дургуле Великом, время правления которого, по грузинским источникам, синхронно правлению грузинского царя Баграта IV – 1027–1072 гг. (Летопись Карли, 1982. С. 66). В.А. Кузнецов полагает, что неоднократно упоминаемый в византийских источниках “Правитель Алании” и есть Дургуль Великий, дядя Марии Аланской – жены византийского императора Михаила Дуки (1071–1078 гг.) (Кузнецов, 1988. С. 76–80). Есть все основания предполагать, что крупнейший город в Западной Алании, расположенный неподалеку от Аланской епархии, являлся резиденцией именно Дургулея Великого. В.А. Кузнецов считает Кяфарское городище замком-крепостью, где могла временно находиться одна из ставок Дургулея Великого, в то время как постоянная резиденция правителя была в столице – Нижнем Архызе (1983. С. 228). Однако для того, чтобы быть просто временной ставкой или замком-крепостью, Кяфар имеет слишком сложную структуру и большие размеры. Это, безусловно, был крупный город с постоянным населением.

Несмотря на свою некоторую исключительность, Кяфар имеет ряд характерных признаков и черт, общих для всех аланских крепостей-городов Западной Алании X–XII вв. – его ситуационное расположение на узком лесистом хребте (Мыце-

шта) у слияния двух рек (Кяфар и Кривая). Длина городища с севера на юг составила почти 2 км, ширина хребта колеблется от 10 до 200 м. На памятнике выявлены остатки более двухсот сооружений (рис. 7, 7). Город делится на нижнюю и верхнюю части. В первой практически нет жилых построек, но она окружена оборонительной стеной (1-я нижняя оборонительная стена). Здесь же расположено несколько комплексов, которые могут быть интерпретированы как культовые, включая так называемое святилище с остатками одноапсидной часовни (рис. 7, 5). Эта храмовая постройка имеет в плане прямоугольную форму без выраженной снаружи апсиды. Такая планировка не типична для раннехристианских храмов Северного Кавказа этого периода, но тем не менее имеет свои аналогии: храм № 1 на Первомайском городище (Каминский, Каминская, 1996. С. 174), храм X в. в селе Ипари, Сванетия (раскопан Ш. Чартолан). Храмы с подобной планировкой были распространены в раннехристианском зодчестве Месопотамии и Сирии, особенно в несторианских общинах (Каминский, Каминская, 1996. С. 178). Основная часть жилых и административных зданий расположена в верхней части городища, также окруженной стеной по периметру хребта (рис. 7, 1). Само верхнее городище разделено на несколько частей по рельефу, так как хребет ступенчато понижается с Ю на С.

Деление города по рельефу скорее всего обусловило деление и по социальному признаку, и на хозяйственно-административные зоны. При исследовании сооружений бросается в глаза смешение, как минимум, двух строительных традиций. Это местные традиции, выработанные в течение предшествующих 2–2.5 тыс. лет: выбор места на горных хребтах и плато, доминирующего над рекой, жесткая зависимость от рельефа и использование его как в структуре жилища, так и в общей топографии города, использование местного камня для построек, техника “врезания” жилищ в скальные склоны, кладка насухо в два ряда, с “перевязкой” в узловых местах более крупными плитами. В то же время храмовые и фортификационные сооружения демонстрируют заметное византийское влияние: кладка из обработанных блоков на два фаса с забутовкой между ними, наличие мерлонов на верхней оборонительной стене, византийские мотивы в декоре (рис. 7, 1, 3, 5).

Мы предприняли попытку, используя различные методики, рассчитать примерное количество жителей города. Так, только в верхнем городе могли одновременно находиться от 740 до 1780 человек. Из специфических черт, которые присущи многим аналогичным городищам этого периода на Северном Кавказе, следует указать близкое соседство и одновременное функционирование христианских храмов и языческих культовых сооружений – жертвенные плиты на ножках с характерными

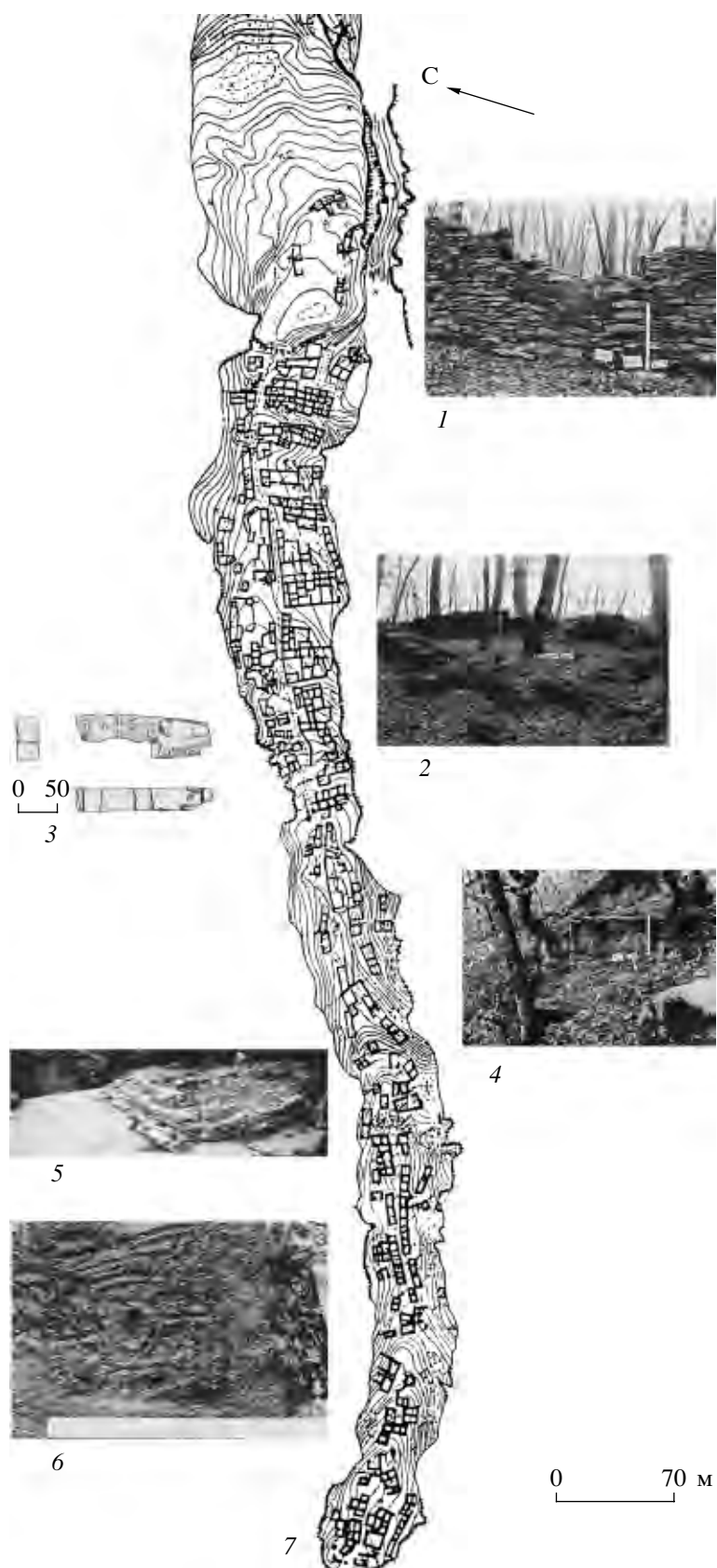

Рис. 7. Кяфарское городище: 1 – верхняя оборонительная стена; 2 – остатки многокамерного дома; 3 – фрагмент плиты склепа с рельефом; 4 – фронтальная плита склепа; 5 – святилище, одноапсидная часовня; 6 – знак “вавиллона” на жертвенной плите; 7 – план верхней части городища.

“вавилонами” (рис. 7, 5), камни с петроглифами, сюжет которых тесно связан с охотничьей магией (Аржанцева, Албегова, 1999. С. 181–200). Город сопровождался роскошным некрополем (рис. 7, 4), который был разграблен еще в древности, однако до наших дней сохранились плиты гробниц, украшенные богатым рельефом. Именно отсюда происходит знаменитая царская гробница, находящаяся ныне в Ставропольском музее. Скорее всего такая гробница могла принадлежать одному из правителей Алании (Кузнецов, 1993. С. 228, 229). На городище встречены плиты и от других аналогичных гробниц (рис. 7, 3).

Расцвет этого города, пришедшийся на X–XII вв. н.э., обусловлен не только активизацией политики Византии на Северном Кавказе и интенсивным распространением в связи с этим христианства среди алан. Этот город-крепость контролировал одну из самых интенсивных веток Даринской дороги Великого Шелкового пути. Через Кыфарское ущелье проходили караваны к одному из трех действовавших практически круглогодично перевалов: Адзапш, Санчарскому и Лабинскому, и далее через них в Абхазию на побережье (Воронов, 1975. С. 46–53; 1992. С. 68, 69; Савченко, 1993. С. 84–87; Ложкин, 1984. С. 54). Многие из перечисленных аланских городов-крепостей были ключевыми постами на других ветках Даринской и Мисимианской дорог Великого Шелкового пути: так, Нижний Архыз контролировал Зеленчукскую ветку (Демаков, Чумак, 1990. С. 34, 35), а Первомайское и Ильичевское городища контролировали Урупскую ветку Даринского пути (Каминская, 1988. С. 201–204). Такие же крупные города-крепости этого же времени, как Хумаринское, Амгата, Рим-Гора (расположенные на Подкумке и Теберде) были ключевыми для Мисимианского пути, который шел в Аписилию через Клухорский перевал (Кузнецов, 1993а. С. 7–79; Савченко, 1997. С. 15–20). Возникновение этих городов-крепостей хронологически совпадает с установлением господства Хазарского каганата на Северном Кавказе в VIII в. Расцвет храмового строительства приходится на момент усиления Византийского влияния и принятия христианства – X в. Прекратили же свое существование все эти города-крепости вскоре после татаро-монгольского завоевания Северного Кавказа, которое разрушило всю сложную, но отлаженную инфраструктуру этого региона.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным, техногенным трансформациям”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с.Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
- Абрамова М.П. Катакомбные могильники III–V вв. н.э. центральных районов Северного Кавказа // Аланы. История и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995.
- Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–VI вв. н.э. М., 1997.
- Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.
- Алемань А. Аланы в дренях и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Аржанцева И.А., Албегова З.Х. Культовые камни Кыфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Аржанцева И.А., Деоник Д.В. Зилги – городище начала I-го тыс. н.э. на стыке степей и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М., 1989.
- Аржанцева И.А., Малашиев В.Ю. Зилгинское городище и проблема аланского потогорода на Северном Кавказе // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.
- Аржанцева И.А., Савенко С.Н., Сычев А.А. Кисловодский археологический музей под открытым небом “Горное Эхо”. Основы концепции. Кисловодск, 2003.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М., 1993.
- Афанасьев Г.Е., Рунин А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2005.
- Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- Воронин К.В., Малашиев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М., 2006.
- Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
- Воронов Ю.Н. Еще раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1992.
- Габуев Т.А. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии // СА. 1985. № 2.
- Габуев Т.А. Аланские курганы у с. Брут в Северной Осетии // Первая Международ. науч. конф. “Осетиноведение: история и современность”. Владикавказ, 1991.
- Гугуев Ю.К. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II – перв. полов. III в. н.э. (к постановке проблемы) // Вест. Танаиса. Вып. 1. Ростов-н/Д, 1993.
- Гадло А.В. Северный Кавказ в IV–X веках (проблема этнической истории). Автореф. дис. ... докт. наук. М., 1984а.
- Гадло А.В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники “Дербентнаме” // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984б.
- Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 1941. № 3.
- Иерусалимская А.А. “Великий Шелковый Путь” и Северный Кавказ. Л., 1972.

- Иерусалимская А.А.* Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки. СПб., 1992.
- История Византии.* Т.1. М., 1967.
- Каминская И.В.* Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // ВВ. 1988. Т. 49.
- Каминский В.Н.* Раннесредневековые катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- Каминский В.Н., Каминская И.В.* Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир; М., 1996.
- Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Ковалевская В.Б., Кавказ и аланы.* М., 1984.
- Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э.–I тыс. н.э. М., 2005.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Коробов Д.С.* База данных “Археологические памятники Кисловодской котловины” // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ессентуки; Кисловодск, 2002.
- Кузнецов В.А.* Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. № 9. Нальчик, 1961.
- Кузнецов В.А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты // СА. 1973. № 2.
- Кузнецов В.А.* Дургулель великий и Нижний Архыз // Методика, исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
- Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. “Великий Шелковый путь” и Северный Кавказ. Владикавказ, 1993а.
- Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993б.
- Летопись Картли.* Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982.
- Ложкин М.Н.* Аланы на Урупе (археологический очерк) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Малахов С.Н.* К вопросу о локализации епархиального центра в Алании XII–XVI вв. // Аланы. Западная Европа и Византия. Орджоникидзе, 1992.
- Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
- Перфильева Л.А.* Архитектурные памятники средневековой Алании: к вопросу о генезисе // Тез. докл. конф. “Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье”. М., 1981.
- Перфильева Л.А.* К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северо-Западного Кавказа в X–XI вв. // Аланы. Западная Европа и Византия. Орджоникидзе, 1992.
- Рунич А.П.* Укрепление раннего средневековья в Кисловодской котловине // Археолого-этнографический сб. Вып. 1. Нальчик, 1974.
- Рунич А.П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3.
- Рунич А.П.* Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. 1977. № 1.
- Савенко С.Н.* Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э. Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1986.
- Савченко Е.И.* О Северо-Кавказском отрезке Великого Шелкового пути // II Кубанская археол. конф. Тез. докл. Краснодар, 1993.
- Савченко Е.И.* Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северном Кавказе в VIII–IX вв. (на материалах скального могильника Мошечевая Балка). Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1997.
- Чеченов И.М.* Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967.
- Alexanrovsky A.L., Sedov S.N., Golieva A.A.* Trends and rates of Holocene soil evolution in the North Caucasus Piedmont // Chinese Science Bulletin. 1999. V. 44. Supplements 1.
- Arzhantseva I.A., Deopik D.V., Malashev V.Y.* Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase. Colloquia Pontica. № 5. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- Arzhantseva I., Turova I., Bronnikova M., Zazovskaya E.* Alan settlements of the 1st millennium in the Kislovodsk Basin, Russia // British Archaeological recording. International series. 2001. № 987.

Stone fortresses of the Alans

I. A. Arjantseva

Summary

Throughout the history of the Alan state, the major settlements were founded not only due to natural, landscape and economic factors, but also due to the necessity to control strategic regions where the richest caravans passed. The foundation and functioning of a series of Alan fortresses in the 6th c. A.D. was connected with the rise of Western Alania, and also with the control over Northern Caucasus that the Khazar Khaganat established in the 8th c. Large castle-towns and temples flourished in the 10th c., when Byzantine influence was strengthened and Christianity was accepted. All these fortress towns ceased to exist soon after the Tartar Mongol invasion, which destroyed the infrastructure of the region. Research of Alan settlements, agriculture, construction technique, life maintenance and land usage systems show that the Alans were well adapted to the peculiarities of piedmont landscape.

РАТЬКОВСКИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ФИННО-УГОРСКИЙ МОГИЛЬНИК: ХРОНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРЯД

© 2007 г. В. И. Вишневский*, Н. А. Кирьянова**, М. В. Добровольская***

*Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник

**Государственный Исторический музей, Москва

***Институт археологии РАН, Москва

Городище позднего этапа дьяковской культуры у д. Ратьково (Александровский р-н Владимирской обл.) на мысу левого берега р. Дубна при впадении р. Рассоловка (Куньема), сильно разрушенное течениями рек, открыто экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника. Исследовано 299 кв. м (1999, 2000, 2002 гг.) на северной оконечности мыса (рис. 1, 1–2) (Антипина и др., 2001; Вишневский, 1997; 2001), где выявлен раннесредневековый могильник. Задача статьи – полностью ввести в оборот археологические, карпологические и остеологические материалы¹.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Культурный слой (мощность 0.3–0.5 м) без характерного для поселений материала; содержал остатки трупосожжений и инвентарь во всех пластах (1–4) и в заполнении ям (коричневая и темно-коричневая до черной супесь). Собрано 953 находки, из них 175 – оплавленные бронзовые предметы. Подавляющее большинство бронзовых украшений полностью или частично оплавлено; железные пряжки, иглы от пряжек, шила, ножи, фрагмент наконечника стрелы покрыты окалинной; каменные литейные формочки растрескались в огне; ряд фрагментов керамики деформирован и ошлакован. Следов огня нет на ряде развалов керамических сосудов и большей части фрагментов керамики; керамических пряслицах; фрагментах головных украшений; стеклянных бусах.

Вещи и фрагменты кремированных костей обнаружены скопления, не всегда явно очерченные и не обязательно совпадающие с небольшими неглубокими ямами в материке (табл. 1). Они рассеяны по площади мыса на разной глубине, но в некоторых квадратах их концентрация очень высока, от 1000 до 3000 фрагментов (кв. Ф-8, 16г и 17г). Части ряда вещей найдены в разных квадратах: крестовидной фибулы – в кв. Н-5, Р-6, Р-7, У-8, Ф-9 (на протяжении семи метров); литейных форм – в кв. У-9, Х-9,

Ц-5, Ч-5; стеклянной бусины – в кв. С-8 и Т-7. Погребальные комплексы (рис. 2 и 3) мы выделяем как сочетания ям в материке с зонами концентрации находок, фрагментов костей и обугленных зерен (табл. 2).

Комплекс 1 (рис. 2, 1–4) – яма 1 1996 г. (описание ям см.: табл. 3). Во втором пласте над ней – развал небольшого лепного гладкостенного горшка (рис. 2, 1), неподалеку (кв. 3-6) – керамическое пряслище (рис. 2, 4). Над ямой и вокруг нее собраны фрагменты керамики (рис. 2, 2, 3) и кремированных костей (среди них: фаланга пальца руки пожилой женщины без следов физической работы; кости индивида 30–50 лет; мужчины 20–40 лет в кв. 3-3, пл. 1; кости взрослых индивидов; фрагмент зуба хищника; некремированный фрагмент бедренной кости выдры *Lutra lutra* в кв. 3-3, 3-4, 3-6) (Антипина и др., 2001. С. 88). Зерна для анализа не отбирались.

Комплекс 2 (рис. 2, 5–18) – заполнение ямы 1: развалы трех (приземистых, с отогнутыми венчиками и заглаженной поверхностью сосудов (рис. 2, 16–18) и фрагменты лепной керамики (рис. 2, 15). Состав инвентаря указывает на остатки мужского (стрела) и женского (литейная форма, нож, шилья) погребений (табл. 2). Кости людей (в их числе длинные кости взрослого человека) и животных (большая часть смешаны и почти все кремированные (кости животных – иногда обугленные; одна не обожжена). Зерна в отмывках кв. Е-4, Е-5.

Комплекс 2а (рис. 2, 19, 20) – вокруг ямы 8. В заполнении – вещи, фрагменты керамики, кремированных костей человека и животных (в т.ч. в кв. Н-5 – 286) (табл. 2). Зерна в отмывках кв. Н-5.

Комплекс 3а (рис. 2, 21–33) – вокруг ям 9, а также 2 и 3. Найдены в основном бронзовые украшения и фрагменты лепной керамики (в яме 9 – 71 из 199). Среди фрагментов кремированных костей – длинные кости и зубы взрослого индивида до 35 лет; ребенок до 10 лет. В кв. О-6 зафиксированы угли.

Комплекс 3б (рис. 3, 1–23) – вокруг ямы 10 (1999). Среди находок – фрагменты крестовидной фибулы (в кв. Н-5, Р-6, Р-7, У-8, Ф-9) (рис. 3, 1) и

¹ Часть данных 1999–2000 гг. предварительно опубликованы (Вишневский и др., 2004) и здесь приводятся с некоторыми сокращениями.

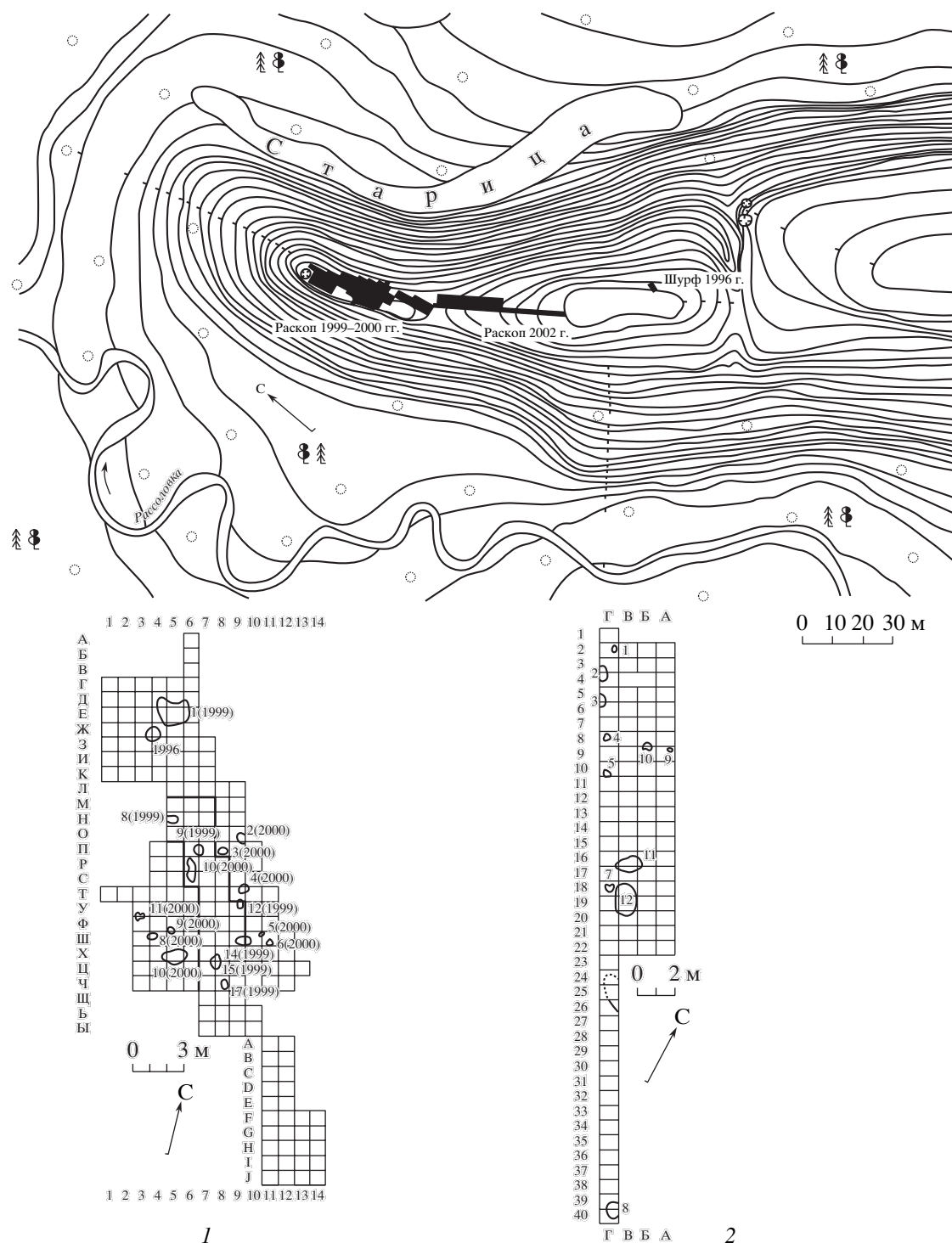

Рис. 1. Ратьковское городище. Ситуационный план раскопов. Планы раскопов раннесредневекового могильника на Ратьковском городище и ямы в материке: 1 – раскопы 1999 и 2000 гг.; 2 – раскоп 2002 г.

крупнейшее на памятнике скопление фрагментов керамики (1324; в том числе ошлакованная и фрагменты сосудов с округлыми плечиками и невысокими, чуть отогнутыми наружу венчиками: рис. 3, 22, 23). Среди фрагментов кремированных костей

(наибольшая концентрация в кв. Т-6, С-6) – кости ребенка 10 лет и зубы собаки.

Комплекс 3в (рис. 3, 24–52; 4) – вокруг ям 12 и 4. Среди находок: ошлакованные фрагменты керамики (рис. 4, 19–26); крупное скопление фрагмен-

тов кремированных костей (1271; наибольшая концентрация: кв. Т-7, У-7), наибольшее количество бронзовых слитков (табл. 4). Выделяются остатки костей: женщины 20–35 лет, ребенка 10 лет, двух мужчин, до 40 и около 50 лет. В кв. С-7 отмечены угли.

Комплекс 4 (рис. 5, 1–22) – практически все находки собраны в заполнении ямы 14, в том числе один из фрагментов каменной литейной формочки (два других – в кв. Т-7 и У-9), кости взрослого индивида (*adultus*, мужчина?) и мелкого млекопитающего. Зерна найдены не в заполнении ямы, а над ней (2 пласт, кв. Х-9).

Комплекс 4а (рис. 5, 23–38) – вероятно, может быть объединен с комплексом 4. Отметим большее количество бронзовых слитков – 27; среди фрагментов костей (614; рядом, в кв. Ф-8, – 1081) – кости мужчины (?) *adultus* и животных.

Комплекс 4б (рис. 5, 39–43) – яма 15. Находки собраны вокруг. Среди фрагментов костей: теменные человека 30–40 лет со следами холодового стресса (кв. Ц-8, пласты 2 и 3); двух взрослых до 40 лет (кв. Ч-8, пласты 1–4); женщины и ребенка до 10 лет (кв. Ч-9).

Комплекс 4в (рис. 5, 44–46) – яма 17. Находки собраны вокруг. Среди фрагментов кремированных костей – 46 фрагментов костей взрослого мужчины, *adultus* (кв. Ш-9, пласты 1 и 2). Зерна найдены в отмывке из кв. Щ-8, рядом с ямой.

Комплекс 5 (рис. 5, 47–57) – связан с ямой 10, относительно изолирован от других комплексов. Находки собраны в верхних слоях заполнения ямы и над ней. Из фрагментов керамики выделим сковородки с невысокими бортиками (рис. 5, 54–57). Среди фрагментов костей – части скелета человека различных отделов в возрасте до 35 лет (женщина?) и зубы животных. Зафиксировано максимальное в могильнике скопление обугленных зерен (745), причем подавляющее число составляют зерна гороха (табл. 2). Их распределение по пластам (шт.): 1 – 6, 2 – 19, 3 – 310, 4 – 347.

Комплекс 5а (рис. 6, 1–4) – вероятно, может быть объединен с комплексом 5. Среди кремированных костей – части черепа молодого человека или подростка.

Комплекс 5б (рис. 6, 5–7). Среди кремированных костей – части свода черепа с незаросшим швом, корни зубов, кости индивида до 35 лет; фаланги мелкого животного.

Комплекс 6 (рис. 6, 8–23) – рассредоточен на площади (табл. 2), включающей яму 6, вещи собраны вне ямы. Обугленные зерна найдены в кв. Х-12, Ц-10-12, Ч-11-13.

Комплекс 6а – выделен на участке В (табл. 2), где в радиусе 5–8 м нет индивидуальных находок, но встречаются фрагменты керамики и костей, в том числе: черепа индивида старше 45 лет с заросшим швом (кв. F-13); кремированная кость живот-

Таблица 1. Распределение находок по пластам

Пласты	Вещи				Керамика	Кости	Зерна
	ОК	1999	2000	2002			
1	59	10	47	2	476	3199	18
2	459	291	145	23	2731	10152	270
3	317	94	89	134	1668	14155	1527
4	107	30	15	62	362	1530	449
5	3		3				
Отвал	8	5		3			
Всего	953	430	299	224	4977	27988	2307

ного (кв. J-12); 8 мелких кремированных и одна крупная обугленная кость животного (кв. F-11), 7 фрагментов зубов животного (кв. E-12).

Остальные комплексы выделены на участке Г 2002 года (рис. 1, 2).

Комплекс 7 (рис. 6, 24–26) – яма 2. В заполнении, по самому дну – черная супесь; выявлены мелкие угольки, фрагменты керамики (в том числе плоское днище без закраины) (рис. 6, 25, 26) и кремированные кости животных и человека.

Комплекс 8 (рис. 6, 27–29) – яма 3. Вокруг собраны фрагменты керамики, в стороне (кв. 7б, пл. 2) – развал лепного сосуда диаметром 12 см (рис. 6, 29), фрагменты кремированных неопределимых костей, зерна.

Комплекс 9 (рис. 7, 1–6) – вокруг ям 9 и 10. Из фрагментов керамики отметим венчик сосуда с орнаментом-насечкой по краю (рис. 7, 5). Среди фрагментов неопределимых кремированных костей (кв. 9а, 8б, 9б) – крупная трубчатая кость; мелкие фрагменты кремированных костей человека и животных концентрируются в кв. 9б, 9в, 9г, 10в, 10г, где ям нет. Зерна найдены в кв. 8а (не в ямах).

Комплекс 10 (рис. 7, 7–15) – на его территории ям не прослежено (табл. 2). Выявлено скопление кремированных костей, включая нижнюю челюсть взрослого человека (кв. 12в); в кв. 14в – только кости животных. Находки зафиксированы в кв. 14а, 14в, в том числе круглое височное кольцо (диаметр 2.6 см) из проволоки круглого сечения, на которое нанизаны два круглых кольца-бусины (рис. 7, 7), фрагмент пряслица (рис. 7, 8); каплевидная привеска (рис. 7, 9), фрагменты керамики (рис. 7, 11–15). В кв. 13а, 14а, 14в отмечено скопление обугленных зерен.

Комплекс 11 (рис. 7, 16–32) – крупная яма 11. Находки были сосредоточены вокруг и внутри ямы, в том числе фрагменты крупной каменной литейной формы в кв. 17г, 16г; фрагменты керамики, среди них – с выделенными высокими, чуть отогнутыми венчиками (рис. 7, 31) и днище без закраины на подсыпке; крупнейшее скопление фрагментов кремированных костей (7305, в том числе в заполнении ямы – 4193), отметим рог и

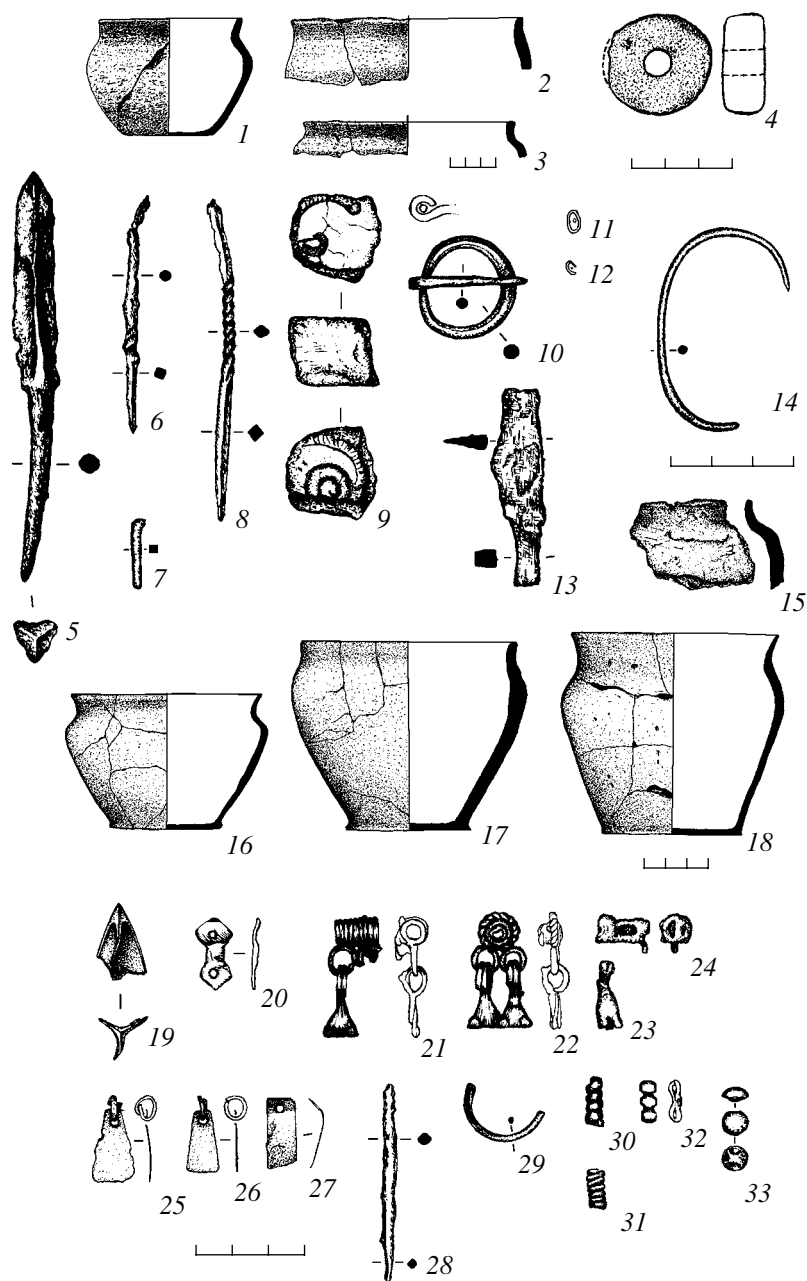

Рис. 2. Инвентарь погребальных комплексов 1, 2, 2а, 3а. Комплекс 1 (яма 1, шурф 1996 г.): 1 – сосуд, 2, 3 – фрагменты сосудов, 4 – пряслице; комплекс 2 (яма 1 1999 г.): 5 – наконечник стрелы, 6–8 – шилья, 9 – фрагмент литейной формы, 10 – пряжка, 11, 12 – кольца-бусы, 13 – фрагмент ножа, 14 – кольцо височное, 15 – фрагмент сосуда, 16–18 – сосуды; комплекс 2а (яма 8 1999 г.): 19 – фрагмент наконечника стрелы, 20 – накладка поясная; комплекс 3а (яма 9 1999 г. и ямы 2 и 3 2000 г.): 21–22 – подвески шумящие, 23, 24 – фрагменты подвесок шумящих, 25–27 – привески, 28 – шило, 29 – фрагмент кольца височного, 30, 31 – спирали-пронизки, 32, 33 – бляшки-пронизки. 1–4, 15–18 – керамика; 7–8, 10, 13, 19, 20, 28 – железо; 11, 12, 14, 21–27, 29–33 – бронза.

трубчатые кости животных; основание черепа человека; обугленные зерна. В 5 пласте заполнения ямы найдены 28 фрагментов керамики и 405 кремнированных костей.

Комплекс 12 (рис. 8, 1–36) – яма 12, в дне которой выявлены 6 небольших ям (12а–12е) (табл. 3). Из 112 находок 49 предметов найдены на дне ямы,

на материке. Собрано значительное количество кремнированных костей и обугленных зерен. В стороне от ямы (кв. 20а) – железное пластинчатое кресало с петлей (рис. 8, 23).

Комплекс 13 (рис. 8, 37–41) – в заполнении и вокруг ямы 7 – находки, фрагменты керамики, кремнированных костей, скопление обугленных зерен.

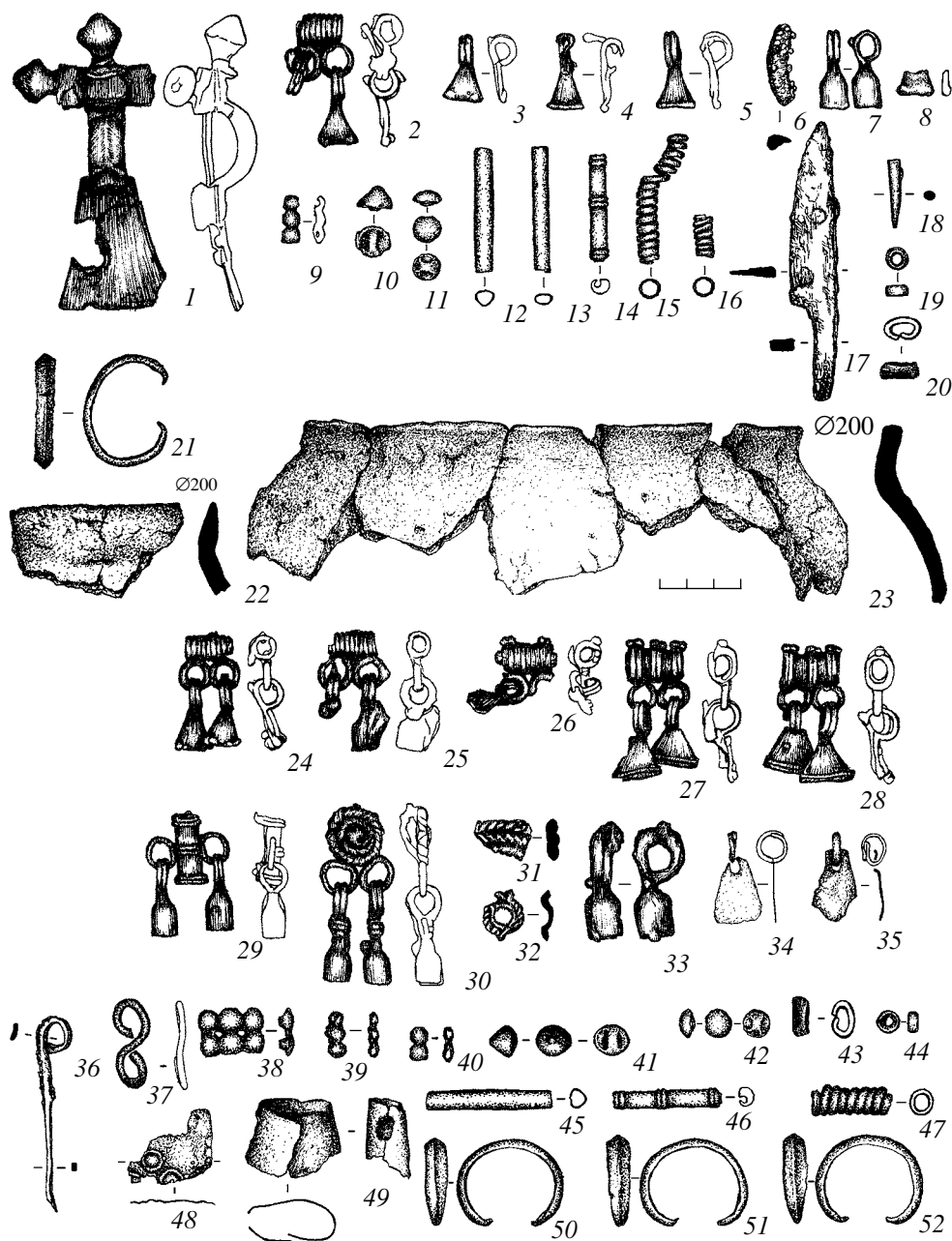

Рис. 3. Инвентарь погребальных комплексов 36, 3в. Комплекс 36 (яма 10 1999 г.): 1 – фибула крестовидная, 2 – подвеска шумящая, 3–5, 8 – привески лапчатые, 7 – привеска колокольчатая, 6 – фрагмент подвески ажурной, 9–11 – бляшки-пронизки, 12–14 – трубочки-пронизки, 15, 16 – спирали-пронизки, 17 – нож, 18 – стержень, 19, 20 – кольца-бусы, 21 – перстень, 22, 23 – фрагменты сосудов; комплекс 3в (ямы 12 1999 г. и 4 2000 г.): 24–30 – подвески шумящие, 31, 32 – фрагменты подвесок шумящих, 33 – привеска колокольчатая, 34, 35 – привески, 36 – игла от застёжки, 37 – звено восьмеркообразное, 39–42 – бляшки-пронизки, 43, 44 – кольца-бусы, 45, 46 – трубочки-пронизки, 47 – спираль-пронизка, 48, 49 – фрагменты пластин, 50–52 – перстни. 1–16, 19–21, 24–52 – бронза; 17, 18 – железо; 22, 23 – керамика.

Комплекс 14 (рис. 8, 42–49) – западина в кв. 23–25г глубиной 0.05–0.08 м. Найдены фрагменты кремированных костей (в основном неопределимые, включая кости человека и животных).

Комплекс 15 (рис. 8, 50–60) – яма 8. Фрагменты керамики собраны в основном рядом с ямой,

кв. 37–40г. Среди фрагментов кремированных костей человека и животных (в кв. 37–40г, в том числе в яме 8–184) – фрагмент черепа взрослого (?) человека (1 пласт), обугленная коронка премоляра, сформированная не до конца, принадлежала ребенку около 10 лет (4 пласт).

Таблица 2. Распределение находок по погребальным комплексам

№ комплекса	Квадраты	Ямы (№, год)	Находки (количество)	Фрагменты керамики	Фрагменты кремнированных костей	Зерна гороха	Зерна ячменя	Зерна ячменя пленчатого	Зерна пшеницы голозерной	Зерна пшеницы пленчатой (полбы)	Зерна пшеницы мягкой	Зерна пшеницы неопределенной	Зерна овса	Зерна проса	Зерна конопли	Зерна льна	Всего зерен
1	Ж-3-4,3-3-4	1(шурф 1996)	1	34	336	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	23
2	Д-4-6, Е-4-6	1(1999)	9	142	334	–	19	–	1	–	–	–	–	1	2	–	
2а	0-5, М-5-7, Н-5-7	8(1999)	3	73	524	–	1	–	–	–	–	–	–	1	–	–	
3а	0-6-9, П-4-10, отчасти ямы 2 и 3 (2000)	9(1999) и отчасти 2(2000) и 3(2000)	31	199	123	30	–	–	–	1?	2	2	–	–	–	–	42
3б	Р-4-8, С-4-6, Т-4-6	10(1999)	81	1324	648	26	20	–	–	4	2	1	–	–	–	3	56
3в	С-7-10, Т-7-10, У-7-10, Ф-8-9	12(1999)	123	469	1271	13	20	–	–	2?	5	2	–	–	–	–	42
4	Х-9-10	14(1999)	22	16	614	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2
4а	Х-10, Ц-10	Рядом с ямой 14(1999)	103	47	180	10	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	11
4б	Ц-8-9, Ч-7-8	15(1999)	15	118	477	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4в	Ш-7-9, Ь-7-9, Ы-7-9	17(1999)	6	27	171	1	8	–	3	–	–	–	–	–	–	–	12
5	Ц-4-6, Ч-4-6	10(2000)	34	51	228	638	97	–	–	–	4	–	1	–	–	–	745
5а	Ф-3-4, Х-3-4, Ц-3, У-3-4-4	–	4	71	108	16	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	18
5б	Ф-5-6, Х-5-6, У-5-6	–	5	38	125	41	19	–	–	1	–	–	–	–	–	–	61
6	Х-11-12, Ц-10-12, Ч-11-13, Ш-11-12	6(2000)	190	40	975	15	2	–	–	–	–	7	–	–	–	–	24
6а	У-12, F-11, F-13, J-12	–	–	23	40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	2г-4г	2(2002)	2	300	112	–	–	2	2	2?	–	–	–	–	–	–	6
8	5г-6г	3(2002)	2	200	316	–	1	1	1?	–	–	–	–	–	–	–	3
9	9а, 8б, 9б	9(2002), 10(2000)	4	106	69	–	31	–	–	–	–	–	–	–	–	–	33
10	12в, 13а, 13в, 13г, 14а, 14в	–	4	143	316	1	135	208	186	–	–	–	–	–	–	–	599
11	16б, 16в, 16г, 17в, 17г	11(2002)	19	202	7305	–	24	39	105	5	–	2	1	–	–	–	273
12	18в, 19в, 19г, 20в, 20г	12(2002)	112	70	1843	–	6	18	109	10	–	–	1	–	–	–	192
13	18г	7 (2002)	33	165	948	–	–	4	17	4	–	–	–	–	–	–	25
14	23-25г	Западина	8	72	137	–	–	60	7	1	–	–	–	–	–	–	68
15	39-40г	8(2002)	5	426	210	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 3. Описание ям

№ ком- плекса	№ ям	Квадраты	Размеры (м)	Форма	Глубина от дневной поверхно- сти (м)	Глубина от мате- рика (м)	Дно	Стенки	Заполнение
1	1(шурф 1996)	Ж-3-4, З-3-4	1.1 × 1.3	Круглая	0.8	0.3	Полусферическое	Пологие	Фрагменты керамики и костей
2	1(1999)	Д-4-6, Е-4-6	1.5 × 2	Неправильная	0.26	0.52	Неровное	Отвесные, пологие	Мелкие камни, фрагменты керамики, вещи
2а	8(1999)	Н-5	0.42 × 0.70	Овальная	0.49–0.58	0.14–0.23	Плоское	Отвесные	Фрагменты керамики и костей
3а	9(1999)	П-6-7	0.55 × 0.55	Круглая	0.52	0.08–0.1	Полусферическое	Отвесные	Фрагменты керамики и костей
3а	2(2000)	0-9	0.4 × 0.4	Круглая	0.21		Полусферическое	Отвесные	Угольки
3а	3(2000)	П-8	0.9 × 0.9	Округлая	0.4–0.48		Полусферическое	Пологие	Мелкие камни, угольки
3б	10(1999)	Р-6, С-6	0.8 × 0.14	Вытянутая	0.12	0.55	Плоское	Отвесные	Фрагменты керамики, зерен и костей, вещи
3в	12(1999)	У-9	0.3 × 0.3	Круглая	0.2	0.37	Плоское	Отвесные	Камни длиной до 5 см
3в	4(2000)	Т-9	0.6 × 0.6	Круглая	0.20	0.52	Плоское	Отвесные	Крупный камень
4	14(1999)	Х-9-10	0.4 × 0.6	Овальная	0.25	0.45	Округлое	Отвесные	Крупные камни, фрагменты костей и керамики
4б	15(1999)	Ц-8, Ч-7-8	0.52 × 0.8	Подовальная	0.05–0.07	0.45	Плоское	Отвесные	Крупные камни, фрагменты костей и керамики
4в	17(1999)	Ш-8	0.52 × 63	Овальная	0.14–0.18	0.55	Вогнутое	Отвесные	Крупные камни, фрагменты костей и керамики
5	10(2000)	Ц-5-6, Ч-5	0.8 × 1.2	Вытянутая подовальная	0.2–0.4	1.02	Неровное, в центре – яма округлой формы, глуби- ной 0.4–0.5 м	Наклонные	Три крупных камня, фрагменты костей и зерен
5б	2(2002)	2г-4г	0.3 × 0.76	Подовальная	0.29–0.31	0.29–0.59	Плоское с уклоном	Наклонные	Мелкие угли, фрагменты керамики и костей
6	6(2000)	Х-11	0.3 × 0.3	Круглая	0.05–0.08	0.45	Полусферическое	Пологие	–
8	3(2002)	5г-6г	0.4 × 0.64	Овальная западина	0.09–0.18	0.54–0.63	Плоское с уклоном к югу	Отвесные	–
9	9(2002),	9а,	0.1 × 0.15	Овальная	0.6–0.9	0.5	Полусферическое	Отвесные	Мелкие камни
9	10(2000)	8б, 9б	0.24 × 0.28	Округлая	0.08–0.10	0.38	Полусферическое	Пологие	–
11	11(2002)	16б, 16в, 16г, 17в, 17г	1 × 1.4	Подовальная	0.25–0.4	0.8–0.88	Плоское	Отвесные	Камни, уголь, в нижних слоях – черная супесь
12	12(2002)	18в, 18г, 19в, 19г, 20в, 20г	1 × 2	Подовальная вытянутая	0.16–0.2	0.6–0.68	Плоское, в нем 6 мелких ям (12а-е)	Отвесные	Мелкие камни, угольки, в ниж- них слоях – черная супесь
	12а	19в	0.2 × 0.2	Округлая	0.15	0.6	Полусферическое	Пологие	–
	12б	19в	0.35 × 0.5	Овальная	0.1	0.71	Полусферическое	Пологие	–
	12в	19в	0.18 × 0.18	Круглая	0.1	0.73	Полусферическое	Пологие	–
	12г	19в	0.3 × 0.45	Овально-вытянутая	0.1	0.66	Полусферическое	Пологие	–
	12д	19в	0.15 × 0.3	Овально-вытянутая	0.08	0.74	Полусферическое	Пологие	–
	12е	19в	0.3 × 0.4	Овально-вытянутая	0.6	0.73	Полусферическое	Пологие	–
14	7(2002)	18г	0.5 × 0.64	Округлая	0.04–0.05	0.3	Полусферическое	Пологие	Фрагменты керамики, костей, зерна
15	8(2002)	39-40г	1.2 × ?	Подпрямоугольная	0.3–0.4	0.6–0.7	Плоское	Пологие	Камни, керамика, кости

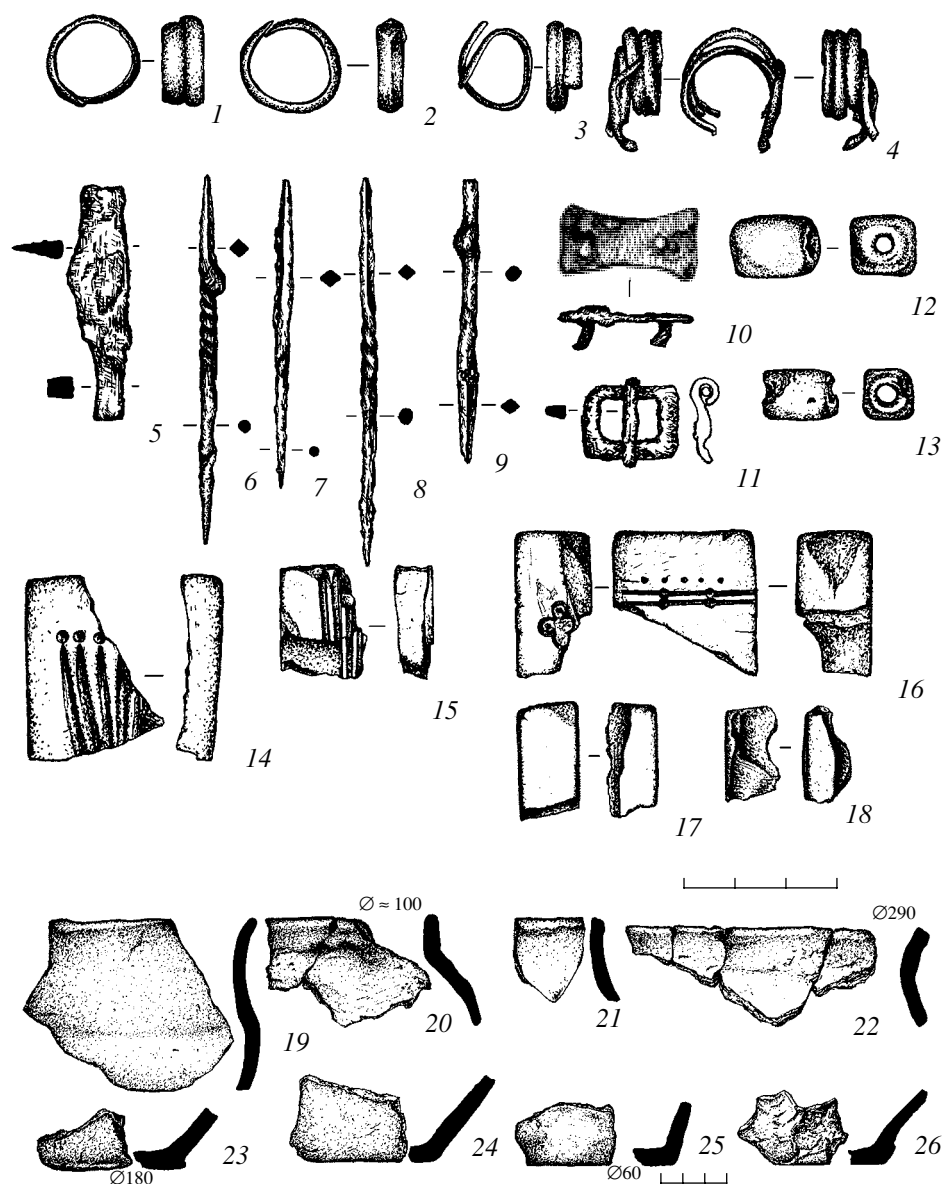

Рис. 4. Инвентарь погребального комплекса 3в (ямы 12 1999 г. и 4 2000 г.): 1–4 – перстни, 5 – нож, 6–9 – шилья, 10 – накладка поясная, 11 – пряжка, 12, 13 – бусы, 14–18 – фрагменты литейных форм, 19–26 – фрагменты керамических сосудов. 1–4 – бронза; 5–11 – железо; 12–13 – стекло; 14–18 – камень; 19–26 – керамика.

ДАТИРОВКА

Общая датировка могильника по инвентарю – от VI–VII до IX–X вв. Большая часть вещей с относительно узкой датой может быть отнесена к VI–VII и VII–VIII вв. Древнейшая находка – крестовидная фибула с трапециевидным хвостом (рис. 3, 1) датируется VI–VII вв. (Амброз, 1971. С. 113; Ахмедов, Белоцерковская, 1996. С. 121, 122). Прямоугольную поясную накладку с вогнутыми боковыми длинными сторонами и двумя заклепками (рис. 4, 10) И.Г. Розенфельдт датирует VI–VII вв. (1982. С. 114), А.К. Амброз – VII в. (1971. С. 108), Ю.А. Краснов – VI–VII вв. (1980. С. 122). Небольшие “шумящие” подвески-пронизы (21 целая и

3 фрагмента) со щитками: трубчатыми (рис. 3, 27–29; 5, 1), спиралевидными (рис. 2, 21; 3, 2, 24–26; 5, 24–26, 47, 48; 6, 8–10; 8, 4–6, 37, 38), биспиральными (рис. 8, 38), круглыми (рис. 2, 22; 3, 30; 8, 1, 2) и с двумя-тремя “лапчатыми” или колокольчатыми привесками датируются по аналогам в позднедьяковских (Третьяков, 1941. С. 67. Рис. 375), мерянских (Леонтьев, 1996. С. 95, 97; Горюнова, 1960. С. 125), рязано-окских (Шитов, 1988; С. 61; Ахмедов, Белоцерковская, 1996. С. 113, 116), муромских (Голубева, 1987. С. 282), мордовских (Гришаков, 1988. С. 80, 81) могильниках и городищах от VI–VII вв. до IX–X в. Трехлопастные наконечники стрел датируются: с упором (тип 17 по А.Ф. Медве-

Таблица 4. Распределение типов вещей по комплексам

Типы вещей	Номер комплексов											
	1	2	2а	3а	3б	3в	4	4а	4б	4в	5	5а
Фибула крестовидная	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Сюльгама с усиками-трубочками	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Игла от сюльгамы бронзовая	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—
Подвеска ажурная шумящая	—	—	—	—	1фр.	1	1	—	—	—	—	—
Подвеска шумящая	—	—	—	2 + 1фр.	—	7 + 1фр.	2	3	—	—	2	—
Привеска поясная	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Привеска колокольчатая	—	—	—	1	1	1	6	2фр.	1фр.	—	—	—
Привеска лапчатая	—	—	—	—	4	—	—	1	1	1	—	—
Привеска коническая	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Привеска прямоугольная	—	—	—	1	1	—	—	2	—	—	—	—
Привеска трапецевидная	—	—	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—
Бляшка полусферическая	—	—	—	5	20	19	—	1	—	—	2	—
Бляшка коническая	—	—	—	—	3	?	—	2	—	—	9	—
Бляшка из двух полусфер	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Бляшка из трех полусфер	—	—	—	1	1	1	—	1	—	—	5	—
Бляшка из шести полусфер	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Звено восьмеркообразное	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—
Звено овальное незамкнутое	—	—	—	—	2	21	4	—	—	—	2	—
Звено круглое	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Звено овальное замкнутое от налобных венчиков	—	2	—	—	2	2	2	—	—	—	—	—
Кольцо-бусина	—	—	—	—	3	13	2	—	—	—	3	—
Кольцо незамкнутое бронзовое	—	—	—	1	11	—	—	—	3	—	—	—
Кольцо плоское железное	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Кольцо височное незамкнутое	—	1	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—
Бусина синего стекла	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Перстень спиральный 1 оборот	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Перстень спиральный 1.5 оборота	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	1 + 1фр.
Перстень спиральный 5 оборотов	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Перстень незамкнутый треугольного сечения	—	—	—	—	1	7	1 + 1фр.	1	1	—	—	—
Пластина бронзовая орнаментированная	—	—	—	1фр.	1	—	1	—	—	—	—	—
Пластина бронзовая	—	—	—	2фр.	4	17	—	3	1	—	—	—
Пронизка-спираль	—	—	—	7	2	13	5	—	3	—	4	—
Пронизка-трубочка	—	—	—	—	3	2	2	—	—	—	—	—
Пряжка круглая железная	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пряжка прямоугольная железная	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Накладка железная поясная	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Наконечник стрелы трехгранный железный	—	1	1фр.	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Шило прямоугольного сечения железное	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Нож железный	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Шило прямоугольного сечения крученное железное	—	2	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—
Шило круглого сечения железное	—	—	—	—	1фр.	—	—	—	—	—	—	—
Пряслице керамическое	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Литейная форма каменная	—	1	—	—	—	6фр.	2фр.	—	—	—	2фр.	1
Слиток бронзовый	—	—	1	5	10	27	10	27	4	3	4	—
Стержень бронзовый	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
Сосуды керамические	1	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 4. (Окончание)

Типы вещей	Номер комплексов											
	56	6	6а	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Сюльгама круглая ажурная	—	1фр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Игла от сюльгамы бронзовая	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Подвеска ажурная шумящая	—	1фр.	—	—	—	—	—	1фр.	—	—	—	—
Подвеска шумящая	—	3	—	—	—	—	—	—	4 + 2фр.	2	1	—
Привеска колокольчатая	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—
Привеска лапчатая	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Привеска каплевидная	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Привеска коническая	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Привеска трапецевидная	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Проволока бронзовая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Бляшка полусферическая	—	2	—	—	—	—	—	2	9	—	—	—
Бляшка коническая	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Бляшка из трех полусфер	—	2	—	—	—	—	1	—	—	2	2	—
Бляшка из шести полусфер	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	1	—
Бляшки из девяти полусфер	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—
Звено восьмеркообразное	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Звено овальное незамкнутое	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—
Кольцо-бусина	—	62	—	—	—	—	—	7	24	25	—	—
Кольцо незамкнутое бронзовое	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Кольцо височное замкнутое	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Кольцо височное незамкнутое	—	—	—	—	—	—	—	1фр.	15фр.	—	—	—
Бусина красная пастовая	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Перстень незамкнутый треугольного сечения	1	3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Пластина бронзовая	—	—	—	—	—	—	—	2фр.	1	—	—	—
Пронизка-спираль	—	12	—	1	—	—	—	—	9	—	—	1фр.
Пронизка-трубочка	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—
Пряжка круглая железная	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	1	—
Накладка железная поясная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1фр.
Наконечник стрелы трехгранный железный	—	—	—	—	—	1фр.	—	—	—	—	—	—
Оселок каменный	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—
Шило прямоугольного сечения железное	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Игла железная с ушком	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Кресало пластинчатое с петлей железное	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Пряслице биконическое керамическое	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Пряслице цилиндрическое керамическое	—	—	—	—	—	—	1фр.	—	—	—	—	—
Литейная форма каменная	—	1фр.	—	—	—	1фр.	—	1	1фр.	—	2фр.	—
Трубка керамическая	—	—	—	—	—	—	—	1фр.	—	—	—	—
Слиток бронзовый	2	7	—	1	—	—	—	1	15	3	—	—
Сосуды керамические	—	—	—	1?	1	—	—	—	—	—	—	—

Рис. 5. Инвентарь погребальных комплексов 4, 4б, 4в, 5. Комплекс 4 (яма 14 1999 г.): 1–3 – шумящие подвески, 4–9 – фрагменты подвесок шумящих, 10 – спираль-пронизка, 11, 12 – трубочки-пронизки, 13 – фрагмент пластины, 14, 16 – фрагменты литейной формы, 15 – перстень, 17–22 – кольца; комплекс 4а (рядом с ямой 14 1999 г.): 23 – подвеска поясная, 24–26 – подвески шумящие, 27–29 – фрагменты подвесок шумящих, 30 – перстень, 31 – бляшка-пронизка, 32 – бляшка коническая, 33 – бляшка полусферическая, 34 – кольцо-бусина, 35 – спираль-пронизка, 36–38 – фрагменты пластин; комплекс 4б (яма 15 1999 г.): 39, 41 – фрагменты подвесок шумящих, 40 – игла от застёжки, 42 – перстень, 43 – кольцо-бусина; комплекс 4в (яма 17 1999 г.): 44 – наконечник стрелы, 45 – привеска, 46 – оплавленный предмет; комплекс 5 (яма 10 2000 г.): 47, 48 – подвески шумящие, 49 – бляшка, 50 – бляшка-пронизка, 51 – спираль-пронизка, 52, 53 – литейные формы, 54–57 – фрагменты сковородок. 1–13, 15, 17–21, 23–43, 45–51 – бронза; 14, 16, 52, 53 – камень; 22, 44 – железо; 54–57 – керамика.

деву) – V–VIII вв. (рис. 5, 44), без упора (близок типу 23 по А.Ф. Медведеву: Кирпичников, Медведев, 1985. С. 347–349) – VIII–IX вв. (рис. 2, 5).

Фрагменты каменных литейных формочек, типичные для позднемедвежовских и мерянских городищ и могильников поволжских финнов (рис. 2, 9;

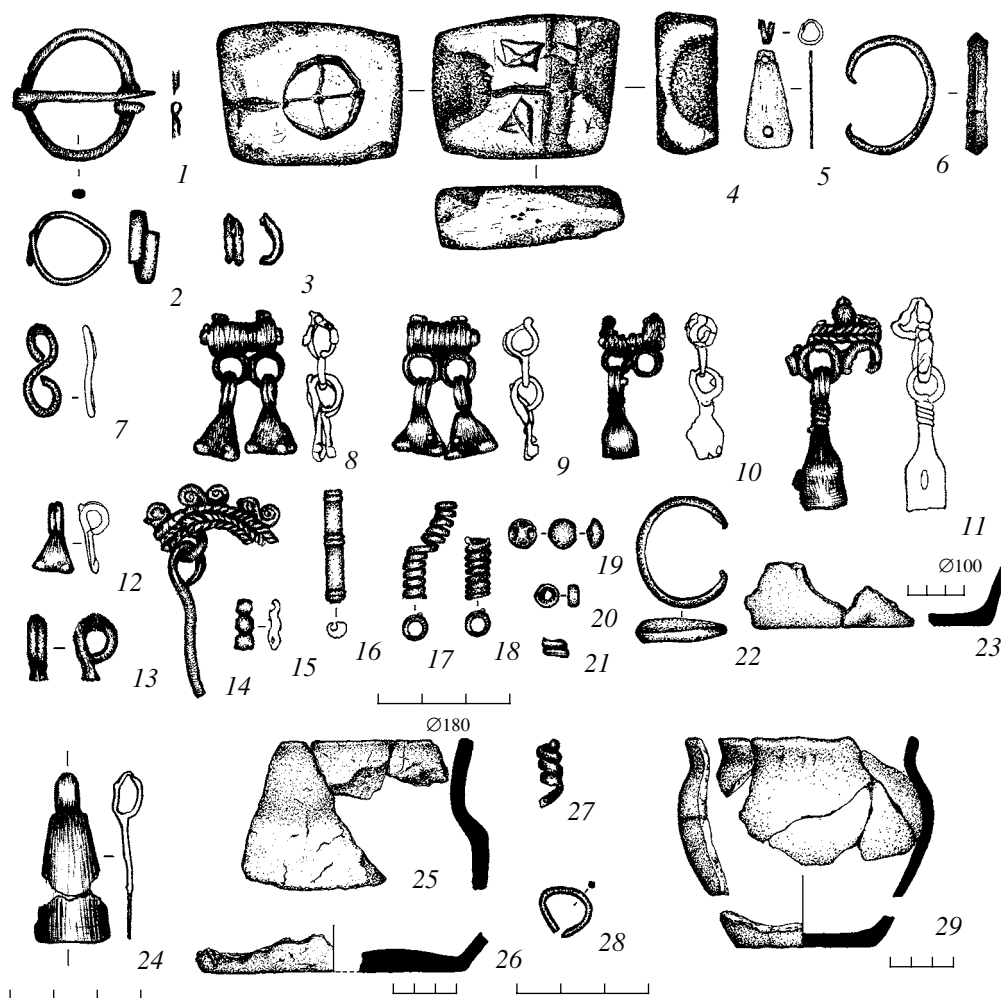

Рис. 6. Инвентарь погребальных комплексов 5а, 5б, 6, 7, 8. Комплекс 5а: 1 – скульгама, 2, 3 – перстни, 4 – литейная форма; комплекс 5б: 5 – привеска, 6 – перстень, 7 – звено; комплекс 6 (яма 6 2000 г.): 8–10 – подвески шумящие, 11–13 – фрагменты подвесок шумящих, 14 – фрагмент скульгамы, 15 – бляшка-пронизка, 16 – трубочка-пронизка, 17, 18, 21 – спирали-пронизки, 19 – бляшка полусферическая, 20 – кольцо-бусина, 22 – перстень, 23 – фрагмент сосуда; комплекс 7 (яма 2 2002 г.): 24 – привеска, 25, 26 – фрагменты сосуда; комплекс 8 (яма 3 2002 г.): 27 – спираль-пронизка, 28 – звено, 29 – фрагменты сосуда. 1–3, 5–22, 24, 27, 28 – бронза; 4 – камень; 23, 25, 26, 29 – керамика.

4, 14–18; 5, 14, 16, 52, 53; 6, 4; 7, 2, 29; 8, 22, 48, 49), датируются VII–X вв. (Вишневецкий, 1996. С. 55). Прямоугольные бусины синего стекла со срезанными углами и “мягкими” гранями (тип I по И.Г. Розенфельдт – 1982. С. 62, 63) датируются второй половиной I тыс. до н.э. (рис. 4, 12, 13). Небольшие круглые незамкнутые височные кольца из круглой проволоки (тип 2 по И.Г. Розенфельдт – 1982. С. 13, 14) датируются VI–IX вв. (рис. 2, 14).

Конусовидные привески из тонкого бронзового листа (рис. 8, 7) датируются в рязано-окских могильниках VI–VII вв. (Ахмедов, Белоцерковская, 1996. С. 114), в Безводнинском могильнике VII – первой половиной VIII в. (Краснов, 1980. С. 46). Деформированные фрагменты частей налобного венчика, бронзовых прямоугольных обоймиц (рис.

3, 48; 5, 13, 36–38), с чеканным точечным орнаментом по краям и вдавленным concentрическим орнаментом посередине, датируются по аналогиям из смоленских и тверских длинных курганов третьей четвертью I тыс. н.э. (Черных и др., 1998. С. 400; Седов, 1974. С. 201; Исланова, 1997. С. 45). Мелкие бляшки-“скорлупки” с петельками на тыльной стороне датируются VI–VII вв. (Дубынин, 1970. С. 80. Табл. 19; Розенфельдт, 1982. С. 118). Каплевидная привеска (рис. 7, 9) датируется по погр. 27 Безводнинского могильника концом VII – первой половиной VIII в. (Краснов, 1980. С. 144).

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Могильник оставлен, видимо, смешанным, финно-угорским и балтским, населением: в нем присутствуют вещи, типичные для рязано-окских,

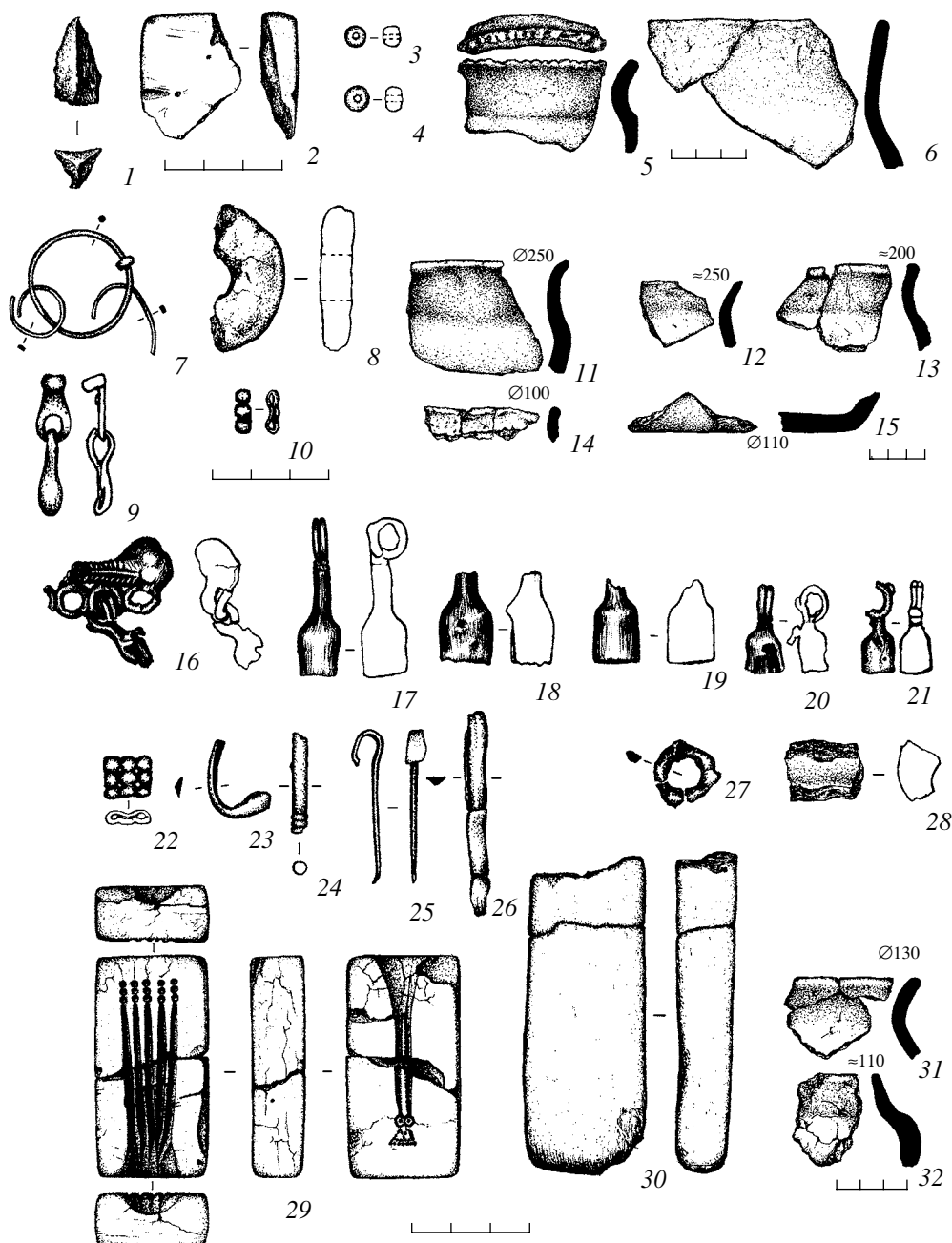

Рис. 7. Инвентарь погребальных комплексов 9, 11. Комплекс 9 (яма 9 2002 г.): 1 – фрагмент наконечника стрелы, 2 – фрагменты литейной формы, 3, 4 – бусы, 5, 6 – фрагменты сосудов; комплекс 10: 7 – кольцо височное, 8 – пряслице, 9 – привеска, 10 – бляшка-пронизка, 11–15 – фрагменты сосудов; комплекс 11 (яма 11 2002 г.): 16–21 – фрагменты подвесок шумящих, 22 – бляшка-пронизка, 23 – фрагмент перстня, 24 – трубочка-пронизка, 25 – игла от сьюлгамы, 26 – фрагмент кольца височного, 27 – кольцо-бусина, 28 – фрагмент трубки, 29 – литейная форма, 30 – оселок, 31, 32 – фрагменты сосудов. 1, 27 – железо; 2, 29, 30 – камень; 3, 4 – стекло, 5–6, 8, 11–15, 28, 31, 32 – керамика; 7, 9, 10, 16–26 – бронза.

мерянских и муромских могильников (крестовидные фибулы, шумящие подвески, спиральные пронизки, трехлопастные наконечники стрел) и позднейяковских городищ (бляшки полусферические, бляшки-пронизки из нескольких полусфер, шилья из крученых стрижней). Фрагменты бронзовых тисненых пластин-обоймиц с точечным орнамен-

том по краям и вдавленным концентрическим орнаментом посередине имеют аналоги в комплексах культуры длинных курганов, в Смоленской и Тверской областях, хотя встречаются в Восточной Европе от Прибалтики до Прикамья. В комплексе есть аналоги вещам из домиков мертвых с городищ Березняки (шумящие привески, сосуды с пря-

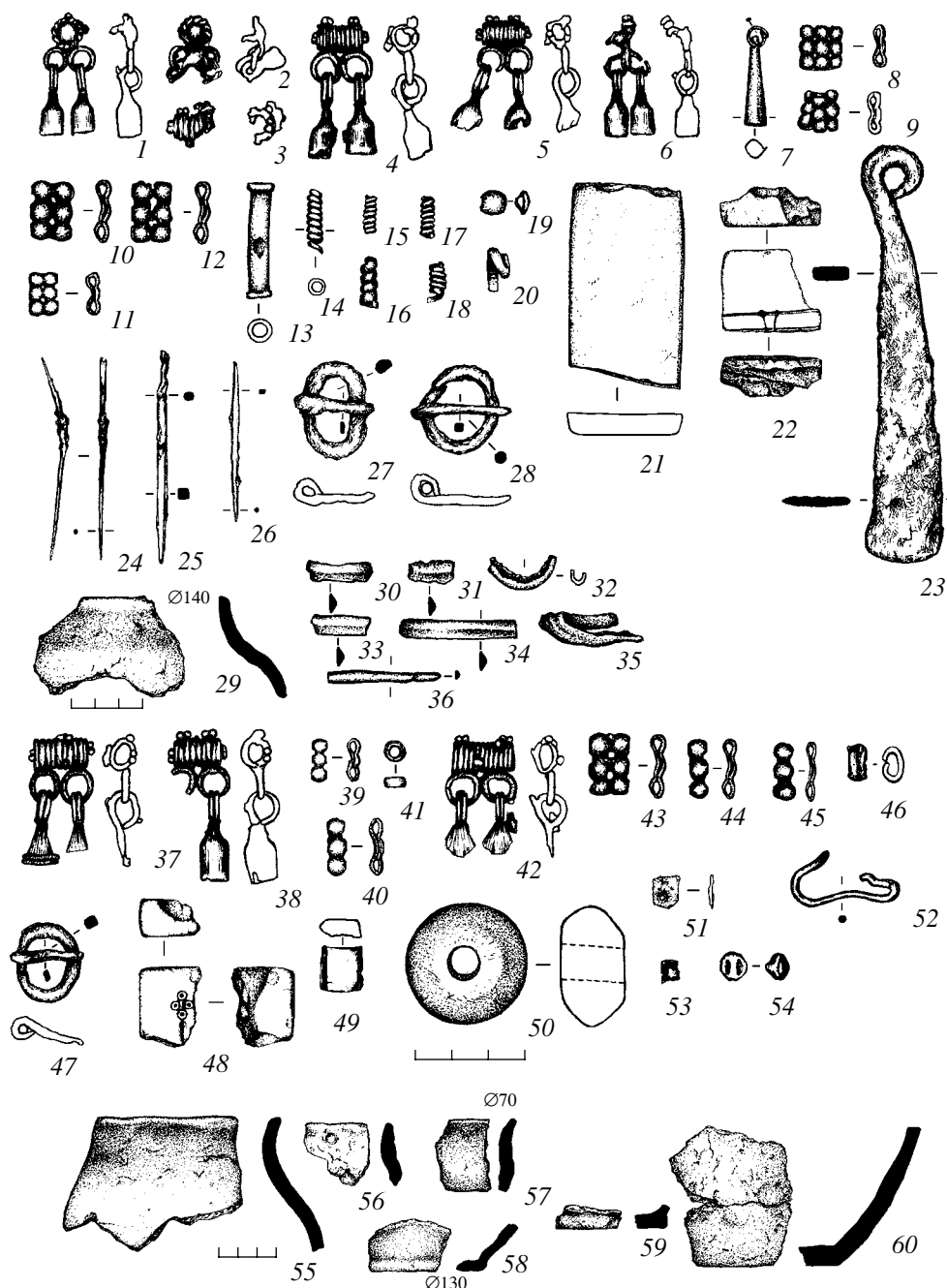

Рис. 8. Инвентарь погребальных комплексов 12, 15. Комплекс 12 (яма 12 2002 г.): 1, 4–6 – подвески шумящие, 2, 3 – фрагменты подвесок шумящих, 7 – коническая привеска, 8–12 – бляшки-пронизки, 13 – трубочка-пронизка, 14–18 – спирали-пронизки, 19 – бляшка полусферическая, 20 – фрагмент перстня, 21 – оселок, 22 – фрагмент литейной формы, 23 – кресало, 24 – игла, 25, 26 – шилья, 27, 28 – пряжка, 29 – фрагмент сосуда, 30–36 – фрагменты колец височных; комплекс 13 (яма 7 2002 г.): 37, 38 – подвески шумящие, 39, 40 – бляшки-пронизки, 41 – кольцо; 14 комплекс: 42 – подвеска шумящая, 43–45 – бляшки-пронизки, 46 – звено, 47 – пряжка, 48, 49 – фрагменты литейной формы; комплекс 15 (яма 8 2002 г.): 50 – пряслице, 51 – накладка поясная, 52 – проволока, 53 – фрагмент спирали-пронизки, 54 – бляшка коническая, 55–60 – фрагменты сосудов. 1–20, 30–47, 52–54 – бронза; 21–22, 48, 49 – камень; 23–27, 47, 51 – железо; 29, 50, 55–60 – керамика.

мым горлом – см. Третьяков, 1941) и Саввино-Сто-
рожевского (сосуды типа 2 и 3, трапезиевидная
привеска с двумя такими же меньшего размера –
см. Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1978).

Сходные черты отмечены в погребальных ком-
плексах раннежелезного века на р. Суде (Башень-
кин, Васенина, 1995а; б; Башенькин, 1996а, б): рас-
средоточение находок; расположение их не в ямах,
а над ямами; наличие позднедыяковских предме-

Таблица 5. Остеологические данные по участкам

Участки	Всего квадратов	С костями	С неопределенными костями	С костями человека	С костями животных	С костями человека и животных	Количество индивидов	Количество с определенным возрастом	Количество с определенным полом
Участок А (кв. А-Л) (1999)	52	48 (104 отсевки)	15 (37 отсевок)	29 (53 отсевки)	23	21	8	4	1
Участок Б (кв. М-Ы) (1999)	48	38 (77 отсевки)	11 (24 отсевок)	28 (54 отсевки)	14	13	15	10	3
Участок Б-запад (кв. П-Ш) (2000)	35	33 (65 отсевок)	30 (51 отсевки)	9 (13 отсевок)	3	1	3	3	2
Участок Б-восток (кв. Л-Ш) (2000)	33	30 (77 отсевок)	23 (53 отсевок)	14 (18 отсевок)	5	2	6	6	
Участок Д (кв. А-Ж) (2000)	30	12 (15 отсевок)	8 (9 отсевок)	1 (1 отсевка)	4	–	1	1	–
Участок Е (кв. А-Г) 2002	101	64 (114 отсевок)	28 (67 отсевок)	18 (21 отсевка)	24	6	4	4	
Всего	299	225 (452 отсевки)	115 (242 отсевок)	99 (160 отсевок)	73	41	37	28	6

тов: бляшек полусферических, бляшек-пронизок из нескольких полусфер, а также предметов, встречающихся и на позднедьяковских городищах, и в волжских и окских могильниках: ножи, поясная накладка с вогнутыми сторонами, каменные литейные формы, крестовидная фибула, пряслица, спиральные перстни, спирали-пронизки, трапециевидные привески.

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Кости людей (мужчины, женщины, дети) обожжены при высокой температуре, очищены от углей и золы и специально измельчены. Обжиг костей произведен при разных температурах: высокотемпературный обжиг (800–1000°C) дал группу белых прокаленных костей, с деформациями и трещинами, обжиг при температуре около 500°C – группу черных обожженных костей без деформации. Кости животных, обожженные при менее высокой температуре, предварительно обработали (сварили?) и измельчили. В 34 квадратах (55 отсевок) они встречены вместе с кремированными костями человека (отсевки извлекались с пласта 10 см, снятого на квадрате 1 × 1 м, с помощью сита с ячейкой 3 × 2 мм). Остеологические данные по участкам представлены в табл. 5.

На участке А (линии кв. А-Л) (1999 г.) кремированные кости найдены в 47 из 52 квадратов; в 17 квадратах – неопределенные кости, в 23 квадратах – кости животных (при этом в двух квадратах – только кости животного, в двух случаях определены зубы, в том числе один зуб овцы), в 30 квадратах – кости человека, в 21 квадрате зафиксированы смешанные кости животного и человека. В 8 квадратах у костей человека определен возраст: в четырех квадратах (Д-6, Е-4, З-4, З-6) –

взрослый (*adultus*), в кв. Ж-4 – 30–50 лет, в кв. З-4 – 20–40 лет, в кв. Л-5 – 20–30 лет, в кв. К-7 – подросток (*juvenis*) 15–20 лет (в квадратах шурфа 1997 г. – кости человека 30–50 лет).

На участке Б (линии кв. М-Ы) (1999 г.) В 48 квадратах сделаны отсевки – кости обнаружены в 38 квадратах (в южных квадратах, линии Б и Ы, костей практически нет), в том числе неопределенные кости – в 11, кости человека – в 28, кости животных – в 14 квадратах, в том числе перемешанные с костями человека – в 13 кв. (в кв. Р-7 – кости собаки?). Возраст костей человека определен в 15 пробах, при этом можно говорить о 7–11 индивидах. В кв. Р-6, Т-7, Т-8, У-9 – кости ребенка, в кв. П-6 и Р-6 – кости и зубы ребенка (*infans*) около 10 лет, в кв. П-6 – кости индивида до 35 лет, в кв. Т-7 – кости женщины 20–35 лет, в кв. У-7 – индивида 20–50 лет, в кв. У-8 (пл. 2) – кости двух индивидов до 40 лет, в кв. Ф-8 (пл. 1) – кости взрослого (*adultus*) индивида, в кв. Ф-9 (пл. 2) – кости двух индивидов (один – женщина?) 20–30 лет и около 50 лет. В кв. Х-9 (пл. 2) – кости взрослого индивида (мужчина?), в кв. Ц-8 (пл. 3) – кости индивида 30–40 лет со следами холодового стресса (следы васкулярной реакции, которая может развиваться при длительном пребывании человека на открытом воздухе при низкой температуре и высокой влажности, на теменных костях), в кв. Ц-9 (пл. 3) – кости индивида (женщина?) старше 50 лет и ребенка 10 лет. В кв. Ч-8 – кости взрослого (женщина?), в кв. Ш-9 (пл. 1) и Ш-9 (пл. 3) – кости взрослых индивидов.

На участке Б-запад (линии кв. П-Ш) (2000 г.) в 33 квадратах (65 отсевок) найдены кремированные кости: в 30 квадратах (52 отсевки) – неопределенные, в девяти – человека, в трех – животных, в

одном – перемешанные. В зачистке пласта 2 – фрагменты шейных позвонков, фаланги кисти, фрагменты черепа с незаросшими швами мужчины 25–45 лет; в кв. Т-6 и У-6 – крупное скопление кремированных костей всех отделов скелета человека в возрасте до 35 лет, корни зубов, фрагменты свода черепа с незаросшими швами; в кв. Х-4, Ш-4 – кости черепа подростка, в кв. Ц-5 – кости взрослого человека, в кв. Ц-6 – кости молодой (до 35 лет – швы на костях черепа не заросли) женщины (?).

На участке Б-восток (линии кв. Л-Ш) (2000 г.) в 30 квадратах (77 отсеков) найдены кремированные кости, в том числе в 23 квадратах (53 отсеки) – неопределенные, в 12 – человека, в пяти – животных, в трех – перемешанные. В кв. Л-8 – крупное скопление фрагментов костей всех отделов скелета, дистальная фаланга человека за 30 лет, в кв. Л-9 – кости молодого (?) человека до 35 лет. В кв. П-9 – мелкие фрагменты кремированных костей черепа человека возраста до 40 лет. В кв. Р-10 – фрагмент бедренной кости человека со следами железистых окислов. В кв. С-9 и С-10 – фрагменты кремированных и обугленных костей животных и 3 фрагмента длинных трубчатых костей взрослого человека. В кв. Т-9 – крупное скопление фрагментов костей, среди них корень клыка человека, возраста около 14 лет, с незакрытым корнем. В кв. У-10 – скопление крупных кремированных фрагментов костей взрослого человека. В кв. Х-10 (в 1 и 2 пластах) – очень крупное скопление кремированных костей подростка 10–14 лет, среди них клык предкоренного зуба верхней челюсти, фрагмент основания черепа. В кв. Ц-10 (пласты 1 и 3) – кости взрослого человека в возрасте до 35 лет (швы черепа не заросли). В кв. Ч-11 – кости подростка и скопление фрагментов всех отделов скелета человека, швы черепа совсем не заросшие (до 40 лет). В кв. Ш-11 – крупное скопление кремированных костей человека, в том числе – фрагменты свода черепа человека 40–49 лет, с частично облитерированными швами. Встречено большое количество неопределимых фрагментов.

На участке В (линии А-Г) (2002 г.) в 12 квадратах (15 отсеков) обнаружены фрагменты кремированных костей, в том числе черепа человека (?) с заросшим швом – индивид старше 45 лет (кв. F-13), кремированных (кв. J-12) и обугленных костей животного (кв. F-11), 7 обломков зубов животного (кв. E-12) и неопределимые костные фрагменты.

На участке Г (линии А-Г) (2002 г.) в 64 квадратах (114 отсеков) обнаружены кремированные кости, в том числе в 28 (67 отсеков) – неопределенные, в 18 (21 отсека) – человека, в 24 (28 отсеков) – животных, в шести – перемешанные. В кв. 6а и 8в – фрагменты большеберцовой кости взрослого человека, в кв. 12в – фрагменты нижней челюсти взрослого человека, в кв. 18г – кости

взрослого человека до 50 лет, в 40г – кости черепа взрослого человека и коронка премоляра ребенка 10 лет.

КАРПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Во время работ на двух участках из сохранившегося слоя были взяты пробы для карпологического анализа (из-за состояния культурного слоя его пять пластов можно рассматривать только как единое целое – выделить слои с более узкой датировкой невозможно). Часть их (86) подвергалась отсевке через сита, 28 проб, взятых в 25 квадратах, отмыто водой. При исследовании проб в 80 отсеках (93% их общего числа) и в 26 отмытках (92.8% отмытых проб) обнаружены зерна земледельческих культур. Число проб, взятых на исследование из каждого пласта, очень различно. Это объясняется степенью сохранности слоя. Первый и пятый пласты дали мало находок (10 и 3); больше всего – третий пласт (42); несколько меньше находок (32) собрано из второго пласта, из четвертого – еще меньше (14). Количество зерен в находках в основном невелико: основная масса проб (64%) содержит до 10 зерен, в 22.6% проб – до 50, в 17.5% проб – до 100, в 4.7% проб – до 300, в одной пробе – более 300 зерен.

Выявлены зерна семи земледельческих культур. Все они найдены в обугленном состоянии, за исключением семян льна. Поверхность некоторых зерен так повреждена, что трудно с полной уверенностью отнести их к определенному роду злаков. При подсчетах учтены те, которые по размерам и ряду морфологических признаков могут принадлежать определенной культуре. Всего зерно содержалось в 106 (из 114) отсеках. Зерна не обнаружены только в комплексах 1, 4б, 6а и 15. Материалы всех пластов рассматривались суммарно. На первом месте по встречаемости стоит ячмень (*Hordeum vulgare* L.). Его зерна встречены в 68.9% всех отсеков с зерном и во всех, кроме 3а, комплексах. На некоторых зернах заметны остатки пленок, что позволяет считать, что возделывался пленчатый ячмень. Ячмень является довольно выносливой культурой. Для его роста необходимы определенные чистота от сорняков и плодородие почвы посевного участка, но он мирится с бедными почвами и некоторой засоренностью. Кроме того, он может довольствоваться наименьшей, по сравнению с другими культурами, суммой положительных температур за вегетационный период (Прянишников, 1931. С. 207).

Пшеница занимает второе место по числу находок. Она встречена в 52.6% всех проб и во всех комплексах, кроме 3, 4а и 6. Основное количество зерен пшеницы имеет плавные очертания, вершина и основание тупые и широкие. Эти зерна принадлежат двум видам голозерной пшеницы мягкой (*Triticum aestivum*) и карликовой (*Triticum compactum*).

tum), близким по биологическим особенностям. Эти культуры хорошо используют плодородие залежных участков, подготовленных к посеву подсекой и сжиганием древесной растительности. Хорошо растут голозерные пшеницы и на мягких окультуренных землях. Кроме зерен этих пшениц, встречено небольшое количество менее широких зерен, имеющих узкие вершину и основание и большее или меньшее уплощение брюшной стороны. Таких зерен мало и сохранность их не очень хорошая. Похожи они на зерна полбы-двузернянки (*Triticum dicoccum*). Подтверждением того, что среди голозерных пшениц могли быть зерна пшениц пленчатых, является находка двух зерен полбы в остатках колосковых чешуй. Не исключено, что среди пленчатых пшениц есть также зерна спельты, но в том виде, в каком они найдены, выделить их очень сложно. Полба менее голозерных пшениц требовательна к плодородию и обработке почвы.

Попытка проследить по пластам динамику встречаемости в находках ячменя и пшеницы не дала результатов. Но вычисление доли проб с пленчатой пшеницей в общей массе находок по пластам (за исключением первого и пятого, давших очень малые серии) любопытно. Процент проб с зерном культуры равномерно уменьшается от четвертого ко второму пласту (42.8; 35.7; 12.4). На основании этого, учитывая общую сохранность слоя, сложно делать выводы. Но следует отметить, что процесс сокращения доли находок с пленчатыми пшеницами прослеживается на материалах ряда памятников лесной зоны I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Гунова и др., 1996. С. 110, 111; Кирьянова, 1992. С. 17, 18).

На третьем месте по встречаемости стоит горох (*Pisum sativum* L.), его зерна обнаружены в 45.3% находок. Зерна мелкие (4 мм и немного мельче), сильно деформированы, семенной рубчик сохранился на небольшом числе зерен, но по его форме и размерам можно говорить о находке гороха, возможно дикого. Некоторое количество зерен могло принадлежать гороху полевому (*Pisum arvense* L.). На некоторых зернах заметны боковые вдавления, легкая морщинистость. Горох является ценным белковым пищевым и кормовым продуктом, используемым человеком в течение нескольких тысячелетий. Значительное количество зерен этой культуры было найдено при раскопках Банцеровского городища, хронологически одновременного Ратьковскому (Кирьянова, 1992. С. 18. Табл. 2). Интересно отметить распределение находок гороха по площади раскопа: он отмечен на участке Б (погребальные комплексы 3а–в, 4а–в, 5а, б, 6 – от 1 до 40 зерен, комплекс 5 – 638 зерен, в заполнении ямы 10, в квадрате Ц-5 зерна найдены во всех пяти пластах) и на участке Г (одно зерно гороха – в кв. 13а, три зерна – в кв. 21а).

На четвертом месте по встречаемости стоят зерна овса (*Avena sativa* L.). Они обнаружены в очень небольшом числе проб (5.66%) и только в комплексах 5, 11 и 12. Все они найдены без пленок, что не позволяет говорить о самостоятельных посевах этой культуры. Учитывая то обстоятельство, что эти зерна встречены в находках с пленчатой пшеницей и чаще с ячменем, правильнее считать овес сорняком этих культур.

В еще меньшем числе находок (3.77%) встречены зерна проса (*Panicum miliaceum* L.) – комплексы 2,а, 3б, в. Все они найдены без пленок. Зерна этой культуры известны в значительном числе памятников второй половины I тыс. н.э. и более раннего времени (Кирьянова, 1991. Табл. 1; 1992. Табл. 2). Просо является культурой, требующей чистых от сорняков земель и поэтому хорошо использующей преимущества пласта целинных и залежных земель. Но к рубежу I и II тыс. н.э. эта культура постепенно теряет свое значение в посевах.

В одной отмывке из слоя третьего пласта обнаружены три семени льна (*Linum usitatissimum* Z.) – комплекс 3б. Эта прядильная культура известна в памятниках лесной зоны с последних веков до н.э. Семена конопли посевной содержались в отмывке из 3 пласта (кв. Ж-6, близ комплекса 2). Масло из семян могло употребляться в пищу; жмых, оставшийся после отжима семян, использовали на корм; из волокна можно было делать грубый холст. Кроме перечисленных культур, следует отметить находку одного зерна, похожего на зерна ржи. При раскопках ряда памятников, синхронных Ратьковскому городищу, встречаются единичные находки зерен ржи, но они не дают возможности считать эти находки остатками самостоятельных посевов культуры (Кирьянова, 1992. С. 19. Табл. 2).

Исследование отсевок и отмывок культурного слоя Ратьковского городища показывает, что его населению были известны, как уже говорилось, семь земледельческих культур, встречающихся на ряде восточноевропейских памятников второй половины I тыс. н.э. Биологические особенности культур, представленных в находках, позволяют предположить, что для посева использовались лесные участки, подготовленные сжиганием деревьев, и естественные палы. Сеяли пшеницы и просо. Восстановление плодородия почвы происходило в залежи, но могли засевать и участки более длительного использования, где плодородие восстанавливалось в перелог. Такие площади были пригодны для выращивания ячменя и голозерных пшениц. Безусловно, могли засеваться участки пойм и долин. Рассматриваемые зерновые материалы являются характерными для памятников второй половины I тыс. н.э. на территории лесной зоны Восточной Европы.

ИТОГИ НАБЛЮДЕНИЙ

1. Кремация осуществлялась на стороне (нет следов прокала и углей); людей и животных (собака, овца, неопределенные мелкие животные) сжигали отдельно (разная температура обжига). Кости отсеивались от угля и измельчались. Есть некремированные, сухие (сваренные?) кости.

2. Вещи обожжены, но не все. Часть помещена целыми, некоторые (в частности, сосуды) разбиты. В шести комплексах выявлено от 4 до 27 бронзовых слитков, в ряде остальных – единичные.

3. Остатки кремации и обугленные зерна концентрируются вокруг небольших ям, причем большая часть материала лежит в верхних слоях заполнения (над ямами), рядом с ними или с большим разбросом (5 фрагментов крестовидной фибулы с разбросом 8 м). В комплексе 4 (яма 14) концентрация обугленных зерен культурных растений возрастает с глубиной.

4. Наибольшая концентрация зерен в пласте 3, а костей, керамики и находок – в пласте 2 – сначала сыпались остатки кремации и тризны, затем клали погребальный инвентарь?

5. Большие скопления обугленных зерен почти без угля – возможно, продукты для “тризны” (горох, ячмень, пшеница-полба) сжигали на стороне, а обугленные остатки сыпали на место погребения, иногда в яму. В Центральной России повсеместно отмечен обычай поминальной трапезы: по возвращении с похорон ставят горох, яичницу, блины, брагу, кутью (коливо), канун (блюдо из вареных на меду ячменных или пшеничных зерен), кисель (Чистов, 1987. С. 413). Возможно, эти обычаи были известны местному финно-угорского населению: в мужском погребении марийского Веселовского могильника в 1929 г. обнаружен мешочек с просом и полбой; в Руткинском могильнике зерна проса лежали в чаше (Голубева, 1987. С. 114; Архипов, 1973. С. 70).

Аналогии элементам погребального обряда есть в могильниках финских народов Поволжья; у муромы: Безводнинский (Краснов, 1980. С. 26–28) и Муромский (Ерофеева и др., 1988. С. 14); у мери: Сарский (Леонтьев, 1996. С. 90–99), захоронения в ямах, на дне, Большое Молочное (С. 259), наземные погребения без ям и ямы не глубже 0.5 м, мало кремированных костей; у мордвы: Серповский (вещи раскладывались с кремированными костями по дну ямы), Старокадомский (Шитов, 1988. С. 24), кремированные кости в засыпке труположения, кремированные кости, отделенные от угля и золы, но кучкой, Чулковский (Гришаков, 1988. С. 72); у марийцев: Поповский, Младший Ахмыловский, Юмский (Голубева, 1987. С. 110) – сжигали без вещей и одежды, кремированные кости помещали кучкой или рассыпали по дну могилы.

6. Исследователями неоднократно сопоставлялись сюжеты русского фольклора с Бабой-Ягой и

избушкой на курьих ножках с погребальным обрядом финно-угорских народов, домиками мертвых, “который славяне наблюдали у местного населения при заселении Волго-Окского междуречья” (Смирнов, 1990. С. 59). Предполагалось, что для кремации тел могли использовать не только большие костры (следов их не обнаружено), но и печи (Григорьев, 1999. С. 25). Как свидетельства обряда кремации с использованием печей можно предложить интерпретировать сказочные сюжеты о Бабье-Яге – персонаже из чуждой славянам лесной культуры. Семантическая связь дома Бабы-Яги, костей человека и приготовления пищи в печи подчеркнута во всех сюжетах о ней и может быть сопоставлена с традиционными формами погребения человека, приготовлением и употреблением пищи (Вишневский и др., 2004. С. 158).

7. Выделяются (условно) женские и мужские погребения. Для женских характерны шилья, ножи, пряслица, литейные формочки, шумящие украшения. В комплексе 3в найдено 8 подвесок-пронизей, в комплексе 12 – 6; в двух комплексах отмечены бусы (в окских могильниках их помещали в погребения девочек самого раннего возраста: Белоцерковская, 2003. С. 149, 152). Шилья, ножи и пряслица встречены там, где антропологический материал не противоречит определению, в комплексах 1 (женщина и мужчина); 2 (взрослый); 3а (взрослый и ребенок); 3б (девочка? 10 лет); 3в (четыре индивида, в том числе женщина 20–35 лет); 10 (взрослый); 12 (неопределенные кости). Всего в комплексах 11 шильев и игла с ушком; вне комплексов – 5 шильев. В 10 комплексах – литейные формочки и их фрагменты; в 13 – небольшие шумящие подвески-пронизы. Если учесть, что в отдельном женском погребении поволжских и окских могильников таких пронизей встречается от 1 до 3, то в Ратьковском могильнике могли быть погребены до 17–19 женщин. Комплексов с мужскими погребениями 8: со стрелами (2, 2а, 4б, 9), поясными накладками (2а, 3в), фибулой (3б), поясной привеской (4а), кресалом (12). Остеологический материал не противоречит определению.

8. Крестовидная фибула, найденная в одном комплексе (3б), могла иметь не только утилитарное значение, но подчеркивать высокий социальный статус ее владельца или выполнять ту же магическую роль, что шилья, как бы запечатывая, закрывая погребальный комплекс (аналоги в поволжских и окских могильниках: Ахмедов, Белоцерковская, 1996. С. 107, 119).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3.
 Антипина Е.Е., Вишневский В.И., Козловская М.В. Погребение на позднесредневековом городище в верхних р. Дубна // Тверской археологический сб. Вып. 4. Т. 2. Тверь, 2001.

- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Вещевые комплексы могильника Заречье-4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
- Архинов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.
- Башенькин А.Н. Исследования в Молого-Шекснинском междуречье // АО-1993. 1994.
- Башенькин А.Н. Работы Северорусской экспедиции // АО-1995. 1996а.
- Башенькин А.Н. “Домик мертвых” Куреваниха-XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996б.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Исследования Северорусской экспедиции // АО-1994. М. 1995а.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Исследования Северорусской экспедиции // АО-1994. 1995б.
- Вишневский В.И. О бронзолитейном деле на Кикинском городище // Проблемы изучения эпохи первобытности и средневековья лесной полосы Восточной Европы. Вып. 3. Иваново, 1996.
- Вишневский В.И. Исследования Сергиево-Посадского музея-заповедника // АО-1996. 1997.
- Вишневский В.И. Раскопки Ратьковского раннесредневекового могильника // АО-1999. 2001.
- Вишневский В.И., Данильченко В.П., Каспаров А.К. и др. Хозяйство позднелазовского населения Верхнего Поволжья (по материалам раскопок Кикинского городища) // Тверской археологический сб. Вып. 4. Т. 2. Тверь, 2001.
- Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Козловская М.В. О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратьковском городище в верховьях р. Дубна // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2004. Вып. 3.
- Голубева Л.А. Меря. Муром. Мордва. Марийцы // Финно-угры и балты в средневековье. М., 1987.
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1960. № 94.
- Григорьев Д.Н. О двух вариантах трупосожжения на стороне // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999.
- Гришаков В.В. История населения правобережья Нижней Оки в конце I тыс. н.э. // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1988.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А. и др. Земледелие и система Землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. 1996. № 4.
- Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА № 156. 1970.
- Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочинский грунтовый могильник // Этногенез и этническая история марийцев. Археология и этнография марийского края. Вып. 14. Йошкар-Ола, 1988.
- Ефименко П.П. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н.э. // СА. 1957. Т. II.
- Исланова И.В. Удомельское поозерье в раннем средневековье. М., 1997.
- Кирьянова Н.А. Земледелие Северо-Восточной Руси XI–XV вв. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
- Кирьянова Н.А. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М., 1992.
- Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М., 1980.
- Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальное сооружение на городище дякова типа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985.
- Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1996.
- Прянишников Д.Н. Частное земледелие. М.; Л., 1931.
- Розенфельд И.Г. Древности Западной части Волго-Окского междуречья. М., 1982.
- Седов В.В. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. EI-18. М., 1974.
- Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
- Смирнов К.А. Погребальный обряд дьяковской культуры // СА. 1990. № 2.
- Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н.э. // МИА. 1941. № 5.
- Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // Тверской археологический сб. Вып. 3. Тверь, 1998.
- Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.
- Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Тр. 1988. Вып. 85.

Rat'kovo Early Middle Age Finno-Ugric burial ground: chronology, culture and ritual

V. I. Vishnevsky, N. A. Kir'yanova, M. V. Dobrovolskaya

Summary

In 1999–2002, the expedition of the Sergiev Posad museum investigated the earthen burial ground at Rat'kovo hillfort (upper reaches of Dubna river). This is a rare burial monument of the circle of Late D'yakovo antiquities in the Volga–Oka interfluvial area of the 6th–7th–9th–10th cc. Among the finds there are items which have analogies both in Volga region Finnish (Meria and Muroma) burial grounds and burial grounds of the Volga–Oka interfluvial, and in Late D'yakovo hillforts and monuments of the Long Mound culture. Complex investigations (archeological, osteological, carpological) gave a reconstruction of the funeral rite. The burial ground contains remnants of numerous cremations (men and women, adults, teenagers and children), which were carried out on the side. Crushed cremated human and animal bones, separated from the coal, were placed practically on the surface of the burial ground, together with charred peas, barley, wheat (soft and emmer) and inventory (partly destroyed by fire). In a series of cases, artifact assemblages were correlated with shallow pits.

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УСПЕНСКОГО СОБОРА КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ В 1997–2000 гг.

© 2007 г. Г. Ю. Ивакин*, С. А. Балакин**

* Институт археологии НАН Украины

** Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник

В 1997–2000 годах, при работах по восстановлению Успенского собора Киево-Печерской лавры, в нем были проведены архитектурно-археологические исследования. В результате удалось получить новые данные по строительной истории церкви; собрать информацию о культурном слое памятника; значительно расширить представления о структуре и исторической топографии его некрополя. В настоящей статье представлены основные результаты этих работ.

Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора шло, с перерывами, всю вторую половину минувшего века (Сіткарьова, 2000). В первые два послевоенные десятилетия оно было составной частью общего процесса ремонтно-реставрационных работ в Печерском заповеднике и в значительной степени сводилось к поиску уцелевших предметов церковной утвари, элементов декоративного оформления церкви и остатков мемориальных памятников XVII–XIX вв. В 1960–1970-х годах изучение руин Успенского собора стало хорошо спланированным исследовательским процессом, нацеленным на реконструкцию древнерусского ядра памятника и характеристику основных этапов его последующей архитектурной эволюции. В те годы был получен основной объем архитектурно-исторической информации; собрана большая часть нынешней археологической коллекции Успенского собора (как строительных материалов, так и надгробий); оценена степень разрушения различных участков и проведены первые реставрационные работы (Холостенко, 1967; 1975; 1976). Исследования были сосредоточены на участке Иоанно-предтеченской крещальни (полностью раскопана в 1969–1972 гг.). Значительные масштабы имели и археологические работы 1980-х годов, связанные с подготовкой восстановления Успенского собора. Они были ориентированы на выяснение конструкции древнерусских фундаментов церкви, обследование контрфорсов XIII–XIV вв. и уточнение намеченной ранее картины технического состояния подлинных частей памятника. Самостоятельным объектом изучения стал церковный некрополь (Харламов, 1993. С. 138–150). Последний по времени цикл археологических исследований Успенского собора пришелся на

1997–2000 годы – всего раскрыто около 200 м² (рис. 1, I). Работы были нацелены на неисследованные участки, которым угрожало уничтожение в ходе строительства¹.

Работы выявили ряд новых архитектурных деталей – например, элементы оформления древнерусских оконных проемов собора. Фрагменты отформованного цемячного раствора из шурфов № 1 и 15 имели хорошо заглаженную внешнюю поверхность, а на оборотной стороне – отпечатки колотых досок и стеклянных оконниц (Сиром'ятников, 1999. С. 105–111). В двух случаях на них сохранились обломки вделанных в раствор оконных стекол диаметром 24–26 см (рис. 2). Визуально фрагменты оконных переплетов отличаются друг от друга по составу и цвету раствора и по характеру обработки поверхности, что объясняется либо постепенностью изготовления цемячных (цемячно-деревянных?) рам, выполнявшихся в несколько приемов, либо ремонтами собора в XII–XV вв. Следует отметить, что в шурфе № 15 найдены и фрагменты оплавленных свинцовых оконных переплетов (в двух из них фиксировались остатки вплавленных в свинец стекол).

Однако сам Успенский собор, как памятник архитектуры, достаточно хорошо изучен. Поэтому основной упор был сделан на некрополе собора, который на протяжении всей своей истории служил местом захоронения церковных иерархов, представителей княжеских родов, политических и военных деятелей, просто состоятельных киевлян. Первое погребение появилось сразу после освящения церкви в 1089 г. – последнее, сколько известно, датируется серединой XIX в.: ясно, что значитель-

¹ В 1997 г. обследовалась система отопительных каналов собора конца XIX в., в 1998–1999 гг. был выполнен основной объем полевых работ: в 1998 г. заложено два раскопа и около десятка шурфов (раскоп № I – в южной части нартекса XI в., раскоп № II – в северной части нартекса XVIII в.; шурфы большей частью “тяготели” к древнерусскому ядру собора). Исследования 1999 г. проводились на разных участках большого двухкамерного склепа под Стефаниевским (северным) приделом и в районе южного (Михайловского) придела XI в. (шурфы № 14 и 15). Работы 2000 г. были связаны с реконструкцией инженерных коммуникаций Верхней лавры вне “пятна” собора, главным образом, в районе его восточного и западного фасадов.

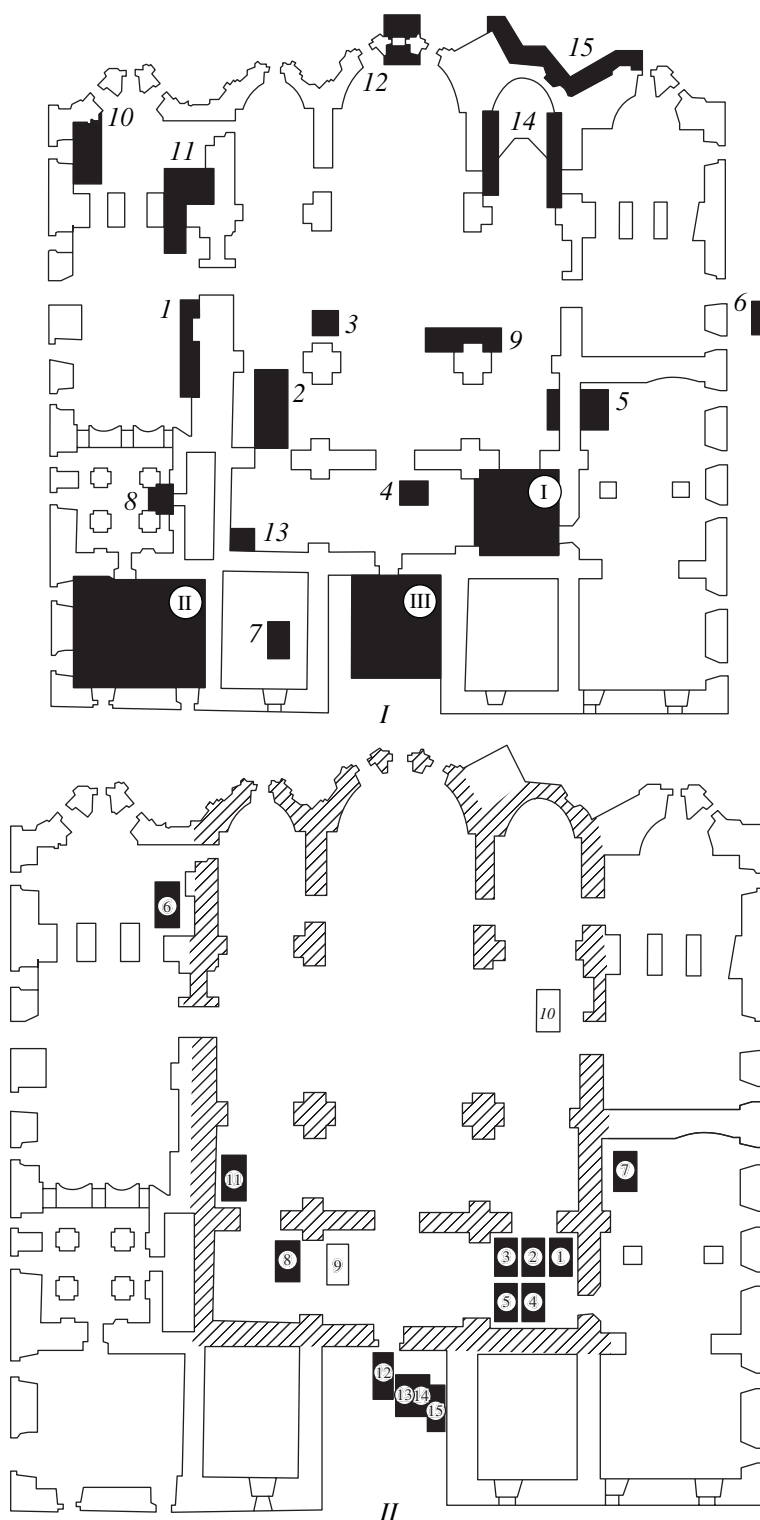

Рис. 1. I – Успенский собор Киево-Печерской лавры. Схема археологических исследований 1998–2000 гг.; II – схема расположения шиферных саркофагов Успенского собора. Черным выделены археологически исследованные погребальные сооружения.

ный объем исторической информации о памятнике связан с его некрополем. О нем существуют три блока независимой информации – письменный, археологический и антропологический. По отдель-

ности каждый из них неполон, а добиться их взаимопересечения удастся далеко не всегда. Как более-менее полноценные археологические комплексы можно рассматривать лишь немногие, и

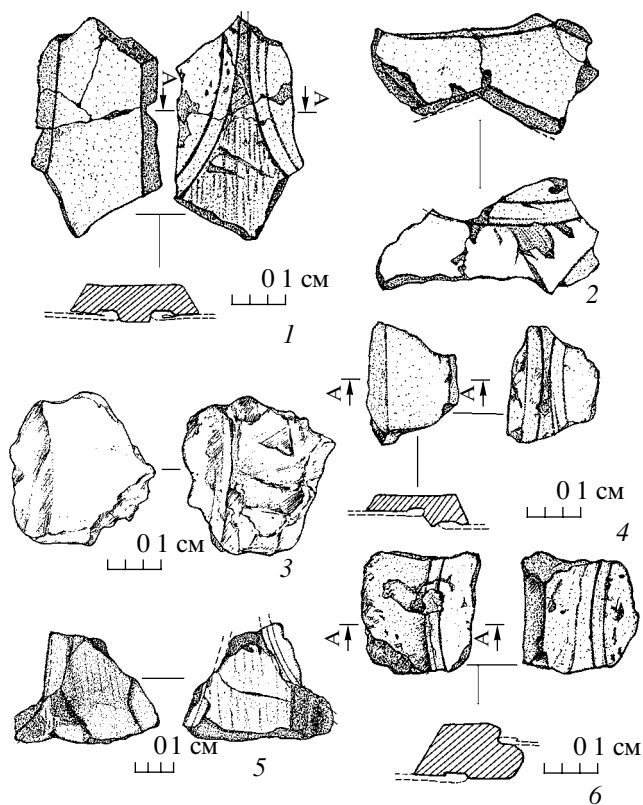

Рис. 2. Фрагменты формованного цемячного раствора с отпечатками стеклянных оконниц.

только единицы из них удастся сопоставить с историческими данными. Полностью преодолеть эту разобщенность “трех источников и трех составных частей” исторической некрополистики в приложении к Успенскому собору вряд ли удастся, но даже дискретная информация обладает несомненной ценностью.

В 1997–2000 годах захоронения разного времени и сохранности открыты практически по всему собору. По оценкам антропологов, общее количество выявленных нами погребений насчитывает более 200 единиц. Однако эта впечатляющая цифра не должна вводить в заблуждение: речь идет о собственно-антропологическом материале, а не об археологических комплексах; их значительно меньше. Погребальные сооружения делятся на три категории: 1) грунтовые погребения, в том числе в колодах; 2) захоронения в шиферных саркофагах; 3) погребения в индивидуальных или коллективных склепах XVII–XIX вв. Почти все склепы дошли до нас сильно поврежденными и сколько-нибудь важной информации не дали, поэтому мы ограничимся характеристикой двух первых категорий.

По разным источникам, в составе некрополя Успенского собора известно 15 саркофагов (рис. 1, 2). Из них семь отмечены на плане собора 1888 г., и только два из них (№ 9 и 10) не получили археоло-

Рис. 3. Комплекс саркофагов древнерусского нартекса собора (раскоп № 1) в процессе исследований. Общий вид с севера.

гического подтверждения, остальные зафиксированы в ходе раскопок. Погребения в саркофагах целесообразно разделить на три количественно почти равные группы: 1) погребальный комплекс в южной части древнерусского нартекса, 2) группа саркофагов у западного портала собора и 3) отдельно расположенные захоронения.

Погребальный комплекс в нартексе XI в. (раскрыт в 1998 г.) включает пять саркофагов, размещенных в две линии – восточную (рис. 3; 4) и западную. Комплекс перекрыт 15 железными балками при строительстве отопительной системы конца XIX в.: они служили лагами пола. В заполнении – строительный мусор XIX в. и разрозненные кости из погребений, разрушенных при строительстве и перезахороненных в саркофагах. Все саркофаги сильно повреждены при взрыве собора (Ивакин, Балакин, 1999. С. 76–86; 2005. С. 151–175; Потехина, Козак, 1999. С. 139, 140). Сооружения восточной линии комплекса сохранились значительно хуже погребений западной.

Саркофаг № 1, находившийся почти под обрезом южного фундамента собора и обозначенный на плане 1888 г. как “гроб преп. Феодосия”, обследован В. Харламовым в 1986 г. На момент исследований 1998 г. более-менее удовлетворительно сохранилась только восточная его часть. В западной части саркофага на уровне дна расчищен крупный фрагмент шиферной плиты с округлым углублением диаметром 15 см, в котором крестом прорезано четыре прямоугольные в сечении сквозные отверстия (рис. 5, 1). Аналогией этой находке среди древнекиевских саркофагов может служить шиферный саркофаг (вторично использованный в XVII в.) из Михайловского собора Выдубицкого монастыря, на нижней плите которого пробито семь отверстий (диаметр 8–9 мм), расположенных по кругу диаметром 15 см (Мовчан, 1975. С. 103). Предназначение отверстий остается не выясненным (можно предположить, что они служили для отвода трупной жидкости). Рядом с саркофагом найден обломок шиферной плиты с рельефным изображением пятиконечной звезды (рис. 5, 2).

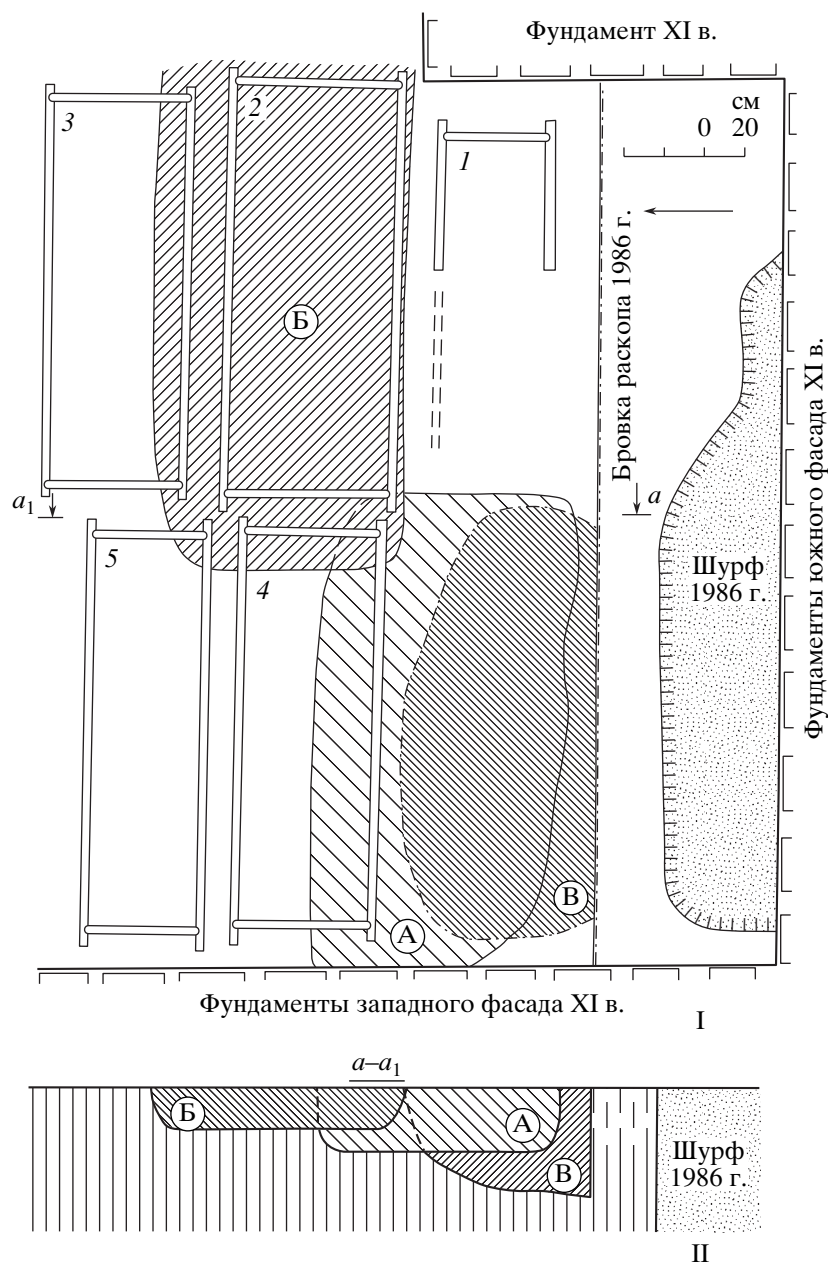

Рис. 4. Погребальный комплекс в южной части нартекса XI в. Саркофаги (1–5) и следы первоначального расположения погребений (ямы А–Б) в плане (I) и профиле (II) раскопа.

Саркофаг № 3 оказался на трассе отопительного канала XIX в., разрушившего его северо-восточный угол. На дне саркофага собраны фрагменты парчевой ткани и мелкие кости посткраниального скелета женщины 25–30 лет.

Саркофаг № 2 сохранился несколько лучше. До самого верха он заполнен строительным мусором и разрозненными человеческими костями (не менее четырех взрослых индивидов и ребенок 2–3 лет). На уровне сильно поврежденной взрывом нижней плиты прослежены отдельные части двух скелетов мужчин 50–60 лет, частично сохранивших анатомический порядок. Захоронения сопро-

вождались большим количеством фрагментов кожи и ткани. Кроме тканей обычного полотняного переплетения зафиксированы остатки золотного шитья, в частности сравнительно большие фрагменты поясов с узором в виде свастики (рис. 6). Размеры, сырье и технические характеристики фрагментов очень близки, хотя они, несомненно, представляют два разных изделия.

Саркофаги № 4 и 5, составлявшие западную линию комплекса, меньше пострадали от ремонтных работ XIX в.; это относительно чистые комплексы. Их перекрывают шиферные плиты на известковом растворе.

Рис. 5. 1 – нижняя плита саркофага № 1. Крупный план; 2 – саркофаг № 1. Фрагмент шиферной плиты с рельефным изображением пятиконечной звезды.

В саркофаге № 4 сразу под плитами фиксируется плотный слой (20 см) древнерусского строительного мусора, больше похожий на забутовку (цемянка, обломки плинфы и голосников). Нарушений этого слоя, как и присутствия в нем более поздних строительных материалов, не отмечено. Вероятно, в 1880-х годах саркофаг полностью не раскрывали: поверх забутовки было сделано лишь перекрытие из обломков шиферных плит, под одной из которых лежала копейка 1872 г. Эта забутовка могла появиться только при наличии где-то рядом еще неразобраных завалов древнерусского строительного мусора, наиболее вероятно – при восстановлении храма 1470 г. В саркофаге находились останки трех человек: мужчины 30–35 лет, женщины около 30 лет и ребенка 5–6 лет. Женское погребение, перекрывавшее правой рукой детский скелет, располагалось у южной стенки саркофага, мужское, частично перекрывавшее оба эти погребения, – у северной. Все погребенные – вытянутые на спине, головой на запад. Руки женщины сложены на груди, мужчины – скрещены в районе таза.

Рис. 6. Фрагменты поясов золотого шитья с орнаментом в виде свастики из саркофага № 2.

Под западной стенкой находился подголовник (65 × 23 × 13 см) из кирпича и известково-цемяночного раствора. Поверхность подголовника была покрыта тканью с золотым шитьем (сохранились отдельные нити). В юго-восточном углу саркофага (6–7 см выше нижней плиты) найдена редкая серебряная монета чеканки Владимира Ольгердовича (I тип). Период ее обращения – 1360–1380-е годы. Принимая во внимание характер забутовки саркофага, эту находку вряд ли можно считать случайной – скорее это “обол мертвых”, а значит, можно датировать одно из погребений саркофага XIV–XV вв. и предполагать его связь с княжеским родом Олельковичей (представители которого, по данным письменных источников, погребены в Успенском соборе).

Саркофаг № 5 до самого верха заполнен перемешанным грунтом и разрозненными человеческими костями (не менее пяти индивидов разного пола и возраста). Эта “костница” появилась в саркофаге в XIX в. и была отделена от первичного захоронения широкой сосновой доской. Основное погребение принадлежало мужчине 30–35 лет, высокого роста (181.1 см), лежавшего на спине, головой на запад. У западной стенки саркофага на двух обломках плинфы установлен подголовник из дубового бруса (53 × 29 × 10 см) с выемкой посередине. Возле рук погребенного, скрещенных в районе таза, найдена завязанная узлом узорчатая лента – очевидно, для связывания рук покойному.

Всего в пяти саркофагах находились останки 17 человек, но из них только 7 можно связывать с рассматриваемым погребальным комплексом: принадлежность ему находок из саркофага № 1 и останки из “костниц” саркофагов № 2 и 5 сомнительна.

Особого внимания заслуживает мужское погребение саркофага № 4. Дистальные концы берцовых костей скелета касались торцевой стенки сар-

кофага, а кости стоп, отделенные еще при жизни, в почти полном анатомическом порядке сложены между берцовыми костями. Перерубание второго шейного позвонка острым предметом, наряду с другими признаками, позволяет говорить об отсечении головы, а возможно — и о казни четвертованием. Антропологи предполагают профессиональную специализацию умершего как воинскую (частое использование тяжелого меча и лука, езда верхом, следы ранений). Учитывая это, данное захоронение может в дальнейшем стать ключевым для исторической идентификации погребального комплекса в нартексе.

При демонтаже саркофагов и зачистке дна раскопа оказалось, что нижние плиты всех саркофагов находились на одном уровне и уложены прямо на разровненный мешаный лессовый грунт, а промежутки между соседними саркофагами утрамбованы гумусированным грунтом с обломками плинфы. Нижняя часть этой забутовки представляла собой почти сплошной слой вальков подсохшего известкового раствора. Под нижними плитами саркофагов № 3 и 4 удалось проследить две прямоугольные в плане ямы, частично перерезавшие одна другую. По размерам (1.2×2.4 м) обе ямы совпадают с обычными габаритами нижних плит саркофагов и, вероятно, фиксируют места первоначального расположения погребений в древнерусское время.

Специфика погребального комплекса позволяет дать его историческую интерпретацию. Во-первых, погребальные сооружения (в среднем $1.9\text{--}2.0 \times 0.5\text{--}0.7$ м) установлены довольно компактно: параллельно, практически вплотную одно к другому и к внутренним обрезами фундаментов собора. Учитывая вес и габариты шиферных плит, такую степень компактности размещения в ограниченном пространстве нартекса можно достичь лишь при условии одновременной установки саркофагов; на это указывает и однотипность забутовки щелей между ними. Во-вторых, комплекс имеет ярко выраженный вторичный характер (подтверждается стратиграфическими наблюдениями, монетой Владимира Ольгердовича и характером использованных строительных материалов). Петрографический анализ в обоих случаях (материал подголовника саркофага № 4 и забутовка щели между саркофагами) зафиксировал сходный тип раствора, где в качестве наполнителя использовался измельченный цемяночный раствор из развалов древнерусской кладки. Растворы такого типа встречаются в перекладках южной стены собора, связанных с ремонтами в период от землетрясения 1230 г. до конца XV в. Об этом же говорит и характерный состав забутовки саркофага № 4, и параметры кирпича его подголовника ($31 \times 15 \times 4.5\text{--}5.0$ см), не имеющего аналогов среди плинф XI–XIII вв. На это же указывает наличие в засыпке погребений следов пожаров и первичного декора храма.

Наконец, в общем развитии некрополя погребальный комплекс в нартексе стоит между индивидуальными древнерусскими погребениями в саркофагах и родовыми склепами магнатов XVI–XVIII вв. (Ельцов, Корецких, Острожских и др.). Его погребения, как и в престижной части древнерусского некрополя, совершены в саркофагах, но они объединены в единый комплекс, чего не наблюдается в погребальной практике XI–XIII вв. Складывается впечатление, что здесь (как, к слову сказать, и в других аспектах культурной и общественно-политической жизни Киева XIV–XV вв.) мы наблюдаем продолжение древнерусской традиции, существенно трансформированной в новых условиях.

Можно утверждать, что формирование погребального комплекса имело единовременный, спланированный характер и было связано, скорее всего, с ремонтно-строительными работами, а также — с какой-то заметной исторической фигурой. Такое совпадение в истории Успенского собора имело место при возобновлении храма Симеоном Олельковичем в 1470 г. Вполне вероятно, что погребальный комплекс специально сооружен этим князем для всей ветви Олельковичей во время крупнейших для той эпохи работ на соборе (начиная с основателя династии, Владимира Ольгердовича, Олельковичи традиционно находили последнее убежище в Успенском соборе). Загадочное мужское захоронение из саркофага № 4 предположительно связывается с князем Михаилом Олельковичем, возглавившим заговор с целью восстановления Киевского княжества и казненным 30 августа 1481 г. по приказу польского короля Казимира IV вместе с Иваном Гольшанским (его двоюродному брату, Федору Бельскому, удалось бежать в Москву) (ПСРЛ, 1980. С. 122), существовало предание о том, что заговорщиков казнили в Киеве или привезли туда их тела, выставив на поругание отрубленные головы.

Группа у западного портала (обнаружена в 2000 г.) состоит из четырех саркофагов, компактно расположенных на участке между фундаментами южного ризалита и входом в собор (рис. 7, 1, 2). Саркофаг № 12 находился прямо на линии главного входа в храм, остальные погребения размещались “лесенкой” к юго-западу от него. Учитывая выступы нижних плит, они ставились впритык один к другому.

Все саркофаги составлены из тщательно обработанных и подогнанных друг к другу шиферных плит. Следов более поздних переоформлений не отмечено. Размеры по внутренним контурам колеблются в пределах $1.8\text{--}1.9 \times 0.55\text{--}0.6$ м. Саркофаги № 12 и 13 сверху перекрывались треснутыми шиферными плитами (общие габариты 2.1×0.8 и 2.16×0.82 м); внутри двух этих сооружений грунтовой засыпки не было. Саркофаги № 14 и 15 до самого верха (верхние плиты не сохранились) запол-

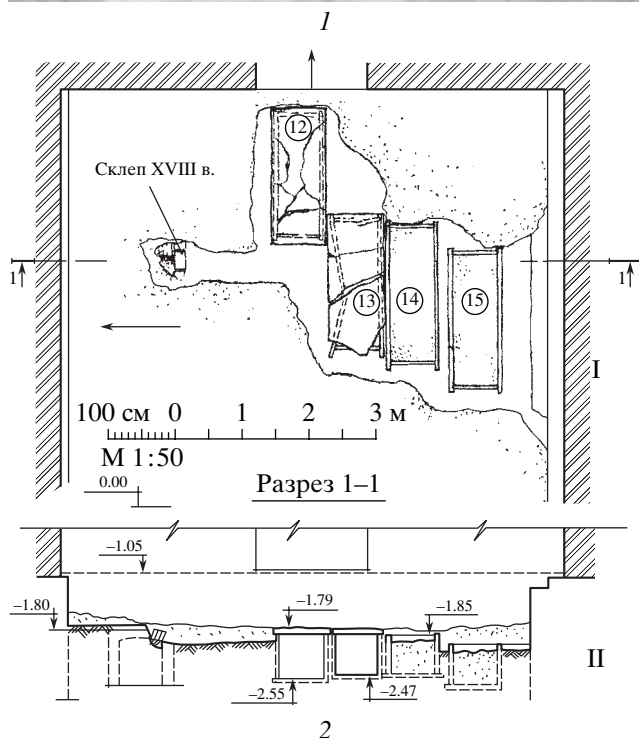

Рис. 7. Группа саркофагов на участке западного входа в Успенский собор: в процессе расчистки. Общий вид с запада в процессе расчистки (I); погребальные сооружения в плане (I) и профиле (II) раскопа 2000 г. (2).

нены относительно чистым лессовым грунтом. Конструкции ближних ко входу саркофагов (№ 12–13) имели незначительные повреждения, причиненные взрывом собора; два других сооружения сохранились без заметных повреждений.

В саркофагах № 12–13 находились остатки скелетов, принадлежавшие мужчинам 40–45 и 35–40 лет. Кости в очень плохом состоянии. Погребенные лежат на спине, головой на запад. В саркофаге № 12 находок нет; в саркофаге № 13 возле ног покойника лежала деревянная струганая палка 35 см длиной, обмотанная витой веревкой, толщиной до 1.0 см. Судя по тому, что некоторые кости

скелетов находились в необычном анатомическом положении, оба погребения вскрывали ранее, скорее всего при перестройках собора конца XVII – первой половины XVIII в.

Основное погребение саркофага № 14 (мужчина 20–25 лет) перекрыто лессовой забутовкой со значительным количеством разрозненных человеческих костей (не менее четырех взрослых индивидов). Появление забутовки можно датировать тем же временем, что и первое “обследование” двух предыдущих сооружений. В северо-западном углу саркофага, приблизительно на 25 см выше его дна, в гумусированном грунте зафиксированы остатки основного погребения, принадлежавшего мужчине 20–25 лет. Находок (кроме отдельных золотых нитей) нет. На нижней плите саркофага № 15 расчищено скопление разрозненных, явно переотложенных человеческих костей (не менее трех индивидов).

В целом, в отличие от саркофагов нартекса, производящих впечатление единого, заранее спланированного погребального комплекса, эта группа формировалась постепенно, на протяжении определенного времени, начиная с саркофага № 15 возле стены южного ризалита собора. Это следует как из разности отметок нижних плит сооружений, так и из пространственной конфигурации погребальных сооружений. Специфическое расположение саркофагов “лесенкой”, четкое различие в степени сохранности костей основных погребений и “костниц”, и некоторые другие признаки позволяют предполагать, что первоначальные погребения этой группы саркофагов относились к наиболее раннему этапу формирования некрополя. В то же время многочисленные нарушения анатомического порядка костяков основных погребений саркофагов № 12 и 13, наличие в саркофагах № 14 и 15 “костниц”, составленных из остатков разрушенных и перезахороненных погребений, свидетельствуют о том, что все саркофаги данной группы в той или иной мере потревожены при строительных работах. Отсутствие их на плане 1888 г. позволяет относить первое обследование сооружений ко времени перестройки собора в конце XVII в. или его восстановления в первой половине XVIII в. (после пожара 1718 г.).

Условная группа отдельно расположенных саркофагов насчитывает всего шесть погребальных сооружений на разных участках собора (рис. 1, 2), но к середине XIII в. в количественном отношении она, безусловно, была намного представительнее. Об этом говорит хотя бы тот факт, что только в составе отместки 1893 г. у апсид собора Н. Холостенко (1967. С. 58–68) насчитал не менее семи плит от саркофагов.

Саркофаги № 9, 10 археологически никогда не исследовались, единственным свидетельством их существования является план М. Захарченко 1888 г. Но у нас нет оснований сомневаться в их реальном существовании.

Саркофаг № 8, расположенный на трассе подземной отопительной системы, сильно поврежден строительными работами конца XIX в. и взрывом собора, эпицентр которого находился на участке между древнерусским северным фасадом церкви и Иоанновской крещальней рубежа XI–XII вв. у северо-восточного угла собора. В 1998 г. в бровке траншеи удалось зафиксировать лишь сильно поврежденную восточную часть саркофага. Полностью это погребение ни в 1998 г., ни ранее не раскапывалось.

Остальные три саркофага группы, напротив, фиксировались неоднократно. Саркофаг № 6 впервые исследован в 1962 г. (Ситкарёва, 2000); при повторном обследовании 1998 г. выяснилось, что он не имел верхней плиты и сверху перекрывался кирпичной кладкой на цементном растворе; не сохранились нижняя плита и восточная торцевая стенка сооружения. Размеры саркофага по внутреннему контуру составляли 190 × 64–42 см. Под слоем строительного мусора и консервационного песка на дне саркофага были расчищены два скелета в относительно правильном анатомическом порядке. Покойники лежали вытянуто на спине, головой на запад. Оба – мужчины 25–30 лет. Под головами погребенных найдено несколько поливных половых плиток древнерусского времени, а в заполнении саркофага над погребениями – серебряный денарий Сигизмунда II Августа середины XVI в. и две копейки 1864 и 1890 гг.

Следует отметить, что саркофаг № 6, находившийся под внешним обрезом позднего усиления древнерусского фундамента, располагался на месте часовен, пристроенных к северному фасаду собора в XII–XIII вв. и разрушенных в ходе последующих его перестроек. Оба выявленные в саркофаге погребения имеют несомненно вторичный характер и датируются временем, не ранее строительства Стефаньевского придела (между 1577 и 1625 гг.), когда саркофаг, который первоначально мог принадлежать одной из часовен, демонтировали, а позднее собрали для повторного использования.

Саркофаг № 7 в северо-восточном углу Трехсвятительского придела, прямо под внешним обрезом южной стены XI в., впервые был обследован в 1952 г. По Н. Холостенко, захоронение в нем носит вторичный характер и появилось, вероятно, во время строительства часовни и контрфорсов в конце XV в. (1955. С. 341–358). Исследованиями 1998 г. установлено, что конструкция сооружения сохранилась не полностью – верхняя плита и обе торцевые стенки отсутствуют. Размеры сооружения по внутреннему контуру 186 × 74 см, высота – 78 см. Саркофаг заполнен мешаным, но относительно чистым грунтом. Никаких материалов не обнаружено. При демонтаже погребального сооружения выяснилось, что его нижняя плита, сохранившаяся *in situ*, лежит непосредственно на строительном горизонте XI в.

Последний отдельно стоящий саркофаг (№ 11) исследован в 1982 г. под внутренним обрезом фундаментов северной стены собора XI в. Погребение почти полностью разрушено взрывом 1941 г. В строительном мусоре на глубине около 2,5 м зафиксированы нижняя плита и обе боковые продольные плиты шиферного саркофага, в который был помещен деревянный гроб с погребением митрополита П. Могилы. По внешнему контуру конструкция саркофага была укреплена кирпичной кладкой. Захоронение митрополита сверху перекрывалось орнаментированной шиферной плитой от ограды хор XI в. Остатки первоначальных погребений, разрушенных при захоронении П. Могилы, были сложены за пределами саркофага, в восточной части могильной ямы 1647 г. Сверху они перекрывались инкрустированной смальтой шиферной плитой пола древнерусского собора.

Таким образом, на сегодняшний день в составе некрополя известно 15 шиферных саркофагов, из которых 13 археологически подтверждены. Как погребальные сооружения, все саркофаги, несомненно, относятся к древнерусскому времени. Этого нельзя сказать о самих захоронениях в саркофагах: абсолютное большинство их имеет вторичный характер и появилось намного позднее установки погребальных сооружений. Синхронность захоронения и погребального сооружения можно допустить только для двух северных (№ 12, 13) саркофагов западного портала. В остальных случаях повторное использование древнерусских погребальных сооружений в XIV–XVII вв. не вызывает и тени сомнения. С другой стороны, маловероятно, что при вторичном использовании саркофагов существенно изменялась их первичная локализация. Относительно саркофага № 7 совершенно очевидно, что, несмотря на неоднократное использование и утрату некоторых элементов конструкции, сооружение осталось на своем первоначальном месте.

Многочисленное использование шиферных саркофагов *in situ* – наиболее оригинальная черта древнерусского некрополя Успенского собора. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с элитной его частью. Трудно точно судить о полной величине кладбища (бесспорно, количество престижных погребений было значительно большим), однако и количество уцелевших захоронений убедительно свидетельствует об особом статусе некрополя, поскольку ни в одном из киевских и вообще древнерусских храмов такой концентрации саркофагов нет, обычно встречается один-два, реже три-четыре саркофага. Вряд ли это можно объяснить лучшей сохранностью собора – его историческая судьба была не более удачной, чем у большей части храмов XI–XIII вв. Обилие саркофагов объясняется, конечно, высоким престижем обители в среде правителей Древней Руси и сменявших ее государственных образований, социальной важностью погребения в главном храме Печерской лавры.

Отсюда – важность истории развития топографии этого христианского некрополя. Выделенные нами в разные категории единичные погребения и группа саркофагов участка главного портала собора являются не более чем вариациями единого принципа погребальной практики: это индивидуальные погребения, совершаемые по мере потребности, независимо одно от другого. Однако абсолютное большинство их тяготеет к западной части церкви: только 4 саркофага из 15 расположены восточнее линии нартекса, причем два из них остаются вблизи нее. Такое размещение, на наш взгляд, отражает первоначальное, еще не искаженное временем представление о надлежащем расположении погребений в храме. В структуре членения сакрального пространства восточная часть церкви воспринималась как место пребывания Христа и, в целом, как воплощение светлого начала христианского космоса, а противоположная ей западная часть соответственно как средоточие земных смыслов бытия. В такой системе координат именно западный участок храма, прежде всего нартекс, воспринимался как место надлежащего и престижного погребения.

Концентрация погребальных сооружений в районе входа может иметь еще одно объяснение. В монастырской среде такое погребение могло осмысливаться в духе сугубого подвижничества, посмертного продолжения аскезы, подвига самоуничтожения (среди многих легенд о таком погребении есть предание о завещании первого византийского императора Константина Великого похоронить себя у порога построенного им храма Св. Апостолов с тем, чтобы и после смерти указывать подданным верный жизненный путь). Если принять такое объяснение, то в концентрации саркофагов на трассе главного входа в Успенский собор можно видеть дополнительный признак самого престижного участка некрополя главного храма монастыря. Подобным образом можно объяснить и размещение саркофага № 10 на линии южного входа в собор.

Михайловский придел. Интересную информацию дали работы в Михайловском приделе XI в. Археологические раскопки здесь ранее не проводились, поскольку его занимало подземное помещение отопительной системы XIX в. Оказалось, однако, что у северной стены придела сохранились незначительные участки культурного слоя. На площади в 12 м² были выявлены остатки пяти погребений в колодах, располагавшиеся двумя группами вдоль внутреннего обреза фундаментов собора. Западная группа состояла из двух почти истлевших захоронений, которые можно было проследить только в самых общих деталях. Три захоронения восточной группы сохранились лучше: две колоды (размеры 1.8–1.9 × 0.3–0.4 м), одна из которых зафиксирована в практически неповрежденном виде, располагались непосредственно на

выступе верхней плоскости фундаментов XI в. Еще одно погребение, совершенное в обтянутой кожей колоде, вплотную примыкало к двум первым с юга и находилось на линии обреза фундаментов. Все отмеченные захоронения в той или иной степени повреждены в ходе ремонтных работ конца XIX в.: ни один из скелетов не удалось зафиксировать в анатомическом порядке (исключая отдельные группы костей); оба черепа найдены отдельно от скелетов; остатков одежды или какого-либо инвентаря не обнаружено.

Результаты стратиграфических наблюдений свидетельствуют, что рассматриваемая группа захоронений формировалась на протяжении определенного, хотя, возможно, и непродолжительного отрезка времени. Самое раннее в комплексе погребение № 3 (его западная часть перекрыта колодой погребения № 1, находившегося под самой стеной придела); наиболее позднее – погребение № 2 в обтянутой кожей колоде (при его совершении сдвинуто погребение № 1 и разрушено погребение № 3). Не исключено, что последнее по времени захоронение располагалось в центральной части Михайловского придела и перенесено под его северную стену в процессе ремонтных работ конца XIX в.

Все захоронения засыпаны гумусированным грунтом, содержавшим значительную примесь строительного мусора древнерусского времени. В составе последнего отмечено: несколько фрагментов первоначальной фресковой росписи храма со следами более поздних (в пределах XI–XIII вв.) ремонтов в виде затирки цемяночным раствором; фрагмент кладочного раствора XI в. с включением кусочка стекла; остатки оплавленных свинцовых переплетов оконных рам; более 300 кубиков смальты от настенных мозаик и мозаичных инкрустаций шиферного пола XI в. Явного присутствия строительных материалов более позднего времени здесь не замечено (начиная с XVI в., в ремонтах собора использовались исключительно известково-песчаные растворы). Для Успенского собора такая ситуация совершенно нетипична. Достаточно сказать, что за все годы исследований столь однородный по составу археологический материал здесь встречен только однажды (забутовка саркофага № 4 в древнерусском нартексе церкви).

Характер археологического материала наводит на мысль, что захоронения Михайловского придела совершались до ремонта собора, и следы разрушений первоначального интерьера оставались нерасчищенными. Такая ситуация могла сложиться к середине XIII (после землетрясения 1230 г.) и вряд ли могла существовать позднее середины XVI в., когда князь К. Острожский (1511–1537 гг.) провел в храме значительные ремонтные работы. Более конкретно ситуацию следует соотносить либо с временем перед реставрацией Симеона Олельковича (1470 г.), либо перед ремонтом К. Острожского.

Последняя датировка представляется более приемлемой. В ее пользу свидетельствуют результаты антропологического изучения погребений (Козак, 2001). Оказалось, что два из четырех антропологически изученных погребений Михайловского придела имели признаки трепонематозной инфекции. Оба скелета, принадлежавшие мужчинам 20–25 и 40–45 лет, сохранились довольно полно. В первом случае на черепе зафиксированы гуммозные специфические изменения, проявляющиеся гниющими язвами, а на костях плечевого пояса, рук и ног – значительные наслоения новообразованной кости. Кое-где отмечены и незажившие гуммы. По критериям современной диагностики болезни, перечисленные признаки свидетельствуют о наличии приобретенного сифилиса в третичной форме, а наличие различных стадий у одного и того же индивида – о рецидивах болезни. Важно подчеркнуть и силу проявления заболевания, а именно патологические изменения в суставах и на внутренней поверхности черепа, указывающие на развитую форму болезни, при которой поражается нервная система человека. Еще более многочисленные и выраженные патологические признаки аналогичного порядка зафиксированы во втором из рассматриваемых случаев (хотя точность диагноза здесь несколько проблематична).

Особого внимания заслуживает то, что в первом из приведенных случаев зафиксировано такое клиническое состояние болезни, какое обычно развивается в течение десятилетий после заражения. Учитывая молодость индивида, длительное развитие болезни исключается; не может здесь идти речи и о наследственном происхождении заболевания. Ключ к решению этой парадоксальной ситуации, очевидно, следует искать в принципиальном положении современной эпидемиологической теории, согласно которому необычайно быстрое следование вторичных и третичных признаков (при которых происходит поражение костей) за первичными изменениями является характерной особенностью эпидемии конца XV – начала XVI в.

Только чрезвычайно сильное развитие болезни в столь молодом возрасте может объяснить поражение костей в первые же недели заболевания. Современники эпидемии (с ними согласна часть современных исследователей) считали ее началом 1493 г., когда армию Карла VIII, осаждавшую Неаполь, поразила “страшная болезнь”, вынудившая короля отойти от города и распустить войско по домам. Вместе с солдатами, многочисленными паломниками и переселенцами сифилис распространился по всей Европе (Ковнер, 1896). По имеющимся данным, эпидемия продвигалась с юга и юго-запада на северо-восток и восток. Более того, судя по тому, как называли эту болезнь в разных странах, можно проследить и детальную хронологию и конкретные направления ее движения. Так, например, французы называли ее “неаполитан-

ской болезнью (*mal de Naples*)”, поляки – “немецкой”, чехи – “испанской” и “венгерской”, русские – “польской”. Письменными источниками зафиксировано, что в 1493 г. сифилис через Италию и Польшу проникает в Литву. В Краков “болезнь французскую” принесла из Рима некая женщина, а затем, в 1495 г. ее занесли из Венгрии “военные люди” (Янкаускас, 1992). Известно, что в 1499 г. Иоанн III пытался узнать через своего посланника в Литве Ивана Мамонова “не приезжал ли в Вязьму из Смоленска кто-нибудь больной тою болезнью, что болячки мечутся и слывет французскою и говорят, будто бы в вине ее привезли” (Соловьев, 1983. С. 176). Протекавшая тогда война между Москвой и Литвой, несомненно, должна была ускорить проникновение болезни в Россию. Примечательно, что полвека спустя лейбмедик царя Алексея Михайловича Коллинс высказывался по этому поводу уже вполне определенно: “Вся Польша заражена болезнью. Русские, завоевав Вильно и многие другие города и области Польши, ... взяли в плен и госпожу *lues Venera* и, вероятно, провладеют ею дольше, нежели городами. Прежде этой войны она вовсе не была известна” (Ковнер, 1896).

Очевидно, что появившаяся в Польше, Литве и России эпидемия вряд ли могла обойти стороной Киев, который во времена Великого княжества Литовского играл важную роль в культурной, политической и религиозной жизни восточнославянских земель (Ивакин, 1996. С. 105–107, 174). Во всяком случае, итальянский врач XVI в. Джераламо Фракасторо, описывая распространение эпидемии 1494–1516 гг., в перечне охваченных ею стран упоминает и “Скифию” (одно из тогдашних обозначений территории современной Украины). Возможно, именно этот исторический момент фиксируют два погребения Михайловского придела Успенского собора.

Завершая характеристику некрополя по результатам исследований 1997–2000 годов, остановимся на такой категории находок, как надгробные памятники. На разных участках Успенского собора (преимущественно, в районе восточного и западного фасадов собора) собрано около двух десятков целых и фрагментированных надгробий XVII–XVIII вв., изготовленных из шиферных плит древнерусского пола собора или из блоков песчаника (рис. 8). К сожалению, ни одно из надгробий не сохранило первичной связи с соответствующим погребением, все – в переотложенном (часто неоднократно переотложенном) состоянии. Посвятительные надписи называют в основном иеромонахов Печерского монастыря и представителей козацкой старшины XVII–XVIII вв.

Особого внимания заслуживает надгробие с посквятигельной надписью на греческом языке (найдеено в районе разборки дверного проема южного ризалита XVIII в., под слоем консервационной кладки 70-х годов XX в.; продольной осью плита

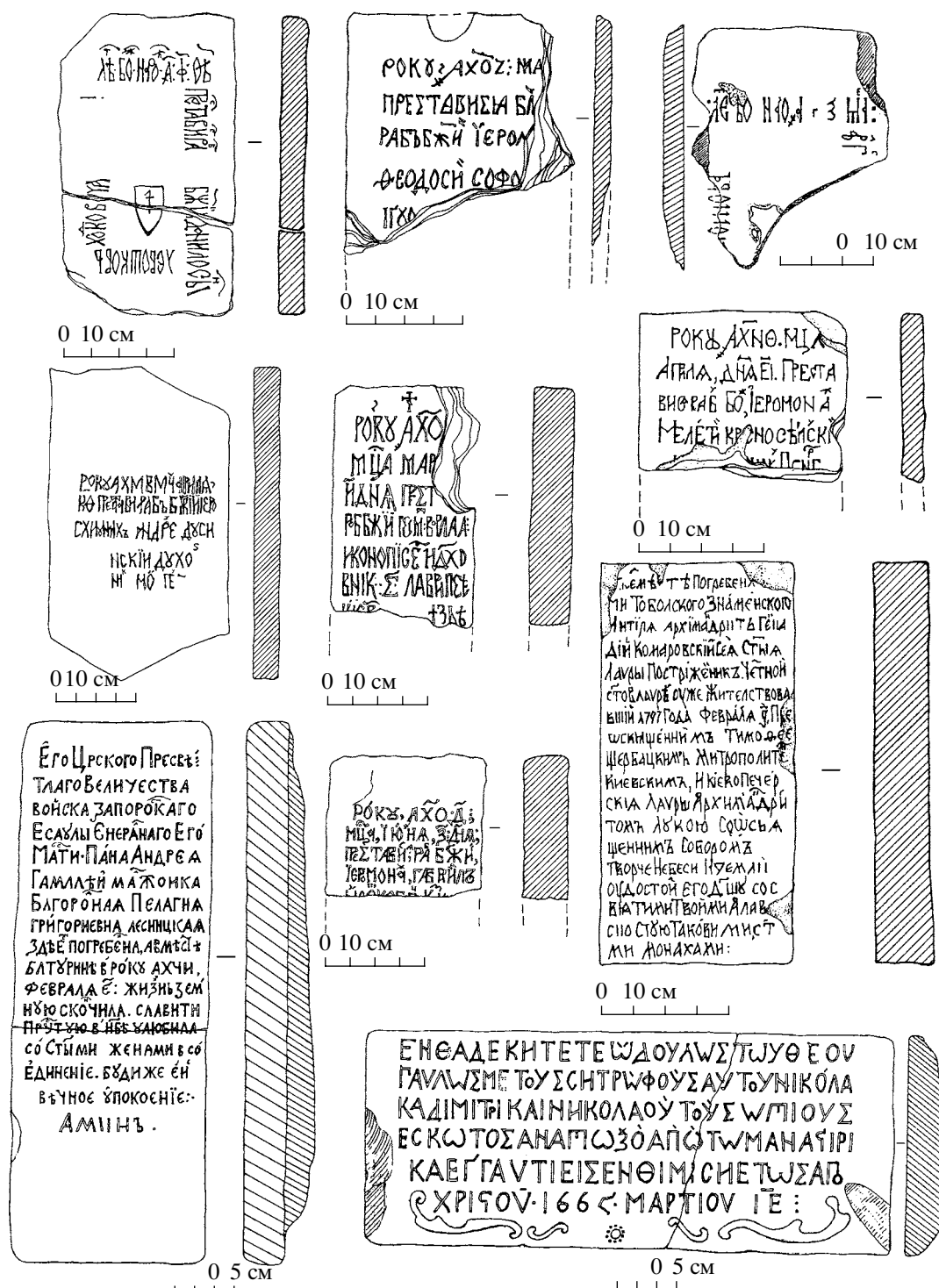

Рис. 8. Надгробия успенского некрополя XVII–XVIII вв.

располагалась по линии фундаментной ленты храма, лицевой поверхностью вверх). Погребение, вероятно, находилось перед западным фасадом собора; возможно, при ремонте 1722–1729 гг., когда храм значительно расширили в западном направлении, оно было разрушено (или перенесено), а надгробие, утратившее связь с захоронением, ис-

пользовано в качестве порога одного из западных входов в Успенский собор.

Надгробие изготовлено из блока овручского сланца (131 × 55 × 4 см). Надпись выполнена в шесть строк, расположенных по продольной оси плиты. Отступ снизу и сверху текста не превышает 2–3 см, слева и справа – 10 см. Высота букв – 5.5–

6.0 см. Буквы вырезаны четко и читаются без затруднений. Снизу текст обрамлен стилизованным растительным орнаментом в виде двух завитков, расположенных зеркально относительно центра плиты, отмеченного кружком (диаметр 2.5 см) с 10 точками вокруг него (рис. 8).

Текст содержит 32 (34?) слова и две даты, одна из которых записана цифрами – 1665 г., а вторая – буквами: ІЕ (15). Надпись в переводе означает: “Здесь лежит раб Божий Павел со своими товарищами Николаем, Димитрием и Николаем, которых убили снаружи за монастырем, и записаны они на помяновение. Год от Христа 1665, 15 марта”.

По заключению А.Ю. Виноградова, текст составлен на греческом языке, точнее на его варианте, переходным между византийским и новогреческой кафаревсой². Орфография надписи типична для поздне- и поствизантийского времени. Это, прежде всего, итацизм, а также смешение омикрона и омеги, дифтонга альфа-йота и эпсилона. К явлениям поствизантийской эпиграфики надо отнести и употребление арабских цифр вместо букв в обозначении года (при сохранении традиционного написания в числе месяца). Ряд букв или даже их сочетаний опущен. Нерегулярно употребляются ударения и придыхания. Ряд признаков связан с особенностями русского произношения, что может свидетельствовать о славянском происхождении резчика. По этим признакам надпись можно считать типичной для XVII в. (близкая аналогия – надгробие Панайотиса 1647 г. из Никольского монастыря Москвы).

В заключение подчеркнем, что археологические исследования 1997–2000-х годов практически закрыли последнюю страницу полувекового архитектурно-археологического исследования Успенского собора. Условия современной практики охраны и использования историко-культурных памятников таковы, что возможность дальнейшего археологического исследования “восстановленно-

го в натуре” Успенского собора в ближайшие десятилетия сомнительна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Івакін Г.Ю. Історичний розвиток Київa XIII–XVI ст. Київ, 1996.
- Івакін Г.Ю., Балакін С.А. Поховальний комплекс XV ст. у нартєксі Успенського собору Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. Вип. 2. Київ, 1999.
- Івакін Г.Ю., Балакін С.А. Погребения в шиферных саркофагах Успенского собора Киево-Печерской лавры // Церковные древности. Симферополь, 2005.
- Ковнер С. Сифилис в древности и в средние века. Киев, 1896.
- Козак О.Д. Сифіліс у середньовічному Києві // Археологія. № 4. Київ, 2001.
- Мовчан І.І. Археологічні дослідження на Видубичах // Стародавній Київ. Київ, 1975.
- Потєхіна І.Д., Козак О.Д. Краніологічні та палеопатологічні дослідження поховань Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження на Україні у 1998–1999 р. Київ, 1999.
- ПСРЛ. Т. 35. М., 1980.
- Сіткарьова О.В. Успенський собор Києво-Печерської лаври. Київ, 2000.
- Сиром'ятников О.К. Нове у техніці виготовлення віконних рам давньоруського часу (за матеріалами археологічних досліджень Успенського собору) // Лаврський альманах. Вип. 2. Київ, 1999.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. 5. М., 1983.
- Харламов В.О. Дослідження Успенського собору Києво-Печерської лаври 1986 р. // Стародавній Київ. Київ, 1993.
- Холостенко Н.В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры // СА. 1955. № 23.
- Холостенко Н.В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство древней Руси. Л., 1967.
- Холостенко М.В. Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. Київ, 1975.
- Холостенко М.В. Нові дослідження Іоанно-предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976.
- Янкаускас Р. К антропологии средневекового города // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций М., 1992.

Architectural and archeological investigations of the Cathedral of the Dormition in the Kievo-Pecherskaya Lavra, 1997–2000

G. Yu. Ivakin, S. A. Balakin

Summary

The article gives a survey of the most interesting results of architectural and archeological investigations at the Cathedral of the Dormition in the Kievo-Pecherskaya Lavra in the years 1997–2000. The article is mainly focused on characteristics of funeral monuments in the cathedral, primarily burials in slate sarcophagi, compact groups whereof were discovered in the Southern part of the 11th-c. narthex and around the main entrance. The article also considers the “problematic” burials in the side-chapel of St. Michael and some of the grave-stones in the Dormition necropolis discovered during the investigations.

ШТАМПОВАННЫЕ ФИГУРАТИВНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ КЕРАМИКЕ X–XIII ВВ. (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА)

© 2007 г. Н. Ю. Вишневская

Государственный музей Востока, Москва

В собрании отдела археологии Государственного музея Востока (ГМВ) хранится коллекция керамических сосудов и фрагментов, украшенных штампованным орнаментом. Некоторые изделия оттиснуты в орнаментированных формах – колыбах, однако большая часть декорирована оттисками отдельных штампов. Преобладают орнаментальные мотивы, но выделяется серия фигуративных штампов. Предметы этой серии являются темой настоящего исследования. Все они происходят из Средней Азии и относятся к периоду X–XIII вв. Экспонаты поступили в музей от коллекционеров, вещи найдены вне археологического контекста, что затрудняет их датировку и привязку к определенному памятнику. Характер гончарного теста практически одинаков для изделий X–XIII вв. и не является датирующим признаком. Уточнение осуществляется по форме сосуда, особенностям орнаментации, по аналогии с хорошо датированными изделиями того же типа. Экспонаты этой серии были переданы в ГМВ археологом Б.Н. Кастальским в 1930-е и собирателем А.И. Смирновым в 1960-е годы. Их деятельность была в основном связана с Самаркандом и его округой. В ряде случаев место находки зафиксировано точнее. Часть экспонатов публикуется впервые. Сюжеты штампов можно подразделить на несколько категорий.

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРАБЛЯ

Два керамических фрагмента (инв. № 1736 III и 1923 III) с изображениями корабля в круглом медальоне, оттиснутыми одним штампом (рис. 1, 1). Оба они происходят из коллекции Кастальского и были найдены на Афрасиабе. Опубликовав один из них, Б.В. Веймарн поместил его фотографию вверх ногами и определил как правдоподобное изображение дикобраза (1940. С. 54. Ил. 28). Анализ данного экспоната посвящена отдельная статья (Вишневская, 2002. С. 102–108). Фрагменты являются частью стенки одного керамического сосуда большого диаметра, на котором оттиснуты медальоны диаметром 3 см. Частично реконструируется схема орнамента: горизонтальный гребенчатый пояс, над ним пояс штампованных медальонов, разделенных прочерченным зигзагом.

Корчаги, украшенные подобным образом, известны на Афрасиабе в X в. (Вяткин, 1928. С. 33, 34. Табл. II), но широкий гребенчатый орнамент встречается и в XII в. (Шишкина, 1979. Табл. XXXVI, 18). Изображение корабля на керамическом штампе в Средней Азии встречено впервые. Корабль изображен полностью и удачно вписан в круг. Округлое днище не скрыто линией воды, более того – подчеркнуто зубчатой дугой. Нос и корма приподняты и завершаются скругленными утолщениями. Отчетливо видна мачта с горизонтальной реей для крепления прямого паруса. Справа под днищем судна изображены рулевое и три гребных весла. Зубчатый предмет, расположенный слева под носом, можно интерпретировать как якорь.

Поиск аналогий штампу из коллекции ГМВ затрудняется редкостью сюжета. Изображения кораблей в археологических памятниках Средней Азии единичны. В Хорезме при раскопках крепости Кой-Крылган-кала IV–III вв. до н.э. были найдены комья глины с оттисками печатей (Кой-Крылган-кала..., 1967. С. 218). На одном из них, видимо, изображен корабль, однако разобрать детали не удастся. При раскопках буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе, в слое конца IV – начала V в. обнаружен фрагмент глиняной буллы с оттиском геммы с изображением речного военного транспортного судна. Эта находка детально изучена Б.Г. Петерсом (1996. С. 215. Рис. 66). Более близких параллелей в археологическом материале Средней Азии найти не удастся.

Обратимся к типу изображенного на штампе корабля. Скорее всего, на сосуде из Афрасиаба изображено морское торговое судно смешанного типа (парусно-гребное). Рассматриваемый тип судна появился еще в древности, в конце IV – начале III в. до н.э. (Петерс, 1982. С. 40–42). Окончательно конструкция морского торгового корабля складывается в позднеримское время (II–IV вв.) и остается практически неизменной вплоть до развитого средневековья (Cassol, 1995. P. 175; Dembski, 2000. S. 62. Abb. 13. № 219).

В арабо-мусульманском мире изображения кораблей встречаются на книжных миниатюрах, да-

тирующихся не ранее XIII в. (Grey, 1961. P. 14). При этом изображается сходный тип кораблей, но в совершенно иной манере: линии корпуса угловатые, горизонтальный уровень воды скрывает днище судна, вся композиция рассчитана на прямоугольник книжной страницы. То, что корабль на штампе из Афрасиаба столь умело вписан в круг медальона, заставляет обратиться в поисках возможных иконографических аналогий к материалам нумизматики и сфрагистики. Наиболее близко иконографически изображение на печати гильдии парижских торговцев XII–XIII вв. (рис. 1, 3). Совпадают не только тип и очертания корабля, но и один характерный элемент: морские волны переданы в виде дуги под днищем корабля, состоящей из зубцов скругленного абриса (Villefosse, 1963. P. 66). Дуга из треугольников на афрасиабском штампе – видимо, геометризованное изображение волны. Парижская печать имеет более ранний прототип. Это поздне римская монета IV в. с изображением морского корабля (рис. 1, 4). Нос и корма приподняты и отогнуты наружу, округлое днище окаймлено дугой волны (Cassol, 1995. Fig. 169). Монеты – весьма мобильная и долго бытующая категория вещей. Допустимо предположить, что римская монета IV в. могла повлиять на иконографию как французской печати, так и среднеазиатского керамического штампа X в., при этом вполне вероятно существование неких промежуточных звеньев. Черты сходства с афрасиабским штампом находим в серии южноиндийских монет римского времени (рис. 1, 2). На них одинаково изображен корпус корабля с характерными утолщениями носа и кормы (Schiingloff, 1992. S. 57. Abb. 4). Вопрос о непосредственном прототипе изображения корабля на штампе из коллекции Кастальского остается пока открытым, но влияние монетных образцов представляется несомненным.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВСАДНИКА

В собрании отдела археологии ГМВ хранятся фрагменты хума (инв. № 5059 III) с изображениями всадника в круглых медальонах диаметром 3,8 см, оттиснутых одним штампом на его стенках (рис. 2, 1). Все фрагменты были найдены в Термезе А.И. Смирновым и переданы в музей в 1965 г. Разбору иконографии изображения посвящена специальная статья (Вишневская, 2004. С. 62–66). Изображение всадника плотно вписано, буквально втиснуто в круг, копыта коня опираются не на горизонталь условной поверхности, а на окружность рамки медальона. Тонкими линиями проработаны грива и челка, видны два уха. Хвост завязан узлом и украшен бантом. Выделен повод на шее лошади, на крупе обозначен потник и придерживающий его ремень. Туловище и голова всадника развернуты анфас. Черты лица слабо обозначены. На голове диадема, свисающий конец которой отчетливо виден над левым плечом. Из деталей костюма отме-

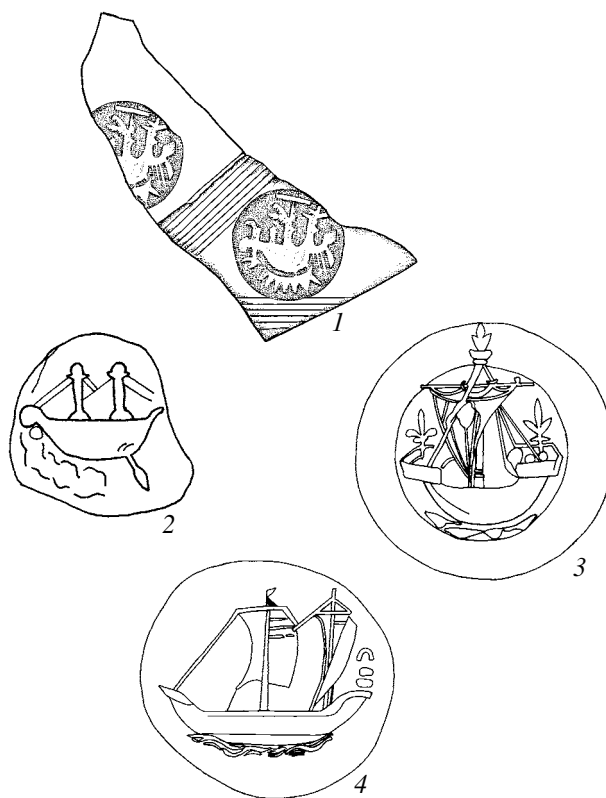

Рис. 1. Сюжет “Изображение корабля” и аналогии: 1 – оттиск штампа; 2 – монета римского времени, южная Индия; 3 – печать, Франция, XII–XIII вв.; 4 – римская монета IV в. н.э.

тим также ворот кафтана и широкие штаны, заправленные в сапоги. Некоторые из перечисленных деталей (диадема с лентой, хвост лошади, завязанный узлом и украшенный бантом) архаичны и характерны для сасанидского искусства.

В левой руке всадник держит некий веретенообразный предмет с отходящей от него вправо деталью. Если интерпретировать его как меч, становится совершенно непонятным “отросток” от предполагаемого лезвия меча. Но существует другой излюбленный в исламском искусстве сюжет соколиной охоты, тогда атрибут на левой руке всадника можно рассматривать как схематично изображенную фигуру птицы, повернутой в профиль. В этом случае непонятная деталь справа является крылом. Подобная манера упрощения фигуры птицы известна на керамических изделиях Средней Азии в раннем средневековье. Птица, которую держит на ладони персонаж, на терракотовой плитке из собрания Эрмитажа (Мешкерис, 1977. С. 65. Табл. XVIII, 1) практически идентична нашей. К простому трилистнику из линзовидных фигур сведена в результате последовательного упрощения фигура орла, расположенная между арками на оссурии (Пугаченкова, 1987. С. 95, 105). Видимо, мы имеем дело с редкой на керамике, но достаточно распространенной на других типах из-

Рис. 2. Сюжет “Изображение всадника” и аналогии: 1 – оттиск штампа; 2 – медальон, Иран, X – начало XI в.; 3 – блюдо, Иран, VIII в.

дений сценой царской соколиной охоты. В изобразительном искусстве этот сюжет появляется лишь в исламское время (Ghirshman, 1962. Р. 237). В Иране одно из наиболее ранних изображений мы видим в росписи IX в. во дворце в Нишапуре (Wilkinson, 1986. Р. 207. Fig. 240). В это же время сцены охоты с ловчими птицами появляются на тканях, керамике, печатях, изделиях торевтики. Сюжет не имеет еще своей устоявшейся иконографии. Так, на чаше X в. из Нишапура всадник держит в одной руке поводья и сокола, а в другой – поднятый меч (Sourdel, 1968. Р. 380. № 139), т.е. в хорошо знакомую изобразительную схему царской охоты с мечом помещен новый элемент – ловчая птица. Фигура всадника на бронзовой печати VIII в. из замка № 9 Беркут-калинского оазиса в точности повторяет иконографию хорезмийских монет Афригидской династии, но если на монетах всадник держит ногойку, то теперь на его руке сидит птица (Неразик, 1966. С. 151. Рис. 67, 11).

К X – началу XI в. иконография сцен охоты с ловчими птицами уже сформировалась. В декоре неглазурованной керамики Средней Азии сцена соколиной охоты изображена на штампованном медальоне сосуда XI–XII вв. из Мерва (Пугаченкова, Елькович, 1956. С. 58, 59). Иконографически наиболее близок нашему штампу иранский золотой медальон X – начала XI в. (рис. 2, 2) (Frye, 2000. Fig. 8). Р. Фрай относит эту композицию к архаиче-

Рис. 3. Сюжет “Фантастические существа” и аналогии: 1 – оттиск штампа; 2 – изображение на кувшине, Иран, VI–VII вв.; 3 – блюдо, Иран, VII в.; 4 – фрагмент сосуда с оттисками штампа; 5 – изображение на блюде XI в.

скому доисламскому стилю. Иконография золотого медальона восходит к изображению всадника на блюде начала VIII в. из Эрмитажа (рис. 2, 3) (Луконин, 1977. С. 170), позднему варианту многочисленных в искусстве Ирана сцен царской охоты. Для изделий XII в., в том числе штампа на сосуде из Мерва (Пугаченкова, Елькович, 1956. С. 58, 59) и медной монеты султана Санджара (Catalogue of antique..., 2000. Р. 44. № 69), характерны “зжатость” фигур лошади и всадника в рамке медальона и отсутствие даже намека на условную горизонталь поверхности. Эти детали позволяют предположительно датировать сосуд из ГМВ XII в.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

Сенмурв-дракон. Фрагмент стенки сероглиняного сосуда, кувшина или кружки (инв. № 2329 III) со штампованным изображением, заключенным в круглый медальон диаметром 4 см. Оттиск штампа на налесте расположен между двумя горизонтальными прочерченными полосами (рис. 3, 1).

Тонкостенные кружки с оттисками штампа характерны для XII–XIII вв. Изображенное на штампе фантастическое существо вписано в круг и заполняет все поле медальона. Передняя часть фигуры частично затерта, но видно, что это синкретическое крылатое существо с львиным крупом и хвостом, процветшим на конце. Крыло резко загнуто вперед и вверх. Голова, скорее всего, принадлежит собаке, видно ухо и высунутый язык, передняя лапа поднята. Между крылом и шеей помещен трилистник. Перед нами гибрид двух излюбленных в сасанидском искусстве персонажей – сенмурва и дракона. Голова и передняя поднятая лапа характерны для традиционной иконографии сенмурва (рис. 3, 2) (Луконин, 1977. С. 193), а задняя часть туловища и процветший кончик хвоста типичны для фигур грифонов и драконов (рис. 3, 3) (Луконин, 1977. С. 201). Изогнутое крыло изображалось сходным образом у обоих животных. Трилистник между крылом и шеей свидетельствует о попытке воспроизведения растительного орнамента, украсившего некоторые изделия согдийской торевтики (Belenizki, 1980. Abb. 14). Мастерская компоновка изображения в круге объясняется отработанной на металлических изделиях и тканях схемой. Приверженность к композициям в круге В.П. Даркевич считает традиционным сасанидским признаком (1976. С. 75). Подобные изображения на средневековой керамике встречаются нечасто, отметим гораздо более примитивно выполненную фигуру сенмурва на фрагменте сосуда XI–XII вв. из Самарканда (Ремпель, 1978. Табл. 119).

Дева-птица. Фрагмент кувшина (инв. № 2328 III) со штампованными изображениями “сирен” (рис. 3, 4). Форма сосуда указывает на дату XI–XII вв. Этот экспонат найден в Самарканде, был опубликован (Пугаченкова, Ремпель, 1965. С. 213, 685. Рис. 223). Фигуры сирен высотой 4,7 см выполнены в условной манере, черты лица не проработаны, оперение передано выпуклыми точками и штрихами. Выделены пряди волос, на головах зубчатые венцы. Образ девы-птицы относится скорее к греческому и индо-буддийскому мифологическому кругу, в Иране их изображения не были распространены. В раннесредневековом Согде они появляются в монументальном искусстве: вспомним ганчевую скульптуру Варахши (Шишкин, 1963. С. 175. Ил. 85–91), деревянную скульптуру и росписи Пенджикента (Belenizki, 1980. S. 148, 195). В исламское время изображения сирен очень популярны и встречаются на различных изделиях декоративно-прикладного искусства (Даркевич, 1976. С. 115. Табл. 37, 2). Под влиянием арабского фольклора сюжет приобретает преимущественно народный, сказочный характер (рис. 3, 5). Развитие образа и иконографии девы-птицы подробно анализируется в статье А.А. Хакимова (1983. С. 101–103).

Рис. 4. Сюжет “Сцены терзания” и аналогии: 1 – оттиск штампа; 2 – сасанидские геммы IV в. н.э.; 3 – изображение на ахеменидском блюде V–IV вв. до н.э.; 4 – оттиск штампа; 5 – оттиски гемм на буллах парфянского времени; 6 – изображение на сасанидском сосуде VI–VII вв.

СЦЕНЫ ТЕРЗАНИЯ

Налеп на сосуд (инв. № 2343 III) с оттиском керамического штампа в виде круглого медальона диаметром 5,5 см. Фрагмент сосуда покрыт полупрозрачной бирюзовой поливой без ангоба, что типично для среднеазиатских глазурованных изделий XII в. (Шишкина, 1976. С. 51). Рамка медальона оформлена радиальными насечками. В нижней части поля фигура зебувидного быка (рис. 4, 1). Над быком помещено изображение кошачьего хищника. Голова животного развернута анфас, видны глаза и нос, на задних лапах явно выделены когти, хвост загнут к голове. Справа у самой рамки медальона просматривается непонятный элемент, возможно лунница.

Перед нами очень поздний вариант древнейшего сюжета – *терзание быка зебу кошачьим хищником*. В.Г. Луконин считает зебувидного быка в иранской мифологии воплощением “первозданного быка” (1977. С. 159, 209), а сцену нападения льва на быка – древневосточным символом равноденствия (1977. С. 68). Ряд исследователей рассматривают сцены терзания хищником травоядного как борьбу небесного, огненного начала с олице-

Рис. 5. “Геральдические” композиции и аналогии: 1 – пята светильника с оттиском штампа; 2 – пята глазурованного светильника с оттиском штампа; 3 – оттиск штампа; 4 – фрагмент глазурованного сосуда, Самарканд, XI в.

творением плодородных сил земли, еще шире – как преобразование через уничтожение (Раевский, 1985. С. 151–153; Рапопорт, 1977. С. 63; Фрай, 1972. Рис. 27). Подобные сцены известны в искусстве Ирана как в монументальном искусстве (знаменитые рельефы дворца Персеполя), так и на изделиях торевтики (рис. 4, 3) (Ghirshman, 1963. P. 193. Fig. 240. P. 259. Fig. 313). Сюжет и иконография сохранились на постсасанидских изделиях из металла почти в неизменном виде, например на блюде VIII – первой половины IX в. (Орбели, Тревер, 1935. Табл. 30; Даркевич, 1976. С. 75–78. Рис. 27). Во всех перечисленных случаях речь идет именно о сценах терзания. Изображения на сасанидских печатях предлагают нам другую иконографическую схему – момент нападения. На геммах IV – начала V в. из погребений могильника Алтынасар лев изображен в прыжке (рис. 4, 2) (Левина, Никитин, 1995. С. 111. Рис. 2, 2, 3). Изображенная на нашем медальоне сцена, несомненно, ближе к этой схеме. Более того, вся картина носит вполне мирный характер. Возможно, это свидетельствует об утрате изначального смысла изображаемого сюжета.

Фрагмент тонкостенного столового сосуда (инв. № 2351 III) с оттиснутым на стенке круглым медальоном в двойной рамке диаметром 1.8 см (рис. 4, 4). В поле медальона помещена фигура четвероногого животного с повернутой назад головой, на крупе которого стоит птица. Условность и миниатюрность изображения, потертость штампа

не позволяют с уверенностью определить, о каком именно звере идет речь. Скорее всего, изображено копытное животное. Как бы то ни было, сама иконографическая схема подсказывает, что перед нами сцена *терзания травоядного животного хищной птицей*. Не касаясь семантики сюжета, отмечу лишь, что он был широко распространен в иранском мире, причем как в искусстве имперского Ирана, например на сасанидском кувшине V–VI вв. (рис. 4, 6) (Луконин, 1977. С. 194), так и на изделиях скифского круга – золотые накладки ритонов V–IV вв. до н.э. из Семибратнего кургана (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 220). Наиболее близкие параллели нашему изображению мы находим в оттисках печатей на буллах парфянского времени с городища Старая Ниса (рис. 4, 5) (Пилипко, 2001. С. 318, 319. Рис. 229, 5, 6). Нельзя исключить, что для украшения нашего сосуда была использована гемма-печать. На эту возможность косвенно указывает необычно малый размер штампа и стилистическое сходство изображения с изделиями глиптики.

“ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ” КОМПОЗИЦИИ

Пята неглазурованного светильника-чирога (инв. № 2345 III), размером 4.5 × 3.5 см (рис. 5, 1). На каплевидной площадке оттиснуто изображение двух кошачьих хищников с процветшими хвостами по сторонам мирового дерева.

Пята светильника-чирога (инв. № 2349 III), размером 4.5 × 3.5 см, под зеленой прозрачной глазурью, без ангоба. Относится к тому же типу, что и предыдущий фрагмент. На площадке штампованное изображение двух птиц по сторонам мирового дерева (рис. 5, 2). Оба фрагмента датированы XII – началом XIII в. (Terres secrètes..., 1993. P. 144. № 292, 294). Подобные композиции на пята светильника типичны для среднеазиатских памятников. Мифологема “животные у мирового дерева” изучена столь подробно (Топоров, 1991. С. 398–406; Раевский, 1985. С. 111–115), что нет необходимости повторяться.

Фрагмент неглазурованного сероглиняного сосуда (инв. № 2344 III) с оттиском штампа в виде круглого медальона диаметром 5 см, обрамленного гладким валиком (рис. 5, 3). Поле медальона разделено пополам по линии диаметра двумя выпуклыми параллельными линиями. В каждой части помещено очень схематичное изображение кошачьего хищника с отогнутым к голове хвостом. Остальное пространство заполнено треугольниками и выпуклыми точками. В доисламском искусстве мне не известны композиции подобного рода. Наиболее близкая аналогия – глазурованный штампованный медальон (рис. 5, 4) из Самаркандского музея. А.А. Хакимов датирует его XI в. Полагаю, что перед нами предельно схематизированное изображение того же самого мирового дерева. Оба штампованных изображения очень близки композицион-

но и стилистически, что позволяет уточнить дату нашего экспоната.

ФИГУРЫ ЖИВОТНЫХ

Кошачьи хищники. Фрагмент стенки сероглиняного сосуда, возможно кувшина, с круглым налепом (инв. № 2338 III). На налепе – оттиск штампа в виде круглого медальона диаметром 5 см, обрамленного бордюром из радиальных насечек (рис. 6А, 1). Все поле медальона занято фигурой четвероногого животного. Несмотря на утраты, вполне ясно, что это кошачий хищник. Подчеркнуто выделены когти на лапах, сделана попытка изобразить высунутый из пасти язык, хвост загнут к голове и повторяет изгиб спины. Вздрыбленная шерсть на спине передана короткими штрихами, пятна на шкуре животного – слегка выпуклыми точками.

Отколовшийся от стенки сосуда сероглиняный налеп диаметром 5,2 см (инв. № 2337 III), с оттиском штампа, изображающего кошачьего хищника (рис. 6А, 2). Рисунок очень похож на предыдущий фрагмент. В этом случае сохранилась голова животного, она развернута анфас, сбоку свисает язык. Различия с первым фрагментом минимальные: неодинаковое количество когтей на лапах, шерсть не только на спине, но и на груди, и на морде, пятна переданы не выпуклыми точками, а рельефными кольцами. Количество изображений львов, пантер и других кошачьих в памятниках монументального и декоративно-прикладного искусства огромно. Рассмотрим лишь керамическую чашу IX в. из западного Ирана (рис. 6А, 4). Очевидно, что это очень близкая иконографическая модель, включая такие детали, как пятна на шкуре и шерстинки на груди зверя. Р. Фрай приводит этот рисунок на керамическом сосуде в качестве примера продолжения сасанидской изобразительной традиции (Frye, 2000. Fig. 9). Львы и другие кошачьи встречаются в сасанидской торевтике повсеместно, но по большей части в качестве объекта царской охоты. Есть и другая, более поздняя композиция, в которой львица становится самостоятельной центральной фигурой (рис. 6А, 3). Животное изображается на фоне условного пейзажа, иногда ей сопутствуют другие существа (Тревер, Луконин, 1987. Ил. 59, 113). Первое из этих блюд датируется первой половиной VII в., второе – VII–VIII вв. (Тревер, Луконин, 1987. С. 114, 118). Видимо, именно эта композиционная схема, упрощенная до одной центральной фигуры, послужила прототипом для дальнейших подражаний. При этом сохранились мелкие детали: рельефный бордюр на первом блюде в керамике превратился в пояс косых насечек. Манера изображать пятна на шкуре животного рельефными кружками – характерный для торевтики прием, мы встречаем его в сцене охоты Шапура III на леопарда (Тревер, Луконин, 1987. Ил. 11). Два оттиска штампа на фрагментах толстостенной сероглиняной керамики (инв. № 2340 III, 2341 III) (рис. 6А, 5, 6), по-видимому, представ-

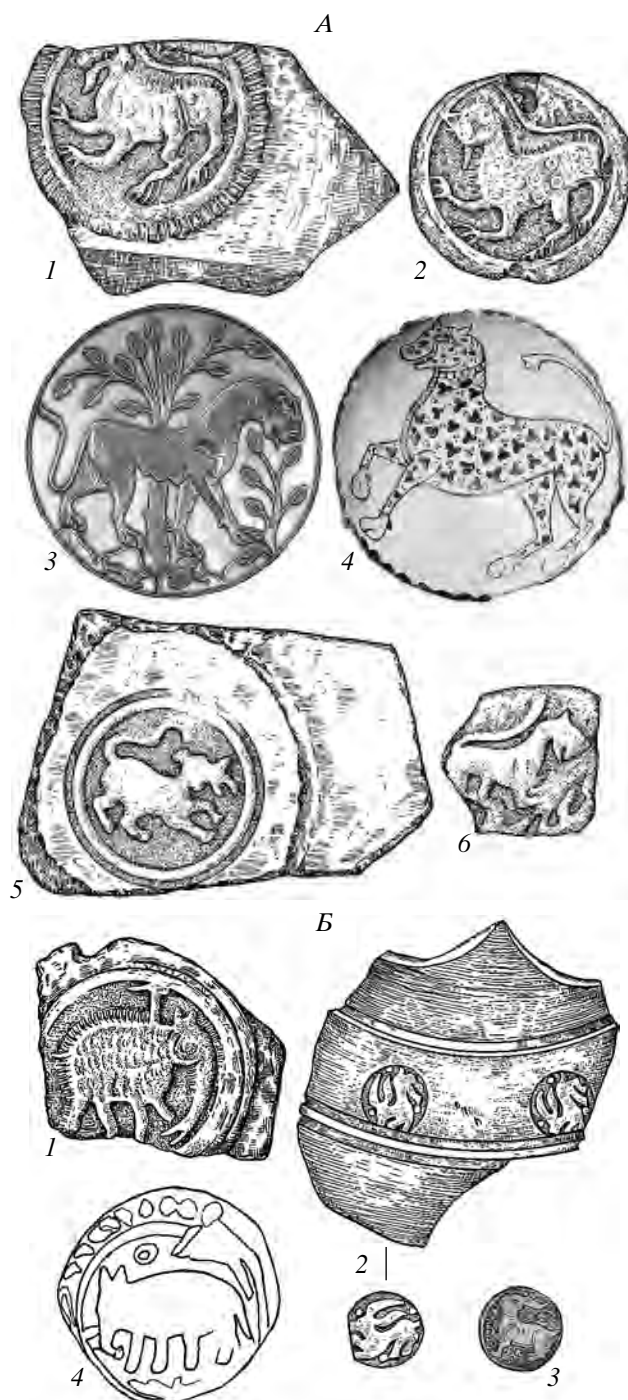

Рис. 6. Сюжет “Фигуры животных” и аналогии. А – Кошачьи хищники: 1, 2 – оттиски штампов; 3 – изображение на сасанидском блюде первой половины VII в.; 4 – керамическая чаша, Иран, IX в.; 5, 6 – оттиски штампов. Б – Слон. Заяц: 1 – оттиск штампа; 2 – фрагмент сосуда с оттиском штампа; 3 – изображение на бронзовом сосуде XI–XII вв.; 4 – изображение на монете султана Санджара.

ляют собой более огрубленный и упрощенный вариант того же сюжета.

Слон. Фрагмент стенки сероглиняного сосуда (инв. № 2321 III). На налепе оттиск круглого меда-

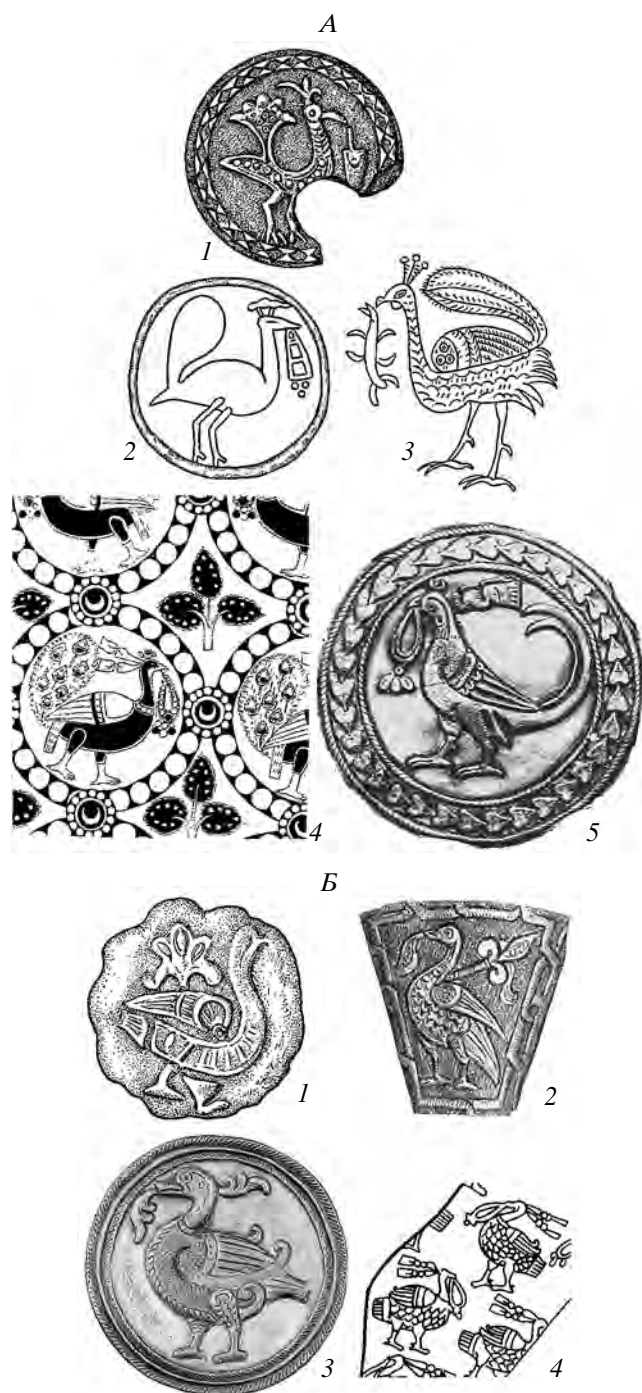

Рис. 7. Сюжет “Птицы” и аналогии. А – павлин: 1 – оттиск штампа на крышке кувшина; 2 – печать, Хорезм, VII–VIII вв.; 3 – изображение на блюде IX–X вв.; 4 – деталь росписи, Афрасиаб, VII в.; 5 – изображение на сасанидском блюде первой половины VII в. Б – гусь: 1 – оттиск штампа; 2 – изображение на кувшине X в.; 3 – изображение на сасанидском блюде VII–VIII вв.; 4 – деталь росписи, Афрасиаб, VII в.

льона диаметром 4,5 см, обрамленного двумя гладкими валиками (рис. 6Б, 1). Все поле занято фигурой слона с длинным, раздвоенным на конце хоботом. На голове – маленькие торчащие ушки, слегка намечен круглый глаз. Слон изображен

очень шерстистым: частые штрихи на спине, ноге и хоботе, рельефные вдавления по всему туловищу. От спины слона вверх отходит вертикальная линия с поперечиной. Возможно, это попытка изобразить некую конструкцию вроде беседки или зонта. О существовании этого экспоната в коллекции ГМВ упомянуто в статье В. Чепелева (1936. С. 51). В 1940 г. В.Б. Веймарн опубликовал фотографию штампа, но без пояснений (1940. Ил. 28). Изображения слонов в Средней Азии появляются не часто, но постоянно, причем в различных видах изобразительного искусства: греко-бактрийский фалар с фигурой боевого слона (Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 213), росписи Афрасиаба (Альбаум, 1975. С. 42. Рис. 9), сцена нападения леопарда на слона из “Красного зала” Варахши (Belenizki, 1980. Abb. 2). Изображения слона известны на медных монетах султана Санджара 1118–1157 гг. (Catalogue of antique..., 2000. Р. 43. № 68). Пояс штампованных фигурок слонов украшает плечики кувшина начала VIII в. из Пенджикента (Древности Таджикистана, 1985. С. 206. № 523). Наиболее близким иконографическим прототипом нашего штампа является изображение на монете султана Санджара (рис. 6Б, 4). Очень характерны небольшие круглые ушки на голове слона, подобная деталь нигде больше не встречается. Подобное сходство может указывать на дату нашего фрагмента – XII в.

Заяц. Фрагмент тонкостенного сероглиняного кувшина (инв. № 3199 III), по плечикам сохранились два оттиска штампа в виде круглого медальона диаметром 1,8 см (рис. 6Б, 2). Полоса штампов заключена между двумя прочерченными линиями. Все поле медальона занимает перевернутое на 90° вправо сильно стилизованное изображение длинноухого зайца. Изображения зайца встречаются очень часто во всех видах декоративно-прикладного искусства: иногда как объект охоты в сценах гона, иногда отдельно. Особенно популярными они становятся в исламский период. Наиболее близок нашему штампу рисунок одного из медальонов на серебряной бутылке XI–XII вв. (рис. 6Б, 3) (Даркевич, 1976. С. 115. Табл. 30).

ПТИЦЫ

Павлин. Дискovidная красноглиняная крышка кувшина (инв. № 2330 III) (рис. 7А, 1). Крышка надевалась на специальную петлю, крепившуюся к венчику и ручке узкогорлого столового кувшина. Этот тип сосудов со свободно скользящей на петле крышкой был широко распространен в Согде в X в. Диаметр крышки 5,8 см, центральный медальон обрамлен бордюром из ромбов и треугольников. Все поле занимает фигура птицы с пышным веерообразным хвостом, на голове высокий хохолок, ноги длинные, с выделенным суставом. В клюве птица держит непонятный предмет. Перед нами вариант излюбленного в сасанидском и согдийском искусстве благопожелательного сюжета –

птица, несущая в клюве ожерелье, венок или гирлянду. Это может быть фазан (рис. 7А, 5), как на сасанидском блюде VI в. (Луконин, 1977. С. 197), или павлин в узоре ткани одежды на росписях Афрасиаба (рис. 7А, 4) (Альбаум, 1975. Табл. LV). В нашем случае это павлин, но выполненный в своеобразной, более условной манере. Это сближает его с резной фигурой птицы на деревянной печати, найденной в хорезмийской крепости VII–VIII вв. Якке-Парсан (рис. 7А, 2) (Неразик, 1963. С. 13. Рис. 7). С ними схож гравированный рисунок павлина на серебряном блюде, видимо IX–X вв., из собрания Эрмитажа (рис. 7А, 3) (Смирнов, 1909. Табл. LXI, 98; LXII, 98). Эта группа изображений, сохраняя общий благопожелательный смысл, иконографически сильно отличается от сасанидо-согдийских образцов: фигуры птиц более вытянуты, ноги длинные и голенастые, предмет в клюве павлина бывает трудно определить. Павлин на нашем штампе выделяется к тому же яркой декоративностью, нарядностью.

Гусь. Налеп, отколовшийся от стенки столового сосуда (инв. № 2331 III), тесто розовое, тонко отмученное, более характерное для изделий IX–XI вв. На налпе диаметром 4,5 см – изображение водоплавающей птицы, гуся или утки, из крыла которой вырастает пальметта (рис. 7Б, 1). Фотография экспоната опубликована Веймарном (1940. Ил. 28). Изображения водоплавающих птиц в искусстве Среднего Востока многочисленны, семантика образа подробно рассматривалась исследователями, в авестийской традиции водоплавающая птица считается главой всех пернатых (Рапопорт, 1977. С. 60–62). В более позднее время сюжет приобрел общий благопожелательный смысл. Наш гусь по своим иконографическим особенностям близок фигуре птицы с сасанидского блюда VII–VIII вв. (рис. 7Б, 3) (Тревер, Луконин, 1987. С. 115. № 27). Отметим, что из шеи птицы вырастает полупальметта. Наибольшее же сходство обнаруживается с фигурами гусей, нарисованных на одежде одного из персонажей афрасиабских росписей (рис. 7Б, 4) (Belenizki, 1980. S. 11). Изображения совпадают до деталей: трехчастное деление крыла, как бы отделенный вертикальной полосой хвостик, шаг птицы. Пальметта над крылом гуся находит аналогию в одном из картушей кувшина X в. (рис. 7Б, 2) (Даркевич, 1976. С. 114, 115. Табл. 27, 2). Круг аналогий позволяет датировать рассматриваемый фрагмент X–XI вв.

Изображения орла. Два фрагмента керамических сосудов с оттисками штампа с изображением орла (рис. 8, 1, 2). Оба фрагмента происходят из коллекции Б.Н. Кастальского. Пугаченкова и Ремпель упоминают об этих штампах, усматривая некое подобие личины на груди птицы. В качестве аналогии они приводят изображение на кружке XII – начала XIII в. с зеленой глазурью из фондов Эрмитажа (Пугаченкова, Ремпель, 1965. С. 214.

Рис. 8. Сюжет “Птицы. Изображения орла” и аналогии: 1–3 – оттиски штампов; 4 – сасанидское блюдо, первая половина VII в.; 5 – изображение на кувшине, Венгрия, X–XI вв.

Ил. 227). В 1998 г. при раскопках на цитадели Афрасиаба сотрудниками нашего музея был найден фрагмент сосуда с идентичным изображением (рис. 8, 3). Перед нами серия из трех фрагментов сосудов с одинаковыми изображениями. В круглом медальоне диаметром 4–4,7 см помещена фигура орла. У него развернутые опущенные крылья, голова повернута вправо, когти в виде полумесяца. Эта центральная фигура обрамлена растительным побегом, в нижней части дополненным меандром. Особое внимание обращает на себя одна деталь: на туловище орла помещена не личина, а изображение сосуда с произрастающими из него двумя побегами – универсальный символ изобилия, процветания и плодородия, например пурнахата в буддийской традиции. В средневековом искусстве Средней Азии изображения орла подобной иконографии и с достаточно необычным атрибутом мне не известны; обратимся к более широкому кругу аналогий.

Образы орлов встречаются в искусстве Евразии с глубочайшей древности и повсеместно. К нашим объектам, как мне представляется, могут иметь отношение две изобразительные традиции. Это, условно говоря, западная, т.е. греко-римско-византийская, и восточная, в первую очередь иранская линии. Обе эти ветви переплетались на всех исторических этапах: взаимовлияния прослеживаются и при Ахеменидах, и в эпоху эллинизма, и в византийско-сасанидский период. Западную линию отличала прежде всего большая реалистичность изображений и твердо определенная семантика. Орел – это птица власти, птица победы. В иранском мире, причем как в оседлой, так и в ко-

чевнической его ветвях изображения орлов данного типа встречаются часто. Иконография является вполне типичной для скифского круга культур, фигуры орлов, выполненные в этой манере, известны от южнорусских степей (орел из Мельгуновского кургана VI в.) (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 99) до Восточного Алтая (бляшки из могильника Юстыд XII) (Кубарев, 1991. С. 119, 120. Рис. 31). В искусстве оседлых ираноязычных народов изображения орла с развернутыми опущенными крыльями встречаются реже. Отметим бляху из Амударьинского клада. Исследователи (Дальтон, Лушей, Зеймаль) трактуют изображенного на ней орла как типичный сюжет “имперского” ахеменидского искусства V–III вв. до н.э. (Амударьинский клад, 1979. С. 46. № 25). В кушанский период данный мотив используется в ювелирных украшениях (серьги из могильника Тулхар в Северной Бактрии) (Stawiski, 1979. S. 69). При несомненной стилистической разнице всех перечисленных изображений орлов, помимо позы их объединяет еще одна общая черта: как правило, они не несут никаких атрибутов и не входят ни в какие сюжетные композиции. Это сильно затрудняет их семантическую интерпретацию, что приводит к априорному присвоению им функции знака царственной власти. Исключение составляет позднесасанидское блюдо из собрания Эрмитажа, датируемое VI–VII вв. н.э. (рис. 8, 4). На нем изображен орел, держащий обнаженную женщину, в правой руке которой виноградная гроздь (по версии К.В. Тревер – блюдо с плодами). Фигура орла обрамлена двумя мощными цветущими растительными побегами. Две человеческие фигурки внизу композиции Луконин трактует как символы дня (Митра с луком) и ночи (персонаж с секирой). В целом композиция интерпретируется исследователями как олицетворение осеннего равноденствия, связанного с зороастрийским праздником урожая. Существует также версия, что сцена изображает похищение священного растения сомы-хаомы (Тревер, Луконин, 1987. С. 89, 90. Табл. 57, 58). Не вдаваясь в нюансы трактовки, я бы хотела отметить присутствие в композиции женской фигуры с виноградной гроздью или плодами, вероятно, символизирующей плодородие, и растительное обрамление всей сцены. Иначе видит истоки этой, безусловно необычной для сасанидского искусства, композиции Гитти Азарпай. Она убедительно возводит иконографию сцены к распространенному в греко-буддийском искусстве Гандхары II–V вв. сюжету (Гаруда, уносящий женщину), взятому из Суссоны-джатаки (Azarpay, 1995. P. 118–120). При этом автор считает, что индийский мотив скорее всего лег на некие иранские фольклорные или мифологические представления и был переосмыслен. На это указывает замена атрибутов: в руке у женщины вместо змеи появляются плоды. Подобная практика заимствования чужой иконографической схемы для

изображения собственных божеств характерна для иранской религии и искусства (Луконин, 1977. С. 159). Инновация прижилась, о чем свидетельствует сходная композиция на золотом кувшине IX–X вв. из клада в Надь-Сент-Миклош в Венгрии, являющаяся вариацией того же мотива (рис. 8, 5) (Azarpay, 1995. P. 102. Fig. 5). Тот же сюжет появляется и на ряде других памятников декоративно-прикладного искусства (Маршак, 1978. С. 46. Рис. 15, 8). Не пытаясь дать развернутое толкование сложного сюжета, предположу, что здесь орел, несомненно, связан с символом плодородия, воплощенном в женской фигуре, держащей цветы или плоды. Это возвращает нас к трем фрагментам из коллекции ГМВ. Изображенные на туловище орла сосуды с произрастающими из них побегами являются полным семантическим эквивалентом женских фигур на изделиях торевтики. Композиционно растительные побеги, обрамляющие фигуру орла, соотносятся с цветами на блюде из Эрмитажа. Замена женской фигуры более простым символом-аналогом связана в первую очередь с совершенно иными возможностями керамики как материала, с размером изображения, а также с утратой смысловых подробностей и нюансов изображаемого сюжета. Тем не менее образ орла и его связь с культом плодородия и семантически, и иконографически прочно закрепились в народном сознании, что и прослеживается в декоре керамических изделий Самарканда предмонгольской эпохи.

В заключение подчеркну несколько моментов. Образный ряд керамического декора Средней Азии исламского времени складывался под влиянием всех видов прикладного искусства предшествующих эпох. Это изображения на изделиях торевтики, тканях, монетах и печатях. Из 15 рассмотренных сюжетов 12 несут на себе несомненные следы влияния сасанидской и раннесредневековой согдийской системы образов и иконографии. При этом отчетливо видно, как мифологический сюжет превращается со временем в сказочный или же просто благопожелательный образ. Мысль о сильном и весьма протяженном во времени влиянии сасанидской культурной традиции не нова, так же, как и об упрощении и трансформации семантики образов. Эти идеи подробно и убедительно развивают Р. Гиршман, Р. Фрай, В.П. Даркевич, Б.И. Маршак и другие. В нашем случае они еще раз подтверждаются, причем на основании самой массовой и широко распространенной категории вещей – повседневной бытовой керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амударьинский клад. Каталог выставки (Автор вступительной статьи и сост. каталога Е.В. Зеймаль). Л., 1979.
 Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
 Веймарн Б.В. Искусство Средней Азии. М.; Л., 1940.

- Вишневецкая Н.Ю. Оттиск штампа с изображением корабля из коллекции Кастаньского // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
- Вишневецкая Н.Ю. Оттиск штампа с изображением всадника из коллекции Государственного музея Востока в Москве // Transoxiana. История и культура. Ташкент, 2004.
- Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище былого Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1928.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Кой-Крылган-кала // ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Левина Л.М., Никитин А.Б. Иранские резные камни из памятников джетыясарской культуры // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыясарская культура. Ч. 5. М., 1995.
- Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Маршак Б.И. Раннеисламские бронзовые блюда (сиро-египетские и иранские традиции в искусстве халифата) // ТГЭ. Т. XIX. Культура и искусство народов Востока. Вып. 8. Л., 1978.
- Мешкерис В.А. Корoplastика Согда. Душанбе, 1977.
- Неразик Е.Е. Раскопки Якке-Парсана // Матер. Хорезмской экспедиции. Вып. 7. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 г. М., 1963.
- Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935.
- Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Петерс Б.Г. Изображение корабля на булле из Каратепе // Буддийские комплексы Каратепе в Старом Термезе. М., 1996.
- Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.
- Пугаченкова Г.А. Мианкальские оссуарии // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
- Пугаченкова Г.А., Елькович Л.Я. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусства Узбекистана. М., 1965.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э. М., 1985.
- Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
- Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. М., 1978.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденного преимущественно в пределах Российской Империи. СПб., 1909.
- Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1991.
- Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Гос. Эрмитажа. М., 1987.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
- Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX–XIII века. Ташкент, 1983.
- Чепелев В. О народной линии в искусстве феодального Востока // Искусство. № 1. М.; Л. 1936.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
- Шишкина Г.В. Глазуванная керамика Согда. Ташкент, 1979.
- Azarpay G. A Jataka Tale on a Sasanian Silver Plate // Bulletin of the Asia Institute. New Series. V. 9. 1995.
- Belenizki A.M. Mittelasien Kunst der Sogden. Leipzig, 1980.
- Cassol L. Ships and Seamanship in the ancient world. Baltimore; L., 1995.
- Catalogue of antique and medieval coins of Central Asia. V. III. Tashkent, 2000.
- Dembski G. Non olet. Das Geld der Römer. Wien, 2000.
- Frye R. The Golden Age of Persia. L., 2000.
- Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris, 1962.
- Grey B. La peinture persane. Geneve, 1961.
- Schlingloff D. Indische Seefahrt in römischer Zeit // Zur geschichtlichen Bedeutung der frühen Seefahrt. Kolloquium zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 2. München, 1992.
- Sourdel D. La civilisation de l'Islam classique. Paris, 1968.
- Stawiski B. Kunst der Kushan. Leipzig, 1979.
- Villefosse R. Paris et la Seine. Paris, 1963.
- Wilkinson C.K. Nishapur. Some Early Islamic Buildings and Their Decoration. N. Y., 1986.

Figurative imprints on Central Asian pottery of the 10th – 13th cc. (from the collection of the State Museum of Oriental Art)

N. Yu. Vishnevskaya

Summary

The article is devoted to the examination of decorative stamps on Central Asiatic ceramics of the 10th–13th cc. from the collection of the State Museum of Art. A part of displays is published for the first time. The imprints of the stamps present scenes of hunting, separate figures of birds and animals, subject compositions (scenes of devourment) and an image of a ship, which is rare for Central Asia. Images on objects of toreutics, coins, seals and jewelry served as samples for creation of ceramic stamps. The undoubted influence exerted by a range of subjects and the iconography of Sasanian Persia and Early Medieval Sogdiana is revealed.

ПЕРСТНИ С ЧЕРНЬЮ ИЗ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

© 2007 г. К. А. Руденко

Национальный музей Республики Татарстан, Казань

Перстни с чернью – одна из ярких категорий находок на археологических памятниках Волжско-Камской Булгарии. Они имеются в фондах НМ РТ, БГИАМЗ, в коллекции ГИМ и Государственного Эрмитажа. К ним не раз обращались и археологи, и искусствоведы, но специально они не изучались.

Перстни с черненым рисунком из болгарских памятников стали известны в научном мире в последней трети XIX в. после публикации Спасского клада, найденного в 1869 г. (ОАК за 1869. Табл. XIX, XX; Толстой, Кондаков, 1897. С. 97. Рис. 123; Спицын, 1906. С. 265), и находок на крупнейших болгарских городищах – Болгарском и Билярском, попавших в собрание казанского коллекционера А.Ф. Лихачева и опубликованных им (1876; 1891). По коллекциям Эрмитажа о болгарских ювелирных украшениях (в том числе и о черненых перстнях) писал А.А. Спицын (1906), а по материалам ГИМ А. Кавка (1928). А. Кавка впервые систематизировала орнаментальные сюжеты на перстнях с чернью и датировала эти находки XII в. Перстень из Спасского клада 1869 г. специально был изучен Т.И. Макаровой в работе по черненым изделиям Древней Руси и отнесен к третьему типу, подтипу 1 (1986. С. 43. Рис. 16, 67). Вопрос о происхождении этого перстня затронула М.Д. Полубояринова (1993. С. 30). Перстни с чернью из Болгарского городища систематизировала Г.Ф. Полякова (1996. Рис. 61, 19, 20; Типы Б-II-1–3).

В 1980–1990-е годы опубликованы новые находки перстней с чернью: из раскопок Билярского городища (Хузин, Валиуллина, 1986. С. 100, 102. Рис. 2–19, 22, 23), клада, найденного при исследованиях Кожаевского селища (Кавеев, 1992. Рис. 1, 2–7), клада у с. Именьково (Руденко, 2001а. С. 325), а также из подъемного материала с селищ низовий Камы (Кавеев, 1992. С. 108; Руденко, Беговатов, 1994. С. 51; Руденко, 2001б. С. 77, 78; Тип Б5; 2001в. Рис. 34, 13, 14; 2002. С. 45, 62. Рис. 45, 3; 61). Датированы эти находки XI и XII – первой четвертью XIII в.

В Прикамье и Зауралье известны находки серебряных перстней с чернью, которые считаются болгарскими (Белавин, 2000. С. 103, 104. Рис. 46, 11–16; Федорова, 1991. С. 8. Рис. 27; 2003. С. 138–140) и датированы XII–XIII вв. Несколько перстней с чернью опубликовал Г.Г. Белорыбкин с Зо-

лотаревского поселения (2001. С. 52. Рис. 30, 5, 6, 11, 14).

Нами были рассмотрены 53 перстня (таблица) из собрания НМ РТ, БГИАМЗ и некоторые случайные находки. Все эти изделия изготовлены из серебра. Вес их колеблется в пределах 2.3–4.3 гр.; проба серебра в большинстве случаев 925; лигатура составляет 2.51–4 (использовались данные по составу металла по результатам апробации изделий из фонда драгметаллов НМ РТ).

Мастер, изготавливавший перстни с чернью, использовал молотки, наковальню, ножницы по металлу, напильник, зубильце и резцы (Полякова, 1996. С. 166, 167; Бреполь, 1977. С. 150, 151. Рис. 116, 177). На предварительных операциях по обработке заготовки перстня, при работе резцами и в единичных случаях при формовке изделия использовались молоточки с шаровидным или клиновидным бойком¹ (Руденко, 2001б. Рис. 30, 9, 10). “Наковаленки” или оправки для формовки щитка перстня трудно идентифицировать в археологических коллекциях. Можно предполагать, что они по размерам и форме напоминали бронзовые наковаленки, которые встречаются довольно часто на золотоордынских памятниках: Селитренном, Увекском, Болгарском городищах (Fedorov-Davydov, 2001. Р. 168. Cat. 104. ГИМ. Инв № 2692–23; Недашковский, 2001. Рис. 3, 9, 10; Полякова, 1996. С. 166, 167). Они в среднем имеют высоту 4.7 см и ширину 2.1 см.

Перстни изготавливались двумя способами: вырезание основы из пластины толщиной 0.15–0.2 см, шириной не менее 1.7–2 см и длиной около 7–8 см (на этих изделиях заметны следы деформации от вырезания ножницами и ремонта (№ 10211–37, № 32², рис. 1, 32; № 10211–42, рис. 1, 24) и ковки из дрота квадратного или прямоугольного сечения. Если заготовка была очень массивной (№ 10211–26, рис. 1, 18), то внутренний объем на щитке (2.3 × 2.25 см) выбирался зубильцем на глубину около 0.4 см. Нахлест концов заготовки при формовке шинки в этом случае был большим и приходился на всю длину шинки от одного края щитка до другого.

¹ НМ РТ, № 5427–177; АА 49–14; № 5395–9; ОА–50–32.

² Порядковый номер перстня соответствует номеру позиции на рис. 1.

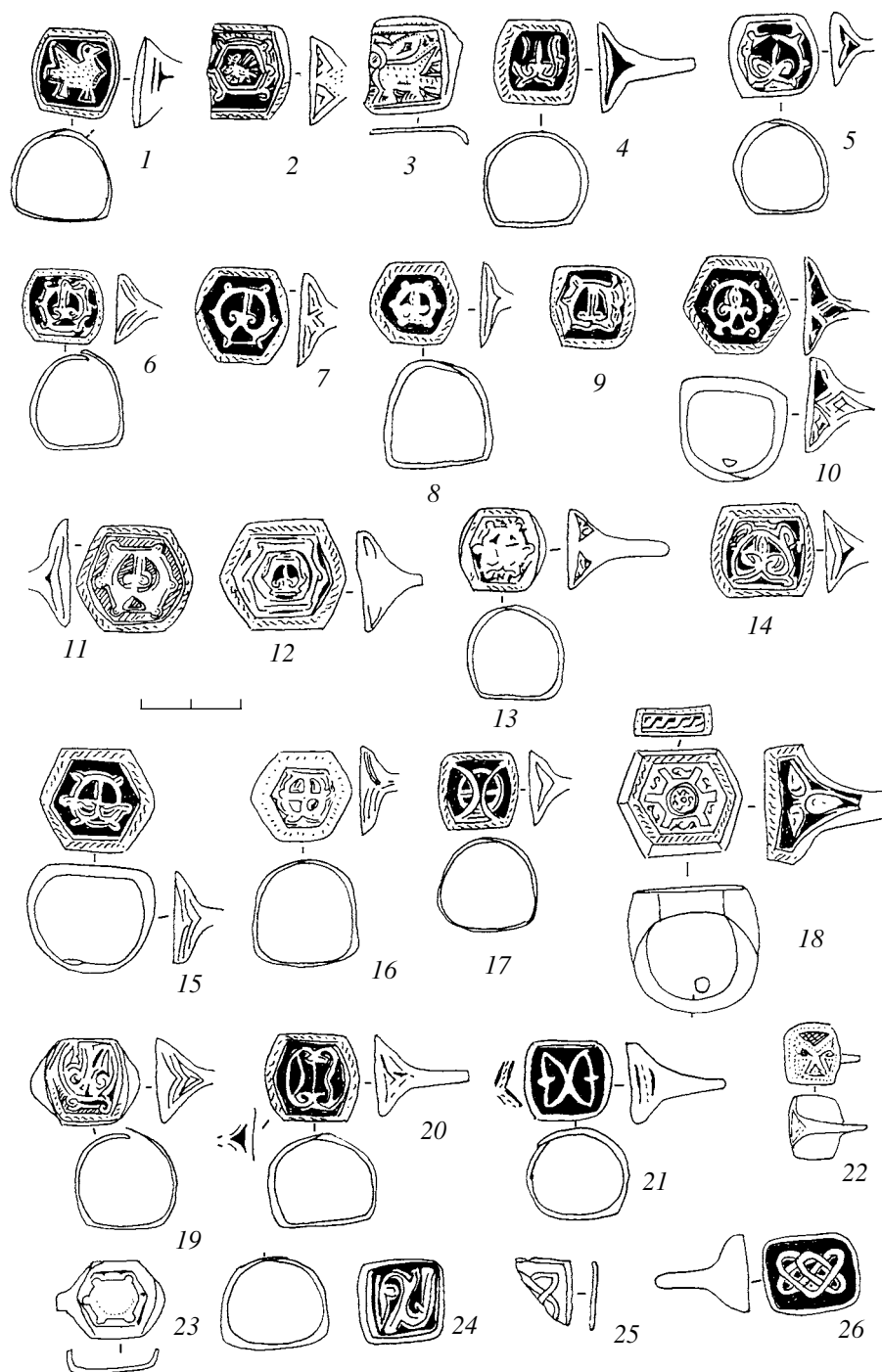

Рис. 1. 1 – тип 3.1; 2 – тип 3.2; 3 – тип 2.6; 4 – тип 2.7; 5–13, 15, 16, 23, 46–48 – тип 3.4; 14 – тип 3.6; 17 – тип 2.5; 18 – тип 3.3; 19 – тип 3.5; 20 – тип 3.7; 21 – тип 2.4; 22 – тип 3.10; 24 – тип 2.3; 25 – тип 2.2; 26 – тип 2.1. 27, 28 – тип 3.8; 29–33, 35, 36, 49 – тип 4.1; 34, 37–41 – тип 4.2; 42–44, 51 – тип 4.3; 45 – тип 1.1; 50, 53 – тип 3; 52 – тип 3.4.

Рисунок на перстнях выполнялся инструментом, аналогичным современному шпигштихелю (Новиков, Павлов, 1991. С. 161), а также набором из фляхштихеля, мессерштихеля, пунктирштихеля (Макарова, 1986. С. 10. Рис. 3). Сначала рисунок наносился (или переносился с шаблона) на щиток прочерчиванием (рис. 1, 30) тонкой иглой (Мака-

рова, 1986. С. 8), затем шпигштихелем прорабатывался контур и в последнюю очередь выбирался фон. Такой способ нанесения контура будущего рисунка можно проследить на одном перстне, где чернь не была нанесена (или не сохранилась) (рис. 1, 16). Вероятно, так размечались перстни, выполненные из серебряной пластины.

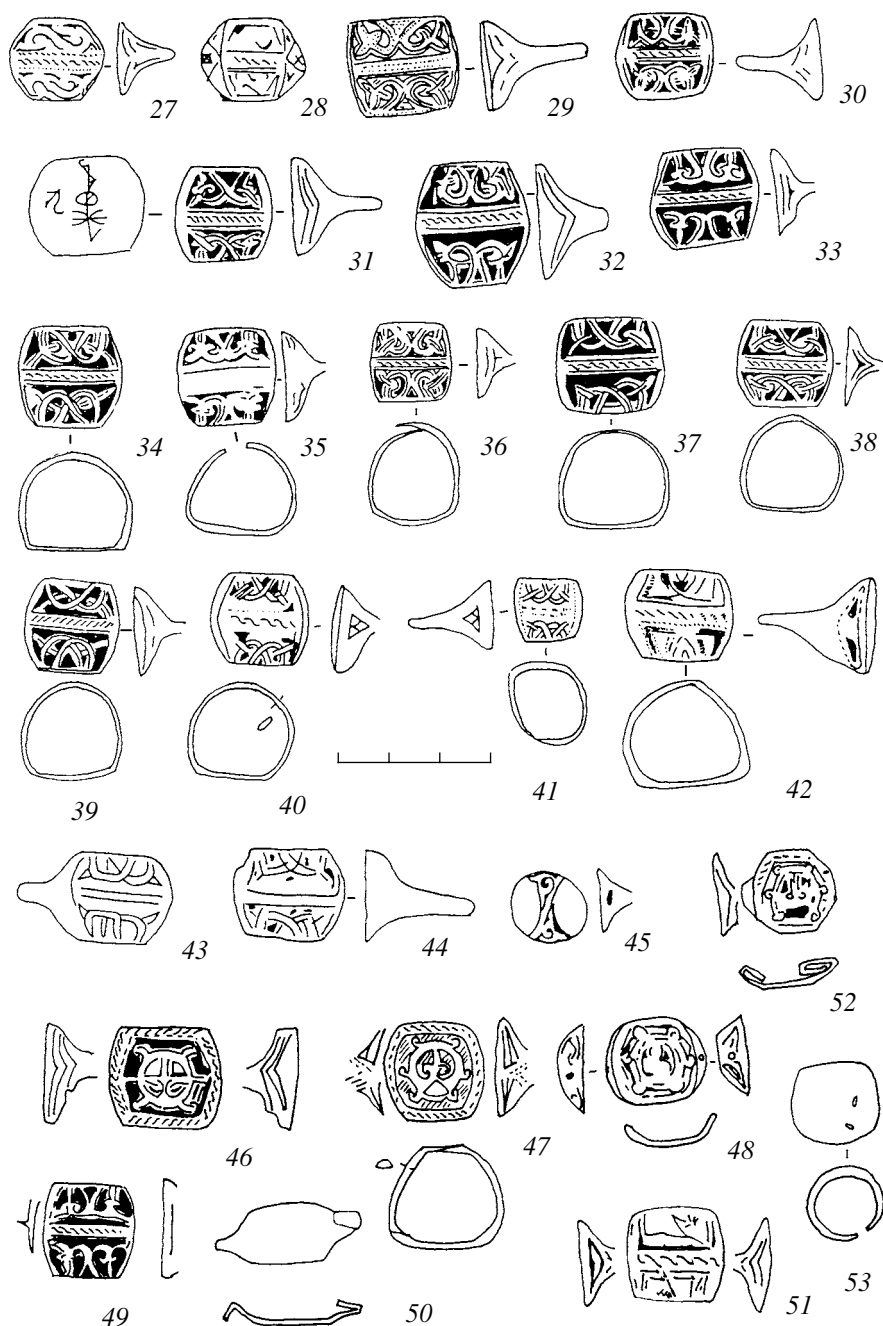

Рис. 1. Окончание.

Когда предполагалось фон оставить гладким, то применялся другой способ нанесения рисунка (рис. 1, 26). Канфарником или пуансоном намечались опорные точки рисунка (по прочерченному контуру или на глаз), а затем резцом пунктирные контуры соединялись в сплошную тонкую канавку (Чеканка, 2003. С. 25). На массивных перстнях (рис. 2, 3) использовались чеканы разного размера и формы для нанесения основного рисунка и деталей, а также переработки фона (Руденко, 2002.

Рис. 61). Процесс подготовки изделия к чернению можно видеть на нескольких образцах (№ 11, 29).

Чернение наносилось только на рисунок (№ 5368–26, рис. 1, 27, 1 экз.); на фон и рисунок (№ 10211–51, рис. 1, 31, 1 экз.) или (в большинстве случаев) только на фон с предварительной насечкой поверхности. Сам процесс чернения описан в литературе (Флеров, 1962. С. 74; Бреполь, 1977. С. 326, 327). Следы позолоты заметны на трех перстнях. На одном образце (№ 10211–41, рис. 1, 40) ее видно посередине щитка и на шинке. С обрат-

ной стороны сохранилась тонкая пленка золочения с пузырьками “вскипания”. Золотился череный перстень (№ 10211–52, рис. 1, 35) и перстень, где чернение было незначительным (№ 10211–48; рис. 1, 19). Золочение осуществлялось, видимо, ртутной амальгамой (Флеров, 1962. С. 49).

Все перстни являются пластинчатыми широко-срединными с замкнутыми концами. Диаметр их 1.8–2.3 см, размеры щитка в среднем 1.6 × 2 см. Конструктивно они состоят из верхней и нижней частей. Нижняя часть – это ободок или шинка, прямоугольного или сегментовидного сечения. Верхняя часть – это щиток различной формы.

Булгарские перстни с чернью были систематизированы на основе исследований Т.И. Макаровой древнерусских черневых изделий (1986. С. 39). Типообразующим признаком являлась форма щитка: круглая (1); прямоугольная или квадратная (2); шестиугольная (3); подовальная (4)* и квадрифолийная (5). Квадрифолийных перстней с чернью в булгарском материале не встречено. По характеру орнамента выделено пять сюжетов: с розетками из кринов; с розетками геометрического характера; с раппортом бордюра из лозы; с изображением птиц; с изображением “узла счастья”.

Тип 1. Перстень с круглым щитком (1 экз.)

Вариант 1.1 (рис. 1, 45, 1 экз.). Найден на Болгарском городище (Булгар, 1868. Табл. IX, 13). Диаметр щитка 1.4 см. Шинка диаметром снаружи 2 см, внутри 1.7 см. Рисунок – раппорт бордюра с лозой. Фон гладкий; чернь на нем сохранилась небольшим пятнышком. Аналогии ему есть на древнерусских черневых изделиях: перстнях и обруче (Макарова, 1986. Рис. 15, 52, 53, 62; 40, 229). С боковой стороны изделия имеется пятнышко черни. Перстень имеет золотистый цвет. Датируется XII – началом XIII в.

Тип 2. Перстни с квадратным (прямоугольным) щитком (7 экз.)

Вариант 2.1 (рис. 1, 26, 1 экз.). Найден на Мурзихинском селище. Перстень с прямоугольным щитком 1.5 × 1.8 см с рисунком в виде двух переплетенных “сердечек” (так называемый узел счастья). Мотив “плетенки” встречается на древнерусских материалах домонгольского времени (Макарова, 1986. Рис. 28, 2), на изделиях в Романовском кладе (Генинг, 1956. С. 159–162. Рис. 59, 3, 5).

Отметим, что такой тип орнамента в мелкой пластике, торовитке и архитектуре становится популярным в эпоху Золотой Орды. Например, он встречается на изразцах и мозаиках на сооружениях из Сарая (Селитренное городище) (Fedorov-Davydov, 2001. С. 129, 155. Табл. 74. Кат. № 45, 46). Не исключено, что сам сюжет появился раньше, но в любом случае он остается самым поздним на булгарских черневых перстнях. Причем вторым

* Отмечены позиции, отсутствующие у Т.И. Макаровой.

Рис. 2. Перстни. 1 – № 33 (НМ РТ, № 10211–35); 2 – № 10 (НМ РТ, № 997/36); 3 – № 18 (НМ РТ, № 10211–26); 3а – № 18, деталь.

признаком, отличающим эти изделия, является нанесение рисунка разметкой опорными точками и гладкий черневый фон. Датируется этот перстень XIII–XIV вв.

В вымских могильниках геометрический мотив “узла счастья” становится весьма модифицированным (Савельева, 1987. Рис. 34, 6, 7, 13). Появляются здесь и зооморфные мотивы (Савельева, 1987. Рис. 34, 12). Отметим, что в орнаменте этих перстней полностью отсутствует мотив крина, преобладают геометрические. В их числе “двойная плетенка” (Савельева, 1987. Рис. 34, 6); узловые узоры (Савельева, 1987. Рис. 34, 9).

Почти аналогичные мотивы зафиксированы на серебряных перстнях с чернью в Пермском Прикамье (Белавин, 2000. Рис. 46, 10–16). Здесь, как и в Вымских могильниках, не встречается мотив крина, хотя в коллекции из могильника Телячий Брод имеется булгарский перстень со стилизованным растительным орнаментом (Белавин, 2000. Рис. 46, 11).

Вариант 2.2 (рис. 1, 25, 1 экз.). Найден на Мурзихинском селище. Перстень с квадратным щитком 1.5 × 1.5 см с рисунком из переплетенных геометрических фигур в виде диагонального креста. Рисунок окаймлен тонкой линией по периметру щитка. Он нанесен тонким резцом, фактически процарапан. Фон гладкий. Следы черни заметны только в углублениях рисунка. К этому типу относится и перстень с Болгарского городища (Булгар, 1868. Табл. VIII, 19). Аналогии такому орнамен-

тальному мотиву имеются в декоре южного портала мечети Магоки-Аттари второй половины XII в. в Бухаре (Ремпель, 1978. Рис. 38). Датироваться этот тип перстней может XI–XIII вв.

Вариант 2.3 (рис. 1, 24, 1 экз.). Найден на Болгарском городище. Перстень с квадратным щитком $1.8 \times 1.8 \times 1.9$ см с рисунком из раппорта бордюра лозы. Фон на перстне черненный. По периметру щитка сделана линейная окантовка. Аналогии рисунку известны в русских черненных изделиях (Макарова, 1986. Рис. 15, 62, 96). Идентичный рисунок имеется на серебряных накладках из Старорязанского кладе 1887 г. (Селиванов, 1891. С. 212. Табл. V, 21). Перстни этого типа из Болгар есть в коллекции Л.О. Сиклера (1 экз.: Кавка, 1928. Табл. I, 4) и в собрании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (2 экз.). На изделиях из собрания ОАИЭ рисунок лозы развернут в другую сторону (Булгар, 1868. Табл. VIII, 17; IX, 14). Датруется перстень этого типа XII – началом XIII в.

Вариант 2.4 (рис. 1, 21, 1 экз.). Кожаевский клад, 1990 г. Перстень с квадратным щитком $1.8 \times 1.7 \times 2$ см с рисунком из тонких пересекающихся линий в виде “бабочки”, заключенным в линейную рамку, расположенную по периметру щитка. Фон гладкий, черненный. На одной боковой стороне нанесены черные насечки в виде двух уголков из сплошных линий и пунктиром между ними, а с другой – те же насечки, только в виде полудуг – вогнутой стороной наружу. Время бытования – XII в. Время производства – первая – вторая четверть XII в. (Руденко, 2001а. С. 331).

Вариант 2.5 (рис. 1, 17, 1 экз.). Найден на Биларском городище. Перстень с квадратным щитком 1.5×1.7 см (боковые стороны чуть выпуклые) с изображением геометрической композиции из круга, пересеченного одной линией посередине, в центре которого смыкаются полудуги, идущие из углов щитка. Рисунок обведен тонкой сплошной линией. Пространство между ней и краем щитка украшено наклонными s-видными насечками. Фон гладкий, зачерненный. На левой боковой стороне перстня изображена декоративная “галочка”. Этот рисунок, видимо, является стилизацией мотива “плетенки”, встречающегося, в частности, на древнерусских колтах и браслетах (Макарова, 1986. Рис. 19, 124; 34, 218). Датруется перстень XI–XII вв.

Вариант 2.6 (рис. 1, 3, 1 экз.). Найден на V Семеновском селище. Перстень с квадратным щитком 2.2×1.9 см с изображением птицы. Фигура птицы, развернутая влево, заключена в рамку из сплошных линий по периметру щитка. Тонкими линиями намечен контур тулова, хвост, поднятые вверх крылья, ноги в виде заштрихованных треугольников. Голова изображена схематично. На фон нанесена штриховка; на тулове – имитация

оперенья, изображенная чеканными точками. Рисунок птицы, за исключением деталей (форма головы), близок такому же на черном перстне из Болгар из коллекции Л.О. Сиклера (Кавка, 1928. Табл. I, 5). Перстни с изображением птицы имеются в Сабакайском кладе 1870 г. (Спицин, 1906. С. 266).

Изображение птицы выполнено по стандартной схеме, характерной для других типов болгарских перстней с таким рисунком (рис. 1, 1, 2) и отличающейся от изображений птиц на русских изделиях с чернью (Макарова, 1986. С. 40, 41. Рис. 15, 103, 100; 16, 90; 22, 157, 159). V Семеновское селище относится к золотоордынскому времени (Казиков, 1988. С. 71–82), и очевидно, что время бытования находки относится к этому периоду. Вместе с тем особенности изделия и манера рисунка позволяют предполагать время изготовления его не позднее конца XIII в.

Вариант 2.7 (рис. 1, 4, 1 экз.). Кожаевский клад, 1990 г. Перстень с прямоугольным щитком 1.8×1.7 см. В центре изображен крин в обрамлении геометризированных ветвей. По краю идет бордюр из s-видных насечек. Фон гладкий, черненный. На боковых сторонах гравированный черненный треугольник. Мотив крина имеет широкое распространение в украшении художественных изделий декоративно-прикладного искусства Древней Руси и Востока (Макарова, 1986. С. 58. Рис. 21, 206). В данном случае стоит отметить аналогии этому сюжету в резном штурге Афрасиаба IX–X вв. (Ахраров, Ремпель, 1971. С. 35. Рис. 13). Время бытования – XII в. Время производства – XI – первая – вторая четверть XII в.

Тип 3. Перстни с шестиугольным щитком (27 экз.)

Вариант 3.1 (рис. 1, 1, 1 экз.). Кожаевский клад, 1990 г. Перстень со щитком 1.8×1.8 см, близкий к шестиугольному, с изображением птицы. Птица, изображенная в профиль, повернута вправо. Рисунок ее выполнен по стандартной схеме: круглая головка с кривым клювом на маленькой шее, поднятые вверх крылья, хвост “веером”, “мохнатые” ноги и выпяченная вперед грудка. Оперение передано чеканными точками. Контур выполнен сплошной линией. Фон гладкий, зачерненный. Сверху и снизу щитка нанесены наклонные насечки. Рисунок обведен сплошной линией. На левой боковой стороне имеются две насечки, заполненные чернью. Аналогичное изображение имеется на перстне из Болгарского городища. Щиток этого изделия имеет размеры 1.65×1.6 при диаметре шинки 2.1 см (Полякова, 1996. С. 177. Рис. 61, 20). Видимо, похожий перстень был в составе Кашанского (Шуранского) кладе 1889 г., но фигурка птицы здесь была развернута влево (Лихачев, 1891. С. 176). Время бытования – XII в. Время производства – первая – вторая четверть XII в.

Вариант 3.2 (рис. 1, 2; 3, 1, 1 экз.). Найден на Билярском городище. Перстень с шестиугольным щитком 1.8×1.9 см с изображением птицы, вписанной в круг с выступами (венец). Изображение птицы, несмотря на миниатюрность (размеры изображения – 0.7×0.6 см), выдержано в едином стиле с рисунками на других перстнях (см. тип 3.1). Венец вокруг птицы повторяет шестиугольную форму щитка и имеет шесть выступов. Вся композиция обведена по периметру щитка сплошной линией, которая по внешнему краю имеет S-видные насечки. Фон во внутреннем и во внешнем пространстве выбран, на него нанесена чернь. На левой боковой стороне имеется рисунок из двух равнобедренных треугольников, соединенных основаниями. Пространство между ними заполнено пунктирными штрихами. В треугольниках, видимо, предполагалось изобразить растительные побеги, как это сделано на перстне из Кожаевского клада (рис. 1, 13). Рисунок на боковых сторонах нанесен тонкими сплошными линиями. Датируется перстень XI–XII вв.

Вариант 3.3 (рис. 1, 18; 3, 3, 1 экз.). Найден на Билярском городище. Перстень с шестиугольным щитком 2.2×2.3 см. Внутренний диаметр шинки – 1.8, внешний – 2.5, общая высота – 2.5, ширина – 2.5 см. Толщина щитка 0.4–0.5 см. Гравированный рисунок имеется на щитке и на боковых сторонах. На щитке изображен круг с отходящими от него в разные стороны лучами. В центре размещена вихревая розетка из стилизованных растительных побегов. Стилизованные S-видные побеги (лоза) помещены между “лучами”. По периметру щитка идет бордюр из S-видного орнамента, ограниченный с внутренней стороны сплошной линией. Фон выбран и зачернен. На боковых гранях щитка в рамках-картушах помещен меандровый орнамент. На боковых сторонах (ширина 0.5 см) – изображение трилистника (рис. 2, 3а). Перстень весьма массивен, хотя он изготовлен так же, как и другие изделия. Датируется XI–XII вв.

Вариант 3.4 (рис. 1, 5–13, 15, 16, 23; 46–48, 52, 16 экз.). Найдены на Билярском, Болгарском (рис. 1, 15) городищах, в составе Кожаевского клада 1990 г. (рис. 1, 5, 13, 2 экз.) и на Мурзихинском селище (рис. 1, 52, 1 экз.). Перстни с шестиугольным щитком $1.5\text{--}2 \times 1.7\text{--}2$ см с рисунком из трилистника (крина), вписанного в круг с выступами (“венец”). Рисунок нанесен сплошной линией (рис. 1, 7, 8) или отдельными штрихами, образующими общий контур (рис. 1, 6, 9, 12). По краю перстней идет бордюр, украшенный S-видными насечками. Толщина щитка 0.2 см. Фон в ряде случаев выбирался или расштриховывался, иногда оставался гладким, но всегда чернился. На боковых сторонах – схематический рисунок в виде “галочек”, треугольников или “шевронов”. Интересен перстень этого типа с крупным щитком 2.6×2.2 см

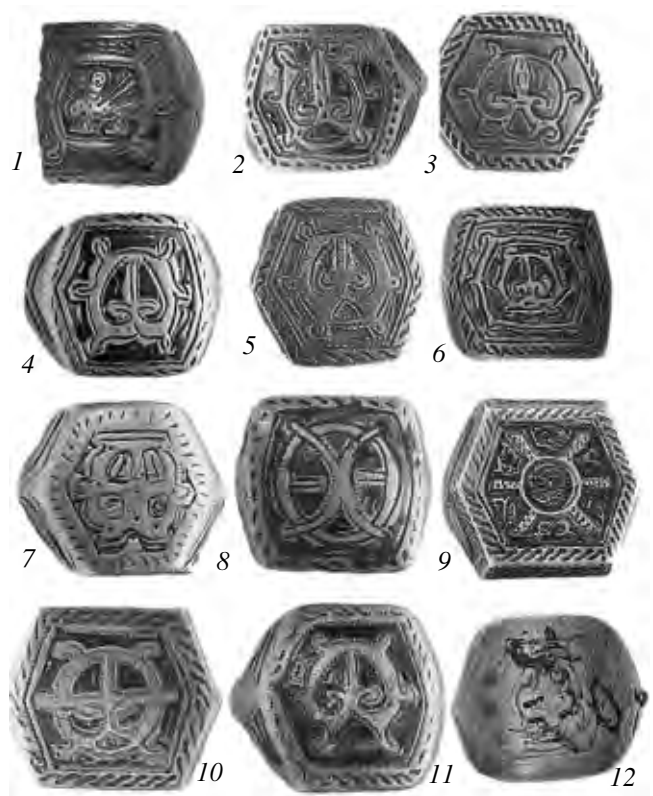

Рис. 3. Перстни XI–XII вв. 1 – № 2 (НМ РТ, № 250), тип 3.2; 2 – № 6 (НМ РТ, № 10211–47), тип 3.4; 3 – № 7 (НМ РТ, № 10211–36), тип 3.4; 4 – № 9; (НМ РТ, № 10211–47а), тип 3.4; 5 – № 11 (НМ РТ, № 10211–53), тип 3.4; 6 – № 12 (НМ РТ, № 21736), тип 3.4; 7 – № 16 (НМ РТ, № 10211–50), тип 3.4; 8 – № 17 (НМ РТ, № 10211–43), тип 2.5; 9 – № 18 (НМ РТ, № 10211–26), тип 3.3; 10 – № 46 (НМ РТ, № 10211–28), тип 3.4; 11 – № 47 (НМ РТ, № 10211–33), тип 3.4; 12 – № 48 (НМ РТ, № 12624), тип 3.4.

(рис. 1, 12), где крин вписан в двойную рамку из кольца с выступами (двойной “венец”). По краю идет пояс из S-видных насечек. Фон гладкий с чернью. Аналогичный мотив встречен на 6 перстнях из собрания ГИМ: находки у с. Старое и Новое Альметьево, из Болгар и перстни без точного местонахождения (Кавказ, 1928. С. 119. Табл. I, 1). Перстень этого типа (1 экз.) найден в Болгарах (Булгар, 1868. Табл. VIII, 18). Время производства – XI – первая–вторая четверть XII в. Время бытования – XI–XII вв.

Вариант 3.5 (рис. 1, 19, 1 экз.). Найден на Билярском городище. Перстень кованый с шестиугольным щитком (у края чуть треснул при ковке) 1.6×1.72 см с рисунком из двух симметрично расположенных растительных побегов, соединенных у основания. Внешний диаметр шинки – 2.15 см, внутренний – 1.8–1.9 см. Рисунок нанесен тонкими линиями и окаймлен рамкой из нескольких тонких полосок. Между ними и краем помещены S-вид-

ные насечки. На боковой стороне изображен схематический рисунок в виде треугольника. Чернь практически незаметна. Фон выбран резцом. На поверхности изделия имеются следы позолоты.

А. Кавка видит в аналогичном изображении на перстне из ГИМ (собрание П.И. Щукина без точного места обнаружения) “как бы два крыла, прикрепленных к вершине треугольника на фоне из черни, и напоминает собой птицу без головы” (Кавка, 1928. С. 120. Табл. I, 6). Аналогии этому орнаментальному мотиву есть в резьбе по ганчу мечети Магоки-Аттари в Бухаре XII в. (Ремпель, 1978. Ил. 76). Подобный орнамент встречается и на древнерусских перстнях с чернью (Макарова, 1986. Рис. 15, 47). Датируется перстень XII – началом XIII в.

Вариант 3.6 (рис. 1, 14, 1 экз.). Найден на Биларском городище. Перстень с шестиугольным щитком 2.1×1.8 см с рисунком из трилистника (крин), нижние концы которого замыкаются вверху, образуя круг. По краю перстня идет бордюр, украшенный S-видными насечками. Фон гладкий с чернью. На боковых сторонах – схематичный рисунок в виде треугольников. Датируется XII – началом XIII в.

Вариант 3.7 (рис. 1, 20, 1 экз.). Кожаевский клад, 1990 г. Перстень с шестиугольным щитком 2.2×1.9 см с рисунком из стилизованных растительных побегов (лозы). Композиция выполнена в зеркальной симметрии. Рисунок обведен тонкой сплошной линией. Пространство между ней и краем щитка заполнено S-видными наклонными насечками. На боковых сторонах имеются изображения треугольников, правое из которых внутри заполнено чернью. Видимо, треугольники первоначально могли означать растительный трилистник, как на перстне типа 3.3 (рис. 1, 18), воспроизвести который из-за размеров данного изделия было затруднительно. Промежуточный вариант этого стилизованного мотива прослеживается на перстне типа 3.4 (рис. 1, 10). Время бытовая – XII в. Время производства – первая–вторая четверть XII в.

Вариант 3.8 (рис. 1, 27, 28, 2 экз.). Найдены на Биларском городище. Один перстень штампованный (щиток помят, дужка деформирована; поверхность покрыта плотной патиной темно-серого цвета) (рис. 1, 27), с шестиугольным щитком 1.8×1.5 см с рисунком из растительных побегов (лозы), разделенных декоративным поясом, ограниченным сверху и снизу тонкими пунктирными линиями, пространство между которыми заполнено S-видными наклонными насечками (имитация “плетенки” или веревочного орнамента). Внешний диаметр шинки – 2.1 см, внутренний – 1.8–2 см. Чернь на щитке и на боковых сторонах нанесена по контуру рисунка. На боковых сторонах имеется схематичный рисунок из отдельных линий, образующих композицию в виде треугольника.

Второй перстень (рис. 1, 28), аналогичный по композиции рисунка и наложению черни, более массивен и, видимо, литой. Шинка его разомкнута и скорее всего не запаивалась. Датируется XII – началом XIII в.

Вариант 3.9³ (3 экз.). Спасский клад 1869 г. (1 экз.), Сабакайский клад 1870 г. (2 экз.) (Макарова, 1986. С. 43, 129, 130. Рис. 16, 67. Тип. 3.1; Руденко, 2001а. С. 343, 345. Рис. 5, 7). Перстни с шестиугольным щитком. В центре изображен крин в обрамлении стилизованных растительных побегов. По краю идет бордюр из S-видных наклонных насечек. Время бытования – вторая четверть XII – начало XIII в. Время изготовления – первая половина XII в. (Руденко, 2001а. С. 330).

Вариант 3.10 (рис. 1, 22, 1 экз.). Найден на V Семеновском селище. Щиток 1.2×1.2 см со стилизованным растительным (?) орнаментом. Датируется по материалам поселения XIII в.

Неопределенные перстни типов 2 и 3 (рис. 1, 50, 53, 2 экз.). На нескольких серебряных перстнях со щитком прямоугольной и квадратной формы со скругленными углами рисунок не сохранился. Не исключено, что он мог вообще отсутствовать. Этим изделиям близок золотой перстень без изображения из Биларского клада 1882 г. (Лихачев, 1891. С. 176. Табл. IV, 9), датированный XII в.

Тип 4. Перстни с овальным щитком (18 экз.)⁴

Вариант 4.1 (рис. 1, 29–33, 35, 36, 49, 8 экз.). Найдены на Биларском и Болгарском (рис. 1, 32, 1 экз.) городищах и Мурзихинском селище (рис. 1, 29, 30, 2 экз.). Перстни с овальным щитком 1.5–2.2×1.5–1.8 см. Внутренний диаметр шинки в среднем – 1.6×2; внешний – 2.2. см. Общая средняя высота изделий – 1.8 см, ширина – 2.2 см. На перстне изображены двоянные трилистники, симметрично расположенные на плоскости щитка и разделенные по оси симметрии пояском из косых насечек, ограниченным двумя параллельными линиями. Чернь на фон наносилась на заранее подготовленную (рис. 1, 29, 49) или на гладкую поверхность (рис. 1, 30, 33; 3, 1). На боковых сторонах большинства перстней этого типа имеется черненный рисунок: слева – парные полосы длиной 1 см, справа – спаренные полосы в виде “галочки”. Иногда украшалась одна боковая сторона. Аналогичные перстни найдены в Биларске (2), Болгаре (1), Чистополе (1), в истоках р. Мараса (2) (Кавка, 1928. С. 119, 120. Табл. I, 2; Полякова, 1996. С. 177. Рис. 61, 18). Идентичен мурзихинскому перстень с Болгарского городища (Булгар, 1868. Табл. VII, 10). Из Болгар известно еще несколько находок перстней этого типа (1868. Табл. VI, 4, 5). За пределами болгарской территории перстни этого типа

³ Перстни этого типа в статистику не включены.

⁴ Н.В. Федорова отнесла перстни типа 4 к продукции третьей школы болгарских торевтов (1991. С. 5–10).

практически не встречаются. Время бытования – XII–XIII вв. Время изготовления – XII в.

Вариант 4.2 (рис. 1, 34, 37–41, 6 экз.). Найдены на Билярском городище и Мурзихинском селище (рис. 1, 38, 1 экз.). Перстни с овальным щитком; средние размеры: 1.7 × 2.2 см. На щитке рисунок из двух пересекающихся дуг, через которые проходит еще одна дуга. Аналогичная композиция, но в зеркальной симметрии, расположена в нижней части щитка, отделяясь от верхнего рисунка пояском из косых насечек, ограниченным двумя параллельными линиями. Орнамент является стилизацией растительных мотивов, характерных для изображений на перстнях типа 4.1. На боковых сторонах на двух экземплярах таких перстней кроме линий и “шевронов”-галочек имеется рисунок в виде треугольника (рис. 1, 40, 41). Чернь наносилась как на насеченный, так и на гладкий фон (где это было возможно проследить).

Аналогичный мотив А. Кавка характеризует как “орнаментальный узор из двух узлов, завязанных восьмерками, узлы разделены горизонтальной чертой с орнаментом из косых черточек”. Он встречен на перстне из Болгар (?) из собрания Л.О. Сиклера и на перстне из собрания П.И. Щукина без точного места находки (Кавка, 1928. С. 120. Табл. I, 3; Полякова, 1996. С. 177. Рис. 61, 19). Близкий по рисунку перстень найден на Золотаревском поселении в Пензенской области (Белорыбкин, 2001. Рис. 30, 11). Время бытования – XII–XIII вв. Время изготовления – XII в.

Вариант 4.3 (рис. 1, 42–44, 51, 4 экз.). Найдены на Билярском городище (рис. 1, 44); V Семеновском (рис. 1, 41, 43) и Мурзихинском (рис. 1, 42, 51) селищах. Перстни с овальным щитком; средние размеры: 1.7 × 2.2 см. На щитке рисунок из хаотично нанесенных линий, композиционно повторяющий рисунок типов 4.1 и 4.2. Он нанесен без предварительной разметки линиями разной толщины. Причем мастер выполнял даже одну длинную линию несколькими (как правило двумя) движениями. Чернь заполняла только прочерченный рисунок. Фон был гладким и, видимо, без черни. Время бытования и изготовления перстней этого типа – XIII–XIV вв.

Знаки на перстнях. На обратной стороне одного из перстней (№ 10211–51; рис. 1, 31) двумя резцами выгравированы знаки. Длинные линии (до 0.4 см) наносились инструментом с узким вытянутым краем, а боковые и изогнутые линии – резцом с заостренным окончанием. Само изображение представляет собой прямую линию с загнутым окончанием с одной стороны. На ней размещены знаки в виде русских букв Ж, О или Э, и завершаются они знаком в виде восьмерки. Сбоку находится самостоятельный знак в виде греческой буквы Ψ. Надпись не читается.

Рис. 4. Перстни конца XII–XIII в. 1 – № 14 (НМ РТ, № 10213–48), тип 3.6; 2 – № 19 (НМ РТ, № 10211–48), тип 3.5; 3 – № 24 (НМ РТ, № 10211–42), тип 2.3; 4 – № 27 (НМ РТ, № 5378–26), тип 3.8; 5 – № 28 (НМ РТ, № 245), тип 4.1; 6 – № 31 (НМ РТ, № 10211–51), тип 4.1; 7 – № 32 (НМ РТ, № 10211–37), тип 4.1; 8 – № 34 (НМ РТ, № 10211–29), тип 4.2; 9 – № 35 (НМ РТ, № 10211–52), тип 4.1; 10 – № 36 (НМ РТ, № 10211–38), тип 4.1; 11 – № 37 (НМ РТ, № 10211–32), тип 4.2; 12 – № 38 (НМ РТ, № 10211–46), тип 4.2; 13 – № 39 (НМ РТ, № 10211–45), тип 4.2; 14 – № 40 (НМ РТ, № 10211–41), тип 4.2; 15 – № 45 (НМ РТ, № 10211–30), тип 1.1; 16 – № 49 (НМ РТ, № 10211–34), тип 4.1.

Поскольку большая часть рассматриваемой коллекции происходит из подъемного материала, за исключением находок из Кожаяевскогоклада, обнаруженного в культурном слое поселения (таблица, № 1, 4, 13, 20), то даты изделий определяются по аналогиям со стратифицированными находками перстней (Билярское городище, Мурзихинское селище); датировкой вещевых кладов (Руденко, 2001а. С. 324–327) и поселений, где перстни найдены в подъемном материале (Фахрутдинов, 1975. № 174, 193). Учитывается также характер орнаментальных сюжетов на перстнях. В целом, период производства и бытования болгарских перстней с чернью охватывает XI–XIII вв., преимущественно XI–XII вв.

Таблица

№ п/п	Шифр	Место находки	Тип	Производство, вв.	Бытование, вв.	Место хранения	Рис. 1	Размер (см)
1	473–354/226	Кожаевский клад	3.1	1–2 четв. IX	XI–XII	БГИАЗ	1	1.8 × 1.8 × 1.9
2	250	Билар (?)	3.2	XI–XII	XI–XII	НМ РТ	2	1 × 1.85 × 1.8
3	V с.с.	V Семеновское селище	2.6	2 пол. XIII	XIII–XIV	БГИАЗ	3	2.2 × 1.9 × 0.7
4	473–356/226	Кожаевский клад	2.7	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	БГИАЗ	4	1.8 × 1.7 × 2
5	473–355/226	Кожаевский клад	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	БГИАЗ	5	1.9 × 1.7 × 1.9
6	10211*–47; 1182	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	6	1.9 × 1.4 × 2.1
7	10211–36	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	7	2.1 × 2.2 × 1.9
8	10211–39	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	8	2.2 × 2.2 × 1.7
9	10211–47a	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	9	1.6 × 2 × 1.9
10	997/36	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	10	2.2 × 2 × 2.2
11	10211–53	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	11	2.4 × 2 × 1.8
12	21736	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	12	1.8 × 2.2 × 2
13	473–355a/226	Кожаевский клад	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	БГИАЗ	13	1.9 × 1.7 × 2.1
14	10213–48	Болгар, Билар	3.6	XII	XII – начало XIII	НМ РТ	14	2.1 × 1.7 × 1.9
15	10211–31	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	15	2.1 × 2.4 × 1.9
16	10211–50	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	16	2.1 × 2.2 × 1.7
17	10211–43	Болгар, Билар	2.5	XI–XII	XI–XII	НМ РТ	17	2 × 1.8 × 1.5
18	10211–26	Болгар, Билар	3.3	XI–XII	XI–XII	НМ РТ	18	2.5 × 2.5 × 2.25
19	10211–48	Болгар, Билар	3.5	XII	XII – начало XIII	НМ РТ	19	1.6 × 2.2 × 2
20	473–356a/226	Кожаевский клад	3.7	1–2 четв. XII	XII	БГИАЗ	20	2.2 × 1.9 × 2
21	473–357/226	Кожаевский клад	2.4	1–2 четв. XII	XII	БГИАЗ	21	1.8 × 1.7 × 2
22	V с.с.	V Семеновское селище	3.1	XIII	XIII–XIV	БГИАЗ	22	1.2 × 1.2 × 1
23	10211–49	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	23	2.2 × 0.7 × 1.6
24	10211–42	Болгар, Билар	2.3	XII	XII – нач. XIII	НМ РТ	24	1.9 × 2 × 1.65
25	Б/ш	Мурзинское селище	2.2	XI–XII	XI–XIII	Частн. колл.	25	1.2 × 1.5 × 0.3
26	Б/ш	Мурзинское селище	2.1	XIII–XIV	XIII–XIV	Частн. колл.	26	1.6 × 1.9 × 1.8
27	5378–26; Лих 6/15; 20511	Билар	3.8	XII	XII – нач. XIII	НМ РТ	27	2.1 × 1.3 × 1.4
28	245	Болгар, Билар	3.8	XII	XII–XIII	НМ РТ	28	1.5 × 1.9 × 1.5
29	Б/ш	Мурзинское селище	4.1	XII	XII–XIII	Частн. колл.	29	2 × 2.2 × 2.2
30	Б/ш	Мурзинское селище	4.1	XII	XII–XIII	Частн. колл.	30	1.8 × 1.6 × 2
31	10211–51; 1187	Болгар, Билар	4.1	XII	XII–XIII	НМ РТ	31	1.8 × 2.2 × 1.8
32	10211–37	Болгар, Билар	4.1	XII	XII–XIII	НМ РТ	32	2.4 × 2.4 × 2.1
33	10211–35	Болгар, Билар	4.1	XII	XII–XIII	НМ РТ	33	2.2 × 1.8 × 1.8
34	10211–29	Болгар, Билар	4.2	XII	XII–XIII	НМ РТ	34	2.2 × 2 × 1.9
35	10211–52	Болгар, Билар	4.1	XII	XII–XIII	НМ РТ	35	2.2 × 1.8 × 1.8
36	10211–38	Болгар, Билар	4.1	XII	XII–XIII	НМ РТ	36	2 × 1.5 × 1.9
37	10211–32	Болгар, Билар	4.2	XII	XII–XIII	НМ РТ	37	1.8 × 2.2 × 2
38	10211–46	Болгар, Билар	4.2	XII	XII–XIII	НМ РТ	38	1.9 × 2.1 × 1.6
39	10211–45; ЭО-99/45	Болгар, Билар	4.2	XII	XII–XIII	НМ РТ	39	1.7 × 1.9 × 1.8
40	10211–41	Болгар, Билар	4.2	XII	XII–XIII	НМ РТ	40	1.75 × 2.15 × 2
41	V с.с.	V Семеновское селище	4.2	XII	XII–XIII	БГИАЗ	41	1.2 × 1.5 × 1.6
42	V с.с.	Мурзинское селище	4.3	XIII–XIV	XIII–XIV	БГИАЗ	42	2.4 × 1.8 × 2.1
43	V с.с.	V Семеновское селище	4.3	XIII–XIV	XIII–XIV	БГИАЗ	43	2.3 × 1.7 × 2.2
44	10211–40; 1180	Болгар, Билар	4.3	XIII–XIV	XIII–XIV	НМ РТ	44	1.8 × 2.4 × 2.1
45	10211–30	Болгар	1.1	XII	XII – начало XIII	НМ РТ	45	2 × 2 × 1.4
46	10211–28	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	46	1.9 × 2.2 × 1.8
47	10211–33	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	47	1.9 × 2.2 × 2
48	12624	Болгар, Билар	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	НМ РТ	48	0.7 × 1.7 × 1.8
49	10211–34	Болгар, Билар	4.1	XII	XII–XIII	НМ РТ	49	1.9 × 2.2 × 1.8
50	Б/ш	Мурзинское селище	2–3	XII	XII–XIII	Частн. колл.	50	2.75 × 1.1 × 0.5
51	Б/ш	Мурзинское селище	4.3	XIII–XIV	XIII–XIV	Частн. колл.	51	2.5 × 1.8 × 1.7
52	Б/ш	Мурзинское селище	3.4	XI–1–2 четв. XII	XI–XII	Частн. колл.	52	2 × 0.5 × 1.6
53	Б/ш	Мурзинское селище	2–3	XII	XII–XIII	Частн. колл.	53	1.6 × 1.5 × 1.2

* Коллекция № 10211 НМ РТ состоит из находок из собрания А.Ф. Лихачева, большая часть которых была приобретена в Биларе и его округе, хотя в нее могли быть включены и предметы с Болгарского городища. В тексте место находки предметов с этим шифром обозначено как Биларское городище.

Можно выделить несколько хронологических групп перстней. Первая хронологическая группа XI–XII вв. (рис. 3) характеризуется преобладанием в изображениях на перстнях композиций с крinoм и птицей: типы 2.2 (№ 25), 2.4 (№ 21), 2.5 (№ 17), 2.7 (№ 4), 3.1 (№ 1), 3.2 (№ 2), 3.3 (№ 8), 3.4 (№ 5–13, 15, 16, 23, 46–48), 3.7 (№ 20), 4.3 (№ 52).

Вторая хронологическая группа конца XII–XIII в. (рис. 4) представлена перстнями типов: 2.5 (№ 3), 1.1 (№ 45), 2.3 (№ 24), 3.5 (№ 19), 3.6 (№ 14), 3.8 (№ 27), 4.1 (№ 28–36, 49), 4.2 (№ 37–41) и перстнем со схематичным рисунком (№ 22). В этой группе сохраняются особенности изделий предшествующего времени как в технологии, так и в стилистике изображений. Вместе с тем наблюдается большая схематичность изображения.

Третья хронологическая группа второй половины XIII – начала XIV в. включает в себя перстни типа 4.3 со схематичным рисунком (V Семеновское селище; Биляр) (№ 43, 44, 51) и типа 2.1 (№ 26) с “узлом счастья”.

Из других черневых изделий, найденных в Булгарии, по орнаментике наиболее близка к перстням серебряная коробочка-капторга из Спасского клада 1869 г. (Толстой, Кондаков, 1897. С. 96. Рис. 122; Спицин, 1906. С. 265. Табл. VI). Находки черневых перстней в Посурье и Прикамье являются отчасти результатом болгарского импорта в XI–XII вв., а в остальном – местными подражаниями, копирующими форму, стиль болгарских перстней, но оригинальных в характере сюжетов.

Можно предположить, что у истоков болгарской черни стояли мастера хазарских нижневолжских центров X в., где применялась техника инкрустации, амальгамирования, чернения (Макарова, 1986. С. 26–29; Гаврилина, 1993. С. 81). Не противоречат этому и стилистические особенности накладок поясных наборов хазарского времени, имеющих сходство с рисунками на болгарских черневых перстнях (Мурашева, 2000. С. 91, 92), а также материалы болгарских поселений приустьевой части Камы конца X – начала XI в. (Казаков, 1991. С. 130. Рис. 44). Но поскольку в болгарских могильниках IX–X вв. и поселениях конца X – начала XI в. на Средней Волге черневых изделий не найдено, то, видимо, становление болгарского черневого искусства нужно отнести к периоду не ранее второй четверти XI в., хотя знакомство с изделиями этого круга произошло раньше.

Ближих аналогов болгарским перстням в торговле Ирана и Средней Азии, где широко использовали чернь на серебряных сосудах и украшениях XI–XII вв., нет (Dimand, 1947. P. 135; Маршак, 1976. С. 159; Даркевич, 1976. С. 115. № 10, 15, 19, 20, 27, 43–45, 47, 95, 105. Табл. 39–41; Маршак, 1985. С. 136; Jewelry, 1987. P. 145, 215. Ill. 333, 334, 532–534; Шедевры, 1990. № 20; Сокровища Приобья, 2003. С. 16, 17. № 5–9). Здесь наряду с черне-

нием фона нередко применялось подчеркивание с помощью черни деталей изображений (особенно выполненных в рельефе), что отсутствует на болгарских изделиях. В XI–XII вв. изделия русских ювелиров, работавших с чернью, хорошо были известны в Булгарии: например, бармы с чернью, найденные в Болгарах (Макарова, 1986. С. 109, 110. № 299–307; Полубояринова, 1993. С. 22–26).

Сюжеты рисунков на болгарских перстнях имеют русские и ближневосточные прототипы. На их основе в XII в. возник болгарский сюжет из сдвоенных трилистников (тип 4.1) и его стилизованные варианты (тип 4.2). После монгольского нашествия производство черневых перстней пришло в упадок и прекратилось к концу XIII в.

Искренне благодарю хранителя фондов драгоценных металлов Национального музея Республики Татарстан Халиуллину Светлану Измайловну за помощь, поддержку при работе с коллекцией перстней из фондов музея, Евгения Александровича Беговатова за возможность ознакомиться с найденными им перстнями (сейчас хранятся в фондах БГИАМЗ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахраров И.А., Ремпель Л.И. Резной штурк Афросиаба. Ташкент, 1971.
- Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.
- Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001.
- Бреполь Э. Теория и практика ювелирного дела. Л., 1977.
- Булгар. Город Булгар. Археологические находки. Таблицы. Литография К.А. Тилли. М., 1868.
- Гаврилина Л.М. Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
- Генинг В.Ф. Романовский клад // КСИИМК. Вып. 62. М., 1956.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.
- Кавеев М.М. Клад ювелирных изделий с Кожаевского IV селища // Археологическое памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.
- Кавка А. Перстни Камско-Волжской Болгарии (Собрание Гос. Исторического музея) // Изв. ОАИЭ. Т. XXXIV. Вып. 1–2. Казань, 1928.
- Казаков Е.П. Памятники приустьевой Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991.
- Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Тр. II АС. Вып. 1. СПб., 1876.
- Лихачев А.Ф. Драгоценный клад, найденный в Казанской губернии в 1882 г. // Тр. VII Археологического съезда в Ярославле. 1887 г. Т. II. М., 1891.
- Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986.

- Маршак Б.И.* Серебряные сосуды X–XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Искусство и археология Ирана. М., 1976.
- Маршак Б.И.* К вопросу о торевтике крестоносцев // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
- Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
- Недашковский Л.Ф.* Металлические изделия и литейные формы с Увековского городища // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
- Новиков В.П., Павлов В.С.* Ручное изготовление ювелирных украшений. СПб., 1991.
- ОАК за 1869 г. СПб., 1871.
- Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.
- Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Ремпель Л.И.* Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. М., 1978.
- Руденко К.А.* Булгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001а.
- Руденко К.А.* Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001б.
- Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань, 2001в.
- Руденко К.А.* Остров “Мурзиха” и его окрестности. Казань, 2002.
- Руденко К.А., Беговатов Е.А.* Перстни с чернью из Волжской Болгарии // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тез. 3-ей Региональной науч. конф. “Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья”. Н. Новгород, 1992.
- Руденко К.А., Беговатов Е.А.* Несколько перстней с чернью из Волжской Болгарии // Город Болгар и его округа. Болгар, 1994.
- Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
- Селиванов А.В.* Древности Старой Рязани // Тр. VII Археологического съезда в Ярославле. 1887 г. Т. II. М., 1891.
- Смирнов А.П.* Волжские Булгары // Тр. ГИМ. Вып. XIX. М., 1951.
- Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард; СПб., 2003.
- Спицин А.А.* Из коллекции Императорского Эрмитажа // Записки отделения русской и славянской археологии Археологического общества. Т. 8. Вып. 1. Пг., 1906.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. V. СПб., 1897.
- Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Болгарии и ее территории. Казань, 1975.
- Федорова Н.В.* Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. Л., 1991.
- Флеров А.* Сборка и отделка художественных изделий из металла. М., 1962.
- Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И.* Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Болгария и Русь. Казань, 1986.
- Чеканка. Просечка. Инкрустация. Донецк, 2003.
- Шедевры исламского искусства в Эрмитаже СССР. Кувейт, 1990.
- Dimand M.S.* A Handbook of Muhammadan Art. N.Y., 1947.
- Fedorov-Davydov G.A.* The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley, 2001.
- Jewelry 7000 years. An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum.* N.Y., 1987.

Finger rings with niello from Bulgaria Volga

K. A. Rudenko

Summary

The article is devoted to silver finger rings, that were found in the territory of Bulgaria Volga and are kept in two museums of Tatarstan and in private collections. Very similar finger rings also existed in Russia. The finger rings are classified by form of the plate and by ornament and are divided by the author into three chronological groups. The questions of technology are considered.

НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ М.В. ТАЛИЦКОГО: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОКОВ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2007 г. Т. И. Оконникова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Рис. 1. М.В. Талицкий. 1906–1942.

В ноябре 2006 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Михаила Васильевича Талицкого (рис. 1). Имя этого исследователя ассоциируется прежде всего с открытием первой палеолитической стоянки на западном склоне Урала, названной в честь первооткрывателя стоянкой имени Талицкого (Островская палеолитическая стоянка). Другие грани его деятельности гораздо менее известны. Между тем М.В. Талицкий – один из наиболее активных исследователей средневековой археологии Прикамья второй половины 1920 – начала 1940-х годов.

Деятельность Михаила Васильевича (как, впрочем, и деятельность других исследователей Западного Приуралья этого периода: А.В. Шмидта, Н.А. Прокошева, А.В. Збруевой) крайне слабо представлена в историко-научной литературе. В

отношении М.В. Талицкого это лишь одно-двухстраничные публикации, отражающие официальные события его биографии и результаты наиболее значимых научных достижений (Бадер М.А., 1953; Оборин, 1998б; От редакции..., 1946; Талицкая, 1952), которые имеют скорее справочный, нежели историко-научный характер. Предлагаемая статья представляет собой попытку несколько “оживить” образ Михаила Васильевича, взглянуть на основные вехи научной биографии исследователя сквозь призму оценок и отзывов о нем современников – учителей, коллег, близких.

Основой работы стали архивные источники, хранящиеся в фондах Научного архива ИА РАН и Научного архива ИИМК РАН. Это и официальные документы – отзывы о деятельности и научных трудах М.В. Талицкого, автобиографии М.В. Талицкого и И.А. Талицкой, фрагмент доклада И.А. Талицкой (Автобиография Талицкого, 1939; 1940; Автобиография Талицкой, б.г.; Бадер, 1935; Жуков, 1931; Талицкая, б.г.; Прокошев, б.г.), и сохранившиеся источники личного происхождения – письма А.В. Збруевой Н.А. Прокошеву (Письмо Збруевой, 1940а–в; 1941а–в).

Михаил Васильевич Талицкий родился 18 ноября 1906 г. в г. Ростове-Ярославском. Погиб 25 августа 1942 г. под Смоленском. До боли короткая биография – всего 36 неполных лет... Большая часть из них связана с археологией.

Еще во время учебы в школе 2-й ступени М.В. Талицкий принял участие в археологических работах Ростовского музея и Ростовского научного общества изучения местного края на Сарском городище. Руководил раскопками сотрудник Московского отделения ГАИМК Д.Н. Эдинг (1928). Это событие если и не сыграло решающей роли в выборе жизненного пути склонного к научной деятельности молодого человека, то, несомненно, способствовало его приходу в археологию. Сразу по окончании школы молодого энтузиаста приняли на работу в Ростовский государственный музей, где Михаил Васильевич классифицировал и подготовил к экспозиции археологические коллекции. В это же время он занимался рекогносцировочными обследованиями Ростовского района (Автобио-

графия Талицкого, 1940. Л. 16). Позднее его избрали секретарем Культурно-исторической секции Ростовского краеведческого общества.

В 1926 г. М.В. Талицкий поступил в I МГУ. Об этом событии в своей автобиографии, датированной 27 мая 1939 г., он написал: "...откуда (из музея. – Т.О.) и был командирован в Университет". (Автобиография Талицкого, 1939. Л. 13). По всей видимости, в дальнейшей судьбе М.В. Талицкого приняло участие руководство музея, о чем свидетельствует письмо в I МГУ из Главнауки НКП следующего содержания: "Главнаука НКП просит оказать возможное содействие для поступления на I курс этнологического факультета археологического отделения при I МГУ гр. Талицкому. Последний работал в Ростовском Гос[ударственном] Музее в качестве сотрудника по археологическому отделу, ввиду чего очень желательно дать ему возможность специализироваться в соответствующих областях" (Письмо ..., 1926. Л. 19).

Университетские годы М.В. Талицкого связаны с именем Бориса Сергеевича Жукова – лидера палеоэтнологической школы I МГУ, основы которой были заложены Д.Н. Анучиным. Ядром исследовательской программы московской палеоэтнологической школы стала идея комплексного (используя современную терминологию, междисциплинарного) подхода к изучению человека в его прошлом и настоящем, что предполагало интеграцию географических, антропологических, археологических, этнографических и лингвистических исследований. Огромное значение этой школы и вклад ее членов в развитие отечественной археологии и антропологии неоднократно подчеркивались в историко-научной литературе (Бадер, 1968; Генинг, 1982; Лебедев, 1992; Платонова, 2002; Чубур, 2003; Мельникова, 2003; Кузьминых, 2004). Вместе с тем назрела необходимость в самостоятельном системном исследовании феномена школы Анучина – Жукова, традиции которой по сей день не утратили позитивного потенциала (это особенно заметно в археологии Прикамья)¹.

Археологический кружок, палеоантропологическая лаборатория и Антропологическая комплексная экспедиция по Центрально-промышленной области (АКЭ по ЦПО) – это те организационные формы палеоантропологической школы I МГУ, в рамках которых шло становление многих известных ученых. Среди них – А.Е. Алихова, О.Н. Бадер, М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова, Г.Ф. Дебец, П.И. Зенкевич, А.В. Збруева, М.Г. Левин, С.Ф. Преображенский, Г.П. Сосновский,

М.В. Талицкий, С.П. Толстов, Т.А. Трофимова, Н.Н. Чебоксаров и др. (Бадер, 1968. С. 236). "О жизни и труде каждого из этих людей можно писать отдельные книги. Это была необычайно даровитая, талантливая плеяда молодых разносторонних ученых – археологов, антропологов, историков" (Чубур, 2003).

В январе 1931 г. Б.С. Жуков в "Отзыве о работах студента М.В. Талицкого", представленном в качестве рекомендации для поступления в аспирантуру Антропологического института МГУ, писал: "М.В. Талицкий известен мне со времени его поступления в университет как бывший провинциальный музейный сотрудник, серьезно заинтересовавшийся палеоантропологией и историей материальной культуры. Еще с первого года своей университетской работы он был привлечен мною к практической музейно-лабораторной работе в палеоантропологической лаборатории Антропологического института, в течение которой сверх программы своих академических занятий он имел возможность усвоить методику и технику лабораторной палеоантропологической работы, а также познакомиться со многими палеоантропологическими материалами. Начиная с лета 1927 г. М.В. Талицкий ежегодно работал в палеоантропологических отрядах комплексной Антропологической экспедиции МГУ сначала техническим помощником и практикантом, а в 1930 г. уже в качестве ответственного сотрудника по раскопкам Кочергинского могильника в Нижегородской области и по раскопкам и обследованию мегалитических культур Крыма. Во всех этих работах Талицкий показал себя способным к музейно-практической работе, интересующимся полевыми исследованиями работником.

С академической стороны М.В. Талицкий также проявил себя способным к научной деятельности и интересующимся как методическими вопросами, так и фактическим материалом сотрудником, вследствие чего я считаю его достойным быть зачисленным в аспиранты и поддерживаю его представление в качестве аспиранта Антропологического института. 10.I.31 г. Борис Жуков" (Жуков, 1931. Л. 25).

Но поступление М.В. Талицкого в аспирантуру к Б.С. Жукову не состоялось. Последний был арестован², следствием чего стали прекращение существования АКЭ по ЦПО (Бадер, 1968. С. 236) и распад палеоэтнологической школы I МГУ как

¹ Анализ теоретико-методологических основ данной школы был проведен В.Ф. Генингом (1982), но его оценки неизбежно несут на себе отпечаток эпохи. Сейчас сложились все условия для осмысления этого историко-научного явления на качественно новом уровне.

² Относительно даты ареста Б.С. Жукова в литературе имеются разночтения: называются и 1929 г. (Бадер, 1968. С. 235; Кузьминых, 2004. С. 144), и 1930 г. (Формозов, 2004. С. 203; Чубур, 2003; Решетов, 2004. С. 364), и 1931 г. (Люди и судьбы..., 2003. С. 166). Вероятней всего, Б.С. Жуков был арестован в 1929 г., затем освобожден и арестован снова в 1931 г., что подтверждается датой приведенного выше отзыва о М.В. Талицком, подписанного лично Б.С. Жуковым – 10.01.1931 (Жуков, 1931. Л. 25).

единого научного организма (Кузьминых, 2004. С. 144).

В 1931 г., по окончании университета по специальности “палеоантропология”, М.В. Талицкий стал научным сотрудником Музея антропологии МГУ, где работал до 1933 г. В 1946 г., уже после гибели Михаила Васильевича, оценивая его деятельность в Музее антропологии, коллеги отмечали: «Михаил Васильевич сразу проявил себя как заметный научный работник с огромным талантом художника, скульптора и реставратора, обладавшего к тому же “золотыми руками”» (От редакции..., 1946. С. 5). Тщательность и скрупулезность, свойственные М.В. Талицкому в работе с археологическим материалом, выделяла и М.А. Бадер³: “М.В. Талицкий был непревзойденным реставратором археологических объектов, в особенности керамики, и отличным иллюстратором; его чертежные работы украсили многочисленные издания ГАИМК и ИИМК” (1953. С. 192).

Несомненно, таким характеристикам М.В. Талицкий обязан опыту, приобретенному в палеоантропологической лаборатории МГУ и АКЭ по ЦПО. Именно школа Б.С. Жукова сформировала Михаила Васильевича как исследователя, воспитав его в традициях исключительного уважения к источнику, строгости и точности в методике исследования, приверженности к комплексному подходу в изучении ископаемых культур. Этот внутренний “стержень”, глубокие убеждения относительно целей и ценностей палеоэтнологии, ее места в системе других наук при изучении древнейших эпох человечества, основательные методические навыки — определяющие факторы, благодаря которым большинству учеников Б.С. Жукова удалось избежать резких “идеологических шатаний”, свойственных периоду 1930–1950-х годов в отечественной археологии. Свидетельством тому являются опубликованные работы М.В. Талицкого: в них практически не встречаются модная “стадиальная” терминология и воинствующая фразеология (за исключением отдельных выпадов в сторону А.В. Шмидта о поддержке последним “шовинистических теорий происхождения и движения финнов с запада”) (Талицкий, 1951. С. 74, 75).

В 1933 г. М.В. Талицкий перешел на договорную работу в экспедициях ГАИМК. В автобиографии этот свой шаг он объяснил так: “...здесь (в Музее антропологии. — Т.О.) было недостаточно возможностей для исследовательской работы” (Автобиография Талицкого, 1939. Л. 13), что стало следствием ликвидации АКЭ по ЦПО.

³ В 1927–1930 гг. — практикантка и научно-технический сотрудник палеоантропологической лаборатории Института антропологии I МГУ; в 1932–1934 гг. — научно-технический сотрудник Научно-исследовательского Института антропологии I МГУ, с 1938 г. — сотрудник МОИИМК; жена О.Н. Бадера.

Во время работы в ГАИМК М.В. Талицкий в составе экспедиций под руководством О.Н. Бадера провел археологические обследования на канале Волга–Москва и в зоне затопления Угличского и Рыбинского гидроузлов. Михаилом Васильевичем были обследованы участки Калинин–Кузнецово, Корчева–Кимеры, Скнятино–Калязин, Углич–Молога, на северном отрезке канала от Дмитрова до Иванькова и в некоторых других пунктах строительства. Основные результаты этих работ отражены в ряде публикаций О.Н. Бадера, выполненных в соавторстве с другими исследователями (Бадер, 1935; Бадер и др., 1935а, б; Бадер, Талицкий, 1935).

В 1935 г. Михаил Васильевич был принят в аспирантуру МОГАИМК. Рекомендацию для поступления ему давал уже О.Н. Бадер: “В связи с желанием тов. М.В. Талицкого поступить в аспирантуру могу рекомендовать его как работника с самой хорошей стороны. В последние годы, т.е. после окончания т. Талицким университета, он принимал участие в исследованиях экспедиции в зоне строительства канала Москва–Волга, работавшей под моим руководством, в качестве с.н.с. ... и начальником главного обследовательского отряда экспедиции. В зимние периоды принимал участие в камеральной обработке собранных материалов, являясь в этой области работником признанной квалификации... М.В. Талицкий является серьезным, положительным научным работником, глубоко связанным корнями своих интересов с вопросами антропологии и истории человеческого общества. 23.VI.1935. О. Бадер” (Бадер, 1935. Л. 26).

В аспирантский период Михаил Васильевич подготовил к изданию материалы по раскопкам Кочергинского могильника, проведенным в 1929–1930 гг. в ходе работ Вятского отряда АКЭ МГУ. Они увидели свет только в 1940 г. (Талицкий, 1940а) в составе “долгожданного” “камского сборника” — так называли сотрудники ИИМК первый номер МИА, целиком посвященный памятникам Урала и Прикамья (Письмо Збруевой, 1941а. Л. 93, 93 об.).

Во время учебы в аспирантуре начались “камские сезоны” М.В. Талицкого, о чем впоследствии он написал: “С работами на Каме связалась вся моя дальнейшая научная деятельность” (Автобиография Талицкого, 1940. Л. 16 об.). В 1935 г. Михаил Васильевич работал по договору в Камской экспедиции ГАИМК⁴, которой руководил старший научный сотрудник ГАИМК Николай Афанасьевич Прокошев⁵. В составе этой экспедиции также были задействованы П.И. Борисковский, А.В. Збруева, Я.В. Станкевич (рис. 2)⁶.

⁴ Подробнее об этой экспедиции см.: Прокошев, 1936.

⁵ О нем см.: От редакции..., 1946; Збруева, 1953; Оборин, 1998а.

⁶ ФА НА ИИМК РАН. Отп. О-1136.26

Рис. 2. Состав Камской экспедиции ГАИМК, 1935 г. Слева направо: Я.В. Станкевич, М.В. Талицкий, А.В. Збруева, Н.А. Прокошев, П.И. Борисковский.

М.В. Талицкий совместно с П.И. Борисковским провели обследование р. Чусовой на участке г. Чусовой – пос. Верхне-Чусовские городки (Талицкий, 1941б). В следующем году Михаилом Васильевичем были начаты самостоятельные раскопки Роданова городища (рис. 3)⁷, материалы которого легли в основу его диссертации по средневековым памятникам Верхней Камы. В 1938 г. им также проводилось обследование берегов Иньвы (правый приток Камы), в ходе которого были обнаружены 53 памятника различных эпох (Археологические экспедиции..., 1962. С. 118).

Крупнейшим открытием М.В. Талицкого стала палеолитическая стоянка у д. Остров на р. Чусовой⁸. В 1938 г. были осуществлены ее предварительные исследования, в 1939 г. они приобрели более масштабный характер (рис. 4)⁹. Археологическое сообщество оценило огромное научное значение этого события: "...открытие первой в восточной половине Волжского бассейна палеолитической стоянки дает интереснейший материал для постановки вопроса о первичном заселении важ-

ного района, лежащего на границе Европы и Азии" (От редакции..., 1946. С. 5).

Предварительные результаты исследования памятника достаточно оперативно были введены в научный оборот: уже в 1940 г. появились две публикации М.В. Талицкого, в которых помимо описания материала и условий его залегания изложены соображения относительно хронологической и культурной интерпретации стоянки (Талицкий, 1940б; в). "Михаил Васильевич с большой тщательностью отнесся к исследованию этого памятника, правильно оценив значение своего открытия. Уже в предварительных сообщениях... он отметил, что несмотря на то, что стоянка находится на западе от Уральского хребта, культура ее имеет сибирский характер и ближе всего напоминает нижний горизонт Афоновой горы под Красноярском...", – так коллеги оценили выводы Михаила Васильевича в 1946 г. (От редакции..., 1946. С. 5)¹⁰.

Раскопки Островской стоянки в 1939 г. сопровождалась разведками обнажений правого берега р. Чусовой, в ходе которых в урочище Пещерный

⁷ Фотография опубликована (Древности Восточной части Евразии..., 2005).

⁸ Открытие произошло благодаря школьникам, доставившим в Молотовский (Пермский) краеведческий музей фаунистические остатки, в том числе ребро мамонта (Талицкий, 1940в. С. 136).

⁹ Фотография также опубликована (Древности Восточной части Евразии..., 2005) и подписана "М.В. Талицкий и Н.Д. Семенова". Вероятнее всего, это И.А. Семенова – жена М.В. Талицкого, с которым они зарегистрировали брак лишь в августе 1941 г. (Автобиография Талицкой, б.г. Л. 40). В 1939 г. И.А. Талицкая участвовала в раскопках Островской палеолитической стоянки Молотовской области (Автобиография Талицкой, б.г. Л. 40 об.).

¹⁰ Позднее сложились несколько точек зрения о культурной принадлежности материалов Островской стоянки: сторонники первой настаивают на их восточноазиатском облике (Бадер, 1960; 1978), сторонники второй указывают на близость рассматриваемых находок костенковско-городцовской культуре Русской равнины (Рогачев, 1961; Формозов, 1977; Рогачев, Аникович, 1984); сторонники третьей, возникшей в результате открытия ряда других палеолитических местонахождений в регионе, рассматривают стоянку Талицкого как вариант собственно уральских палеолитических индустрий (Шербакова, 1994); принадлежность памятника к верхнему палеолиту не оспаривается (см.: Голдина, 1999. С. 48).

Рис. 3. Камская экспедиция, 1936 г. Роданово городище. Вид раскопа с запада.

Лог были обнаружены несколько отщепов и оружие. По их типологическим признакам и условиям геологического залегания М.В. Талицкий выдвинул гипотезу о возможном позднемустьерском возрасте орудий (1946б).

Довести до завершения раскопки Островской стоянки Михаил Васильевич не успел – помешала война. Из работы О.Н. Бадера и В.А. Оборина (1953. С. 181) об археологических исследованиях на Урале в годы Великой Отечественной войны узнаем: “Летом 1941 г. на Урал успела выехать только одна экспедиция из Москвы под руководством М.В. Талицкого. Прибыв в г. Молотов в середине июня, М.В. Талицкий направился в д. Остров в низовьях Чусовой для продолжения раскопок открытой им в 1938 г. палеолитической стоянки. Однако не успел он приступить к земляным работам, как разразилась война, и М.В. Талицкий, немедленно возвратившись в Москву, вступил в ряды народного ополчения”.

В 1942 г. исследования стоянки были продолжены М.П. Грязновым с участием В.И. Громова, А.А. Иессена, М.В. Воеводского (Археологические экспедиции..., 1962. С. 127; Бадер, 1978. С. 181, 182), а в 1945–1948, 1950–1952 гг. – О.Н. Бадером (Щербакова, 1994. С. 3, 4). В 1946 г. Островская стоянка была названа стоянкой имени Талицкого.

Однако основным направлением исследований М.В. Талицкого в Прикамье были его работы по средневековой археологии региона. Результаты изучения позднесредневековых памятников Верхней Камы легли в основу его кандидатской диссертации. При ее подготовке автору пришлось пережить немало трудностей и переживаний. Дело в том, что все научные работы – будь то диссертация, статьи для сборников – подвергались строжайшему обсуждению на заседаниях камско-уральской группы МОИИМК, членами которой являлись П.А. Дмитриев, А.В. Збруева, А.П. Смирнов, М.В. Талицкий (после завершения аспирантуры в 1939 г.), В.Н. Чернецов, Д.Н. Эдинг (см. напр.: Письмо Збруевой, 1940в. Л. 89 об, 90 об). Между “камчанами”¹¹ установились весьма доброжелательные и искренние отношения. Но при обсуждении научных работ друг друга они становились самыми суровыми и беспощадными критиками, преследуя при этом единственную цель – помочь коллеге увидеть слабые стороны своей работы и приблизиться к научной истине. Первоначальный вариант диссертации Михаила Васильевича, называвшейся “Народ вису и археология Прикамья”, тоже попал под этот “удар”.

Так, в письме Н.А. Прокошеву от 7 февраля 1940 г. А.В. Збруева писала: “Диссертация Талиц-

¹¹ Так называли себя члены камско-уральской группы МОИИМК (см. напр.: Письмо Збруевой, 1940а. Л. 116).

Рис. 4. Прикамская (Пермская) экспедиция, 1939 г. М.В. Талицкий и И.А. (?) Семенова на раскопе Островской стоянки.

кого подверглась основательной критике и по плану построения работы и по существу. Единодушное мнение всего коллектива такое: диссертация должна быть перестроена, во главу угла должна быть поставлена археологическая часть, а исторический экскурс о народе Вису и локализации его на Верхней Каме должен быть подчинен археологической части и представлен в качестве очень вероятной гипотезы, а не непреложного факта, как хотел это сделать Михаил Васильевич [...]. Самую убедительную критику использования арабских источников сделал Толстов, остальных глав – все понемногу. В общем, М.В. придется еще поработать, если он хочет, чтобы работа вышла хорошей” (Письмо Збруевой, 1940а. Л. 116, об.).

К критике работы присоединился и А.П. Смирнов – научный руководитель Михаила Васильевича, о чем сообщала А.В. Збруева Н.А. Прокошеву в следующем письме (от 14 марта 1940 г.): “...А.П. Смирнов указал целый ряд неточностей... Одно из главных его указаний – то, что памятники бассейна Вычегды отличаются не только географически, но и археологически” (Письмо Збруевой, 1940б. Л. 12, об.).

Несмотря на замечания коллег по МОИИМК М.В. Талицкий, по всей видимости, представил рукопись в Ленинград, в головное учреждение

ИИМК, о чем узнаем из того же письма А.В. Збруевой (от 14 марта 1940 г.): «...о диссертации Талицкого: я не знала, что он будет получать “мандаринскую шапку” через ИИМК и потому очень удивлена его смелостью представить работу в том самом виде, в котором она была так единодушно раскритикована МОИИМК. Мы все рекомендовали ее переработать и указывали М.В., как это сделать [...], но он, видимо, не хочет или не согласен с нами. А между тем работа в поправках нуждается» (Письмо Збруевой, 1940б. Л. 12).

В Ленинграде с работой М.В. Талицкого ознакомился Н.А. Прокошев – руководитель Камской экспедиции ГАИМК–ИИМК, единственный на тот момент специалист по Каме в Ленинграде. Сохранился его крайне негативный отзыв на диссертацию Михаила Васильевича (Прокошев, б.г. Л. 104, 105). Подчеркнув в первой фразе значение проделанной М.В. Талицким работы, назвав ее “весьма своевременной и интересной попыткой локализации ряда древних племен Приуралья, этнонимы которых содержатся в письменных источниках X–XVII вв.” (Прокошев, б.г. Л. 104), Николай Афанасьевич сразу перешел к ее критике, используя достаточно жесткие обороты по отношению к автору диссертации. В числе основных его замечаний: неполное соответствие названия и

содержания работы, неубедительный анализ этнонимов, встречающихся в письменных источниках, недостаточное внимание анализу археологических материалов в сравнении с обзором письменных источников. Он также рекомендовал охарактеризовать “хозяйство, быт, общество и идеологию народа вису” на основе археологических данных, полученных при раскопках Роданова городища. Н.А. Прокошеву не удалось избежать и эмоциональных выпадов в стиле 1930-х годов: «...работа должна быть решительно переработана в духе марровского наследия. Совершенно непозволительно... диссертанту, окончившему аспирантуру в учреждении, имеющем имя этого ученого, писать работу, выставлять ее в качестве диссертации и не знать, что Н.Я. Марр в ряде своих работ дает развернутое решение имени “вису”» (Прокошев, б.г. Л. 105).

Заключительный вердикт Н.А. Прокошева не отличался от основной рекомендации московских коллег М.В. Талицкого: “...работа много выиграла бы, если бы письменные источники в работе были отодвинуты в отношении их изложения после надлежащего развернутого фундирования работы археологическими материалами верхнекамских городищ” (Прокошев, б.г. Л. 105).

Таким образом многое из высказанного Н.А. Прокошевым лишь подтвердило замечания коллег по МОИИМК, но этот отзыв и, скорее, его жесткий тон окончательно испортили уже “трещащие по швам” отношения между двумя исследователями¹². В очередном письме Н.А. Прокошеву А.В. Збруева писала: “Талицкий оскорблен Вашим отзывом о его диссертации до глубины души. Он дал его прочитать только мне и при этом сказал, что я ошибаюсь, думая, что Вы к нему хорошо относитесь (я ему об этом говорила раньше на основании Ваших слов). ...Может быть, я не права, но в Вашем отзыве я тоже почувствовала желание его унижить” (Письмо Збруевой, 1941б. Л. 63). Там же А.В. Збруева высказала соображения относительно ухудшения отношений между Н.А. Прокошевым и М.В. Талицким: “...нет ли у Вас зуба против Талицкого из-за Островской стоянки? Я считаю, что раскопки этой стоянки М.В. есть нарушение неписаного закона о работе на Каме. Во всяком случае я на месте М.В. копать ее не стала бы без согласования с Вами (лично я копать бы

вообще не стала)” (Письмо Збруевой, 1941б. Л. 64)¹³.

В итоге диссертацию М.В. Талицкий защитил так и не успев, но основательно ее переработал с учетом высказанных замечаний. Это отразилось в содержании статьи “К этногенезу коми” (Талицкий, 1941а), а также опубликованных уже после гибели автора тезисов (Талицкий, 1946а) и самого текста диссертации (Талицкий, 1951). Изменено было и название работы – она стала называться “Верхнее Прикамье в X–XIV вв.”. Значение этого исследования и выводы М.В. Талицкого для своего времени были оценены следующим образом: «На основании многолетних экспедиционных исследований ему удалось локализовать на Верхней Каме одно из древних племен, обитавших здесь, и отождествить его с упоминаемым арабскими географами народом “вису”, показав, что это автохтонное население является предком современных коми-пермяков. Материалы из раскопок Роданова городища и некоторых других позволили М.В. установить, что около начала II тысячелетия н.э. на Верхней Каме произошел переход от родового хозяйства к хозяйству территориальной общины. Составленная Михаилом Васильевичем археологическая карта поселений X–XIII вв. на Верхней Каме и реконструкция жилища того времени представляют большую ценность для всех занимающихся изучением древней истории Прикамья» (От редакции..., 1946. С. 5)¹⁴.

Благодаря деятельности М.В. Талицкого археология Прикамья получила еще один весьма значительный для своего времени труд – “Материалы к археологической карте бассейна р. Камы”, вышедший в виде отдельного тома (Талицкая, 1952). Он был подготовлен к изданию женой Михаила Васильевича Инной Андреевной Талицкой¹⁵ после гибели мужа.

И.А. Талицкая была верной спутницей и соратником Михаила Васильевича. Она ездила с ним в большинство экспедиций, в том числе на раскопки Роданова городища и палеолитической стоянки на Чусовой. Бесконечная преданность мужу, желание завершить начатое М.В. Талицким и сохранить па-

¹² Для понимания ситуации в целом необходимы пояснения относительно взаимоотношений Н.А. Прокошева и камско-уральской группы МОИИМК. У Н.А. Прокошева установились тесные связи с московскими “камчанами” с начала совместных работ в Камской экспедиции в 1935 г. Однако отношения были не “безоблачными”. Скорее всего в возникновении недоразумений играли роль и натянутые отношения между головным ИИМК и его московским отделением, и претензии Н.А. Прокошева (вероятно, в чем-то справедливые) к камско-уральской группе в том, что она не учитывает его интересы при планировании работ (Письмо Збруевой, 1941в. Л. 39).

¹³ Дело в том, что Н.А. Прокошев специализировался на исследовании ранних периодов, изучал пещерные памятники Урала, копал памятники эпох камня и бронзы, а М.В. Талицкий – средневековые.

¹⁴ Современные исследователи подтверждают ценность вклада М.В. Талицкого в изучение вопросов происхождения, хозяйства и быта древнего населения Верхнего Прикамья по материалам памятников X–XIV вв., выделяя в качестве его заслуг локализацию памятников родановской культуры, доказательство ее автохтонного характера и принадлежности предкам коми-пермяков, обоснование ведущей роли пашенного земледелия в хозяйстве родановцев, характеристику их общественного строя как перехода от родовой организации к сельской общине (Голдина, Кананин, 1989. С. 7).

¹⁵ О ней см.: Смирнов, 1959; Талицкая Инна Андреевна..., 2000. С. 232.

мать о нем определили профессиональную судьбу Инны Андреевны после гибели Михаила Васильевича. Сохранился небольшой фрагмент выступления И.А. Талицкой в МОИИМК, где она докладывала о ходе работы над справочником по памятникам Урала и Прикамья: “В тяжелое время я вернулась в Москву из эвакуации в кон. 43 года. Год назад в 1942 г. погиб на фронте смертью храбрых наш товарищ по работе и мой муж М.В. Талицкий. Многие помнят, в каком я тогда была состоянии. Тяжелые годы, материальные трудности, оторванность от работников коллектива и в связи с этим полная растерянность и упадок духа.

Многие помнят Михаила Васильевича, многие знают, какой он был энтузиаст своего дела, как он был предан науке. Он, будучи на фронте, твердо верил, что победа близка, что скоро вернемся к мирному труду. Победа пришла. Мы теперь занимаемся той работой, право на которую завоевали нам он и тысячи ему подобных, положивших голову. И мне хотелось сделать что-то такое, чтобы память о нем не исчезла, чтоб проделанная им работа не пропала даром. И тогда я просила институт разрешить заняться составлением этого справочника на основе собранного материала.

Приношу глубокую благодарность нашему сектору, так тепло и душевно принявшему меня в свою среду, давшему мне возможность заняться этой работой, которая увлекла меня, облегчила мое горе, без преувеличения вернула меня к жизни...” (Талицкая, б.г. Л. 6).

В основу “Материалов к археологической карте бассейна р. Камы” легли материалы М.В. Талицкого, “...оставленные в виде черновых записей, зарисовок, дневников, рабочей картотеки и т.п.” (Талицкая, 1952. С. 8). Богатейший материал по Прикамью был собран Михаилом Васильевичем в ходе собственных обследований в регионе и во время посещения Пермского, Чердынского (Пермская обл.), Сарапульского (Удмуртия), Уржумского, Советского (Кировская обл.) музеев в 1938–1940 гг. В итоге было зарегистрировано около 1500 памятников от эпохи палеолита до XV в. Издание “Материалов...” было отмечено высокой наградой – И.А. Талицкая удостоилась премии Президиума АН СССР за 1952 г. (Автобиография Талицкой, б.г. Л. 41 об.).

Впоследствии, основываясь на материалах архива мужа, И.А.Талицкая также систематизировала данные по Верхней и Нижней Оби (1953), археологическим памятникам Башкирии (Смирнов, 1957)¹⁶. Ею же была завершена обработка материалов Роданова городища, раскопки которого были прерваны Великой Отечественной войной. “Ушед-

ший на фронт исследователь городища М.В. Талицкий не смог закончить свой отчет, и после его смерти остались неоформленными полевые дневники, чертежи и многочисленные схемы. Инна Андреевна проявила большое упорство, приведя в систему эти материалы, что позволяет уточнить дату этого городища и пересмотреть некоторые вопросы его истории” (Смирнов, 1959). Сейчас они хранятся в ОПИ ГИМ в виде трех единиц хранения (Материалы..., б.г.).

Завершая биографический очерк М.В. Талицкого, трудно отказаться от оценки его деятельности с позиции сегодняшнего дня. Внешние обстоятельства, в которых оказалась советская археология в 1930-е годы, были не в пользу М.В. Талицкого. На взлете исследовательской деятельности молодого ученого был арестован его научный руководитель и учитель Б.С. Жуков. Задерживалось издание материалов, полученных в ходе работ АКЭ по ЦПО – добротные источниковедческие публикации и результаты обследований тогда были не в цене. Сформировавшись как исследователь в традициях московской палеоэтнологической школы, М.В. Талицкий с трудом приспособился к навязываемой извне социологической методологии (по большому счету, так и не смог этого сделать) и оставался археологом в традиционном понимании этого слова. В итоге большая часть кропотливых трудов ученого осталась “за кулисами” официальной археологии 1930-х годов. Такая участь постигла тогда и многих других археологов.

Но, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, Михаил Васильевич успел сделать многое, особенно в археологии Урала и Прикамья. Ведя малоприметную внешне работу по исследованию верхнекамских средневековых памятников, описанию и систематизации полученных материалов, он выделил родановскую культуру X–XIV вв. на Верхней Каме, определил ее место в генетических связях местных древностей и этногенезе коми-пермяцкого народа. В ходе полевых обследований, изучения архивных фондов и музейных коллекций М.В. Талицкий собрал огромную картотеку, содержащую сведения об археологических объектах обширных территорий Приуралья и Зауралья, ставшую основой для составления первых каталогов по памятникам этих регионов. За тот короткий срок, который был отпущен Михаилу Васильевичу, ему выпала и большая удача – стать первооткрывателем палеолита на Урале. И это вряд ли было случайностью, а, скорее, стало результатом его большого опыта как исследователя-полевого, специалиста высочайшей квалификации.

Судьба не дала М.В. Талицкому возможности завершить начатое. Часть его работ была продолжена женой И.А. Талицкой и другими коллегами (исследования Роданова городища и Островской

¹⁶ Список археологических памятников Башкирии и прилегающих районов, составленный И.А. Талицкой, вышел в виде приложения к работе А.П. Смирнова по железному веку Башкирии (1957).

палеолитической стоянки, выпуск каталогов по археологическим памятникам Приуралья и Зауралья, публикация текста кандидатской диссертации “Верхнее Прикамье в X–XIV вв.”). Вопросы древней истории региона, основные пути решения которых были намечены М.В. Талицким – изучение проблемы первоначального заселения Урала человеком, исследование этногенеза народов Приуралья – по сей день являются ключевыми в археологии Урала и сопредельных территорий и разрабатываются новыми поколениями археологов.

Но, несомненно, многие замыслы и идеи Михаила Васильевича остались невоплощенными. Бесценные знания и опыт, приобретенные им в многотрудных экспедициях, скрупулезной кабинетной и музейной работе, оказались утраченными. “В лице М.В. Талицкого советская археология потеряла одного из молодых, многообещающих специалистов по археологии позднего железного века в Приуралье”, – писала М.А. Бадер, завершая краткий очерк его биографии (1953). К этому нужно добавить, что коллеги и близкие лишились верно-го товарища, надежного мужа и отца.

Жизнь Михаила Васильевича, столь рано оборванная войной, обьяла и радость грандиозных открытий, и горечь от непризнания его убеждений. Но он всегда оставался преданным науке. Такой он и сейчас в нашей памяти – всегда ищущий и стремящийся к новым открытиям исследователь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автобиография Талицкого М.В. от 25.05.1939 г. // Архив ИА РАН. Ф-9. № 45.
- Автобиография Талицкого М.В. от 1940 г. // Архив ИА РАН. Ф-9.
- Автобиография Талицкой И.А. б.г. // Архив ИА РАН. Р-6. № 57.
- Археологические экспедиции ГАИМК и ИИМК. 1919–1956 гг. М., 1962.
- Бадер М.А. Михаил Васильевич Талицкий (1906–1942). Библиогр.: Список печатных работ М.В. Талицкого // Ученые записки Молотовского ун-та. 1953. Т. IX. Вып. 3. Харьков.
- Бадер О.Н. Отзыв от 23.06.1935 // Архив ИА РАН. Ф-9. № 45.
- Бадер О.Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеографии Урала // МИА. 1960. № 126.
- Бадер О.Н. Памяти Б.С. Жукова // СА. 1968. № 4.
- Бадер О.Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.
- Бадер О.Н., Оборин В.А. Археологические исследования на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Ученые записки Молотовского ун-та. Т. IX. Вып. 3. Харьков, 1953.
- Бадер О.Н., Талицкий М.В. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгстрой). Участок Скнятино–Молога. Моги́льник у д. Рыболовки // ИГАИМК. 1935. Вып. 109.
- Бадер О.Н., Талицкий М.В., Збруева А.В. и др. Работы на строительстве канала Москва–Волга. Археологические памятники // ИГАИМК. 1935а. Вып. 109.
- Бадер О.Н., Талицкий М.В., Шибаева Ю.А. и др. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгстрой). Участок Скнятино–Молога. Позднеродовые и феодальные селища и могильники // ИГАИМК. 1935б. Вып. 109.
- Генинг В.Ф. Очерки истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев, 1982.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.
- Древности Восточной части Евразии в материалах Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. СПб., 2005.
- Жуков Б.С. Доцент I МГУ. Отзыв о работах студента М.В. Талицкого от 10.01.1931 г. // Архив ИА РАН. Ф-9. № 45.
- Збруева А.В. Николай Афанасьевич Прокошев (1907–1942 гг.) // Ученые записки Молотовского ун-та. Т. IX. Вып. 3. Харьков, 1953.
- Кузьминых С.В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего раннего металла // РА. 2004. № 4.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971. СПб., 1992.
- Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий в советский период (1917–1991). СПб., 2003.
- Материалы раскопок в Прикамье. Роданово городище // ОПИ ГИМ. Ф. 496. Ед. хр. 134–136.
- Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск, 2003.
- Оборин В.А. Прокошев Николай Афанасьевич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 1998а.
- Оборин В.А. Талицкий Михаил Васильевич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998б.
- От редакции. Памяти археологов, погибших в боях за Родину (П.А.Дмитриева, Н.П. Кривокурцева, А.П. Круглова, М.В. Талицкого, Н.А. Прокошева) // КСИИМК. 1946. Вып. 12.
- Письмо в I МГУ заведующего музейным отделом Главнауки НКП от 14.06.1926 г. // Архив ИА РАН. Ф-9. № 45.
- Письмо Збруевой А.В. от 7.02.1940а // РА НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 27.
- Письмо Збруевой А.В. от 31.03.1940б // РА НА ИИМК РАН. Ф. 43.
- Письмо Збруевой А.В. от 28.12.1940в // РА НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 84.
- Письмо Збруевой А.В. от 11.01.1941а // РА НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 84.
- Письмо Збруевой А.В. от 31.03.1941б // РА НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 84.

- Письмо Збруевой А.В. от 11.04.1941в // РА НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 84.
- Платонова Н.И. Панорама отечественной археологии “на великом переломе” (по страницам книги В.И. Равдоникаса “За марксистскую историю материальной культуры”) // АВ. 2002. № 9.
- Прокошев Н.А. Камская экспедиция 1935 г. // СА. 1936. № 1.
- Прокошев Н.А. Отызв на диссертационную работу М.В. Талицкого. б.г. // РА НА ИИМК РАН. Ф. 43. Арх. № 28.
- Решетов А.М. Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004.
- Рогачев В.И. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы // Бюл. КИЧП. 1961. № 18.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. Т. 1. М., 1984.
- Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА. 1957. № 58.
- Смирнов А.П. И.А. Талицкая (Некролог) // СА. 1959. № 2.
- Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // МИА. 1952. № 27.
- Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1953. № 35.
- Талицкая И.А. Опись домашнего архива и библиотеки и список археологических экспедиций, в которых принимала участие. б.г. // Архив ИА РАН. Ф-8. № 18.
- Талицкая Инна Андреевна (1907–1958) // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. М., 2000.
- Талицкий М.В. Кочергинский могильник // МИА. 1940а. № 1.
- Талицкий М.В. Островская палеолитическая стоянка близ Молотова // КСИИМК. 1940б.
- Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой // Бюл. КИЧП. Вып. 6–7. М.; Л., 1940в.
- Талицкий М.В. К этногенезу коми // КСИИМК. 1941а. Вып. IX.
- Талицкий М.В. Обследования по р. Чусовой в 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л. 1941б.
- Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. (Тез. канд. дис.) // КСИИМК. 1946а. Вып. XIII.
- Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка “Пещерный Лог” // КСИИМК. 1946б. Вып. XII.
- Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. 1951. № 22.
- Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.
- Чубур А.А. Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии (к 100-летию со дня рождения). Брянск, 2003.
- Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской) Екатеринбург, 1994.
- Эдинг Д.Н. Сарское городище. Ростов, 1928.

THE NEANDERTAL ADOLESCENT LE MOUSTIER 1. NEW ASPECTS, NEW RESULTS / Ed. H. Ullrich. Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. N.F. Bd. 12. Berlin, 2005. 354 S.

В канун 150-летнего юбилея открытия самого известного “классического” неандертальца в германской пещере Фельдховер (найден в 1856 г.) научное сообщество получило замечательный подарок в виде коллективной монографии, посвященной не менее известной и давно “классической” во многих отношениях находке – останкам неандертальского подростка Ле Мустье 1. Скелет индивидуума, жившего около 40 тысяч лет назад, стал объектом комплексного международного исследования. Уникальность Ле Мустье 1 до сих пор заключается в наилучшей для среднего палеолита сохранности черепа подростка, в возможности совокупного рассмотрения элементов зубной и посткраниальной системы.

Эта книга, выпестованная и заботливо подготовленная к печати известным восточногерманским антропологом Гербертом Ульрихом, объединила интернациональный коллектив специалистов из Франции, Австралии, Германии, Швейцарии, Венгрии, США, Канады. Авторы поставили своей целью не только изучение дополнительных аспектов биологии неандертальского индивидуума, связанных с методическим развитием палеоантропологии в последние годы, но и попытались осветить некоторые сугубо археологические вопросы. И, надо сказать, данная коллективная публикация добавляет много нового к сумме устоявшихся представлений о мустьерской находке.

Судьба скелета Ле Мустье 1 после его открытия складывалась достаточно драматично: он в буквальном смысле испытал разрушительную силу исторических событий XX века. Тем значительнее заслуга авторов рецензируемой книги, скрупулезно, шаг за шагом описывающих историю обнаружения, условия раскопок и последующего хранения уникальных палеоантропологических материалов.

Вслед за Г. Ульрихом (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. P. 11–17) напомним, что ископаемые останки открыл швейцарский археолог Отто Хаузер 7 марта 1908 г. при обследовании нижнего грота Ле Мустье (Дордонь, Франция). Череп извлекался из грунта в четыре приема, вплоть до 12 августа 1908 г., когда предстал перед исследователями в практически целом виде. О. Хаузер и антрополог Х. Клаач пришли к заключению, что в гроте было погребено в “спящей” позиции неповрежденное тело молодого индивидуума¹. Это пред-

ставление прочно утвердилось в археологической, в том числе отечественной литературе.

Полный череп с нижней челюстью и неполностью сохранившимся, фрагментарным посткраниальным скелетом был продан О. Хаузером в 1910 г. за 100000 золотых марок Королевскому Этнографическому Музею в Берлине (тогда же за меньшую сумму немцы приобрели верхнепалеолитический скелет из Комб Капель).

После 1931 г. скелет разместили в Гропиусбау, в отдельном Музее пре- и ранней истории (*Museum für Vor- und Frühgeschichte*). 3 февраля 1945 г. здание было разрушено при бомбежке. При этом, как считалось, был утрачен посткраниальный скелет Ле Мустье 1. В 1955 г. антропологи Г. Хеберер и Г. Курт искали в руинах Гропиусбау сожженные кости Ле Мустье и Комб Капель. Некоторые обугленные посткраниальные фрагменты были все-таки обнаружены и позже идентифицированы Б. Херманном (Hermann, 1977). Черепу подростка Ле Мустье 1 повезло больше: во время войны он был эвакуирован за пределы Берлина и не пострадал. В 1945 г. он попал в число перемещенных ценностей и оказался вывезен в Советский Союз. В 1958 г. он был возвращен в ГДР и в конечном итоге “переоткрыт” в одном из ящиков археологом Х. Хессе в 1965 г. До 1991 г. череп хранился в восточном Берлине, и только после объединения Германии занял свое место в западноберлинском Музее пре- и ранней истории. Как подчеркивает Г. Ульрих, череп и обугленные посткраниальные фрагменты совсем недавно воссоединились в одном коллекционном хранении после 45 лет раздельного существования. С этого момента в Берлин началось паломничество специалистов из разных стран (антропологов, стоматологов, ортодонтов, гистологов, физиков), большинство которых стали авторами рецензируемого тома.

Книга разделена на семь основных частей, посвященных истории исследования, морфологии и размерным характеристикам черепа, степени прорезания зубов и определению возраста, новым реконструкциям черепа Ле Мустье 1, посткраниальным останкам, модификациям черепа и скелета и рассмотрению находки в общем контексте неандертальской проблемы.

Безусловно, мы не имеем возможности подробно охарактеризовать каждую из 26 статей данного издания, поэтому постараемся осветить некоторые ключевые моменты новых исследований, способные существенно повлиять на устоявшиеся взгляды по поводу этой находки.

Историографический раздел книги открывает публикация, подготовленная французскими специалистами (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. P. 21–31). В ней прослеживается хронология раскопок в верхнем и нижнем гротах Ле Мустье на протяжении четырех поколений исследователей, история выделения мустьерской культуры и конфликт, возникший между О. Хаузером и французским археологом Д. Пейрони.

¹ Частично процитируем стандартизованное описание захоронения Ле Мустье 1, выполненное Ю.А. Смирновым (1991. С. 243, 244): “под головой погребенного скопление кремневых отщепов (“подушка”); погребение: целое, горизонтальное; корпус в положении на животе (?); голова на 2/3 на лицевой части, на 1/3 на правом боку; правая рука под головой, сильно согнута в суставах (угол в локтевом примерно 30°, правая кисть в состоянии пронации (?) на затылочной части черепа; кисть слабо флексирована; левая рука вытянута вдоль корпуса; кисть у левого тазобедренного сустава (?). Наличие инвентаря предположительно, поскольку погребение в культурном слое. Костице либо под, либо над костью – след обожженности (?) на правом бедре, возможно, от костра, соприкасавшегося с останками умершего”.

Германский ученый А. Хоффман (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 31–40) подробно освещает историю открытия и повторного обретения неандертальского скелета подростка, в большей степени концентрируясь на периоде, когда скелет хранился в Королевском Этнографическом Музее, а также на ранней реконструкции черепа Ле Мустье 1.

Особый интерес представляют не публиковавшиеся ранее документы из архива Германа Клаача, подготовленные к печати Г. Вегнером и внуком давно покойного классика немецкой антропологии (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 41–51). Воспроизводятся описания и зарисовки из дневников Г. Клаача (в полном виде эти дневники составляют от 15 до 20 тысяч рукописных страниц!). В частности, впервые в литературе представлена стратиграфическая схема от 4 апреля 1908 г. По мнению публикаторов, эти полевые заметки подтверждают тезис о том, что скелет в момент раскопок находился в анатомическом порядке.

С этим мнением не согласен автор следующей статьи Г. Ульбрих (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 52–61), подвергающий критическому разбору раскопки О. Хаузера и точку зрения Г. Клаача относительно состояния и положения тела неандертальского подростка во время его последнего упокоения. Г. Ульбрих основывает свои выводы на всем корпусе опубликованных данных и на имеющихся фотографиях находки *in situ*. Он предлагает совершенно иную интерпретацию захоронения: О. Хаузер раскопал только череп с нижней челюстью и некоторые посткраниальные фрагменты, которые не были ни в анатомической позиции, ни в анатомическом сочленении. Идею Г. Клаача о «спящем» положении тела неандертальского юноши Г. Ульбрих отвергает как миф.

Нижний грот Ле Мустье упокоил не только останки подростка. В 1914 г. Д. Пейрони нашел там скелет очень молодого индивидуума (Ле Мустье 2), а в 1910 г. О. Хаузер открыл впоследствии утраченный фрагмент черепа (Ле Мустье 3). Б. Морель (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 62–72) освещает историю повторного обнаружения в 1996 г. скелета Ле Мустье 2 в хранении Национального музея преистории (*Musée National de la Préhistoire*) и атрибутирует находку как скелет новорожденного «классического» неандертальца. Впервые вводятся в научный оборот измерительные морфологические характеристики, что представляется нам особенно важным в контексте их возможного сопоставления с мезмайской находкой.

К сожалению, сам Г. Клаач не публиковал подробного метрического описания черепа. В 1925 г. детальные измерения, основанные на оригинальной реконструкции черепа, печатались Вайнертом, но до сих пор не имелось исчерпывающего морфологического описания фрагментов черепа Ле Мустье 1. Этот пробел выполнен в тщательном исследовании авторов рецензируемого тома (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 79–94). Изучившие краниодентальную морфологию Й. Тэттерсолл и Дж. Шварц поставили целью ответить на вопрос, почему Ле Мустье 1 может быть отнесен к неандертальцам (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 95–103). В книге приводятся новые результаты радиографического обследования и компьютерной томографии черепа, выполненных разными исследовательскими группами (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 104–123, 149–156). Особое внимание привлекают выводы исследователей о надглазничной области черепа Ле Мустье 1 (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 124–133). Особенности краниума соответствуют ожидаемым у неандертальского подростка и обладают определенными чертами сходства с анатомически современными

взрослыми людьми. Тем самым авторы приходят к заключению, что неандертальский надглазничный валик в онтогенезе формируется поздно.

Исключительную научную ценность представляет раздел, посвященный описанию степени зубной зрелости и определению биологического возраста Ле Мустье 1. Вопреки утвердившемуся в отечественной литературе согласованному взгляду на биологический возраст Ле Мустье 1², в западных исследованиях этот вопрос оставался весьма дискуссионным. Стоит только упомянуть, что рецензируемому изданию предшествовало 25 публикаций, авторы которых давали мустьерскому индивидууму от 12 до 20 лет. Дж. Томпсон и А. Нельсон *The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 208–222) убедительно отвечают на вопрос, в чем причина подобных расхождений в результатах исследований, выполненных весьма авторитетными учеными. По-видимому, все дело в различиях в особенностях ростовых процессов между анатомически современными и неандертальскими детьми. Темпы достижения зубной и скелетной зрелости у индивидуума Ле Мустье 1 находились в резком противоречии, что, по мнению ученых, свидетельствует о глобальном отличии от ростовой кривой, характерной для *Homo sapiens sapiens*. Если же основываться на современных критериях зубного возраста, неандерталец Ле Мустье 1 скончался в 15.5 ± 1.25 лет. Опираясь на признаки, характеризующие степень полового диморфизма взрослых неандертальцев, в том числе на объем мозгового черепа, размеры зубов, угол нижней челюсти, головку бедра, исследователи обосновывают принадлежность Ле Мустье 1 к мужскому полу, что также уточняет предшествующие определения.

Реконструкции черепа рассматриваемого индивидуума производились восемь раз. Первые две выполнил Г. Клаач (1908 и 1910 гг.). В 1911–1912 гг. музейный куратор Е. Краузе восполнил недостающие части пластилином. В 1922 г. он же заменил их гипсом, а реконструкцию зубного ряда провел В. Дик. В 1923 г. свой вариант реконструкции предложил Вайнерт. На протяжении последних лет были выполнены две виртуальные, компьютерные реконструкции (Томпсон, Иллерхаус, 1998 г., Понс де Леон, Колликофер, 1999 г.) и двухмерная графическая реконструкция в правой боковой проекции, основанная на данных радиографии (Куоццо). Примечательно, что результаты этих исследований резко отличаются друг от друга. Так, расхождения в основных краниометрических показателях могут достигать 7 мм, а объем мозгового черепа варьирует от 1540–1590 до 1650 см³. Безусловно, подобные несоответствия побуждают к крайне осторожному использованию данных, полученных модными неструктивными методами.

Отдельный раздел фокусирует внимание читателей на описании пострадавших от бомбежки, обугленных посткраниальных останков. Невзирая на плохую сохранность материала, исследователи *The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 265–281) находят целый комплекс неандерталоидных особенностей. Гистоморфометрическое исследование возраста (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 282–292) выявляет резкое отставание скелетного возраста от зубного.

В статье Г. Ульбриха (*The Neandertal Adolescent...*, 2005. Р. 293–310) обсуждаются следы искусственных модификаций на скелете Ле Мустье 1. Речь идет о предсмертном переломе, признаках отсечения и отчленения головы, а также о присут-

² Ю.А. Смирнов (1991. С. 243), опираясь на мнение Й.-Х. Хайма (Heim, 1981), определяет возраст погребенного в 16–18 лет. А.А. Зубов (2004. С. 253) называет возраст 16–17 лет.

ствии характерных надразов и ямок на посткраниальных костях (в том числе на бедренной). Автор интерпретирует встреченные им следы как последствия сильного удара оружием по голове, а также очищения тела от мягких тканей и расчленения.

Раздел “Ле Мустье 1 и неандертальцы” включает пять обобщающих статей. Дж. Томпсон из 44 диагностических неандертальских признаков находит на краниуме Ле Мустье 35. Специфические неандерталоидные особенности наблюдаются в строении и зубной, и посткраниальной систем.

Статья С. Кондеми также помещает Ле Мустье 1 среди “классических” неандертальцев. Анализ строения височной кости приводит автора к выводу, что в юго-западной Франции эволюция неандертальской популяции протекала изолированно, без заметного влияния со стороны.

Погребальную практику неандертальцев, основываясь на данных антропологии, обсуждает Г. Ульрих. Он выделяет две стратегии обращения с телом покойного: захоронение отчужденных костей и погребение нетронутого тела.

Й. Тэттерсолл, Дж. Шварц анализируют Ле Мустье 1 в общем контексте неандертальской проблемы. Они рассматривают степень зрелости данного индивидуума как аналогичную 20-летнему возрасту современного мужчины. Нужно сказать, что, по мнению этих авторов, неандертальцы и современные люди представляют собой два отдельных вида, возможности гибридизации между которыми были строго ограничены.

“Жизни и смерти” неандертальского юноши Ле Мустье 1, реконструируемым по антропологическим данным, посвящена последняя часть книги. Этот молодой человек ростом 138 см (что соответствует длине тела десятилетнего современного мальчика), был подготовлен поколениями естественного отбора к существованию в условиях холодного климата. В частности, об этом говорят воссоздаваемые пропорции его тела. Он был левшой – это устанавливается по характерной асимметрии лобной и затылочной областей черепной коробки. Наконец, антропологами зафиксированы последствия тяжелой и болезненной травмы, связанной с переломом нижней челюсти слева. Благодаря гистологическо-

му исследованию стало ясно, что в последние годы жизни индивидуум испытывал серьезное воздействие биомеханического стресса, хотя его образ жизни с раннего детства был весьма активным. На костях посткраниального скелета сильно акцентированы места прикрепления мышц, что позволяет сделать вывод о тяжелых физических нагрузках.

В возрасте около 15 лет юный неандерталец погиб. Он упал и ударился правой стороной головы о камень или, что представляется авторам рецензируемой книги более вероятным, был убит какими-то орудиями несколькими ударами (в правую теменную и левую лобную области). После этого тело могло быть очищено от мягких тканей, расчленено, и череп с нижней челюстью и отдельными костями были помещены в специальный депозит в соответствии с принятыми в данной группе европейских неандертальцев погребальными традициями.

Безусловно, многие темы, затронутые авторами рецензируемого издания, еще долгое время будут оставаться дискуссионными. Но вместе с тем нет никаких сомнений, что включение в научный оборот уникальных данных об особенностях антропологических находок в нижнем гроте Ле Мустье послужит стимулом в исследовании неандертальской проблемы. Новые аспекты и новые результаты, рассмотренные создателями книги, свидетельствуют о том, что триумфальное возвращение неандертальца Ле Мустье 1 состоялось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. М., 2004.
- Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии: возникновение погребальной практики и основы тафологии. М., 1991.
- Hermann B. Über die Reste des postcranialen Skeletes des Neandertalers von Le Moustier // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. 1977. V. 68.
- The Neandertal Adolescent Le Moustier 1. New Aspects, New Results / Ed. H. Ullrich. *Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte*. N.F. Bd. 12. Berlin, 2005.

Институт археологии РАН, Москва

М.Б. Медникова

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА (2001–2002 гг.)

За рассматриваемое время была опубликована серия сборников и монографий, освещающих результаты археологических исследований, проводимых в Республике Узбекистан.

История материальной культуры Узбекистана. Вып. 32. Ташкент, 2001. 263 с.

Сборник открывает статья М.Х. Исамиддинова, посвященная 70-летию со дня рождения Г.В. Шишкиной. В ней отмечены большие заслуги юбиляра в изучении Афрасиаба – древнего Самарканда, где Г.В. Шишкиной был впервые вскрыт городской квартал VIII–IX вв., получены ценные данные по исторической топографии памятника. Отмечается также вклад юбиляра в разработку классификации средневековой глазурованной керамики. Т.Ш. Ширинов выступает с концепцией развития археологии Узбекистана, определяет четыре наиболее актуальные, на его взгляд, научно-

исследовательские темы и девять этапов в развитии цивилизации Республики с древнейших времен до эпохи Тимуридов.

У.И. Исламов, К.А. Крахмаль, Р.А. Холмухамедова, Р.Х. Худабердиев обобщают результаты палеоботанических, палеоэкологических и хроностратиграфических исследований раннего антропогена Южной Ферганы. Эти данные касаются памятников Сох, Чашма (Узбекистан) и Сельунгур (Киргизия). Исследователи выделяют три этапа природно-климатических изменений, произошедших в указанное время в данном регионе. У.И. Исламов, К.А. Крахмаль, Х. Зарифбаев, Ш.Х. Абдуллаев приводят итоги палеогеографических исследований эпохи антропогена в верховьях р. Чирчик, где расположены пещерные стоянки Ходжикент I, II, грот Обирахмат. Авторы выделяют здесь памятники от ашеля до неолита, прослеживают формирование ландшафтов, в которых обитали первобытные люди. М. Хужаназаров сообщает о своих исследованиях древних наскальных изображений

Сармишская – всего около 4000 экз. Они разделены автором на пять групп: антропоморфные, зооморфные, изображения оружия и орудий труда, эпиграфические и солирные знаки; выделяются также “неясные рисунки”. Часть изображений датируется V–II тыс. до н.э.

М.Д. Джуракулов и Г.Ф. Коробкова публикуют результаты трасологических анализов 367 орудий верхнепалеолитической Самаркандской стоянки, найденных в 1961–1967 гг. Установлено, что наиболее распространенными были скребла, ножи, долота и скобели. Б.К. Сайфуллаев знакомит с результатами изучения мустьерского местонахождения Кутурбулак. Из общего числа артефактов (5519 экз.) им выделено 420 орудий. Большая их часть представлена скреблами (37.6%) и зубчато-выемчатыми орудиями (30.3%). В.Д. Рузанов приводит данные спектроаналитических исследований изделий из меди и бронзы, найденных на городище Еркурган. Исследователь делает вывод о том, что в III–IV вв. ведущим металлом здесь была оловянистая и оловянно-свинцовая бронза. В V–VI вв., по его мнению, преобладают свинцовые и оловянно-свинцово-цинковые сплавы. Начинают производиться латунные изделия. Н.А. Аванесова суммирует сведения о находках эпохи бронзы с территории Афрасиаба, это преимущественно фрагменты керамики степного типа. Найдено также захоронение, датируемое автором статьи XVIII–XVI вв. до н.э. А.А. Аскаров размышляет об этнической принадлежности арийцев.

Б.Б. Туйчибоев рассматривает историческую топографию Уструшаны, опираясь на данные письменных источников, археологические материалы и исследования своих предшественников. К. Абдуллаев публикует керамический аск, найденный при раскопках Паенкурмана, датируя его II в. до н.э. Статья Г.И. Богомоллова и Ш.Р. Пидяева посвящена терракотовой плакетке, найденной недалеко от Халчаина. По мнению авторов, она датируется V–VI вв. На ее лицевой стороне помещено рельефное изображение мужского персонажа, держащего в руках аркан. Атрибутируется он как хранитель владельца плакетки-иконки “от порождений злых сил и наваждений колдунов; он защитник правды и закона”. Е.А. Смагулов знакомит с материалами раскопок некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе. Богатый погребальный инвентарь здесь представлен керамическими сосудами, металлическими пряжками, бусами, каменными геммами, заколками, амулетами, предметами вооружения. По мнению автора, эти материалы родственны материалам “присырдарьинских, каунчиновидных культур первой половины I тыс. до н.э.”. Н.С. Байматова предлагает свою версию истории строительства и конструций перекрытий хорезмийского памятника Баратам 1.

К.С. Антонини сообщает о результатах раскопок раннесредневекового укрепленного поселения Уччулах в Бухарском оазисе. Ею приведена стратиграфия поселения, выделены три периода в его истории: а) середина IV–V вв.; б) конец V–VIII вв.; в) XI–XII вв. Кратко характеризуется полученный материал, в частности кушанская монета Васудевы, терракотовая статуэтка с изображением женского божества. С. Хмельницкий представляет классификацию среднеазиатских раннесредневековых замков, выделяя четыре типа: 1) с периметральной застройкой двора; 2) с центральным купольным парадным помещением; 3) с купольным помещением в центре, утратившим парадный вид; 4) с парадно-приемными помещениями, расположенными в углу замка. М.Х. Пардаев знакомит с результатами раскопок центрального здания Камилбоотепа (VII–VIII вв.), расположенного недалеко от областного центра Джизак. Автором здесь

вскрыт комплекс помещений хозяйственного назначения. Найденная керамика – преимущественно кухонная. В одном из помещений обнаружены хумы – оссуарии.

Л.С. Баратова рассматривает медные монеты с изображением лучника, найденные в Южном Согде, которые являлись подражанием серебряным самаркандским монетам этого типа. Кешские монеты чеканились в первые века нашей эры. А.А. Раимкулов во время раскопок Коштепа близ г. Карши обнаружил остатки цилиндров из необожженной глины. Ранее раскопанное здесь здание атрибутировалось им как христианский храм, затем – как монастырь. Найденные цилиндры автор считает погребальными, расширяя, таким образом, функциональное назначение здания. Ш.Т. Адылов и Д.К. Мирзаахмедов, привлекая письменные источники и археологические материалы, исследуют историю города Вардана и владения Обавия, расположенных в Бухарском оазисе. М. Мамбетуллаев, Н. Торежанова, Ж. Турманов публикуют сведения о результатах возобновившихся в 1997 г. археологических раскопок на раннесредневековом городище Куюккала и оссуарном могильнике, расположенном по соседству с ним. В трех раскопах на городище выявлены участки оборонительной стены цитадели, отдельные помещения и участок стены шириной 9.4 м. Находки представлены монетами и керамикой, характерной для кердерской культуры. В алебастровых оссуариях могильника кости не сохранились. Л.Ф. Соколовская рассматривает изображения рыб и водной стихии на керамике Афрасиаба VII–XIII вв.

При раскопках Джанпыккалы был получен значительный керамический материал. Исследователь памятника О.Т. Даспанов предлагает классификацию и датировку одной из категорий керамики – светильников (чирагов), как керамических, так и каменных – тальковых. Они датируются IX–X вв.; XI–XII вв.; XIII–XIV вв. А.А. Грицина характеризует керамику XII – начала XIII в. уструшанского города Замина (Джартепа), которая происходит как из раскопанных помещений, так и из гончарных печей. Ш.Т. Адылов рассматривает топоним “Варахша”, предлагая для его объяснения две версии: 1) “гидротехническую” (производное от согдийского “Варки-Ша-х” – “Царская плотина”); 2) “дорожную” (“Фарахша”). По мнению исследователя, в основе топонима “Варахша” могло быть и сочетание слов первой и второй версий. Многочисленные фрагменты резного глиняного декора стен были найдены при раскопках городища Шахджувар в Ташкентской области. Авторы публикации, М.А. Реутова и М.Р. Тихонин, датируют их XII – началом XIII в. Б.Д. Кочнев рассматривает вопросы, связанные с атрибуцией Рабат-и-Малика, изучаемого Н.Б. Немцевой недалеко от древнего Кермине. Автор приходит к выводу о том, что памятник был возведен не Караханидом Арслан-ханом Мухаммедом б. Сулайманом в 1102–1130 гг., а другим правителем, Шамс-ал Мулком Насром б. Ибрахимом в 1078–1079 гг.

Н.Ж. Сапаров публикует два фрагмента люстровой керамики с зооморфными и растительными мотивами, найденных при раскопках Рабат-и-Малика. По мнению исследователя, на одном из них изображен кеклик. В статье Т.И. Лебедевой представлены материалы многолетних раскопок позднесредневекового арка Самарканда, в частности дворцов Амира Тимура Кук Сарай, Бустан Сарай, бань, жилого дома XIV–XVI вв., производственных и хозяйственных построек, кладбища, мавзолея и мечети. Г.В. Шишкина, А.А. Анарбаев, И.Д. Иваницкий, О.Н. Иневаткина, О.В. Кириллова сообщают о своем опыте изучения межквартирных участков городища Афрасиаб методом бурения. Для

этого был использован бур диаметром 0,9 м, бурение производилось на глубину более 5 м. Выявлены городские водоемы, на берегах которых располагались постройки, зеленые насаждения. Найдены преимущественно фрагменты керамики.

Дополнительная расчистка фрагмента живописи южной стены в жилом помещении Балалыктепа, проведенная реставратором Г. Ахадовой, выявила интересные детали и несоответствия в первоначальной прорисовке изображения, опубликованной Л.И. Альбаумом. Информация об этом содержится в заметке Г. Ахадовой. А.Р. Батиров исследует кости примерно 976 собак, найденных во время археологических раскопок в Узбекистане. Датируются они от эпохи мезолита до средневековья. По мнению исследователя, в эпоху бронзы люди держали собак среднего и крупного, в эпоху эллинизма – среднего и мелкого размеров. В средневековье в этом отношении наблюдалась более пестрая картина. О.В. Кириллова, Ф. Грене, Этьен де ла Вэссьер публикуют согдийский документ на коже, хранящийся в Музее истории Самарканда (на городище Афрасиаб). Предположительно он является частью архива с горы Муг. Авторами приведены двусторонний текст и его перевод. А.Х. Пардаев публикует материалы XV–XVI вв., касающиеся Джизака. Завершает сборник статья Э.В. Ртвеладзе, Т.Ш. Ширинова, М.Ш. Кдырнизова, А.Э. Бердимуратова, посвященная 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова.

История материальной культуры Узбекистана. Вып. 33. Ташкент, 2002. 310 с.

Сборник посвящен 60-летию известного археолога и нумизмата Узбекистана, академика Э.В. Ртвеладзе. Он открывается статьей Ю.Ф. Бурыкова, в которой перечислены наиболее значительные полевые и теоретические исследования юбиляра. Биография Э.В. Ртвеладзе освещена в статье Г. Гогуа, в которой автор приводит многочисленные высказывания коллег юбиляра, характеризующие его как ученого и человека, свое мнение о нем. А.С. Сагдуллаев делится воспоминаниями о совместных полевых исследованиях с Э.В. Ртвеладзе, проведенных в Южном Узбекистане. Д. Махкамов оценивает вклад Э.В. Ртвеладзе в изучение международных культурных связей и дипломатии.

Как и в предыдущем издании, значительный блок составляют публикации по первобытной археологии. У.И. Исламов и К.А. Крахмаль рассматривают вопросы генезиса и хроностратиграфии нижнепалеолитических памятников Южной Ферганы и Ташкентского района. На основе имеющихся материалов исследователи делают вывод, что Центральная Азия обживалась людьми уже в предплейстоценовое время. Проводя сравнительное изучение данных, полученных при раскопках мустьерских стоянок Узбекистана, главным образом Тешикташа и Кутурбулака, с материалами других памятников Средней Азии, в частности Карабуры и Огзи Кичик, Н.Х. Ташкенбаев пришел к заключению о том, что морфологическое и техническое их сходство появилось конвергентным путем. А.И. Кривошапкин, А.А. Аношкин, К.И. Милютин, Б.К. Сайфуллаев сообщают о результатах возобновившихся в 1998 г. раскопок грота Оби-Рахмат. В их статье приведена стратиграфия культурных слоев, полученная в раскопе, характеризуются находки, относящиеся ко времени перехода от среднего к верхнему палеолиту. М. Журакулов и Н. Холматов публикуют материалы неолитической стоянки Тепакул-4, расположенной в долине Зеравшана, и проводят их сравнительный анализ с материалами эпохи неолита других регионов Средней Азии.

В статье Б.Х. Матбабаева обобщаются результаты изучения жилищ памятников чувской культуры Ферганы, относящихся к XII–VII вв. до н.э. Автором предложена их классификация, выявлены аналогии и особенности ферганских жилищ. В.Д. Рузанов, взяв за основу статью В.И. Сариниди, Н.Н. Тереховой, Е.Н. Черных, касающуюся металлургии и металлообработки Южной Бактрии эпохи бронзы, делает попытку определить источники сырья для этого региона. Во время раскопок Афрасиаба было найдено 120 каменных орудий разного времени, предназначенных для обработки металла: наковальни, матрицы, гладилки-выпрямители, молоточки, активные и пассивные абразивы. Н.И. Алмазова разработала классификацию и определила функциональное назначение этих предметов, которыми самаркандские мастера изготавливали многие необходимые в быту вещи и ювелирные изделия. Ш.Т. Адылов, основываясь на своих исследованиях и результатах работ предшественников, предлагает историческую реконструкцию развития западной части Бухарского оазиса в VI в. до н.э. – III в. н.э. Д. Хуфф публикует рельефное изображение гиппокампа, оттиснутое штампом на керамическом изделии, которое найдено на Кампыртепа. Исследователь датирует его греко-бактрийским или кушанским временем, приводит аналогии, в частности те, которые имеются на гандхарских блюдах.

С.Б. Болелов суммирует результаты изучения горнов для обжига керамики второй половины I тыс. до н.э. – первых трех веков н.э., обнаруженных в Южном и Юго-Восточном Приаралье в разные годы. В зависимости от конструкции автор делит их на типы, подтипы и варианты, выделяет также специализированные горны. К. Абдуллаев рассматривает иконографию и эволюцию изображений Геракла, происходящих из Средней Азии. Э. Гюль анализирует терракотовые статуэтки I–II вв. н.э. из Кампыртепа, изображающие лошадь со всадником, лошадь без всадника и всадника. Предметом исследования Б. Абдулгазиевой является керамика первых веков н.э., найденная при раскопках поселения Камастепа в Фергане. Она покрыта так называемым даваньским орнаментом. На этой основе автор выявляет связи Ферганы с Согдом, Бактрией, Хорезмом и Индией. При раскопках Айртамского могильника были вскрыты 34 погребения. Б.А. Тургунов приводит их описание и классификацию. М. Мамбетгуллаев, анализируя керамику, архитектурные элементы Хорезма, рассматривает его как часть среднеазиатской историко-культурной зоны VII–VI вв. до н.э.

Ю.Ф. Бурыков публикует сводку серебряных монет и вещей, привезенных в древности из Средней Азии в Восточную Европу. Учитывая топографию находок, автор отмечает, что в основном они попали на территорию Центральной и Северной Руси в IX–X вв. главным образом из Шаха (Ташкента) и Самарканда. Взяв за основу археологические материалы, М.Х. Пардаев характеризует земледельческую и скотоводческую культуру древнего Джизака. З.И. Усманова и М.И. Филанович рассматривают алтари огня Древнего Мерва эпохи бронзы – раннего средневековья, выделяя особенно алтари Эрркалы и Гяуркалы. Г.Я. Дресвянская публикует предметы домашних святилищ Восточного и Южного Согда: курильницы, подвески, крышки, кубок с изображением петуха, керамическую головку и др. В.С. Минасянц информирует о четырех керамических оссуариях, найденных в 1988 г. на Тойтепа в Чирчикском районе. Автор датирует находки VI–VII вв., приводит их описание, касается семантики орнаментов.

Случайно найденному в окрестностях городища Канки кладу посвящена статья Г.И. Богомоллова. Клад состоял из ювелирных украшений X–XI вв., помещенных в керамиче-

ский кувшин. Опубликовано описание сохранившихся изделий, изготовленных из сплава серебра (50%), золота и меди (по 20%), – височных серег и бусины. А.А. Грицина, С.Д. Карабаев сообщают об итогах археолого-этнографического обследования бассейна Туркменская в Зааминском районе. Всего здесь зафиксировано 20 археологических памятников разного времени, собраны предания и легенды о некоторых из них. Богатая коллекция средневековой штампованной керамической посуды была найдена во время раскопок в Термезе. Ее характеризует Ш.Р. Пидаяев. Материалы раскопок военной казармы, расположенной на цитадели средневекового Ахсикета, приводит А.А. Анарбаев. Казарма состоит из 11 помещений, главным образом жилого назначения, выстроенных в цепочку. Датируется она “не ранее второй половины XII в.”. В помещениях найдены предметы вооружения, керамические, стеклянные и металлические предметы, монеты. Материалы раскопок крепости Хотамтой публикует Ш.А. Рахмонов. Крепость (42 × 18–24 м) расположена севернее Шерабада, у выхода в долину, состоит из четырех помещений, возведенных на каменном фундаменте, и двора. Одно из помещений было предвратным. При раскопках найдена коллекция поливной и неполивной керамики IX–XIII вв.

Н.Б. Немцева суммирует результаты археологического изучения Рабат-и-Малика, проводившегося в 1973–2001 гг. Она приводит общий план архитектурного комплекса, отдельные архитектурные детали, элементы декора, излагает свою версию его истории. Эту же тему продолжает статья Н.Б. Немцевой и Н.Ж. Сапарова. В ней рассматривается банный комплекс Рабат-и-Малика, расположенный в юго-западном дворе памятника. По мнению авторов, он был возведен в XII в. Статья М.Ш. Кдырниязова посвящена раскопкам дома “ремесленника-агрия” золотоордынского времени в Миздахкане. В его структуру входили жилые и хозяйственные помещения, производственный двор, в котором вскрыта давящая и резервуар для варки, видимо, масла, зернохранилище, подставка под жернов. Окна в доме закрывались остекленными решетками – панджара. Результаты археологических и архитектурных исследований позднесредневекового погребального комплекса, расположенного в Бухарском оазисе, опубликованы в статье Е. Некрасовой. А.Х. Пардаев характеризует позднесредневековую историческую географию Джизака.

Л.С. Баратова продолжает публикацию монетных находок из Кашкадарьинского оазиса. В ее статье речь идет о привозных монетах Бухарского Согда, бухархудатских монетах, анэпиграфных монетах со знаком Самарканда (V–VI вв.), сасанидских монетах Варахрана II, Шапура I, Хосрова II. С.А. Аширов приводит сведения о монетных кладах, найденных на территории г. Ташкент с 1872 по 2000 г. Всего им перечислено 76 кладов разного времени. В.В. Лунева исследует украшения эпохи бронзы, найденные при раскопках Сапалитепа, Джаркутана, Дальверзина (Фергана), Муминабада. Исследовательницей разработана их классификация, рассматривается семантика. М.А. Реутова и Г. Ахадова делятся опытом реставрации лессовой скульптуры из буддийского комплекса Каратепа. Они характеризуют технику лепки скульптуры, процесс ее закрепления и подготовки к экспонированию. Об итогах изучения раннесредневекового антропологического материала, происходящего с территории Северного Тохаристана, информирует С. Мустафакулов. Изучение костного материала из Каратепа, Дунетепа, термезского “Кургана”, Шуробкурмана, Биттепа привело автора к мнению о том, что в раннем средневековье в регионе преобладало население европеоидного типа.

Завершает сборник сообщение о смерти известного нумизмата Б.Д. Кочнева.

Археологические исследования в Узбекистане в 2001 году. Ташкент, 2002. 193 с.

Данный сборник является вторым выпуском отчетов авторов, проводивших раскопки на территории Узбекистана в 2001 г.

Б. Абдулгазиева, Б. Абдуллаев, Б.Х. Матбабаев проводили исследования на нескольких памятниках Андижана: Чордона, Сарвонтепа, Коштепа, Яккатепа. На Сарвонтепе впервые для Андижана получен керамический материал V–IV вв. до н.э. Б. Абдулгазиева сообщает о случайной находке юго-восточнее средневековой крепости Андижана крупного клада (более 3 тыс. экз.) медных монет, чеканенных в 1428–1429 гг. в Бухаре (2662 экз.), Самарканде, Андигане, Хисаре, Шахрухие, Термезе, Хутталяне. К. Абдуллаев публикует материалы раскопок Паенкурмана в Бойсунском районе, относящиеся к греко-бактрийскому, кушанскому периодам и XVIII в. Н.А. Аванесова сообщает о трех новых пунктах находок предметов эпохи бронзы из Зеравшанской долины. Все находки случайные; по мнению автора, они свидетельствуют о контактах в этом регионе населения юга Средней Азии и андроновских племен.

В отчете А.А. Анарбаева и Ф.А. Максудова содержатся сведения о раскопках 11 помещений на городище Эски Ахси (Ахсикенте) и материалах, полученных во время этих раскопок. Информация о случайных находках керамических оссуариев VI–VII вв. на Бешкапа в пригороде Ташкента и об исследовании некрополя Джаркутан приведена в статьях А.А. Аскарова. В отчете А.В. Беттса и В.Н. Ягодина речь идет о раскопках Ташкырмантепа, где, по мнению авторов, на ранних этапах находился один из главных священных огней Хорезма. В дальнейшем, с точки зрения А.В. Беттса и В.Н. Ягодина, похоже, что происходят изменения в культе, но поклонение огню сохраняется. Ю.Ф. Буяков информирует о результатах полевого изучения Бинакета – Шахрухия. Здесь вскрыты мастерские по производству стеклянных и керамических изделий, найдены фрагменты железного панциря и шлем. А.А. Грицина проводил исследования на Джартепе в Заамине. Им зафиксированы два культурных слоя – раннесредневековый и XII – начала XIII в. К последнему относятся остатки двух гончарных печей; раскопкам подвергся также могильник близ селения Карапчи.

Археологическая группа Самаркандского университета под руководством М.Ж. Джуракулова и Н.У. Холматова проводила изучение памятников каменного века в Самаркандской области. В селении Кумарик этой же области обнаружены керамические оссуарии, о чем сообщают М.Ж. Джуракулов и А. Хамидов. Г.П. Иванов информирует о работах сотрудников Ферганского областного музея на городище Кува. Здесь вскрыты культурные слои от VI до X–XII вв. На другом памятнике – Зурек Мома (I–IV вв.) – обнаружены остатки монументального здания, к востоку от которого найдены грунтовые и хумные захоронения этого времени. В статье З.И. Изатуллаева речь идет о новых находках раковин морских, тропических брюхоногих моллюсков на городище Афрасиаб. Благодаря им выявляются связи Средней Азии с Юго-Восточной и Восточной Азией. Раскопки на городище Коктепа позволили М.Х. Исамиддинову, Ф. Грене, А.А. Грицине более определенно говорить о существовании здесь храма, представлявшего собой квадратное здание с двумя башнями. Основанием для такого заключения послужили находки алтарей огня и каменных ритуальных изделий. Храм был возведен одновременно с “резиденцией правителя”.

О результатах работы комплексной археологической экспедиции в районах Ташкентской области сообщают У.И. Исламов, С.Р. Баратов, К. Алимов. Ее сотрудники изучали серию памятников от эпохи нижнего палеолита до раннего средневековья. Исследования зубов архантропа позволили определить возраст этих находок в 1.5 млн. лет. Итоги изучения памятников палеолита в долине р. Ангрен суммируются в статье У.Ч. Исламова, К.А. Крахмалю, С.Т. Мирсаатова. На поселении Миздахкан М.Ш. Кдырниязов и А.М.-Ш. Кдырниязов изучали банный комплекс XIII–XIV вв. с ташнау. Найден хум со стеклянными заготовками для окна, 42 сероглиняные крышки диаметром 38–42 см с разнообразной орнаментацией на верхней плоскости.

Б.Д. Кочнев знакомит научную общественность с новыми находками мусульманских монет с территории Узбекистана. Стал известен новый монетный двор караханидского периода Ванкат. Во время работ на городище Кердер в центральной его части найден склеп – сагона, сложенный из обожженного кирпича (IX–X вв.). По мнению М. Мамбетулаева и О. Юсупова, находка, видимо, связана с распространением ислама в этом регионе. Продолжались исследования на городище Токкала. Обнаружено 13 погребений в керамических сосудах, а также шесть погребений с труположением. Часть сосудов была изготовлена специально для захоронений, которые, по мнению М. Мамбетулаева, Ж. Турманова, О. Юсупова, хранились в домах. Раскопками, проводимыми Б.Х. Матбабаевым и Б. Абдуллаевым на городище Мингтепа в Фергане, выявлено четыре оборонительные стены общей толщиной 7.3 м. О начале работ на поселении первых веков нашей эры Олмаотишган-2 в Хорезме сообщают Ш. Матрасулов и К. Собиров. О результатах раскопок, проведенных на городище Кампыртепа, информирует статья Т.К. Мкртычева и С.Б. Болелова. Исследователям удалось выявить культурные комплексы раннекушанского, кушано-юэчжийского периодов и времени Канишки I в обеих частях памятника.

В статье С.И. Мустафакулова речь идет об изучении антропологического материала, обнаруженного в оставленных монашеских кельях Каратепа (32 захоронения). По мнению исследователя, материалы характеризуют начальный этап формирования расы Среднеазиатского Междуречья. Во время раскопок поминальной мечети мавзолея ходжи Данияра на Афрасиабе, проводимых под руководством Х.Ю. Мухитдинова, удалось проследить историю памятника от времени правления Тимура до XIX в. М.Х. Пардаев информирует о том, что при раскопках Калиятапа близ Джизака найдены материалы I–II вв.

Э.В. Ртвеладзе приводит перечень 40 монет, найденных при раскопках Кампыртепа. Они датируются селевкидским – кушанским периодами. В.Д. Рузанов, основываясь на изучении металлических изделий сапалинской культуры, предлагает свою версию датировки ее этапов. О продолжающихся раскопках на цитадели и I–II шахристанах Пайкенда сообщают Г.Л. Семенов и Д.К. Мирзаахмедов. На цитадели получены данные о планировке дворца; открыты два жилых дома, относящихся к двум периодам в истории памятника. Р.Х. Сулейманов и Х.А. Тойчиев проводили палеоэкологические исследования в долинах рек Ангрен и Чирчик. Изучались также антропогенные отложения на памятниках Кызылалма и Ташсай; открыт новый палеолитический памятник Ахангаран. М. Турбеков публикует материалы раскопок, проводимых на цитадели Гяуркала городища Миздахкан. В одном из пяти исследованных помещений IX – X вв. найдены фрагмен-

ты полихромной росписи. Во время работ М. Турбекова, Ж. Хакимниязова, Ф. Утепбергенова на городище Бограхан была прослежена история существования памятника в VII–XII вв.; он был разгромлен татаро-монголами и восстановлен в конце XIII – начале XIV в.

Продолжались раскопки на городище Шаштепа в Ташкенте. По мнению авторов отчета М.И. Филинович, Г.И. Богомолова, Л.С. Баратовой, “был уточнен храмово-погребальный характер раннего комплекса (II в. до н.э. – III в. н.э.)”, прослежена его история в более позднее время. На городище Акшаханкала в Каракалпакстане изучались предвратные оборонительные сооружения верхнего города, прослежена история их формирования. Выявлены две протейхизмы, установлена ширина ворот: 3.95 м. Исследования на памятнике проводились Г.Х. Ходжаниязовым, С.У. Хелмсом, Э. Снеддоном. Н.У. Холматов и М.Ж. Джуракулов характеризуют стратиграфию и материалы стоянки Тепакул-4 в Самаркандской области.

На Рабат-и-Малике работы велись в южной части памятника. Его исследователи – М. Хужаназаров, Н.Б. Немцева, Н. Сапаров – сообщают о раскопках бани и хозяйственных помещений в юго-западном и юго-восточном его дворах. Сотрудники Карманинского археологического отряда М. Хужаназаров, А.А. Грицина, Д.К. Мирзаахмедов проводили раскопки на Буркуттепа, городище Кухна Курган и в ущелье Биронсая в Навоийской области. Получены материалы IV–III вв. до н.э. – XX в. В Биронсае зафиксировано более 500 наскальных изображений разного времени. Ш. Шайдуллаев, Д. Хуфф, К. Рахимов продолжали изучение поселения эпохи бронзы Джаркутан. Ими уточнены стратиграфия и планировка памятника.

Раскопки в Пайкенде. Материалы Бухарской экспедиции. Вып. II–III. СПб., 2001–2002.

В обоих выпусках подробно характеризуется ход раскопок, проводимых Узбекско-Российской экспедицией на городище Пайкенд в Бухарском оазисе в 2000–2001 г. под руководством Дж.К. Мирзаахмедова и Г.Л. Семенова. Публикуемые материалы снабжены большим количеством чертежей, фотографий и рисунков.

Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент: Издательство народного наследия имени А. Кадыри, 2002. 255 с.

Монография посвящена древней истории Самарканда и его области. Этот регион активно исследуется археологами и историками более 100 лет. Основу археологической части монографии составляют материалы, полученные при раскопках двух крупнейших памятников Согда – Афрасиаба и Коктепа. В их изучении активное участие более 30 лет принимает автор монографии. Привлеченные им письменные источники содержат сведения о регионе, начиная с упоминания его в Авесте.

Монография состоит из введения, заключения, пяти глав, списков использованной литературы и сокращений. В них последовательно характеризуется история изучения рассматриваемой территории, формирование ирригационной системы, зарождение городской культуры. Отдельная глава посвящена эллинистическому периоду. В заключительной части монографии рассматриваются вопросы становления в регионе земледелия, происходившие здесь урбанизационные процессы, особенности местной культуры.

С.Б. Ланцов. “АНТИЧНОЕ СВАТИЛИЩЕ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ КРЫМА”. Киев: Стилос, 2003. 118 с., илл.

Святилища античного времени – чрезвычайно редкий вид археологических памятников в Северном Причерноморье, поэтому открытие каждого античного святилища представляет большой научный интерес. Можно только приветствовать выход в свет монографии С.Б. Ланцова, посвященной публикации и исторической интерпретации уникального комплекса бытовых и сакральных предметов, обнаруженных при археологических разведках и раскопках на пересыпи Сакского озера в Северо-Западном Крыму (Ланцов, 2003). Ценность и важность этой работы не вызывает сомнения. Она вводит в научный оборот значительное количество новых памятников скульптуры, эпиграфики, нумизматики и др. Кроме того, автор предлагает ряд нестандартных исторических построений и реконструкций.

Рецензируемая работа помимо введения и вводной первой главы содержит две части. В первой, публикационной части, состоящей из глав 2 и 3, приводится подробное описание памятника, детально рассматриваются различные категории находок, в том числе и уникальные. Во второй части (главы 4 и 5) дается разносторонняя интерпретация обнаруженных предметов и памятника в целом на широком фоне исторического развития Крыма в античное время. В работе рассматривается большой объем фактического материала, ее отличает самое близкое знакомство автора с исследуемым регионом и его памятниками.

В первой, вводной, главе подробно описываются природно-климатические условия района Сакского озера и археологическая ситуация в регионе. Этот раздел представляет самостоятельный интерес для всех, кто занимается проблемами археологии и древней истории Западного Крыма. В нем приводятся некоторые мало известные специалистам данные, в том числе и полученные автором в ходе археологических разведок.

Вместе с тем представляется, что при описании античных памятников региона их следовало бы сгруппировать хронологически. Судя по имеющемуся материалу, почти все они погибают в III или во II в. до н.э., и только поселения Кара-Тобе и Кизил-Яр продолжают существовать до конца I в. н.э. Лишь два указанных памятника оказываются частично синхронными реконструированному автором святилищу на Сакской пересыпи. Это существенно для понимания археологической ситуации в регионе в первые века н.э.

Кроме того, вызывает возражения включение в сводку известных археологических памятников района Сакского озера и города Парасин, о котором имеются лишь не очень ясные сведения в нарративных источниках. На мой взгляд, позиция автора относительно локализации Парасина в районе Сакского озера (Ланцов, 2003. С. 7, 8) выглядит неоправданно оптимистичной. Источники не содержат оснований для такой локализации, она базируется исключительно на допущениях С.Б. Ланцова.

В главах 2 и 3 приведено общее описание публикуемого памятника и основных категорий находок. Следует отметить, что памятник на Сакской пересыпи чрезвычайно сложен для исследования и интерпретации. Причина этого заключается в крайне плохой сохранности большей части материалов. Собственно говоря, памятник как таковой полностью разрушен, его культурный слой целиком уничтожен береговой эрозией, распашкой и грабителями. Как отмечает исследователь, публикуемые находки происходят из переотложенного озерного песка и полностью перемешаны (Ланцов, 2003. С. 14, 15, 22, 52) или собраны на всей площади пересыпи (менее 1,3 км²) за период более чем 30 лет (Ланцов, 2003. С. 13). Они практически лишены археологического контекста. В этой связи неоднократно применяемый автором по отношению к раскапывавшемуся участку термин “культурный слой” (т.е. исторически сложившаяся система напластований, образовавшаяся в результате деятельности

человека (Авдусин, 1972. С. 29)), на мой взгляд, неуместен и может ввести в заблуждение читателя. Речь должна идти о природном образовании (озерный песок), включающем отдельные артефакты из разрушенного культурного слоя.

Более того, сохранившиеся остатки даже не позволяют однозначно решить вопрос “по поводу того, что разрушенный грабителями памятник является святилищем, а не ботросом” (Ланцов, 2003. С. 14. Прим. 1). Но эта принципиальная для понимания и интерпретации памятника информация приведена лишь в примечании и как бы мимоходом. Здесь же автор признает, что нет оснований для отнесения обнаруженных на исследованном участке редких переотложенных камней к одной постройке (Ланцов, 2003. Рис. 6), фактически опровергая приводимую на той же странице гипотетическую реконструкцию некоего “строительного комплекса”. Вместе с тем С.Б. Ланцов совершенно прав, указывая, что появление обломков известняка в раскрытом переотложенном слое неслучайно и связано с деятельностью человека. В природных песчано-галечных отложениях пересыпи такие камни не встречаются.

Разделы, посвященные описанию и интерпретации отдельных находок, в целом выполнены на хорошем научном уровне и в большинстве случаев не вызывают возражений. Атрибуции и датировки основной массы находок сделаны профессионально и представляют большой научный интерес. Особенно важно введение в научный оборот уникальной коллекции скульптуры и лапидарных надписей (глава 3). Значимость проделанной работы увеличивается, если принять во внимание очень сильную фрагментированность материала, что делает его обработку чрезвычайно трудоемкой. Конечно, более широкое привлечение зарубежных публикаций, в первую очередь вотивных предметов с территории Фракии и Мезии, позволило бы внести некоторые уточнения и подобрать более близкие аналогии. Это может быть сделано при специальном углубленном исследовании опубликованного материала пересыпи.

Наиболее существенное замечание по главе 2, влияющее и на дальнейшие выводы, касается неверной датировки автором появления светлоглиняных узкогорлых амфор (Ланцов, 2003. С. 13, 15 и др.). Он пользуется устаревшей хронологической схемой, выдвинутой лишь как предположение Д.Б. Шеловым (1978. С. 18) и повторенной А.П. Абрамовым (1993. С. 45, 46). В соответствии с ней появление таких сосудов относится к концу I в. до н.э., а не ко второй четверти I в. н.э. (Внуков, 1988а. С. 205; б. С. 18; 2003. С. 202). Справедливость более поздней датировки появления рассматриваемых амфор доказывается хотя бы комплексами из слоев разрушений поселений Боспора, связываемых исследователями с событиями борьбы Полемона за власть (Масленников, 1995; Болдырев, 1999. С. 31, 32). Эти комплексы не содержат фрагментов подобных сосудов, а абсолютная дата содержащих их слоев определяется по нумизматическому материалу (Болдырев, 1999. С. 31, 32; 2002. С. 56, 57). К тому же кругу памятников относится и исследованная автором Кутлакская крепость, разрушение которой датируется им концом I в. до н.э. (что более правдоподобно) или даже началом I в. н.э. (Ланцов, 1999а. С. 134; б. С. 166). В ее материалах узкогорлые амфоры совершенно отсутствуют (Ланцов, 1999а. С. 134). Таким образом, вопреки мнению С.Б. Ланцова первые массовые находки тары на Сакской пересыпи относятся ко времени позже разрушения Кутлакской крепости и датируются не ранее второй четверти I в. н.э. (подробное обоснование хронологии светлоглиняных амфор см.: Внуков, в печати).

Также вызывает недоумение, почему раздел, в котором рассматриваются граффити, депинто, а также штамп и другие знаки по сырой глине, озаглавлен “Граффити”.

Особого внимания заслуживает нумизматическая коллекция с памятника. Она не имеет аналогий в Западном Крыму как по набору центров-эмитентов и монетных типов, так и по хронологическому диапазону представленных монет. При этом сохранность некоторых экземпляров позволила С.Б. Ланцову сделать ценные уточнения изображений на монетах и предложить их новые интерпретации.

По поводу главы 3 следует высказать лишь два замечания. Не ясно, почему при описании мраморного фрагмента № 24 (Ланцов, 2003. С. 30) автор указывает, что остатки стершейся надписи на нем нечитаемы. На опубликованной прорисовке приведены буквы К(?)ΤΙΤΕ..., которые просматриваются и на фотографии данного обломка (Ланцов, 2003. Рис. 35, 2¹; 34, 7). Кроме того, на мой взгляд, неоправданно смелы определения автором некоторых природных камней в качестве votивных предметов (Ланцов, 2003. С. 24. Рис. 31, 1, 2). Подобная известняковая галька, порой встречающаяся на Сакской пересыпи, может иметь самую причудливую форму из-за неоднородной структуры материала.

При интерпретации материалов Сакской пересыпи следует постоянно иметь в виду, что этот район в античное время был хорошо обжит (Ланцов, 2003. С. 9–12), и по пересыпи, как справедливо отмечает автор, проходила оживленная дорога. Путешественники, несомненно, постоянно оставляли по ее сторонам следы своего пребывания. Кроме того, на пересыпи, видимо, действительно располагались отдельные легкие хижины или сезонные "хуторки" рыбаков и соледобытчиков. В результате практически на всей площади пересыпи и на прилегающих к ней территориях встречаются единичные фрагменты керамики разных эпох (Ланцов, 2003. С. 15, 34). По моему мнению, нельзя говорить о появлении здесь на рубеже IV–III вв. до н.э. какого-то стационарного пункта или даже "раннего греческого поселения" лишь на основании находок монеты Керкинитиды, нескольких амфорных фрагментов и четырех обломков чернолаковых сосудов, собранных по всей пересыпи (Ланцов, 2003. С. 15, 33, 34). В целом автор правильно связывает динамику поступления этого очень немногочисленного материала в IV–III вв. до н.э. с исторической ситуацией в регионе. Но перечисленные единичные находки, видимо, происходят не из существовавших здесь постоянных поселков, а отражают интенсивность сезонного посещения пересыпи и использования дороги в разные периоды, поэтому бессмысленно искать точное местоположение таких "памятников" (Ланцов, 2003. С. 34).

Учитывая предложенную выше коррекцию нижней даты узкогорлых светлоглиняных амфор, следует отметить, что керамический материал II–I вв. до н.э. на всей пересыпи тоже имеет случайный характер. Находки керамики этого времени представлены здесь буквально единичными обломками родосской, косской, синопских и позднегераклейских псевдокосских (C I) амфор и, возможно, считанными фрагментами лаковой керамики (Ланцов, 2003. Рис. 7). Таким образом, вопреки мнению автора керамические находки не дают основания говорить о существовании на пересыпи поселения любого вида ранее как минимум конца I в. до н.э.

Существенно иную картину демонстрируют нумизматические находки. Прежде чем перейти к анализу этой коллекции, хочется отметить, что автор, несмотря на сделанное заявление (Ланцов, 2003. С. 34), все же абсолютизирует датирующее значение отдельных монет. Он не всегда учитывает возможность их длительного обращения (что более важно для наших датировок, чем время выпуска), особенно в "смутные времена", к которым относится и период после гибели Митридата VI. Так, монеты, чеканенные в период правления этого царя, встречаются в кладах до предпоследнего десятилетия I в. до н.э. (Болдырев, 2002. С. 56–58).

Кроме того, имеется возможность уточнить приведенные в монографии датировки некоторых монет. В первую

очередь это касается боспорских выпусков I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Автору остались неизвестны работы С.И. Болдырева, в которых достаточно убедительно уточняется время появления монет Кесарии, Агриппии и несущих монограммы типа BAЕ (1999; 2001. С. 127; 2002). Как показал анализ кладов, их чеканка относится уже к периоду после гибели Полемона. Далеко не бесспорны и датировки херсонесских монет I в. до н.э. – начала I в. н.э., предложенные В.А. Анохиным (1977) и используемые С.Б. Ланцовым. Не исключено, что на самом деле эти даты должны быть существенно омоложены (Болдырев, 2001). Недостаточно убедительно выглядит также попытка автора передатировать херсонесскую монету типа "голова Гермеса – рог изобилия" (Ланцов, 2003. С. 34). На мой взгляд, этот сложный вопрос лучше предоставить рассмотрению специалистов (ср.: Анохин, 1977. С. 32, 146. № 173; Туровский, 1997. С. 40, 63. № 174), а до тех пор вообще оставить данную находку как бы за скобками нашего хронологического анализа. Ее дата не оказывает существенного влияния на получаемые результаты.

Хронологическое распределение публикуемых монет может быть представлено в виде гистограммы (рисунок). Ее временная шкала разделена на отрезки в 25 лет². Здесь не отражены монета Керкинитиды, справедливо рассматриваемая С.Б. Ланцовым как случайная в выборке (2003. С. 34), и упоминавшаяся выше херсонесская монета, датировка которой спорна. На гистограмме выделяются три разновременных пика, датирующиеся концом II в. до н.э. – 14 г. до н.э., I в. н.э. и II – серединой III в.

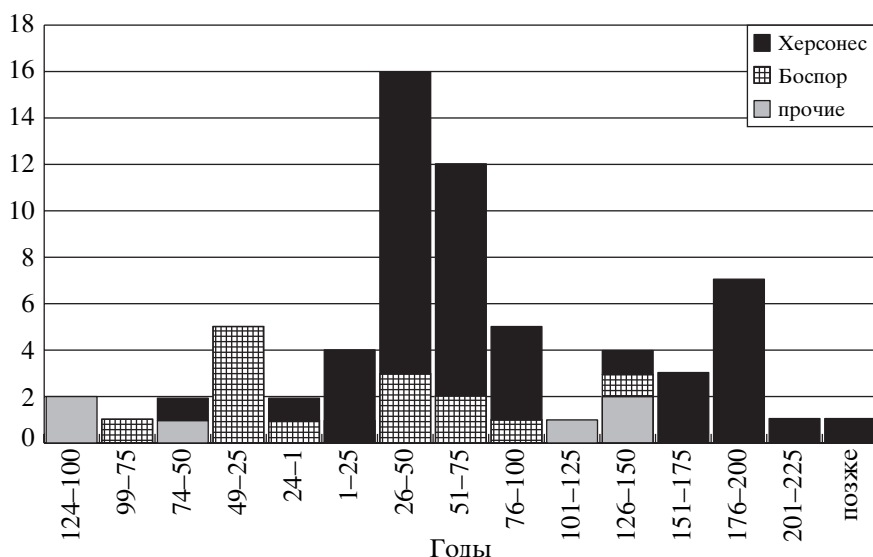
Наиболее своеобразен самый ранний, не очень четкий пик. Его составляют 12 монет, чеканенных в период со 111 по 17–14 гг. до н.э., т.е. до смерти Полемона: 3 монеты Амиаса периода Митридата Евпатора, 7 боспорских различных чеканов (из 15 обнаруженных) и только 2 херсонесские. В эту же группу можно отнести и спорную херсонесскую монету, которая не влияет на общую картину. Пять из приведенных боспорских монет принадлежат одному типу 30–20-х годов до н.э. (Ланцов, 2003. Каталог монет. № 51–55). Они одни из самых поздних в группе. Подобная асимметрия распределения монет в комплексе по датам чеканки с преобладанием поздних выпусков обычно характерна для кладов кратковременного накопления (Федоров-Давыдов, 1985. С. 107, 108).

Таким образом, в рассматриваемой группе херсонесские монеты (если принять датировки В.А. Анохина) составляют менее 17%. Отмеченный набор монетных типов совершенно необычен для памятников Северо-Западного Крыма, где боспорские монеты этого времени единичны (Дашевская, 1991. С. 21) или вообще отсутствуют (как на ближайшем городище Кара-Тобе (Внуков, Коваленко, 2004)).

В то же время рассматриваемый монетный комплекс находит аналогии среди кладов Боспора, связываемых с событиями войн Полемона или с предшествующими им (Болдырев, 2002. Прил. 1. № 1, 8, 13, 14, 16). В этих кладах, при преобладании самых различных боспорских монет, чеканенных на протяжении I в. до н.э. (за исключением монет Кесарии, Агриппии и с монограммами), присутствуют южнопонтийские выпуски времен Митридата VI и редкие монеты Херсонеса того же времени. Они были выведены из обращения незадолго до 14/13 г. до н.э. и с монетами более позднего времени в кладах не встречаются (Болдырев, 2002. С. 58). Следовательно, можно предположить, что все найденные на пересыпи монеты ранней группы обращались и отложились

² На гистограмме показаны даты выпуска, но не обращения монет. При длительной чеканке монет какого-либо типа отмечена лишь их верхняя дата. Этим в некоторой степени компенсируется время обращения монеты до ее отложения. Для боспорских монет применены датировки, предложенные С.И. Болдыревым (1999; 2002), для остальных – приведенные С.Б. Ланцовым. Если принять все возможные поправки, то представленная гистограмма окажется еще более выразительной.

¹ На этом рисунке перепутана нумерация объектов, номер рассматриваемого фрагмента вообще не указан и определяется только из текста работы.

Гистограмма хронологического распределения монет, найденных на Сакской пересыпи.

одновременно. Длительность обращения боспорских монет (судя по потертости) отмечает и сам автор монографии (Ланцов, 2003. С. 22).

Выше уже указывалось, что никакого массового материала, относящегося к тому же периоду, на Сакской пересыпи не обнаружено. Описанные 12 (или 13) монет являются единственной представительной категорией, уверенно датированной временем ранее последнего десятилетия I в. до н.э. Сложно установить причину столь резкого вброса боспорской меди на Сакскую пересыпь. Не исключено, что это часть клада, оставленного или утерянного в 20–10-х годах I в. до н.э. одним из проезжавших по дороге путешественников. В пользу данной гипотезы косвенно свидетельствует и отмеченная асимметрия распределения монет в группе по датам чеканки с преобладанием поздних выпусков (рисунок).

Даже если это предположение неверно, все равно нет твердых оснований считать, что монеты рассматриваемой группы откладывались по мере их выпуска, а не на протяжении относительно короткого периода в третьей – начале четвертой четверти I в. до н.э. Если бы не были известны обстоятельства находки в 1958 г. в этом же районе клада римского серебра I в. до н.э. – I в. н.э., зарытого в правление Тита (Гилевич, 1965. С. 107), и его монеты были бы растащены плугом по пересыпи, с тем же основанием можно было бы заявлять о регулярном посещении “святилища” римскими адептами с I в. до н.э.

Таким образом, данные нумизматики также не дают оснований уверенно говорить о появлении на Сакской пересыпи какого-либо стационарного памятника в конце II в. до н.э., тем более интерпретировать его как святилище. Находка в переотложенном слое монет, чеканенных от 111 г. до 20-х годов до н.э., находившихся в обращении совместно почти до 14/13 г. до н.э., обстоятельства попадания которых в землю не ясны, не является достаточным основанием для столь ответственного заключения.

В силу изложенного выше представляется, что все далеко идущие исторические построения С.Б. Ланцова, касающиеся якобы существовавшего на пересыпи в конце II – конце I в. до н.э. святилища (реконструкция битвы со скифами, культурная принадлежность памятника, соглашение об амфиктионии, реконструкция культов и многие другие (Ланцов, 2003. С. 34 и сл.)), не имеют фактической основы. Их, а также предлагаемую дату и обстоятельства появления этого

“святилища” или “херсонесского пункта” нужно оставить на совести автора.

Хочу остановиться на одном сюжете предложенных в монографии реконструкций. Автор рисует картину битвы между понтийской пехотой и роксоланской конницей, якобы произошедшей на Сакской пересыпи (Ланцов, 2003. С. 35, 36). Письменные источники не дают оснований для такой локализации места сражения. Кроме того, площадь пересыпи (менее 1.3 км²), часть которой занимают рыхлый песчаный пляж и заболоченный, заросший тростником и кустарником берег озера, слишком мала для действий десятков тысяч воинов. Полностью нереальным выглядит и описываемый автором маневр понтийцев. Согласно его реконструкции, при выходе многотысячной варварской конницы на пересыпь якобы прятаящиеся в приозерных зарослях 6000 гоплитов выстраиваются в две фаланги и перегораживают пересыпь с двух сторон. Конница просто не позволила бы малоподвижным тяжеловооруженным воинам выбираться из зарослей и строиться в боевой порядок буквально перед мордами коней³. Неправдоподобность этой картины отметили и другие исследователи (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 74).

Не могу также пройти мимо вопроса о локализации крепости Евпаторион, затрагиваемого автором. Не имея возможности вдаваться в детали этой проблемы, отмечу, что новые материалы, противоречащие точке зрения С.Б. Ланцова, приведены в моей работе, опубликованной после выхода рецензируемой книги (Внуков, 2004).

Более поздний материал, обнаруженный на пересыпи, принципиально отличается от описанного выше комплекса. Помимо монет здесь появляются фрагменты керамики – обломки амфор, краснолаковой посуды (в основном открытых форм (Ланцов, 2003. Рис. 13; 14)) и светильников. Как справедливо отмечает автор монографии, эти находки, представленные в раскопе и среди подъемного материала в заметном количестве, относятся ко времени до середины III в. н.э. Найденные краснолаковые сосуды могут датироваться начиная с конца I в. до н.э., но, принимая во внимание дату самых ранних обнаруженных амфор (подвариант С IVa₁ (Ланцов,

³ Даже если численность варварского войска была на порядок меньше, чем указано Страбоном (50000 всадников (Strabo, VII, 3, 17)), то и тогда колонна должна была бы растянуться по узкой дороге на многие километры. Ее длина превышала бы длину всей пересыпи (около 3 км).

2003. Рис. 10, 55, 57)), следует заключить, что наиболее вероятная нижняя "узкая" дата рассматриваемого керамического комплекса – вторая четверть I в. н.э. При этом удивляет полное отсутствие на сосудах каких-либо посвященных графити, обычных для античных святилищ.

Интересны и нумизматические находки. Средний пик на гистограмме хронологического распределения найденных на пересыпи монет охватывает I в. н.э. (рисунок). Его формируют 37 экземпляров (54% коллекции), которые распределяются внутри группы совсем не так, как монеты в раннем комплексе. Резко преобладают выпуски второй – третьей четвертей I в. н.э., более поздних монет меньше. Это позволяет предполагать существенное увеличение поступления монет на пересыпь в середине I в. н.э. и его снижение к концу столетия. Меняется и состав монетного комплекса. Херсонесскому чекану принадлежат 30 монет (81%), а боспорскому – только 7. В целом рассматриваемый нумизматический комплекс хронологически соответствует раннему действительно массовому керамическому материалу с пересыпи.

Удивляет утверждение автора о том, что все обнаруженные на пересыпи монеты двух херсонесских и одного боспорского выпусков отчеканены одинаковыми парами штемпелей (Ланцов, 2003. Каталог монет. № 8–13, 14–20, 51–54). Это означает, что монеты каждого из указанных выпусков происходят только из одной партии и чеканились в течение не продолжительных периодов, когда данные пары штемпелей были в употреблении. Подобные однородные подборки монет не могли попадать на пересыпь из обращения, где экземпляры разных партий одного выпуска сразу перемешивались. Они должны были бы поступать непосредственно с монетных дворов, но такая возможность представляется крайне маловероятной. Вместе с тем, даже по опубликованным фотографиям видно, что указанные экземпляры различаются мелкими деталями изображений, а следовательно, отчеканены разными наборами штемпелей лицевых и оборотных сторон (ср., например: Ланцов, 2003. Рис. 18, 8, 11 о.с. Рис. 19, 14, 17, 20 о.с.).

Таким образом, судя по массовому материалу, мы можем говорить о появлении какого-то стационарного памятника на Сакской пересыпи не ранее конца I в. до н.э., а более вероятно – лишь со второй четверти I в. н.э. Примечательно, что это – время непосредственно после Аспурговой войны, в ходе которой ряд скифских поселений, в том числе и Кара-Тобе, был разрушен (Внуков, б.г. С. 10, 11), и крымские скифы на какое-то время попали под власть Боспора. Не исключено, что появление рассматриваемого памятника связано с событиями этой войны. Примечательно также, что время сокращения поступления монет на пересыпь совпадает с прекращением жизни на скифских поселениях Северо-Западного Крыма в конце I – начале II в.

Установить культурную принадлежность и характер публикуемого памятника в I в. н.э. можно лишь гипотетически. Обращает на себя внимание отсутствие среди находок данного времени надписей и несомненно сакральных предметов, что свидетельствует как будто против интерпретации памятника как святилища. В то же время среди материалов очень мало простой столовой, кухонной и лепной посуды. На всей пересыпи найдено менее трех десятков фрагментов такой керамики (Ланцов, 2003. Рис. 16), которые не имеют хронологической привязки и могут датироваться от IV в. до н.э. до средневековья (Ланцов, 2003. С. 17). Этот факт, а также малое количество костей, вопреки мнению С.Б. Ланцова (2003. С. 37), резко отличает данный комплекс от материалов синхронных поселений Западного Крыма. Отличие усиливают и находки монет, нехарактерных для скифских памятников региона (Дашевская, 1991. С. 21; Внуков, Коваленко, 2004. С. 309).

Своеобразной категорией вещей являются светильники, доля которых в материалах пересыпи также необычно высока. Все они гончарные, в большинстве принадлежат одному типу, который может быть датирован с середины I в. н.э.

Они встречаются и на скифских поселениях, но там преобладают лепные светильники различных разновидностей. Ни одного лепного светильника на пересыпи не найдено.

Таким образом, простой бытовой посуды на рассматриваемом памятнике очень мало. Весь массовый материал, обнаруженный здесь, мог использоваться в культовых действиях (возлияниях, подношениях и др.). Это позволяет согласиться с интерпретацией С.Б. Ланцовым публикуемого памятника в I в. н.э. как святилища, но нет данных о существовании на нем каких-то сооружений, постоянного населения и даже поселения, "в котором, вероятно, размещались посетители святилища" (Ланцов, 2003. С. 36). Редкие находки недатируемой бытовой посуды не являются достаточным основанием для такого заключения. Можно предположить, что на Сакской пересыпи было не специально сооруженное святилище, а некое сакральное место (роща, дерево и т.п.), где путешествующие совершали какие-то обряды и оставляли небогатые подношения. Судя по характеру материала, посетителями этого места были в основном греки, возможно, мелкие херсонесские торговцы, посещавшие скифские поселения региона.

Как отмечалось, нумизматический комплекс свидетельствует о постепенном сокращении посещений святилища в конце I – начале II в. (Ланцов, 2003. С. 49. Прим. 3). К сожалению, сохранность керамического материала не позволяет проверить это наблюдение. Среди опубликованных находок (Ланцов, 2003. Рис. 10) нет выразительных фрагментов амфор, характерных для первой половины II в. (C IVB, Син II и др.), но для уверенного заключения необходимо знакомство с материалом в оригинале. Тем не менее перерыв в функционировании святилища после прекращения жизни на позднескифских городищах региона возможен.

Лишь со второй четверти – середины II в. отмечается новое усиление активности на Сакской пересыпи. К этому периоду относится основная масса обнаруженных здесь амфорных фрагментов. Комплекс находок дополняют обломки рельефов, скульптур и лапидарных надписей, а также многочисленные осколки стеклянных сосудов (Ланцов, 2003. С. 19). Количество светильников и монет уменьшается. Заметно меняется и состав монетных находок. Боспорской чеканке принадлежит лишь один экземпляр, но найдены три римские монеты (рисунок). Начало нового этапа функционирования святилища на пересыпи совпадает по времени с обретением Херсонесом элевтерии и размещением в нем римских войск в 40-х годах II в. (Зубарь, 2004. С. 175, 176).

Сакральный характер памятника в это время не вызывает сомнения. Также прав С.Б. Ланцов, связывая обнаруженные на пересыпи вотивные предметы с куклами, широко распространенными среди населения и римских солдат в нижнедунайских провинциях. На мой взгляд, комплекс публикуемых находок II–III вв., действительно, больше соответствует святилищу, чем ботросу. Об этом свидетельствуют каменные фрагменты стационарных алтарей (Ланцов, 2003. С. 28. № 18. С. 32. № 34), а также большое количество обломков рядовой керамики данного времени. Видимо, именно в указанный период на священном участке появляются каменные сооружения – ограды, алтари, стелы со вставленными вотивными плитками и т.п.

В то же время нет никаких данных, что на пересыпи возводятся стационарные постройки и появляется постоянное население. Характер массового керамического материала не меняется по сравнению с предыдущим периодом, по-прежнему его основу составляют обломки амфор и краснолаковой посуды. Следовательно, все, что говорилось о невозможности присутствия постоянного населения на памятнике в предыдущем периоде, остается в силе и для II–III вв. На пересыпи нет также свидетельств постоянного присутствия римских солдат и существования римского сторожевого пункта, что отмечено и другими исследователями (Херсонес Таврический, 2004. С. 129, 406). Само предполагаемое место размещения такого пункта – низкая узкая полоса бесплодного песка между морем и озером (Ланцов, 2003. С. 41) –

выглядит довольно странным. Вместе с тем в 3 км от святилища на холме у развилки дорог на Херсонес и Неаполь Скифский находились развалины городища Кара-Тобе, покинутого в конце I в. н.э. Помимо более выгодного стратегического положения, обеспечивающего контроль сразу за двумя дорогами и обзор всего Каламитского залива (Внуков, б.г. С. 4), преимущества этого места заключались в возможности получать строительный камень в старых развалинах и в наличии рядом плодородных земель.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о присутствии римлян в регионе в II–III вв. С.Б. Ланцов признает, что его позиция заметно отличается от устоявшихся представлений (Ланцов, 2003. С. 49, 53). Казалось бы, для ее обоснования необходимы новые веские факты или серьезное переосмысление старых, но этого в рецензируемой работе нет. Предположения о римском присутствии в Западном Крыму строятся (помимо анализируемых материалов пересыпи) на непроверенных сведениях как минимум столетней давности (Ланцов, 2003. С. 50), отдельных случайных находках II–III вв. или на умозрительных построениях. Единичные находки указанного времени в том или ином месте являются для автора достаточным основанием, чтобы предполагать существование здесь поселения и возможность присутствия на нем римских солдат (Ланцов, 2003. С. 50, 51).

Некоторые данные, используемые С.Б. Ланцовым, ошибочны. В частности, таково утверждение о возрождении жизни на городище Чайка в IV в. (Ланцов, 2003. С. 51). Основой для него стала неверная атрибуция И.В. Яценко двух амфор, обнаруженных в помещениях 94 и 97 в закрытом комплексе первой четверти I в. н.э. (Яценко, 1983. С. 54, 55, 64, 65). Одна из них – красноглиняная с воронковидным венчиком, другая – якобы светлоглиняная (позднегераклейская) узкогорлая, близкая варианту Е. Как показали последние исследования, подобные амфоры с воронковидным венчиком появлялись значительно раньше и довольно обычны в комплексах начала I в. н.э. (Уженцев, Юрочкин, 1998). Вторая амфора морфологически отлична от светлоглиняных сосудов варианта Е и на самом деле сделана в Синопе (Внуков, 1994. С. 25; 2003. С. 158. Рис. 65, 6). Точных аналогий ей найти не удалось, но само изготовление этой амфоры в Синопе не позволяет относить ее к варианту Е узкогорлых позднегераклейских амфор и датировать IV в. н.э. Таким образом, нет никаких оснований говорить о возрождении жизни на Чайкинском поселении в IV в. н.э. К сожалению, эти ошибочные сведения попали и в другие издания (Уженцев, Юрочкин, 1998. С. 103).

Конечно, какое-то незначительное постоянное население сохранялось в Северо-Западном Крыму во II–III вв., о чем свидетельствуют отдельные постройки и находки на ряде памятников (Колтухов, 1999. С. 24, 25). Но численность этого населения (видимо, связанного с Херсонесом) не шла в сравнение с заселенностью региона в предыдущие эпохи. По всей видимости, жители крохотных поселков и “хуторов” на местах некоторых прежних поселений действительно занимались рыболовством и добычей соли. Они также могли обеспечивать каботажную навигацию и якорные стоянки римских судов (например, в бухте бывшей Керкинитиды), в том числе и перевозивших войска вдоль западного побережья Крыма, и эти места могли посещаться римлянами. Могла сохраняться и дорога вдоль побережья. Возможно, с этим маршрутом и следует связывать существование уникального сакрального места на Сакской пересыпи. Примечательно, что, как верно отметил С.Б. Ланцов (2003. С. 43), святилище прекращает существование вскоре после вывода римских войск из Крыма.

Публикуемый комплекс скульптуры, за единичными исключениями, выглядит довольно однородным. Это дает основание с осторожностью предположить, не являлось ли возведение алтарей и стел с мраморными рельефами в уже почитаемом месте однократной акцией, вызванной каким-то событием конца II в., например, спасением римского корабля во время шторма в заливе. Появление сакральных сооружений повысило популярность святилища у посетителей

этих мест. К сожалению, более определенные выводы по имеющемуся материалу делать невозможно⁴.

В заключение считаю необходимым отметить, что изучение и публикация материалов такой сохранности требуют особой четкости и деликатности. Чрезвычайно важно ясно различать твердо установленные факты и предлагаемые реконструкции и интерпретации. Этому правилу, к сожалению, не всегда следует автор. Как отмечалось, ряд его исторических интерпретаций базируется исключительно на умозрительных построениях. Конечно, исследователь имеет право на любые предположения, пока они опираются на установленные факты. Но, по моему мнению, автор монографии местами несолько переходит грань, отделяющую аргументированные реконструкции от произвольных построений. Порой он недостаточно критично относится к некоторым данным, а также переоценивает полученные материалы и пытается извлечь из них больше информации, чем они содержат. Это вызывает сомнения в правомочности ряда предлагаемых выводов.

Одним из широко используемых методических приемов С.Б. Ланцова является построение на основе одних предположений других, которые в свою очередь становятся базой для новых гипотез. В итоге вероятность окончательных выводов оказывается ничтожной. Один из наиболее показательных примеров подобного рода – рассуждения автора по поводу граффито 7 (Ланцов, 2003. С. 18), состоящего из букв РГ. На с. 36 он полагает, что это цифровая метка 103. Далее высказывается мысль, что цифры обозначают дату херсонесской эры, соответствующую 79 г. н.э. Следующее допущение – что рассматриваемый черепок был подношением дедиканта-херсонесита, стремившегося “зафиксировать” таким образом время посещения святилища (?!). В итоге сделано заключение о херсонесской принадлежности реконструируемого святилища и об отправлении в нем в указанное время пока неизвестных нам культов. При этом автор часто как бы забывает о гипотетичности исходных положений, он уже говорит о них как о фактах. Предположения порой пересчитываются в работе в одном ряду с твердо установленными данными. Встречаются выражения типа “факт существования” святилища (херсонесского пункта, римского военного пункта и т.п.) (Ланцов, 2003. С. 43, 48, 53 и др.), хотя этот “факт” является лишь небесспорным предположением автора. Подобная категоричность может ввести в заблуждение не очень внимательного читателя.

Кроме того, стремясь максимально точно датировать некоторые объекты, С.Б. Ланцов порой ссылается на общую дату комплекса находок (или отдельных их категорий) Сакской пересыпи (2003. С. 19, 30, 34, 43). Но задача работы как раз и состоит в определении хронологии этого комплекса на основе отдельных составляющих его вещей. В результате автор получает замкнутый круг датировок, что недопустимо.

Несмотря на сделанные замечания, рецензируемая работа является заметным вкладом в изучение античной истории Западного Крыма. В ней затрагиваются практически все наиболее спорные проблемы истории региона позднего эллинистического и римского времени. Не принимая многих исторических выводов автора, тем не менее считаю, что поднимаемые вопросы требуют дальнейшего рассмотрения и обсуждения. Выход в свет рецензируемой монографии, вводящей в оборот новый уникальный материал, непременно стимулирует эту дискуссию, которая фактически уже началась.

⁴ Заслуживает внимания также предположение Т.Н. Высотской, приведенное в статье Т. Сарновски и Л.А. Ковалевской (2004. С. 44). Согласно ему, святилище на Сакской пересыпи принадлежало местному населению, а вотивные таблички попали в него в качестве военной добычи и были разбиты преднамеренно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. III. М., 1993.
- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1972.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XIII в. н.э.). Киев, 1977.
- Болдырев С.И. О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 1999. Вып. 2.
- Болдырев С.И. Херсонес и Боспор на рубеже нашей эры по нумизматическим данным // ДБ. 2001. Вып. 4.
- Болдырев С.И. Монетные комплексы Боспора рубежа нашей эры как исторический источник // ДБ. 2002. Вып. 5.
- Внуков С.Ю. Светлоглиняные широкогорлые амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 1988а. № 3.
- Внуков С.Ю. Светлоглиняные амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988б.
- Внуков С.Ю. Сравнительный петрографический анализ синопской амфорной тары // Боспорский сборник. Вып. IV. М., 1994.
- Внуков С.Ю. Кара-Тобе. Ворота Северо-Западного Крыма. Симферополь, б.г.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003.
- Внуков С.Ю. О местоположении древнего Евпатория в свете результатов археологических исследований последних лет // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2004.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II. (петрография, хронология, проблемы торговли). М., в печати.
- Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Монетные находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск, 2004.
- Гилевич А.М. Прибрежный клад римских монет // НЭ. 1965. Вып. V.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. 1991. Вып. Д 1-7.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004.
- Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Симферополь, 2004.
- Ланцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак – Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999а. № 1.
- Ланцов С.Б. Античная крепость Афинеон в Таврике // Пилигримы Крыма. Осень-98. Международная научная конференция, материалы. Симферополь, 1999б.
- Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев, 2003.
- Масленников А.А. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995. Вып. VI.
- Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
- Сарновски Т., Ковалевская Л.А. О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом // РА. 2004. № 2.
- Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь, 1997.
- Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. М., 1985.
- Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Харьков, 2004.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
- Яценко И.В. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.

Институт археологии РАН, Москва

S

С.Ю. Внуков

**Andrzej Buko. ARCHEOLOGIA POLSKI
WCZESNOŚREDNIOWIECZNEJ. ODKRYCIA – HIPOTEZY –
INTERPRETACJE. Warszawa, 2005. 446 s., 182 ryc.**

Рецензируемая книга – обзор полевых открытий и проблем археологии раннесредневековой Польши. Экскурс основан на глубоком владении автором предметом¹ и показывает структуру современного научного знания, предлагая собственные, иногда субъективные, ответы А. Буко на спорные вопросы. Географически работа охватила владения династии Пястов (т.е. современную Польшу, кроме северо-восточной “балтской” части), хронологически – VI – середину XIII в. (раннесредневековый период правомерно трактуется расширительно: в Польше христианизация и сложение первого государства пришлось на X в.). Изложение разбито на

15 глав. Две первые главы традиционно посвящены историографии, источникам и методам археологии.

Интерес к национальным польским древностям зародился в конце средних веков, когда фольклор впервые отразил исторический ландшафт, наполнив его легендарными событиями. Ранние попытки археологически изучить корни славянства в Польше были сделаны в конце XIX в.; в первой трети XX в. археология становится научной дисциплиной, возникают первые академические центры в Кракове, Варшаве, Познани; активные полевые работы стимулируют развитие раннеславянских исследований, расцвет которых приходится на 1930-е годы. Важным катализатором процесса служат споры о прародине славян и германцев, борьба с “этнической школой” Г. Коссины, достигшая предельного накала перед Второй мировой войной.

Послевоенный период характеризует постоянное нарастание полевых работ, особенно во время подготовки празднования 1000-летия основания польского государства. Хотя приспособление научных методов к нуждам примитивно по-

¹ Автор книги, Анджей Буко – руководитель отдела раннесредневековой археологии Варшавского университета, профессор археологии Института археологии и этнологии Польской академии наук (Варшава) – обладает необходимым для такой работы обширным опытом полевых исследований памятников раннего средневековья в Польше (а также во Франции, Норвегии и других странах), его кругозор по-европейски широк.

нимаемой идеологии (“марксистская методологическая революция”) затормозило и исказило движение науки, размах работ, междисциплинарное сотрудничество (в том числе с историками средневековья) и сохранение внешних контактов обусловили появление в 1970–1980-х годах обобщающих трудов, а затем – критический пересмотр позиций, начатый на конгрессе 2000 г. в Гнезно. В последнее десятилетие широкое применение дендрохронологии прояснило этапы строительства раннеславянских племенных городищ и сложения раннего государства, а привлечение материалов с окраин Польши и с приграничных земель показало сложную и богатую русско-византийскую культуру пограничных сообществ. Правда, все еще не решена проблема происхождения славян, но точки зрения на нее окончательно оформляются, так что перспективы археологии ранних славян в Польше видятся автору книги радужными.

А. Буко знакомит читателя и с методической частью археологического исследования, его “кухней”, но не на “общеполитическом”, а на конкретном раннеславянском материале. Ученый характеризует основы археологического подхода к источникам (контекстуальное изучение культурного слоя и монументальных сооружений при междисциплинарном подходе), уделяя особое внимание типам археологических источников. К последним он относит планировочно-пространственную структуру города; укрепления; зоны производства; урочища и культовые сооружения языческого периода; поселения всех видов; торговые пути; кладбища; элементы древнего ландшафта. Характеризуется метод формирования источников в ходе полевых исследований. Большое внимание уделено компонентам культурного слоя; особенностям стратиграфических колонок; массовому материалу (керамике); естественным наукам; письменным источникам и иконографии.

Глава 3 смыкается с историографической и рассматривает один из вечных вопросов славянской археологии: “Откуда пришли на польскую землю славяне?”. Дискуссия по данной проблеме рано привела к поляризации взглядов: одна позиция может быть сведена к идее автохтонного (“местного”, “западного”), вторая – к идее аллохтонного (“внешнего”, “восточного”) происхождения славян. Согласно первой, прародина славян лежит в современной Польше (зона болот междуречья Вислы и Одера). Согласно второй – на территории современной Украины и Белоруссии. Промежуточные версии раздвигают границы славянской прародины от Одера – Вислы до Днепра, а то и далее.

По мнению А. Буко, решение затруднено отсутствием на раннем этапе развития “общеславянской” культурной модели. Материальные следы славян в разных районах Европы выглядят по-разному, и сводная картина противоречит данным письменных источников. Согласно им, на первой стадии движения к югу славяне проникли в ареал римско-византийской культуры Средиземноморья вплоть до Хорватии на западных Балканах, где, однако, почти нет их материальных следов. Севернее и выше по течению Дуная они, напротив, есть, но картину усложняет присутствие кочевого и автохтонного населения Подунавья. В бывшей римской провинции Дакии открыт огромный (1500 погребений) раннесредневековый могильник (Сэрата Монтеору, Румыния), показавший интенсивность культурного смешения племен германцев, славян, даков, кочевников. Сосуды “пражского типа”, а иногда и более технологически развитая гончарная круговая керамика встречаются южнее зоны распространения ранней польской керамики (Румыния, район Ипотешти-Чиндешти-Чьюрел). Типичной для культуры ранних славян

выглядит и археология территорий севернее Карпат, включая современную Польшу.

Отсутствие единого круга древностей в ареале ранних славян, малую схожесть их культурных моделей на разных территориях А. Буко объясняет лабильностью, восприимчивостью культурного поведения: в районах мощного цивилизационного давления славяне охотно ему поддавались, легко оставляя менее развитые модели; новая среда “маскировала” их присутствие. Севернее, в менее цивилизационно напряженной среде, их заимствования становились избирательнее; в результате славянские компоненты заметнее на местном фоне. Севернее Карпат, на землях, опустевших в эпоху переселения народов, где внешних импульсов было мало, раннеславянские черты (керамика пражского типа; жилища с углубленным полом и угловыми очагами; славянские городища) видны отчетливо.

Культуру ранних славян выделяет из среды окружающих народов простота, доходящая до бедности (отсутствует гончарный круг; распространены сосуды без орнамента; нет развитого инвентаря и бытовых вещей). Объяснение этому А. Буко ищет в той исключительной мобильности нескольких поколений славян в Европе, которую отметили уже византийцы. Свойственная социальной модели кочевников, а не земледельцев и оседлых скотоводов, она отражает особое состояние этого народа: миграцию в поисках новых земель. Дляномада кочевье – норма, для славянина – редкая, вынужденная ситуация. Затянувшийся период миграции не превратил его в кочевника, но на время резко упростил материальную культуру. Ее невыразительность порождена нестабильностью экономической жизни: при поиске земель и расселении нет условий для создания тех материальных ценностей, которые требуют продолжительной работы. Дополнительным препятствием могла быть крайняя разбросанность первых поселений. Для сравнения А. Буко привлекает данные о быте пионеров Америки эпохи заселения Запада, резко отличным от городской культуры Восточного побережья. Двигаясь по новым землям, поселенцы производили простые предметы повседневного быта из подручных материалов, примитивных форм и без орнамента (= лепные сосуды пражского типа).

Рассматривая культуру славян на фоне общего развития Европы, неверно говорить о ее намеренной, имманентной непритязательности или крайней изолированности. В контексте миграции “сообщество первопроходцев” обладало высокой способностью к адаптации и креативностью. Эти земледельцы и скотоводы, осваивая новые территории, жили на невысоком уровне материальной культуры, но были мобильны как номады и использовали все преимущества, встречаемые на пути. Это и определило их историческую роль в формировании раннесредневековой Европы.

В главе 4 рассмотрены проблемы предгосударственного периода. К середине VII в. народы, обитавшие на территории современной Польши, вступили в стадию консолидации. Эгалитарная раннесредневековая культура медленно (вплоть до VIII и даже начала IX в.) исчезала; рождалась племенная структура. Умножились городища, вокруг которых группировались гнезда селищ. В текстах византийцев и франков замечали славянские этнонимы (“висляне”, “гоплане”, “слежане”), но письменные источники сохранили не все имена. Археология предлагает свою этническую карту “племен” (А. Буко предпочитает термин “этнических групп”) ранней Польши.

Ключевой вопрос археологии “племенного периода” – строительство и этапы развития городищ. В раннеславянский период в польских землях укрепления были, но их число слишком мало в общей массе археологических памятников,

и объяснения этому факту пока нет. Особенности конструкции и размер (площадь 3–5 га, самые большие до 25 га) выделяют более десяти так называемых “Великих Городищ” Повисленя в Малопольше на вершинах или склонах холмов. Их внешние стены деревянные; на юге есть городища с валами, выложенными камнем, и загадочные системы укреплений из протяженных насыпей. Внутри следов застройки обычно нет, лишь на некоторых (Шаворыж, Страдув) отмечены группы заглубленных в землю жилищ.

Дата и обстоятельства появления первых курганных кладбищ тоже неясны: при отнесении их к римскому периоду остается разрыв в два-три века. Погребальный обряд “племенного периода” изучают прежде всего по большим курганам Малопольши, возможно, указывающим на формирование племенной знати. Наиболее разнообразны курганные погребения (иногда с уникальными внутренними конструкциями) в Восточной Мазовии (бассейн рек Ливец, Буг и Крзна); в Померании есть курганы с могилами типа Альт Кэбелих, происхождение которых неясно. Появление в Польше ингумаций относят ко второй половине X в. и датируют по ним проникновение в рассматриваемый регион христианства. Уход от кремации и курганного обряда, распространение грунтовых могил с западной ориентацией тел, отказ от погребального инвентаря – все это обычно ассоциируют с ранней христианизацией, упоминая о табличках из Подеблоце (см. ниже) и о возможном “чешском следе” при основании Кракова и Вроцлава. А. Буко, однако, подчеркивает отсутствие ингумаций или церквей, твердо датируемых ранее конца X в. и связанных с “чешским эпизодом” польской истории.

Проблемам памятников, связанных с язычеством, погребальным обрядом и переходу к христианству А.Буко посвятил четыре главы. В главе 5 (“Святые горы”) описаны урочища, традиционно соотносимые с язычеством. Самые известные – горы Лыса (на восточном краю Святокржизжских гор) и Сленжа (40 км юго-западнее Вроцлава), но активное изучение археологами и этнографами так и не вскрыло их реальной связи с дохристианскими культами. На вершинах гор открыты памятники в южной и северной Польше, Великопольше и Мазовии (их характерное название – Хелмска/Хелмова гора), но их почти не изучали, так что функции, хронология и этническая принадлежность этих памятников неизвестны. Особое место занимают объекты с названием Змигрод в пограничных районах южной Польши. Их реальные функции не определены и следов укреплений на них найти не удастся, однако А. Буко, указывая на роль змея (дракона) как хранителя урожая и воды в фольклоре южных славян, полагает возможным интерпретировать Змигроды как сакрально выделенные и табуированные районы почитания “змия”.

В главе 6 описан комплекс курганного могильника у Клечанува (под Сандомиром/Сандомиром), где в начале 1990-х годов открыта и изучена группа из 37 курганов (круглых и овальных, диаметром 4–10 м и более; 14 раскопаны). Этот лес с курганами – часть древнего ландшафта, последний остров зелени на плоском лёссовом плато, долго сохранявшийся жителями. Сюда, на площадку между насыпями, ходили по праздникам церковные процессии из ближайшего городка; рядом имелся родник. А. Буко склонен видеть здесь следы почитания священных рощ и источников.

В главе 7 рассмотрены огромные (диаметр основания – около 50 м, высота – около 10 м) курганы Малопольши. Видимые издали, они служили в племенной период ландшафтообразующими ориентирами. Автор книги приводит небогатые итоги изучения курганов Кракус (под Краковом), Тартар (Копец Татарски в Пжемысле) и Сальве Регина (под

Сандомиром), указывая на их сходство с королевскими курганами Скандинавии. Конструкции Кракуса, особенно центральный столб, находят аналогии в Западном кургане Старой Упсалы и Южном кургане Йеллинга; способ насыпки в два слоя близок Черной Могиле в Чернигове. Внешний слой “кургана Пжемыслава” (Тартар), имеющего в основании треугольник, включает массу обломков скалы. Овальный Кракус целиком насыпан из земли. Для треугольной в основе Сальве Регина использован естественный холм (правда, средневековый ли это курган, неясно, хотя рядом есть племенной центр). Конкретная дата возведения курганов остается спорной (*terminus post quem* для верхних слоев насыпи Тартара – вторая половина XII в.).

Под насыпями этих гигантских сооружений не было могил (в центре Кракуса – столб; в Тартаре под насыпью – скальное основание; в Сандомире/Сандомире – лёссовый холм), это символические мемории, кенотафы. Гипотетически возможно погребение остатков сожжения *над* насыпью, а не под нею, но это маловероятно из-за легкости осквернения. Из реальных погребений в книге приведены данные о курганах в Свеннице и Хусинне на р. Буг (VIII–IX вв.). Первый из них – римский толос, в который врезано средневековое погребение. Многие насыпи, в которых подозревают средневековые курганы, археологически не исследованы. Автор книги видит в курганах Малопольши одну из региональных особенностей эпохи формирования племенных структур Восточной Европы, хотя генезис ее пока непонятен, как неясно, почему подобных сооружений нет в других районах, особенно в Великопольше.

А. Буко счел нужным уделить отдельную 8-ю главу “Подеблоцким табличкам”, в которых видят древнейшую эпиграфическую находку Польши. Это три фрагмента обожженной глины из слоев селища IX в. в комплексе Подеблоцы (100 км южнее Варшавы: городище, ряд селищ и кладбище; в том же комплексе встречены уникальные для Польши керамические сосуды IX в. с солярным орнаментом и зооморфными мотивами). На поверхности табличек видны знаки, напоминающие письмена. Их предлагали читать как тюркские и греческие: в последнем случае можно “вчитать” текст “Иисус Христос победитель” или его монограмму, но вполне вероятно, что это просто не буквы. Факт присутствия такого текста на территории Польши дал бы возможность говорить о появлении здесь христиан на 150 лет ранее, чем предполагалось – что рождает опасность ангажированных трактовок. Интересно, что одна табличка сделана из средиземноморской глины (*terra rossa*). Подобные артефакты в других странах неизвестны.

Главное внимание в книге уделено государству Пястов, каким оно видится по археологическим источникам. Глава 9 (“Как возникла Польша”) посвящена общей концепции его сложения. Впервые его упоминает хроника Анонима Галла (XII в.), где назван легендарный прародитель поляков, Мешко. В науке долго господствовала идея медленного эволюционного становления этого государства, но археология ее не поддержала. По всей стране в X в. наблюдались сходные быстро текущие процессы: внезапно (иногда насильственно) гибли племенные центры и пустыли (навсегда или временно) старые места поселений; параллельно этому в краткий срок возникали новые центры власти. Эта так называемая революция Пястов ярче видна в Великопольше, Мазовии и восточной части Малопольши. В районе Кракова, вошедшем в состав государства позже остальных, использовали старые центры (Краков-Вавель; иногда временно Страдув, Наша-Цовице). В Силезии, напротив, центры власти возникли раньше традиционной даты включения ее в состав Польши,

в 980-х годах, за несколько лет до вхождения этих земель в державу Пястов. В Померании есть примеры укреплений и в новых точках, и на месте старых племенных центров (Западная Померания).

Системный анализ стратиграфии, дендрохронологии и артефактов позволил обрисовать стадии формирования территориальной основы Польши. К 960-м годам Пясты овладели ядром страны, захватив в середине (?) X в. и западную часть Мазовии. Ее племенные узлы были разрушены, а новый центр власти Пястов, Плоцк, выстроен в конце X в. на свободном месте. Следов других крепостей здесь нет: для Пястов из Гнезно Мазовия была второстепенной зоной; пытались ли они прикрыть ее от язычников-прусов, неясно (остатки линии валов на северной границе не датированы). В Мазовии позже, чем в остальных областях, появились признаки урбанизации, а в ее восточной части – и христианизации. Это объясняет долгое сохранение в Мазовии устойчивой смеси разнородных культурных элементов, хорошо фиксируемое археологией.

Новая ступень сложения территории государства – 970-е годы. На севере строят (захватывают?) агломерацию Гданьска, а Мазовию и Малопольшу застраивают крепостями (древнейшие в Малопольше – Люблин, Пжемысль и главный город Пястов в этой части страны, Сандомир/Сандомир). К концу X в. Пясты контролируют течение р. Вислы от истока до устья. Для 980-х годов археология рисует продвижение (в основном военное) в Восточную Померанию (восток Малопольши) и укрепление западной части страны. Дендрохронологически доказано, что в середине 980-х годов городища усиленно строят в Западной Померании (Волин, Колобжег) и Силезии (Вроцлав, Ополе, Глогув). В Восточной Померании центры Пястов встраивали в старую племенную систему, но в Силезии возникает абсолютно новая структура. С захватом в конце 980-х годов Кракова, которым владели чехи, процесс строительства государства завершился; при этом племенные центры Западной Мазовии сохранились, а местные столицы развивались и после захвата Пястами.

Масштаб событий предполагает высокую степень организованности и участие большой армии. Значительную роль в ней играли выходцы из Скандинавии и других стран, что подтверждают погребения воинов-скандинавов на некрополе Любово, Лютомерск, Свелюбе. В этой связи следует упомянуть дискуссию о происхождении Пястов, основателей династии. Местное оно или иноземное (варяжское)? А. Буко полагает, что археология этого вопроса не решит, но указания на местное происхождение все же существуют. Родину Пястов видят в районе Калиша, где старые племенные центры не разрушали, а городища (включая сам Калиш) даже вновь серьезно укрепили, обеспечив им новый расцвет.

Образование государства в Польше – процесс, абсолютно аналогичный проходившим по всей Центральной Европе. Эпоха Мешко I принесла традиционной племенной структуре глубокие трансформации, включая демографические изменения, массовое строительство крепостей и урбанизацию. Сложилась основа культурно-этнической идентичности, обеспечившей дальнейшее развитие Польши и получившей позже название “поляки”. Этот процесс А. Буко освещает в главах 10–13, составляющих центральный информационный блок книги. Его открывает обзор городов эпохи Пястов под символическим названием “Города еще предстоит открыть”. Польские города в подавляющем большинстве основаны как крепости во второй половине X в. В XI–XII вв. они переросли в ранние городские центры; во многих появились первые церковные здания. Некоторые

центры, игравшие важную роль в создании и укреплении Польши, сохранили ее до наших дней.

Древнейшими столицами признаются Гнезно и Познань. Наиболее ранние укрепления Гнезно выстроили первые Пясты в 940–1025 гг., но важнейший памятник этого города древнее: на вершине “Взгуже Леха” открыт курган, сооруженный до 940 г., диаметром около 12 м, сложенный из валунов, на месте которых поставлен собор и церковь св. Георгия (есть мнение, что древнейшая церковь Гнезно была ротондой, в которой погребли погибшего в земле пруссов св. Адальберта). В Познани, традиционно считающейся резиденцией миссионера и первого епископа Иордана, главное открытие последних десятилетий – дворец Мешко I (вторая половина X в.?) с пристроенной капеллой в виде апсидной ротонды (аналогичный комплекс известен на Острове Ледницком). Под собором зафиксирована еще одна конструкция с центральным столбом. Ее считают то ямой для смешивания раствора, то отдельно стоящим баптистерием; столь же неясен вопрос о предполагаемой гробнице первых Пястов в нефе городского собора.

Интересный памятник государственного строительства Пястов – кольцо из десятка городищ вокруг Калиша. Их построили в основном на новых местах и заселили выходцами из других районов. А. Буко выделяет в самом Калише остатки укреплений второй половины IX в., открытые над языческим кладбищем, и уникальные для Польши следы деревянного (сакрального?) здания начала XI в. внутри коллегиаты св. Павла (XII в.).

Раньше других началось развитие Поморья, включенного в круг общеевропейского обмена. Особое место занял Волин (скандинавская традиция связывает с ним Йомсвикингов). Раскопки показали, что к концу VIII в. здесь был рыболовецкий поселок, в IX в. выросший в управляемый советом город-республику, важный торговый пункт на пути к Пруссии, Новгороду, Хедебю и Старигарду. Сложнее решается вопрос о древнейшем этапе развития Восточной Померании. Возникновение крупнейшего центра, Гданьска, долго связывали с деятельностью первых Пястов и датировали 970-ми годами. Но сейчас этот тезис оспаривают, возводя начало существования города то к племенному периоду, то к гораздо более позднему времени, вплоть до начала XI в. Опецируют при этом материалами трех отдельных локусов: “замка герцога” на р. Мотлаве; зоны заселения у ратуши и вокруг церквей св. Николая и св. Екатерины.

В Мазовии открыто мало городов эпохи образования государства. Интересен возникший сравнительно поздно (рубеж X–XI вв.) центр региона – Плоцк; его древнейшей частью оказалось Взгуже Тумске (старый взгляд на него как на место языческого капища оставлен). Решается и вопрос о соотношении Кракова и Сандомежа/Сандомира. А. Буко видит в возвышении Сандомежа итог политической экспансии первых Пястов, заселивших этот район в 970-х годах выходцами из Великопольши. Сандомир назван в “Хронике” Анонима Галла столичным городом; его статус могут подтвердить находки престижных предметов (набор шахматных фигур из рога красного оленя и др.). Его пригород Завихость, хорошо известный средневековым историкам (Ян Длугош называл городок “началом Сандомирской земли”), считали догородским племенным центром. Но здесь открыты фундаменты уже двух романских церквей, одна из которых (тетраконх) отнесена к XII в. Интересно, что археология рисует явную, но необъяснимую границу с соседним Сандомежем: если материалы последнего соотносимы с вещным миром Великопольши, то находки Завихости говорят скорее о связях с древнерусскими землями.

Другой город с аналогичными связями, Хелм (на восточной границе Малопольши) – столица княжества Древней Руси и кафедральный город православной епископии – с первой половины XIII в. дает находки “русско-византийского” круга. На его Соборной горе известны каменный дворец князя Даниила Романовича и четыре храма, уникальные в этой части Европы. Ниже по склону открыт поселок с большими богатыми бревенчатыми домами и жилищами ремесленников (аналогичные можно найти в Древней Руси); среди материалов много поливной керамики и дорогих вещей, типичных для “русско-византийской” культуры.

Находки, не встречающиеся в остальной Польше, связаны и с пограничным Пжемыслем. Значение горного прохода (Перемышльских ворот) для дальней торговли (в том числе с Византией и миром ислама) обозначилось еще в племенной период. Здесь стоит один из “больших курганов”; открыт некрополь кочевников-венгров; на горе Трех Крестов возник древнейший замок догосударственного периода. В эпоху Пястов это уже город, что подтверждает существование каменного дворца с ротондой на Замковом холме (начало XI в., эпоха Болеслава Храброго?), напоминающего здания в других центрах государства Пястов. Огромное значение имело открытие в районе Засане одного из немногих в Польше районов гончаров. Здесь делали корчаги (винные амфоры); встречены редкие византийские и русские вещи. В начале XI в. Пжемысль был занят русскими, а в 1087 г. стал столицей князя Рюрика Ростиславича; в городе появились здания, имеющие аналоги в Древней Руси.

В зоне внимания медиевистов на юге Польши остается Вислица – возможная племенная столица Вислян. Существованию в этом месте племенного центра противоречит датировка укреплений (XII в.), но А. Буко допускает, что Вислица не моложе XI в. Здесь много памятников: два городища, два дворца с ротондами, так называемая “купель” (знак христианизации Малопольши Великой Моравией ранее IX в.). В Вислице, в крипте коллегиаты, открыты еще два романских храма. В одном из них на полу сохранилось изображение молящихся второй половины XII в.

К числу центров, соединивших племенную культуру середины X в. с эпохой Пястов, принадлежит Краков – другая столица так называемого Висленского государства, где сохранились два огромных кургана племенного периода. Археологической сенсацией стала находка у подножия холма Вавель клада второй половины IX в. (4212 серебряных гривен в форме топоров общим весом 4 тонны). Предметы импорта указывают на древнейшие связи местного населения с Аварским ханством и культурой венгров. Здесь очень много каменных построек эпохи становления государства: на Вавеле зафиксированы руины семи зданий дороманского периода (топография самого холма мало изучена). Во Вроцлаве – “столице” раннепястовской Силезии и одной из четырех епископских кафедр, утвержденных в 1000 г., – найдены остатки укреплений эпохи чешского правления, середины 980-х годов (Остров Тумский). В крипте собора открыты церковные сооружения, из которых древнейшее – второй половины X в. (крестообразное, создано в “чешскую эпоху”, но точную дату и аналоги исследователи еще обсуждают). Особенно интересны остатки бревенчатого здания (языческого “храма?”), которое использовали даже в XI в.

Обзор выдающихся городищ А. Буко выделил в отдельную 11-ю главу. Среди них – резиденция первых Пястов, образец средневековой инженерии, связанный с сушей мостами – Остров (Острав) Ледницки. Здесь собрана одна из богатейших коллекций престижных вещей, прекрасно зафиксировано присутствие разноэтничных воинских групп

(дружина?), открыт типичный для оттонической и южноевропейской архитектуры дворец с центричной церковью (баптистерием?). Сенсацией стала находка в нефе небольшой погребальной капеллы на маленьком некрополе (одном из древнейших для эпохи Пястов) захоронения мальчика (из королевской семьи?) с золотым кольцом на пальце. В 40 км к югу от Острова стоит городище Геч – крепость первых Пястов, упомянутая Анонимом Галлом. Внутри нее открыты остатки дворца с ротондой и церкви св. Иоанна Крестителя. Основание дворца связывают с эпохой Мешко II, разрушение – с вторжением чешского князя Бржетислава в конце 1030-х годов. Монументальная церковь св. Иоанна построена в начале XI в., имела каролингско-оттонический вестверк (две полукруглые боковые башни с квадратной центральной) и крипту, в которой похоронены ее ктитории и/или строители.

Событие последних лет – открытие в крепости Калдус (район г. Хелм) базиликального каменного храма с полукруглыми апсидами. Его план восходит к каролингским традициям и похож на планы современных ему соборов Гнезно и Познани. Это самый северный из каменных храмов в государстве ранних Пястов. Кладбище вблизи городища – одно из самых богатых и необычных среди известных кладбищ восточной Померании. С ним связаны уникальные находки, имеющие аналоги в камерных гробницах Скандинавии. Раскопки 1970-х годов в Пултуске (епископской крепости, возникшей в конце эпохи раннесредневекового строительства в Польше) открыли остатки зданий, сохранность которых вполне позволяет создать здесь музей. А. Буко специально остановился и на известной пятиэтажной башне (высота 17 м) городища Столпье под Хелмом. Вход в нее вел на четвертый этаж (с вала?); в верхнем этаже помещалась церковь в форме равноконечного креста; пол украшали поливные плитки, аналогичные найденным в резиденции князя Даниила в Галиче. Находки с уровня цоколя башни (особенно поливная и лощеная керамика, аналогичная хелмской) датируют уникальную для данной части Европы башню XII в. Автор книги полагает, что характер и форма башни, включая храм в верхнем этаже, говорят о возможной связи с русско-византийским миром и ее монастырской принадлежности.

Расселение вне городов (глава 12) для племенного периода еще не изучено: жилищ и хозяйственных построек вскрыто много, но их контекст исследователи почти не анализируют. Автор оговаривает, что для сельских поселений понятия “ранний”, “поздний” и “постсредневековый” имеют иное значение, чем для городских: слои здесь не отражают существенных изменений и не дают достаточного материала для членения по периодам. Самая большая группа раннего средневекового периода – спонтанно развившиеся поселения с разбросанными без всякого плана постройками. Они существуют долго, подчас уходят в племенной период; их трудно оценивать по пространственным характеристикам. Другая группа – деревни с постройками, вытянутыми в ряды (часто на склонах вдоль речных долин и ручьев, иногда вдоль торговых путей). Тот же план имели поселения, лепившиеся к крепостям. Реже встречаются деревни, сгруппированные вокруг центральной площади. Понять изначальное деление участков долго существовавших поселений трудно из-за частых переделов земли и перестроек. Видимо, семьи владели землей чересполосно. Новые поселения делали более крупными только во владениях церкви, при установлении новых приходов. В XII–XIII вв., когда села быстро росли, участки пришлось объединять.

Особую группу образуют так называемые служебные поселения, возникшие (возможно, под влиянием каролинг-

ской Европы) в экономической зоне вокруг ранних городских центров. Их появление в Польше датируют второй половиной X – началом XI в., а об их количестве говорят топонимы (около 400!), связанные с пастбищами, охотой, рыбной ловлей, службой при дворе и целым рядом иных повинностей. С XII в. они стали уходить из рук владельцев (в основном в виде даров Церкви) и к рубежу XIII–XIV вв. “служебные поселения” полностью исчезли. Ни одно из них специально не исследовалось. А. Буко описывает результаты своих работ на поселении XII–XIII вв. в Качице. Оно выделяется богатыми находками, взятыми в едином, но странном контексте (среди необычных артефактов – вещи из практически чистого железа). Керамика сравнима с сандомирской, т.е. высшего качества. В древнейшем слое (уходит в XI в.) число костей овец и коз вдвое превосходит животных остальных пород, что для раннесредневековой Польши нетипично; костей лошади во много раз больше среднего числа. Кто жил здесь, на восточном краю страны, в XI в., почему на памятнике столько кочевых черт, почему поселение покинули (на нем нет поздних материалов) – остается вопросом.

Особый тип поселений – монастыри – рассмотрен в главе 13. Одно из древнейших бенедиктинских аббатств – Тынец под Краковом. В последней четверти XI–XII в. здесь был отстроен полномасштабный “романский” монастырь, но раскопки (ведутся более 50 лет) позволили установить, что архитектурная стратиграфия комплекса восходит к середине XI в. (собор был заложен в конце 1050-х годов). На памятнике открыты погребения исключительной важности, такие как захоронение первого аббата Арона (или его преемника Анкора); многие умершие лежали в каменных саркофагах с пасторскими посохами и, в двух случаях, с литургическими сосудами. Более древние церкви здесь не обнаружены.

Бенедиктинский монастырь в Могильно в Куяве возник в 1040-х годах на месте крупного поселения рубежа VIII–IX вв. Строительство храма заняло много лет: древнейшая его часть – упрощенная версия каролингских храмов; западная крипта использовалась как зал собраний; здесь же в середине XIII в. вместо древних дерево-земляных укреплений построили одну из первых в Польше кирпичных оград. Раскопки в монастыре в Любине, на одной из главных дорог из Великой Польши в Силезию, показали, что основанный во второй половине XI в. собор не был построен, и с первой половины XII в. возводился по новому плану. Исключительный интерес представляет предполагаемое место погребения князя Владислава Ласконового (Тонконового) – в северной капелле собора, перед алтарной преградой, в деревянной камере глубиной 1 м. В Любине открыто поселение, связанное с постройкой монастыря; большая его часть после отстройки аббатства во второй половине XIII в. была уничтожена, но часть зданий продолжали использовать и даже возводили новые, вероятно, для слуг монастыря.

С XII в. возрастает количество цистерцианских обитателей. Они появились в 1040-х годах как дочерние обители монастыря в Моримонде (Бургундия). Древнейшие из них – аббатство в Енджеюве, основанное ок. 1140 г.; хорошо изученный монастырь в Лекно, где открыты основания и нижние части стен церкви-ротонды. До середины XI в. они играли важную роль в христианизации северо-восточной Великопольши, Пруссии и Померании. Споры вызвали раскопанные в 1970-х годах в аббатстве Вонхоцк остатки зданий, интерпретированных как дворцовая капелла (?), и прямоугольный дворец (?). Комплекс относят к середине XI в. (хотя единого мнения о его датировке нет), причем считается, что оба здания древнее, чем стены аббатства.

Много церквей-коллегиат XI в. основали ордена каноников. В первой половине XII в. особенно много строили августинцы – они zaloжили (но не окончили) монастырь на вершине горы Сленжи и возвели аббатство Девы Марии и св. Адальберта в Тжемешно. Не менее активны были норбертанцы, основавшие в конце XII – начале XIII в. более десятка аббатств. В их числе монастырь в Стжельно с ротондой св. Прокопия и собором, где главный неф отделяли колонны, сплошь покрытые редкой в Польше сюжетной резьбой в три яруса. Во владениях участника крестового похода князя Генриха Сандомирского, в Загосше, в 1166 г. утвердился один из древнейших орденов – иоанниты (госпитальеры), и была построена церковь св. Иоанна Крестителя.

В главе 14 обсуждается еще не раскрытое (автор книги называет его “секретом столетия”) явление – знаки на днищах керамических сосудов. В массовом порядке они встречаются во второй половине X – середине XIII в., раньше и позже – спорадически. Их трактуют как марки производства и/или владения (заказчики, ремесленники; контрольные марки) или обереги. Знаки связаны с эпохой славянского средневековья; они поразительно разнообразны даже на одном поселении, но главные типы включены в круг солярной символики. А. Буко, опираясь на анализ сосудов из Калиша и Острова Леднишки с редко встречающимися знаками, пометками пальцами и штампами, предлагает свою трактовку: это магические символы, защищающие гончарное колесо (большинство их перенесено именно с колеса и часто плохо читается). С отдельными сосудами связаны только знаки-граффити или знаки-штампы. А. Буко видит в этих изображениях отличительную черту славянской керамики. Их хронологическое и географическое распределение показывает, что в Европе они известны германцам и кочевникам, но не встречаются так концентрированно, как в славянских землях. Где и когда славяне стали помещать знаки на гончарные круги в столь значительном количестве, неясно. На самых ранних сосудах их нет, первые появляются в VIII в. южнее Карпат. Здесь славяне могли воспринять их при контакте с кочевниками (протоболгарами, аварами); в славянской среде традиция прижилась, практика нанесения знаков распространилась шире и стала разнообразной, придав более ясное выражение славянской символике.

Последняя (15-я) глава книги возвращается к материалам некрополей. Смена кремации ингумацией после крещения во второй половине X в. не уничтожила биритуальных кладбищ, сохранявшихся в XI–XII вв., особенно там, где долго держалось язычество (Померания, Мазовия) или разноэтничные традиции. Кладбища XI – начала XII в. (так называемые “сельские”) не имели церквей и располагались вне жилой зоны. Их могилы (от десятков до сотен и более) шли ровными рядами. На поверхности погребения редко выражены; их стратиграфия фиксируется с трудом. В обряде много сходства с ранними курганными кладбищами: погребения содержат оружие, украшения, амулеты, предметы быта. Господствует ориентация на запад (лицом к востоку), но есть и обратная (рудимент дохристианского обряда?). На страх перед загробным миром указывают археологически прослеженные меры против вампиров и других нечистых покойников. В XII в. и формы погребений, и размещение кладбищ меняются: их вводят в города и замки, где умножаются церкви. Погребальный инвентарь постепенно исчезает.

Среди кладбищ с разноэтничными погребениями – биритуальный некрополь переселенцев из Померании и Велети (Вильтци) в Великопольше (Пяски-Рохи; это поселение и кладбище в прежде необитаемом районе датируют концом X в.). Растет и число погребений скандинавов конца X – се-

редины XI в.: их инвентарь до X в. указывает на статус погребенных как “поселенцев”, но в раннегосударственную эпоху (конец X – середина XI в.) типично обилие оружия (Жидово, Сепле, Кошалин, Любово, Любонь, Совинки). Представители военной элиты с Севера были связаны с местной славянской знатью: в Любово погребали воинов из Скандинавии, служивших местному князю. Могилы со скандинавским инвентарем имеют видимые следы гробов и содержат много предметов роскоши; сочетание весов и меча говорит о занятиях войной и торговлей; боевые доспехи и оружие находят параллели в Скандинавии и Западной Европе (чаще всего на о-вах Готланде, Оланде, Борнхолме или в Средней Швеции). Много погребений воинов-скандинавов с необычно обильным инвентарем выделено на большом кладбище в Лютомерске (под Лодзью). Возможно, это дружинники Пястов или князя Святополка Ярославича, который нашел здесь убежище. В Калдусе под Хелмно открыты камерные гробницы, выделяющиеся формой и убранством. Возможно, в них похоронены клирики и придворные из числа иноземцев. Присутствие скандинавов заметно и на поселениях (Померания, Куява, Великопольша), но следов их доминирования или реорганизации жизни местных сообществ на скандинавский лад нет нигде.

В Мазовии выделяются “могилы с каменными обкладками”. Их общие черты: порядковый план, западно-восточная ориентировка могил, богатый инвентарь. У мужчин часты одежда, оружие, предметы быта. Неясно, что стоит за данными особенностями: скандинавское влияние, сохранение языческой традиции или контакты с Балтией. Считалось, что это единственная форма погребений в раннегосударственный период Мазовии, но сейчас найдены кладбища без перечисленных признаков, что ставит вопрос взаимоотношения двух указанных типов захоронений. На юге Польши чувствуются восточные связи; погребения в каменных саркофагах (Трепча у Санока и др.) и радиоуглеродные даты (XI в.)

указывают на существование здесь в период христианизации Карпатского региона стратегических узлов древнерусской периферии. В Силезии, на кладбище Немча II, могилы группируются вокруг больших кругов. Возможно, это древнейший могильник с ингумациями, возникший при господстве чехов, до принятия христианства поляками.

Важная часть исследования кладбищ – социально-антропологический анализ. Подробно описаны работы в Дзекановице (Остров Ледницки) и в Коньске (под Радомом). На “сельском кладбище” в Клечанове под Сандомежем/Сандомиром удалось сравнить заболеваемость и смертность древнего и современного населения; устойчивость антропологического типа в течение 700 лет объясняется почти полной изоляцией местных крестьян. На кладбищах Коньске, Самбоже, Злота Сандомерска удалось восстановить правила, определявшие последовательность погребений, предположить кровно-родственные связи между погребенными и выделить этнические группы Сандомира (со второй половины X в. на кладбищах Малополюши встречено много вступивших в местные браки выходцев из Великопольши).

Резюмируем. Перед нами – насыщенное информацией рабочее пособие, “хандбук” для студентов, аспирантов и ученых-историков (справочный аппарат книги ограничен списком важнейших публикаций и географическим индексом, так что возможность пользоваться ею для специалиста-археолога ограничена). Одновременно это новаторское исследование, значение которого – в оригинальности подхода: выбирая проблемы для обсуждения и предлагая решения, А. Буко опирается на собственные научные разработки.

Рецензируемое издание стимулирует развитие концептуальных подходов, а значит, имеет для науки первостепенное значение. Книга получит признание всех, кто любит “читать про археологию”, а их круг сегодня широк как никогда. Вскоре ожидается ее выход в английском переводе. Думаю, будет полезно издание такой книги и по-русски.

Институт археологии РАН, Москва

Л.А. Беляев

“НЕ ПОСРАМЛЮ ИМЕНИ И ЧЕСТИ”.
“Графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Былое. Давно прошедшие
счастливые дни.” М., 2005.

Археология – наука, не избалованная историографическими трудами. А тем более мемуарными изданиями. Тем важнее и значительнее для нашей дисциплины появление воспоминаний графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. Биография этой женщины совпадает по времени с дореволюционным периодом становления и активного развития отечественной археологии. Начало ее воспоминаний восходит ко второй четверти XIX в., а заканчивается годами революции. Жизнь российской аристократии, профессуры, описание усадебного быта, человеческих взаимоотношений – всему нашлось место на страницах ее мемуаров. Прасковья Сергеевна описывает свои встречи с П. Вяземским, И. Тургеневым, Л. Толстым, А. Толстым, А. Герценом, братьями Жемчужниковыми, П. Погодиным, И. Срезневским, И. Цветаевым, К. Победоносцевым и другими деятелями науки, культуры и высшей администрации империи. В тексте воспоминаний рассеяно множество интересных фактов, свидетельств, позволяющих воочию представить бытовую и общественную стороны жизни второй половины XIX в. и, что особенно интересно, перипетии взаимоотношений в научной

среде, отношения науки и власти в Российской империи. Большое познавательное значение воспоминаний графини Уваровой для археологической науки не подлежит ни малейшему сомнению.

Среди учителей Прасковьи Сергеевны были такие известные личности, как А.К. Саврасов, Н.Г. Рубинштейн, Ф.И. Буслаев. Это не только характеризует отношение родителей молодой графини к образованию детей, но и во многом объясняет мировоззрение П.С. Уваровой, которое она неоднократно излагает на страницах воспоминаний. Певец скромных красот русской природы А.К. Саврасов, патриот и пропагандист русской музыки филантроп Н.Г. Рубинштейн и, конечно, Федор Иванович Буслаев. Не исключено, что именно его влиянию П.С. Уварова обязана зарождением любви к русской старине и церковным древностям. В дальнейшем Н.Г. Рубинштейн и Ф.И. Буслаев совместно с А.С. Уваровым стали одними из организаторов славянских комитетов для “оказания посильного пособия южно-славянским церквам и южнославянам” (АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495.

Д. 1087. Л. 1, 2), а Ф.И. Буслаев – одним из первых членов Московского археологического общества.

Собственно русская археология и события, с ней связанные, занимают достаточное, но не главное место в записках Прасковьи Сергеевны. И это вполне объяснимо. Ее воспоминания адресованы в первую очередь ее детям, внукам и правнукам (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 8), которым она старалась передать свои чувства к Родине, описать столь дорогую ей российскую усадьбную жизнь, отношения в роду Щербатовых и, в меньшей степени, Уваровых, быт и традиции русской аристократии. На страницах воспоминаний отразился тот привычный и близкий ей мир, когда в Италии, в Риме, в Неаполе, не видя в этом чего-то исключительного, можно было заехать к родственникам, принять визиты “сестры графини Шаховской”, “тети Трубецкой”. А в Париже – “тети Полуэктовой”. На зиму уехать в Швейцарию, нанять там кормилицу и гувернантку, вывезти их в Россию, где их ждала усадьба Поречье, ставшая надолго центром жизни. Обычные помещичьи хлопоты – строительство и обустройство дома, организация печения хлеба, забота о лесе и лугах, взаимоотношения с крестьянами, дворовыми, соседями. Устоявшийся, спокойный, во многом традиционный мир.

Этот образ жизни близок и дорог графине, и именно такое отношение к нему она стремилась внушить своим потомкам. А также передать собственные представления о добре и зле, чести, семейных ценностях и отношениях. И, вольно или невольно, графиня опускала в воспоминаниях некоторые личные отношения, которые нарушали эту, несколько идеализированную, картину. Так, Прасковья Сергеевна нигде не говорит о семейных проблемах своих детей. В частности, о взаимоотношениях своего сына Алексея Алексеевича Уварова с его супругой Анной, страдавшей нервной болезнью. Оставив мужа, Анна уехала за границу, откуда постоянно требовала денег. А.А. Уваров опасался передавать в руки душевнобольной значительные средства и стремился определить ее в одну из европейских клиник. В ответ молодая графиня через российские посольства направляла многочисленные письма Императору с требованием повлиять на супруга. Анна Уварова скончалась в Австро-Венгрии, в Праге в 1903 г. (АВПРИ, Ф. 155. Оп. 440/6. Д. 4). Можно представить, насколько болезненна для Прасковьи Сергеевны с ее представлениями о семейных традициях и почтительным отношением к особам царствующего дома, тем более к самому императору, была такая ситуация. Трудно поверить, что графиня случайно пропустила эту многолетнюю проблему семейной жизни своего старшего сына.

Подобная избирательность присутствует и в части воспоминаний графини, которая касается собственно археологических вопросов, в особенности Московского археологического общества. Жизнь МАО, проведение Археологических съездов – все это протекало, в изложении графини, не без проблем, но весьма мирно в среде благожелательных поборников сохранения и изучения русских древностей. Но руководство Московским археологическим обществом было делом весьма хлопотным, многотрудным, требующим нередко не только упорства, но и дипломатических способностей. В его составе были разные люди, с разными взглядами на жизнь и научную деятельность. Случалось, что сотрудники Общества уходили служить “в штат Московской полиции Околоточным Надзирателям” и П.С. Уварова должна была предоставлять в “Московскую Оберполицейстера канцелярию” соответствующие бумаги и “сведения о служебных и нравственных качествах просителя за время службы его в означенном Обществе и о действительных причинах оставления таковой” (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 165. Л. 2).

В Обществе имели место дискуссии по внутренним проблемам. При пересмотре Устава один из членов-основателей, Д.П. Солнцев (Сонцов), протестовал против изменения, “касающегося звания Почетного Члена, – перемене, через которую вносителю 500 рублей даются все права Действительного Члена, с избавлением от малейшего умственного труда для Общества”. Д.П. Солнцев обвинял руководство Общества в том, что для него теперь деньги заменили научные труды: “...звание дается Действительным Членам за ученые их заслуги и доказанную пользу, принесенную науке. У нас оно будет покупаться по дешевой цене – 500 руб. – и ученое Общество публично заявляет о преимуществе кармана перед умственным развитием. Перемена... совершенно уничтожает значение Действительного Члена, – и труды всей его жизни по Археологии, можно сказать, оцениваются менее 500 руб.”. Также нарекания вызывали попытки заменить на выборах “закрытую баллотировку” иными способами голосования (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 8. Л. 1, 3).

Да и с вышестоящими ведомствами отношения не всегда были безоблачными. Никакие просьбы МАО о предоставлении права “Обществу открывать публичные лекции, не испрашивая на то каждый раз особого разрешения” не увенчались успехом, несмотря на все связи графини в мире высшей бюрократии империи. “Открывать публичные чтения” Общество могло “не иначе как по испрошении на них каждый раз разрешения начальства московского учебного округа” (Древности, 1874. С. 14). Более того, Председатель МАО должен был информировать московского генерал-губернатора о программе всех заседаний МАО и его правления. Нам может показаться невероятным, но генерал-губернатор в секретном письме указал П.С. Уваровой, что необходимо «сделать распоряжение о предоставлении мне каждый раз, заблаговременно, для просмотра, подробная программа тех предметов, которые предполагаются в обсуждении в заседании председательствуемого Вами Московского археологического общества, с объяснением каждый раз, что именно предполагается к обсуждению в заседании под общепринятою рубрикой “текущие дела”». И Прасковья Сергеевна вынуждена была информировать московское начальство об этих деталях – о литургии по первопечатнику Иване Федорове, текстах докладов и тому подобной текучке, ничего общего не имеющей с секретными делами (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 72). А постоянные трудности в деятельности МАО, возникающие из-за недостатка средств на исследования, печатание научных трудов, проведение съездов, ремонт “Курьерского дома” и проч.! Подобных проблем жизни Общества в мемуарах не найти.

Организаторская деятельность не особенно привлекала большинство членов Общества. Это понимала и Прасковья Сергеевна, говоря, что коллеги просто переложили на ее плечи все хлопоты. Данную ситуацию подтверждает высказывание архимандрита Леонида, начальника Палестинского православного общества в Иерусалиме, человека, близкого российским археологическим кругам. “Наши ученые столичные общества, снабженные в большинстве случаев щедрыми казенными субсидиями и богатыми научными пособиями (библиотеками), имеют в числе своих членов довольно число любителей и знатоков-специалистов той или другой отрасли знания, – и те, если делами их не руководит человек с твердой волей и энергичный, любящий искренно науку и имеющий время и возможность отдать всего себя в пользу излюбленного им дела (в лице председателя или секретаря), – часто еле-еле движутся по пути не показательного, а действительного преуспевания” (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 571/2. Д. 4757. Л. 13, 14). А энергии, самоотверженности и любви к

археологии графине было не занимать. Недаром дальнейшие переизбрания П.С. Уваровой на новые трехлетние сроки осуществлялись “без баллотировки”¹.

Свои повествования об археологических съездах графиня начинает с весьма краткого описания подготовки Первого съезда. По ее словам, “Ученые и любители старины русской отозвались на приглашение, программы и запросы Московского археологического общества и к назначенному сроку собрались в Москве” (Графиня П.С. Уварова..., 2005. С. 130). В реальности же его подготовка заняла несколько лет и была далеко не безоблачна. Проблемы возникали как во взаимоотношениях с бюрократическими ведомствами, в первую очередь с Министерством народного просвещения², так и с далеко не однозначной реакцией на эту инициативу уже существовавших научных обществ и учреждений, включая Академию наук (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10). Это подтверждает и сама Прасковья Сергеевна, упоминая, что в удачу дела съездов “не верили даже его ближайšie сотрудники и друзья, что видно из первых переговоров с М.П. Погодиным” (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 130).

Отдельные косвенные замечания о проблемах съездов графиня включает в свои воспоминания, но не заостряет на них внимание. Так, говоря о проведении съезда в Киеве, упоминает о требованиях, которыми Москва пугала киевлян, и желании последних «съежиться хотя бы в меньшую единицу, но более самостоятельную “украинскую”, желание, которое разбивалось перед благожелательным, открытым, честным направлением мужа, который всею своею деятельностью доказал, что он в своих трудах преследует одну цель – науку и не желает никаких уступок и уклонений в сторону политики и политиканства» (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 138). Действительно, организаторы съездов сумели уйти от политизации их повестки практически за все время их проведения. Но, с другой стороны, при созыве съездов в национальных окраинах однозначно проводилась правительственная линия в области национальной политики. В отношении съездов на Украине (Киев, Харьков, Екатеринослав, Чернигов) – это отрицание права делать сообщения на “диалектах” русского языка, к коим относился и украинский. Признавался только великоросский (русский) язык. Подобная позиция организаторов нередко приводила не только к бурным дебатам по языковым проблемам, но и демонстративным отказам некоторых национальных обществ (например, “Ученого Дружества имени Шевченка”) участвовать в археологических съездах.

Именно желанием Императорского правительства проводить русификаторскую политику в западных губерниях империи объясняется желание Государя провести съезды в Вильно, Риге и Варшаве, о чем без обиняков говорит Прасковья Сергеевна (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 189). Она даже упоминает, что это желание совпало с волной изменений в тех краях, имевших целью всеобщее распространение русского языка и русских же традиций. Такие изменения были созвучны представлениям графини об идеологических приоритетах империи в Западном крае, что проявилось в стремлениях и действиях Прасковьи Сергеевны в этом направлении (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 190). Недаром она упомянула фразу Великого Князя Сергея Александровича, выразившего надежду, “что я, как женщина, сумею провести эти съезды в мире и согласии, сохраняя при этом достоинство России, ее ученых и языка” (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 189). И П.С. Уварова приложила немало сил к испол-

нению пожелания императора. По ее уверениям, “все окончилось благополучно”, “не поднималось никаких вопросов, кроме научных”, а главное, “доклады делались поляками на русском языке” и она смогла “расстаться с ними (поляками. – А.С.) совершенно друзьями” (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 202).

В эту идиллию трудно поверить. Вокруг съездов в Западном крае и особенно проблемы обязательного употребления русского языка кипели нешуточные страсти как со стороны польской профессуры, так и со стороны русского чиновничества. Косвенные намеки на это можно найти во фразе графини, что “в Вильно и Риге мы заострились в подпольной политике” (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 209). П.С. Уварова совершенно не упоминает той волны противодействия съездам, проводимым по канонам русификаторской политики, которая в действительности имела место. Именно это противодействие и явилось истинной причиной отмены планировавшегося съезда в Варшаве в разрез с пожеланиями императора, а не абстрактные “некоторые трения” (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 202), о которых пишет графиня. Хотя надо отметить, что Прасковья Сергеевна достаточно сочувственно относилась к стремлению сохранить в Прибалтике древние традиции “германских собратьев” (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 204).

Нигде в мемуарах мы не встретим упоминаний о противоречиях с Н.П. Кондаковым, который в ряде случаев достаточно жестко высказывался о выборе места проведения того или иного съезда, о демонстрационном отказе профессора Д.И. Багалея и его единомышленников, проигнорировавших Черниговский съезд. По окончании съезда П.С. Уварова обвинила их в уклонении от участия в только что закончившихся “дружных занятиях” археологов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 635. Л. 510 об.). Полностью отсутствуют упоминания о реакции прессы, далеко не всегда благожелательной, по поводу того или иного съезда³. Подобные примеры если не замалчивания, то определенного принижения проблем в организации и проведении съездов можно умножить. Примечательно, что в письмах, опубликованных составителями книги в качестве приложений к воспоминаниям, П.С. Уварова упоминает и проблемы Одесского съезда, и не всегда гладкие взаимоотношения с региональными обществами, и освещение съездов в широкой печати (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 322). Это еще раз убеждает в мысли, что в своих воспоминаниях графиня несколько пристрастна.

Весьма приглушенно звучит в мемуарах П.С. Уваровой тема соперничества с петербургским Российским археологическим обществом, продолжавшегося все годы существования МАО. А ведь в процессе этого противостояния графиня нередко отпускала по поводу петербургских коллег весьма эмоциональные замечания, типа “сонмища Петроградских мудрецов, обладающих невообразимым и необъяснимым нахальством” (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 603. Л. 15, 16). Графиня не вспоминает о своих многочисленных попытках объявить РАО перед властью предрассудками недостаточно компетентным в вопросах археологии, не занимающимся в должной степени охраной древностей и умышленно монополизировавшим археологию в России (РГАДА. Ф. 1628 “Московское Археологическое Общество”. Оп. 1. Д. 22. Л. 11–18).

³ Хотя работа практически всех съездов и многих подготовительных Комитетов освещалась в центральных и местных газетах, среди которых “Петербургские ведомости”, “Кубанские ведомости”, “Кавказ”, “Вилениский вестник”, “Харьковская старина”, “Приднепровский край”, “Киевлянин”, “Киевская мысль”, “Черниговское слово” и другие.

¹ Например, переизбрание в 1906 г. (Отчет..., 1909. С. 15).

² На эту тему см.: Чесноков, 1989; 1994; 1997.

И тем более о весьма жестких и нелестных ответах на эту тему, которые она получала из МВД, Министерства императорского двора (ОПИ ГИМ. Ф. 140. Д. 29. Л. 20; РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 24. Л. 7). В них ей нередко предъявляли обвинения в том, что МАО противится “ВЫСОЧАЙШЕ установленному порядку и не испрашивает у ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии надлежащих открытых листов для производства своих исследований на землях казенных и общественных” (РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3).

Все эти моменты нисколько не умаляют заслуг Прасковьи Сергеевны, а лишь подчеркивают ее роль как многолетнего руководителя Московского археологического общества, осуществлявшего свою миссию в весьма сложных условиях. Возглавляя МАО, П.С. Уварова сумела сохранить Общество как научное содружество, не позволив разобщить его политическим перипетиям. Наука и сохранение древностей всегда оставались единственной целью деятельности МАО. То, что П.С. Уварова опускает многие негативные подробности, можно объяснить по-разному. Первое объяснение кроется в самом заголовке воспоминаний “Давно прошедшие счастливые дни”. В эмиграции, вдали от России, оторванная от страны и дела своей жизни, Прасковья Сергеевна могла несколько идеализировать ушедшие годы. Возможно также, в связи с тем что воспоминания были предназначены ее потомкам, в первую очередь внукам, графиня умышленно исключила из текста прозаические ситуации, стараясь сформировать у молодого поколения положительный образ Родины, российского общества и дворянства. Но автору рецензии наиболее симпатично третье объяснение, во многом совпадающее с точкой зрения Н.Б. Стрижевой, автора вступления к воспоминаниям (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 23). Прасковья Сергеевна Уварова как человек чрезвычайно сильный, цельный и устремленный желала показать то, что она считала главным в своей жизни. А посему считала ниже собственного достоинства останавливаться на, по ее мнению, второстепенных, рутинных моментах ушедшего. В своих воспоминаниях Прасковья Сергеевна полностью следует духу девиза, начертанного на фамильном гербе графов Уваровых “Не посрамлю имени и чести”.

Объяснения возможны различные. Но, используя воспоминания П.С. Уваровой в качестве источника, исследователи, как мы старались показать, должны критически относиться к изложенным в них фактам и не оказаться в плену несколько одностороннего изложения событий Прасковьей Сергеевной. В некоторой степени подобный некритический подход отражен в предисловии к воспоминаниям. Например, в нем сказано, что “присутствовать на заседаниях Общества, Археологических съездов, публичных лекциях позволялось всем желающим” (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 14). Это не совсем так. Экстраординарные заседания Общества, согласно § 13 Устава (Древности, 1865. С. 2), проходили в закрытом режиме. Также трудно представить, что на “обыкновенные” заседания Общества, которые, по Уставу, проводились “при посторонних посетителях”, но где бывали и Великие Князья, можно было попасть “всем желающим”.

Присутствие на съездах лиц, не входящих в состав делегатов, правилами формально не ограничивалось. Но выступать и участвовать в прениях они не имели права. Недаром на предложение директора Императорской Публичной библиотеки академика А.Ф. Бычкова, посчитавшего ввиду публичности заседаний необходимым исключить из правил упоминания о билетах и особых знаках делегатов (ЦИАМ.

Ф. 454. Оп. 2. Д. 92. Л. 73 об.), было отвечено, что устроители, “признавая заседания Съезда публичными, имеют в виду постороннюю публику, но никак не членов Съезда; которые, получив и предъявив знак и билет, получают право на особо отведенные для Членов Съезда места и на возражения референтам” (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 92. С. 73 об. Л. 76). Это находит подтверждение и в воспоминаниях графини, когда она описывает Екатеринославский съезд и появление на нем делегации “какой-то артели”. Она отказала представителям “артели” в выступлении именно на том основании, что они не являются делегатами съезда (Графиня П.С. Уварова, 2005. С. 222). А заседания комиссий, совета съезда и тому подобных организационных структур официально проходили только в закрытом режиме. Начиная с XIV съезда согласованию подлежали даже кандидатуры участников экскурсий (Правила..., 1907). Да и сама Прасковья Сергеевна не была сторонницей свободного расширения числа участников заседаний и “наплыва улицы”. Так, говоря о XIV Археологическом съезде в Чернигове, она указывает, в качестве его отличительной черты, “что на нем появляются представители уездных комитетов и земств, ... местных учебных заведений и трех полков. Подобное нововведение, понижая научный цезз, с которым имели дело на предыдущих съездах, может послужить, с другой стороны, к популяризации науки, о чем так много лопочут в наше время и почти всегда в ущерб настоящей науке” (Уварова, 1909. С. 370).

В заключение хотелось бы отметить высокое качество издания. Видно, что составители и редакторы отнеслись к нему с искренней любовью. Нетрадиционное оформление обложки, прекрасно подобранные иллюстрации, детально разработанный обширный справочный аппарат свидетельствуют о скрупулезной и бережной подготовке текста к печати. В результате мы имеем уникальный исторический источник, раскрывающий многие стороны частной, общественной и научной жизни России, начиная с пореформенных времен XIX в. и кончая годами революционного лихолетья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Тр. ГИМ. Вып. 144. М., 2005.
- Древности. Тр. Императорского Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 1. М., 1865.
- Древности. Тр. Императорского Московского археологического общества. Т. 4. Вып. 1. Протоколы. М., 1874.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского археологического общества за время с 17 февраля 1906 г. по 17 февраля 1907 г. // Древности. Тр. Императорского Московского археологического общества. Т. 22. Вып. 1. М., 1909.
- Правила XIV Археологического Съезда // Древности. Тр. Императорского Московского археологического общества. М., 1907.
- Уварова П.С. Отчет по занятиям и устройству XIV Археологического Съезда в Чернигове // Древности. Тр. Императорского Московского археологического общества. Т. 22. Вып. 1. М., 1909.
- Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX века. Воронеж, 1989.
- Чесноков В.И. Правительство и вопрос учреждения научно-исторических обществ в России 60–70-х годов XIX века // Историографический сб. Вып. 16. Саратов, 1994.
- Чесноков И.В. Самодержавная власть, министерство народного просвещения и Московское археологическое общество в царствование Александра III // Страница истории и историографии отечества. Вып. 1. Воронеж, 1997.

НАУКА И ПАРАНАУКА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ (ПО СЛЕДАМ ОБСУЖДЕНИЯ “ПРОБЛЕМЫ АРКАИМА”)

Почти два года тому назад на Ученом совете Института археологии РАН состоялось обсуждение проекта комплексной интеграционной программы междисциплинарных исследований археологических памятников Южного Урала “Эпоха бронзы севера Центральной Евразии”. Проект был подготовлен в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН и по инициативе академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН А.П. Деревянко направлен на экспертизу в Институт археологии. Авторами программы являются Л.Н. Корякова, А.В. Епимахов, П.А. Косинцев и Д.Г. Зданович. Ученому совету программу представили Л.Н. Корякова и Г.Б. Зданович (который формально не являлся ее автором). Институт археологии был вправе провести анонимную экспертизу проекта, однако публичное обсуждение на Ученом совете с участием авторов и всех заинтересованных специалистов в наибольшей степени способствовало тому, чтобы выявить сильные и слабые стороны данной программы, обратить внимание уральских археологов на социальный контекст археологических знаний и особенности диалога между археологами и современным обществом. Последний аспект возник в обсуждении случайно: в программе отсутствовала оценка политизированной псевдонаучной деятельности, связанной с известным археологическим памятником Аркаим.

Само обсуждение, вполне возможно, не заслуживало бы комментария на страницах журнала “Российская археология”, но поводом к нему стал другой комментарий – Г.Б. Здановича в изложении журналиста Айвара Валеева (2005. С. 7). Цитируем: «По словам профессора (Г.Б. Здановича. – В.К., С.К.), заседание (Ученого совета ИА РАН. – В.К., С.К.) было похоже на комсомольское собрание времен коллективизации. Обильно цитировались материалы всяких экстрасенсов, националистов и эзотерически настроенных авторов, в которых Аркаим выглядит с научной точки зрения довольно комично, а то и пугающе. И Зданович вроде бы это чуть ли не поощряет. Пришлось пережить несколько неприятных минут в атмосфере иронического скепсиса, от которого профессор стал уже отвыкать. Итогом обсуждения стала рекомендация Уральскому отделению РАН “взять под контроль” работу челябинских археологов. Это может означать что угодно. Даже вот что: Аркаим – мощная научная тема, а теперь еще и одобренная “свыше”, возможно, “большим ученым” захочется в ней “поучаствовать”».

Подобные высказывания, не делающие чести Г.Б. Здановичу, требуют краткого изложения того, уже давнего, обсуждения. Делается это не только ради отстаивания чести и достоинства всех, кто участвовал в заседании Ученого совета Института археологии 3 июня 2005 г. В ходе обсуждения проекта уральских археологов со всей очевидностью обозначилось различное понимание места археологической науки в социальном контексте современности. Вполне вероятно, для Г.Б. Здановича это был неприятный разговор, но “водораздел” в оценке этой важнейшей для развития нашей науки проблемы пролегал между ним и всеми остальными выступав-

шими. Материалы Ученого совета ИА РАН уже нашли отклик в научной периодике (Кореняко, 2006. С. 204; Отклики..., 2006. С. 152–155), но для того, чтобы они стали достоянием широкой научной общественности и чтобы она (общественность) могла принять участие в этом разговоре, мы и взяли на себя смелость познакомить с ними читателей журнала “Российская археология”.

Заседание Ученого совета открыл директор Института археологии, член-корр. РАН Н.А. Макаров. Он призвал членов Ученого совета принять активное участие в обсуждении проекта программы “Эпоха бронзы севера Центральной Евразии”, а затем предоставил слово зам. директора Института истории и археологии УрО РАН А.Ф. Шорину, который представил в общих чертах проект и докладчиков – Л.Н. Корякову и Г.Б. Здановича.

В преамбуле доклада Л.Н. Корякова отметила, что программа ориентирована на взаимодействие различных наук для достижения наиболее эффективных результатов в изучении древней истории Южного Урала. Речь идет об исследовании серии укрепленных поселений и сопутствующих им курганных могильников (Синташта, Аркаим, Устье и др.), выявленных в 80–90-е годы прошлого столетия экспедициями под руководством В.Ф. Генинга, Г.Б. Здановича, Н.Б. Виноградова и других исследователей. Эти зауральские памятники эпохи бронзы рассматриваются в настоящее время в рамках “синташтинской культуры”, а иногда образно именуются “Страна городов”. Докладчик отметила, что изученные археологические объекты продемонстрировали непривычные для специалистов черты архитектуры (с аналогиями в ближневосточном и балканском регионах), которые вместе с другими особенностями материальной культуры заставили пересмотреть целый ряд интерпретаций, касающихся региональных обществ эпохи бронзы. Тем не менее оценка этих памятников до сих пор остается предметом полемики. Масштабы и уровень сложности синташтинских поселений и могильников являются беспрецедентными для отечественной археологии. Большинство компонентов данной культуры не имеет местных корней. В то же время синташтинские памятники являются частью массива культур евразийской степи и лесостепи начала II тыс. до н.э. или, иначе, культур так называемого “колесничного комплекса” (абашевская, покровская, синташтинская, петровская). Традиции синташтинского комплекса наследуют андроновские культуры. Одним из факторов сложения этого комплекса был, по словам Л.Н. Коряковой, начавшийся процесс глобализации – вовлечения широких территорий в сферы влияния основных горно-металлургических областей и центров. Подводя итог первой части доклада, его автор отметила, что в ходе предшествующих исследований опубликованы основные погребальные памятники, материалы же поселений практически не введены в научный оборот.

Далее Л.Н. Корякова обратилась к обсуждению некоторых теоретических вопросов, связанных с открытием памят-

ников синташтинского типа, прежде всего к тенденциям и формам социального развития на евразийском пространстве в дописьменную эпоху. Докладчица отстаивала идею о многолинейном развитии обществ бронзового века степного пояса. Отмечалась также необходимость разработки и апробации более совершенных методик междисциплинарных исследований, которые позволили бы реконструировать формы биологической, хозяйственной и культурной адаптации к окружающей среде, виды использования природных ресурсов, а также наметить демографические и социальные характеристики местного населения в древности. В заключение были изложены цели и задачи исследований в рамках программы “Эпоха бронзы севера Центральной Евразии”, ее основные блоки и этапы реализации. Программа рассчитана на длительный перспективу (2005–2015 гг.), а ее начальная фаза намечена на 2005–2007 гг.

Г.Б. Зданович в начале своего выступления утверждал, что обсуждаемая программа является “очень хорошей, системной, междисциплинарной”. Однако далее весь разговор свелся к обоснованию понятий “Страна городов”, “Страна крепостей”. *Г.Б. Зданович* отметил, что эти термины всегда употреблялись в кавычках, условно, с оговорками, но при этом они имеют право на существование прежде всего потому, что синташтинские поселения – совершенно уникальные памятники для евразийской степи и лесостепи. По мнению автора выступления, во всех отношениях это принципиально новое явление, такие его элементы, как фортификация, плотная регулярная застройка, водосборная и дренажная системы, улицы, переходы на уровне крыш, полые стены внешней оборонительной линии, центральные площади как арены амфитеатров (при этом крыши окружающих домов, видимо, являлись галеркой для публики. – *В.К., С.К.*) не имеют корней в Южном Зауралье. *Г.Б. Здановича*, по его словам, поражает организация близлежащего пространства – дополнительные обваловки, водные рвы, плотины, каналы, поля орошаемого земледелия, загоны для скота, палеоастрономические реперы. Далее докладчик заметил, что кто-то из присутствующих, может быть, скажет, что подобные реконструкции невозможны, но это для него весьма привычно, поскольку он слышит о несогласии со своими идеями уже много лет. *Г.Б. Зданович* посетовал, что отношение к реконструкциям такого рода поселений могло быть иным, если бы их копал не он, а, к примеру, Колин Ренфрю или Карл Ламберг-Карловский, т.е. величины, в археологии несравненно более заметные.

Далее докладчикам предложили ряд вопросов. В частности, *Р.М. Мунчаев* поинтересовался: 1) почему собственно комплекс предполагаемых археологических работ оказался в программе где-то на заднем плане; 2) почему в докладах ничего не сказано о хронологии и имеющихся радиоуглеродных датах синташтинских памятников; 3) какова мощность культурного слоя поселений; 4) какое время могли обитать люди на поселении Аркаим, на котором отложился культурный слой максимальной толщиной в 50–70 см? *Е.Н. Черных* выразил удивление: почему обсуждаемую программу возглавляет *Л.Н. Корякова*, специалист по раннему железному веку, а не *Г.Б. Зданович*, специалист по бронзовому веку. Прозвучал лаконичный ответ *А.Ф. Шорина*: в УрО РАН работает *Л.Н. Корякова*, а *Г.Б. Зданович* – только на 0.5 ставки; его основная работа – вне РАН. Далее последовал вопрос *Г.Г. Пятых*: является ли доклад приглашением Института археологии участвовать в данной программе? *Л.И. Авилова* заметила: мы знакомы с элитарными материалами синташтинской культуры, а где рядовое население, сам народ? В докладе хотелось бы услышать не только об элитарных мате-

риалах, но речь опять идет о раскопках одного поселения. *Е.Ю. Лебедева* спросила о тех методах, которые планируется применить при изучении земледелия синташтинской культуры.

После ответов докладчиков *Н.А. Макаров* предложил перейти к выступлениям. Первым слово взял *Е.Н. Черных*, который отметил: «В докладе *Л.Н. Коряковой* предложена к обсуждению официальная программа, но наряду с этим мы заслушали *Г.Б. Здановича* (который по неведомой причине отсутствует в списке ведущих составителей программы) с докладом о “Стране городов”, а фактически – с доктриной о глобальном величии Аркаима. Остается неясным, является ли эта доктрина частью официальной программы, а если не является, то почему в представленном документе не выражено отношение авторов к той апологетике, что сопровождает тему Аркаима последние годы? Еще в 1989 г. *Е.Н. Черных* с коллегами по лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН работали на Аркаиме, а также в его округе, осуществляя ту самую комплексную междисциплинарную программу, предлагаемую ныне в качестве методической новинки». *Е.Н. Черных* сказал, что знаком с сотнями поселений бронзового века. Среди них есть только два примера, когда не подтвердилось абсолютно ничего из того “величия”, которое провозглашается авторами раскопок: это некогда знаменитый Мецамор в Армении и Аркаим в России. Все основные постулаты доктрины *Г.Б. Здановича*, начиная с городской или протогородской цивилизации, отвергаются, когда воочию видишь размеры, стратиграфию, наполнение убогого культурного слоя, рвы и валы этого памятника. Если Аркаим поместить целиком, к примеру, на центральную площадь Богазкёя или какого-нибудь кельтского oppidum, его там попросту не заметили бы. *Е.Н. Черных* подчеркнул, что никогда – ни в публичных выступлениях, ни в популярных (1992. С. 6) и научных (2000. С. 18; 2002. С. 10, 11) изданиях – не скрывал своего критического отношения к тем формам и методам “популяризации” Аркаима, которые совершенно несовместимы с профессиональной этикой. *Г.Б. Зданович* не в первый раз капризно обижается на коллег за их справедливую критику, но для того, чтобы убедить оппонентов, необходимы фундаментальные публикации. Где они? Ведь в основном мы сталкиваемся лишь с апологетикой этого памятника. За два десятилетия в “Российской археологии” вышли две статьи об Аркаиме (*Зданович*, 1997; *Малютина, Зданович*, 2005), которые сопровождались фактически четырьмя сотнями апологетик (см.: Аркаим..., 1999). В предложенной Ученому совету программе приводится объяснение: синташтинские поселения не введены в научный оборот, поскольку чрезвычайно сложны, и посему требуют особых методических усилий. Кроме удивления такое объяснение ничего не вызывает. Следует ли понять, что Аркаим сложнее, к примеру, Телль-Хазны или поселения Горный 1 на Каргалах? А ведь материалы этих памятников большей частью опубликованы, хотя работы на них начались позднее или даже много позднее. Кроме того, чем объяснить, что в ОПИ ИА РАН не сдан даже отчет о раскопках Аркаима за 1990 г. – 15-летний долг! Что же, причиной тому снова особая сложность памятника?

Далее *Е.Н. Черных* привел без комментариев плакат при подъезде к Аркаиму “Здесь родился Заратустра”, а также несколько заголовков и изречений: “За две тысячи лет до Трои”, “Еще не было Будды, Христа, Мохаммеда, а Аркаим уже был”, “Жил ли на Южном Урале пророк Заратустра?”, “Настоящие арийцы родом из Челябинской области”, “Аркаим – побратим Стоунхенджа”, “Аркаим – великая обсерватория древности”, “Москва – третий Аркаим”, “Тамара Гло-

ба нашла пуп Земли: именно отсюда есть-пошла русская земля, началась исход русского народа, заселившего всю нашу страну...”, “Была Русь, была грамота, были свои духовные ценности, и доказательством тому Аркаим”, “Аркаим – символ русской славы”. Приведены были также выдержки из ряда статей Г.Б. Здановича последних лет, посвященных месту Аркаима в контексте общерусской национальной идеи и поискам могилы “Учителя” (под которым подразумевается Заратустра). Оказывается, в «Большом Синташтинском кургане похоронен не просто вождь – видный член коллектива, а выдающийся священнослужитель – Учитель, давший законы обитателям “Страны городов”. Его тело не кладут в могилу, вырытую в земле..., а помещают в толос, устремленный в небо» (Зданович, 2004. С. 79)¹. В заключение Е.Н. Черных спросил: разве Зданович здесь ни при чем? Разве именно он не опубликовал ряд скороспелых апологетических статей? Разве не способствовал тому, что чисто научные проблемы, связанные с изучением Аркаима, оказались в тени псевдо- и паранаучного мусора?

Выступивший следом Н.Я. Мерперт заметил, что коснется лишь отдельных вопросов, касающихся программы. Материалы синташтинских поселений действительно практически не введены в научный оборот. Но когда речь идет о “Стране городов”, он бы здесь поставил тройные кавычки! Нет сомнения в том, что открытие Аркаима явилось событием большого научного значения. Однако пока что памятник оставляет больше вопросов: цель фортификации, архитектурный стиль, причины появления объектов этого типа остаются неясными. Публикация материалов Аркаима, особенно массовых, должна быть полной и системной. К сожалению, она осуществлена только эскизно. В частности, в недавней публикации керамики (Малютина, Зданович, 2005) приведена только ее морфология, без культурно-исторических привязок и связей. “Страна городов” – сам этот термин, по меньшей мере, странный. Что же он – Н.Я. Мерперт – вместе с Р.М. Мунчаевым, В.И. Гуляевым, Н.О. Бадером, В.А. Башиловым и другими коллегами копал тогда столько лет в Ираке и Сирии? Сколько “Стран городов” ими было открыто там, где самый малый памятник крупнее Аркаима, где толщина культурного слоя несоизмерима с аркаимским? Н.Я. Мерперт подчеркнул, что не будет столь резок в оценках, как Е.Н. Черных, но согласен: пелена сенсационности, раздувание сенсационности – в чем наиболее активное участие приняли люди, не имеющие отношения к науке, – не позволяют адекватно оценить аркаимские материалы и компрометируют их. И в этом отношении авторам программы необходимо провести строгую селекцию того наследия, что связано с Аркаимом.

Р.М. Мунчаев напомнил собравшимся, что в конце 1990-х годов на заседании Ученого совета Института археологии прозвучал доклад Г.Б. Здановича об Аркаиме. Еще тогда и Р.М. Мунчаев, и другие участники обсуждения призывали Г.Б. Здановича не преувеличивать достоинства Аркаима путем ложного сравнения его с Троей и другими памятниками мировой известности. В реальности это сопоставимые археологические объекты. Сам проект программы Р.М. Мунчаев оценил как вполне хороший или, по крайней мере, удовлетворительный, но подчеркнул, что при ее реализации упор нужно сделать на археологические исследования. А если говорить о базовых памятниках бронзо-

вого века Южного Урала, то таковым необходимо признать Каргалы, тем более что материалы этого центра полно и системно опубликованы. В заключение – реплика о “Стране городов”: «Ну, какая это страна городов? Когда-то Институт археологии издал популярную книжку Г.А. Кошеленко и В.И. Сарияниди “В стране городов”. Но в ней речь шла о Средней Азии, о кушанской эпохе. Разве это сопоставимые феномены?».

В.А. Шнирельман (Институт этнологии и антропологии РАН) обратил внимание на три проблемы: специфику междисциплинарных исследований, стиль презентации и популяризации археологических открытий самими археологами, а также особенности диалога между профессиональными археологами и обществом.

Большие сомнения вызывают бесконечные призывы к междисциплинарным исследованиям и междисциплинарному синтезу. Оценивая собственный опыт работы с археологическими, этнографическими и лингвистическими источниками, В.А. Шнирельман отметил не только перспективность таких занятий, но и их необычайную сложность, преодоление которой под силу лишь немногим специалистам. Последние должны хорошо знать особенности материалов, инструментария и подходов, с которыми работают смежные дисциплины. А иначе мы вновь столкнемся с массой непрофессиональных отсылок к лингвистическим данным в трудах археологов и курьезных археологических экскурсов в работах лингвистов.

Другим важным вопросом, по мнению В.А. Шнирельмана, является презентация археологических данных. В программе встречается немало понятий и терминов, которые рассчитаны прежде всего на внешний эффект. Например, само название проекта “Эпоха бронзы севера Центральной Евразии” явно адресовано чиновникам, ибо привязка к “северу Центральной Евразии” мало о чем говорит профессиональному археологу. То же самое относится к использованию терминов “природно-социальная система” или “глобализация”. Протекавшие в древности процессы даже отдаленно не напоминали процессы глобализации, наблюдающиеся в современном мире, для которых, собственно, и был введен этот специальный термин. Столь же сомнительным представляется использование определений “протогород” и “протогородская цивилизация” для памятников типа Аркаима. Способные увлечь общественность, эти понятия вовсе не отражают специфику местных археологических памятников, которые ни по каким параметрам не вписываются в определение “протогород”. Также неясно, почему авторы считают отход от парадигмы однолинейной эволюции новейшим достижением. Ведь Дж. Стюард выдвинул концепцию многолинейной эволюции еще полвека назад, и с тех пор как будто бы никто из профессионалов не решался утверждать, что все общества уныло продвигались по одному и тому же пути. Модели однолинейной и многолинейной эволюции вовсе не противостоят друг другу. Зато необходимо четко понимать, что именно за ними скрывается.

Наконец, третьим важным вопросом является социальный контекст археологических знаний и особенности диалога между археологами и обществом. Эпохи сменялись не только в глубокой древности. На глазах у нас на рубеже 1980–1990-х годов произошли кардинальные изменения, поставившие науку в совершенно новые условия. Сегодня общество как никогда активно и требует доступа к “сакральным знаниям”, прежде находившимся исключительно в ведении специалистов. Археологическое знание покидает “башню из слоновой кости” и становится знанием социаль-

¹ При этом заметим, что в литературе есть и иное представление о Большом Синташтинском кургане как об одном из памятников раннего железного века с присущим им шатровым перекрытием (Кузьминых, 2004. С. 96).

ным, но оно доходит до потребителя, как правило, через третьи руки, будучи основательно отфильтровано, модифицировано и реинтерпретировано людьми, далекими от данной профессии. При этом среди них могут встречаться и ученые, однако сделавшие карьеру в иных областях (математике, физике, инженерном деле, философии и пр.). Увлеченные “загадками древней истории”, они штудируют горы специальной литературы, выискивая “факты” или интерпретации, способные служить их априорным концепциям. Так Аркаим превращается в “храм” или “обсерваторию”, объявляется “вторым Стоунхенджем”, а “второй Аркаим” внезапно обнаруживается в Приэльбрусье; на Кольском полуострове неожиданно возникают следы “древнейшей гиперборейской цивилизации”.

Не каждому археологу удастся выстоять в этих “культурных войнах”, нередко апеллирующих к древнему историческому наследию, которое якобы способно верой и правдой служить современным политическим проектам, начиная от 1000-летних юбилеев и кончая борьбой за “сакральную территорию” или “национальный суверенитет”. Сегодня “этногенез” становится политической наукой (Шнирельман, 2005), и находится немало специалистов, соревнующихся в том, кто сможет более искусно использовать научные знания о древних племенах для обоснования политических привилегий своих этнических групп.

Между тем и Аркаим оказывается в поле зрения политиков. Например, в мае 2005 г. его посетил Президент Российской Федерации В.В. Путин. Эта поездка получила весьма своеобразный отклик в национал-патриотической газете “Завтра”. Там была помещена статья, автор которой В. Ерофеева утверждала, что, по преданию, в горах Аркаима в глубочайшей древности мужчины проходили посвящение в вожди, и высказывала соображение, что ради этого туда мог летать российский президент. Далее она предполагала, что В.В. Путин мог искать там “потерянную национальную идею”, восходящую к подвижнической деятельности Заратустры, который будто бы именно там сформулировал для ариев программу самосовершенствования. Иными словами, послание Заратустры ариям она и считала той самой “утраченной национальной идеей” (Ерофеева, 2005. С. 8)².

Как археолог должен отвечать на необычайный интерес общественности к знаниям о первобытности, принимающий порой весьма экзотический вид? Реакция ученого на такие проекты может принимать разные формы. Вот короткий ряд примеров. Известно, что в 1920-х годах знаменитый английский археолог В. Гордон Чайлд был увлечен индоевропеистикой и даже выпустил книгу о происхождении “арийцев”. Однако, увидев, куда ведет расовая “арийская идея”, исповедовавшаяся нацистами, он резко сменил тематику и больше уже никогда не писал об “арийцах”. Напротив, в 1933 г. он ввел в свой лекционный курс отдельную лекцию о расизме и об опасности расовой теории (Childe, 1933). Когда в начале 1980-х годов отдельные левые деятели начали упрекать Ж. Дюмезиля в том, что его идеи были с энтузиазмом подхвачены склонными к неонацизму французскими “Новыми правыми” и активистами Национального фронта Ж.-М. Ле Пена, он поспешил от этого публично отмежеваться, выступив в национальной прессе (Dumézil, 1985. P. 985–989). Столь же оперативно российские физические антропологи недавно отреагировали на использование своих данных новоявленными расистами, пытающимися привить совре-

менному российскому обществу националистические взгляды (Алексеева и др., 2003).

С 1990-х годов в Лондоне выходит журнал “Публичная археология” (“Public archaeology”), где рассматриваются подобного рода сюжеты. А 15 лет назад английские археологи опубликовали результаты уникального исследования, посвященного Стоунхенджу. Они не только показали его значение как важного памятника первобытной эпохи, но и проанализировали его роль в современном британском обществе как наследия, на которое претендуют нынешние неоязычники-псевдодруиды (Chippindale et al., 1990). Поэтому в Стоунхендже можно действительно увидеть определенный аналог Аркаима, однако не как “храма” или “обсерватории”, а как археологического памятника, ставшего объектом интенсивного общественного дискурса и привлекающего внимание различных современных движений, включая и неоязычников с их “арийскими фантазиями”.

Подводя итоги обсуждения, Н.А. Макаров отметил: в заключение Ученого совета необходимо ввести специальный пункт о том, что Институт археологии РАН не поддерживал и не будет поддерживать паранауку. Как с этим быть в Институте истории и археологии УрО РАН, решать Уральскому отделению. Обсуждаемый проект нужно доработать: программа не конкретна, из нее нельзя уяснить, как и в какие сроки будут выполняться ее отдельные блоки, какой или какие памятники будут исследоваться. “Если бы ко мне как к бюрократу от науки попала такая программа, я бы ее не одобрил”, – сказал Н.А. Макаров.

В заключение слово вновь было предоставлено докладчикам. Г.Б. Зданович подчеркнул, что еще никто и никогда не упрекал его в фальсификации. Аркаим – не обычный поселок. Последовала реплика Р.М. Мунчаева: “Но разве это город?”. Докладчик продолжил: «Но мы еще не знаем и категории “города”, тем более что это категория средневековая. Мы знаем, что такое “телль”, а что такое “город”? Вы меня можете сколько угодно ругать, но Аркаим – это город. Нельзя жить без корней. Это здорово, что у нас есть Аркаим. Я никогда не откажусь от того, что Аркаим мог бы стать национальной идеей России. А любой археологический памятник становится культовым. И мы ни от одного своего слова в рамках популяризации Аркаима не отказываемся». Далее было замечено, что «разговор с В.В. Путиным – первым лицом государства, посетившим Аркаим, – оказался очень серьезным. Он два часа провел со мной на раскопе. Президент интересовался хронологией, местом археологии в современном обществе. А что написали газеты об этом визите? Всякую ложь и ерунду, особенно “Коммерсантъ”».

Л.Н. Корякова отметила, что предмет разговора был очень непростой, многоаспектный. Обсуждение спорных моментов может быть продолжено. “Что же касается существа программы, то я по-прежнему готова отстаивать ее основные положения, включая и название проекта”, – заключила докладчик. Далее последовали предложение Е.Н. Черных опубликовать тексты выступлений на Ученом совете в “Российской археологии” и реплика Н.А. Макарова: “Разумеется!”. А.Ф. Шорин заметил, что состоявшийся разговор был, безусловно, важным и для авторов проекта, и для Института истории и археологии УрО РАН в целом. Ряд положений программы и ее название, конечно, необходимо скорректировать. Последовал вопрос Л.Н. Коряковой Н.А. Макарову: “Ну, а программу вы одобряете?”. Ответ: “Да, но в скорректированном виде”.

Представленный обзор прошедшего заседания Ученого совета Института археологии РАН говорит сам за себя и

² В. Ерофеевой, похоже, осталась неизвестной статья Г.Б. Здановича о могилах “Учителя”, иначе она бы подкрепила свои фантазии мнением археолога. – В.К., С.К.

вряд ли требует пространного заключения. Абсолютно понятно, что без подробной публикации данных о раскопках Аркаима и всей группы южноуральских памятников, а также полученных на них материалов продолжение дискуссии попросту теряет какой-либо смысл. Совершенно очевидно, что не существует ни малейшего резона дискутировать о “погребении Учителя-Заратустры” и исходящем из него “арийском духе”: все это находится слишком далеко за пределами науки. И, конечно же, ясно, что наступила пора широкого обсуждения социального значения археологического знания в современных условиях, а также форм диалога между археологами и обществом. В конечном итоге это становится одной из важнейших проблем профессиональной этики ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.И. и др.* Рецидивы шовинизма и расовой нетерпимости // Природа. 2003. № 6.
- Аркаим. 1987–1997. Библиографический указатель. Челябинск, 1999.
- Валеев А.* Аркаим после Путина // Челябинский рабочий. 2005. 27 августа.
- Ерофеева В.* Аркаим // Завтра. 2005. № 33.
- Зданович Г.Б.* Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2.
- Зданович Г.Б.* Могила “Учителя” или образ горы в культуре “Страны городов” // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.
- Коренько В.А.* Рец.: Шнирельман В.А. 1) Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М., 2004. 480 с.; 2) Лица ненависти (Антисемиты и расисты на марше). М., 2005. 360 с. // Вестн. Евразии. 2006. № 1 (31).
- Кузьминых С.В.* Проблемы эпохи раннего металла в трудах В.Ф. Генинга // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Удмуртской археол. экспед. и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. Ижевск, 2004.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. 2005. № 2.
- Отклики на литературный очерк Ю.Г. Бриля “Открытие Аркаима” // Наука. Общество. Человек. Информационный вестн. УрО РАН. № 1 (15). Екатеринбург, 2006.
- Черных Е.Н.* Найдена Уральская Троя? На пороге сенсации: Беседа с зав. лабораторией Ин-та археологии РАН / Вела Г. Качук // Неделя. 1992 (ноябрь). № 44.
- Черных Е.Н.* Феномен и парадоксы Каргалинского комплекса // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. ММНК. Воронеж, 2000.
- Черных Е.Н.* Введение // Каргалы. Т. II. Горный – поселение эпохи бронзы. М., 2002.
- Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2005.
- Childe Gordon V.* Is prehistory practical? // Antiquity. 1933. V. 7. № 28.
- Chippindale Ch. et al.* Who owns Stonehenge? L., 1990.
- Dumézil G.* Science et politique. Réponse à Carlo Ginzburg // Économies. Sociétés. Civilisations. 1985. № 5.

Государственный музей Востока, Москва
Институт археологии РАН, Москва

*В.А. Коренько
С.В. Кузьминых*

КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ”. III ГОРОДЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (ОРЕНБУРГ, 2006)

4–6 мая 2006 г. на базе Оренбургского государственного педагогического университета в рамках III Городцовских чтений была проведена международная археологическая конференция “Проблемы изучения ямной культурно-исторической области”. Ее организация была осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 06-06-85002г) и Правительства Оренбургской области. В конференции приняли участие ученые из Оренбурга, Самары, Москвы, Челябинска, Саратова, Орска, Тюмени, Кургана, а также Днепропетровска (Украина) и Кишинева (Молдова). Было заслушано 23 доклада, посвященных различным аспектам изучения ямной культурно-исторической области. Участники конференции смогли также ознакомиться с археологическими коллекциями в Оренбургском краеведческом музее и в музее археологии университета. Был издан сборник статей, представляющий материалы докладов, заявленных в программе конференции.

К сожалению, не все регионы, где распространены памятники ямной культуры, были представлены. При подготовке конференции выяснилось, что в последние годы приостановлено изучение этих памятников в Нижнем Поволжье, Нижнем Подонье, во многих областях Украины, где не ведутся целенаправленные исследования ямной проблематики, нет специалистов по данному направлению, хотя источниковая база

систематически пополняется в ходе раскопок степных курганов других эпох. С другой стороны, в ряде регионов произошел переход на качественно иной уровень исследований с использованием методов естественных наук и радиоуглеродного датирования (Самарское Заволжье, Южное Приуралье, Калмыкия, Северо-Западное Причерноморье).

В начале конференции с приветственным словом к ее участникам от лица руководства университета обратилась проректор по научной работе, профессор *А.Г. Иванова*.

Открывая конференцию, *Н.Л. Моргунова* особое место уделила в своем выступлении той роли, которая принадлежит в исследовании ямной проблематики *Н.Я. Мерперту*, создавшему в свое время классическую схему развития ямной культурно-исторической области. *Н.Л. Моргунова* отметила преемственность, которая от *В.А. Городцова* идет к современным исследованиям ямной культуры. Изучение ямных памятников связано с именами *П.С. Рыкова*, *В.В. Гольмстен*, *В.Н. Даниленко*, *Д.Я. Телегина* и др. В последней четверти XX в. изучение данной культуры носило в основном локальный характер. Разрабатывались проблемы происхождения отдельных ее вариантов в Поволжье, Приуралье, Предкавказье, Подонье, Поднепровье, Северо-Западном Причерноморье и в Подунавье, создавались самостоятельные схемы развития древностей для отмеченных регионов. Однако углуб-

ленное изучение материалов привело к значительным разногласиям в понимании культурно-исторического содержания всей ямной области – “древнеямного единства”, что и предопределило необходимость проведения данной конференции.

К началу XXI в. особенно остро обозначились проблемы, связанные с выяснением причин и динамики формирования ямной КИО в связи с многообразием степных энеолитических культур, исследования которых активизировались в последние десятилетия по всей степной зоне. Начало дискуссиям положило открытие неординарных энеолитических некрополей съезженского и хвалынского типов в Поволжье и выделение И.Б. Васильевым и А.Т. Синюком двух этапов степного энеолита. Эти этапы представлены мариупольской и хвалынской-среднестоговской культурно-историческими общностями, на базе которых, по мнению указанных исследователей, происходило формирование ямной КИО. Однако радиоуглеродное датирование различных памятников, как энеолитических, так и раннего бронзового века, показало значительный хронологический разрыв между хвалынскими и раннеямными древностями. Расхождения в датировках обнаружили и с майкопской культурой.

Современному состоянию изучения ямной проблематики в трудах региональных исследователей посвятил свой доклад “Некоторые проблемы изучения ямной культуры Волго-Уральского региона” М.А. Турецкий. В качестве положительного момента он отметил комплексность исследований последних лет, широкое использование естественно-научных методов, активное применение радиоуглеродного анализа. Особое внимание автор уделит таким важнейшим аспектам изучения начальной стадии ямной культуры, как характеристика репинского этапа, проблема происхождения курганного обряда в среде доямного степного населения Восточной Европы. Не менее актуальна в связи с исследованиями последних лет (Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская, П.Ф. Кузнецов, А.В. Кияшко, С.В. Богданов) проблема отнесения памятников поздней ямной культуры к РБВ или СБВ и, как следствие, временные рамки собственно ямной общности. Автор считает, что следует признать устойчивый ямный характер представленной в регионе культуры, прошедшей в своем развитии несколько этапов на протяжении раннего и начала среднего бронзового веков.

В докладе Н.Л. Моргуновой была рассмотрена проблема периодизации древностей волжско-уральского междуречья в свете результатов комплексных исследований памятников ямной культуры степного Приуралья. На основании проводившихся ею в 2000–2005 гг. раскопок Мустаевских и Шумаевских курганов, для которых при помощи палеопочвоведческих методов и радиоуглеродного датирования была установлена очередность всех изученных комплексов, удалось выделить четыре хронологических горизонта ямной культуры в период от 3500 л. до н.э. до 2300 л. до н.э. Установлена культурная преемственность всех этапов развития по признакам погребального обряда, а также по ряду артефактов, обнаруженных в продатированных комплексах. Последние позволили соотнести с соответствующими этапами раскопанные ранее погребения, не имеющие абсолютных датировок. Таким образом, примененная в исследованиях ямной культуры Приуралья новая методика позволила выйти на качественно иной уровень как в решении проблем периодизации раннего и среднего бронзового века, так и в определении культурного содержания каждого из этапов. Историко-культурная характеристика существенно дополнена данными палеопочвоведческих исследований (О.С. Хохлова и А.А. Гольева).

Проблема радиоуглеродного датирования и его значение в изучении ямной культуры обсуждались и в других докладах и выступлениях в прениях (П.Ф. Кузнецов, С.В. Богданов, Е.В. Яровой, А.И. Юдин и др.). Особая значимость метода обусловлена безынвентарностью практически 80% погребений и отсутствием поселений, из-за чего датировка большинства памятников невозможна археологическими методами. В ряде областей по-прежнему при создании культурно-хронологических схем используются исключительно стратиграфические наблюдения. Но и радиоуглеродное датирование не всегда дает желаемые результаты. В ходе дискуссии по этой проблеме было высказано единодушное мнение, что радиоуглеродное датирование необходимо применять как можно шире. При этом, однако, следует критически относиться к полученным результатам, учитывая следующие моменты: 1) необходимость сочетания радиоуглеродного датирования с палеопочвенными заключениями об очередности сооружения курганов в одном могильнике; 2) необходимость получения нескольких дат по разным материалам (кость, дерево, почва) для одного комплекса и, по возможности, в разных лабораториях; 3) необходимость комплексного анализа полученных результатов в контексте данных археологического исследования.

В докладе Е.В. Яровой “Памятники доямного времени Северо-Западного Причерноморья” был поднят актуальный для всей ямной культурно-исторической области вопрос о выделении групп памятников раннего скотоводческого населения, а также о характеристиках погребального обряда. На основе полученных исследователем материалов сделан вывод о том, что представленные комплексы доямного времени разнородны как в культурно-этническом, так и в хронологическом отношении. При этом автор доклада отметил, что указанные комплексы относятся в основном либо к группе бескурганных новоданиловских могильников, либо к памятникам типа Хаджидер-Животиловка, либо к постмариупольским памятникам.

Во втором докладе Е.В. Яровой “Ямная культура Днестро-Пруто-Дунайского междуречья”, являющемся логическим продолжением первого, предложена общая характеристика более чем 1.5 тыс. погребений эпохи ранней бронзы. Особое внимание автор уделит анализу инвентаря, представленного более чем в 1/3 всех погребений ямной культуры. В докладе было отмечено, что местная керамика характеризуется присущими только этому региону формами (банки на поддонах, амфорки, оvoidные амфоры). Ряд керамических форм является импортами или несет на себе влияние раннебронзовых культур соседних районов Подунавья, Балкан и Карпат.

Д.Л. Тесленко свой доклад «Содержание понятия “ямная культурно-историческая область” в современной историографии» посвятил некоторым актуальным вопросам ямной тематики. Это, во-первых, выделение в особый хронологический, но не однокультурный пласт памятников, прежде относимых к “раннему общедревнеямному горизонту”. С ранним этапом собственно ямной культуры, считает автор, следует связывать погребения с керамикой репинского типа или керамикой, сопоставимой с посудой среднего слоя Михайловки. Во-вторых, был рассмотрен ряд проблем методического плана, таких как использование обрядовых групп и данных стратиграфических наблюдений в создании хронологических схем. В-третьих, в докладе обсуждались некоторые терминологические понятия, например “область” или “общность” при определении сущности ямного культурно-исторического феномена; “го-

родцовские”, “развитые” или “поздние” памятники при характеристике этапов ямной культуры.

Большой интерес вызвал доклад *В.А. Дергачева* “О скипетрах энеолита”, в котором были представлены методические основы систематизации и интерпретации всех видов каменных скипетров от Балкан до Средней Волги, как схематических, так и реалистических. Исходя из принципа направленности всякого развития от простого к сложному, автор сделал вывод о несомненном восточном происхождении скипетров и их дальнейшем распространении в западном направлении. При этом оба типа находок не выстраиваются в единую линию развития. Они представляют собой две самостоятельные стилистические группы. Древнейшие схематические экземпляры представлены в материалах Хвалыньских I и II могильников. Это подтверждается и их наиболее ранней, по сравнению с другими памятниками, датировкой.

В докладе *А.И. Юдина* “Поздний энеолит Нижнего Поволжья и проблемы формирования ямной культуры” поднята одна из интереснейших проблем: подоснова ямной культуры, поиски ее энеолитических предшественников, определение культурных типов, с наибольшей вероятностью интерпретируемых как субстрат ямного населения. В качестве альтернативы хвалынской культуре, считавшейся до последнего времени (Васильев, 2003) основой сложения ямной общности в степных районах Поволжья, автор рассмотрел бытовые памятники алтатинского типа степного Заволжья и Волго-Донского междуречья, а также типа Кумыски и алексеевские в лесостепи. Хронологически они доживают до репинского времени. По мнению исследователя, это может служить доказательством того, что именно указанные памятники являются недостающим звеном между хвалынской и ямной культурами.

Доклад *М.П. Вохменцева* “Влияние степных культур на энеолит лесостепного Зауралья” был посвящен роли степных и лесных энеолитических культур в формировании памятников, концентрирующихся по рекам Тоболу, Исети и Миассу. Судя по керамике, наибольшее влияние на древности северной части лесостепного Притоболья оказали культуры лесного Зауралья (сосновоостровская, шuvaкишская, аятская) и лишь незначительное – культуры степной зоны (ботайская и терсекская). Другая группа памятников, расположенная на юге лесостепного Притоболья, на реках Уй и Убаган, демонстрирует большое влияние степных энеолитических культур типа терсекской. Наибольший интерес вызывают погребальные комплексы могильников Верхняя Алабуга и Убаган I, для которых автор доклада привел аналогии среди энеолитических и ямных погребений широкой территории от Днепра до Волги.

В докладе *А.В. Аджимолаева* “К вопросу о реконструкции социальной структуры ямного общества Волго-Уралья” была сделана попытка рассмотреть актуальную проблему структуры ямного населения на примере погребальных комплексов восточной части данной культурно-исторической области. В качестве источниковой базы исследователем привлечены к анализу данные погребального обряда более 150 курганов Волго-Уральского региона. Сделан вывод о наличии в структуре ямного общества трех социальных групп. К первой группе, чьих представителей чаще всего хоронили в безынвентарных погребениях, относились люди низкого статуса. Вторая группа характеризуется высоким статусом погребенных, что находит отражение в богатом погребальном инвентаре и сложном могильном сооружении. Наконец, третья группа представляет, по мнению автора, некое “среднее сословие”, достаточно аморфное по составу, что отражает скорее нераз-

работанность критериев выделения этой группы, чем действительное структурное деление ямного общества Волго-Уралья.

Замечательным находкам из самой восточной части ареала памятников ямного типа был посвящен доклад *С.В. Богданова* “Древнейшие комплексы тамар-уткульского типа с территории Северного Казахстана”. Погребальные комплексы могильника Илекшар I, относимые автором доклада к выделяемому им тамар-уткульскому типу памятников позднего времени, содержали архаичные разновидности очковидных подвесок и бронзовые биволютные булавки с кручеными стержнями. Такие булавки имеют аналогии в материалах поздней куро-аракской культуры. Для изученных погребений получены радиоуглеродные даты в пределах 2700–2500 лет ВС.

В докладе *П.Ф. Кузнецова* были обобщены новые, пока не опубликованные материалы из двух курганных могильников на р. Сок – Грачевка II и Лопатино I. Автором получены уникальные данные по древностям раннего этапа ямной культуры в Поволжье. Погребения с признаками уже сформировавшегося ямного погребального обряда маркированы керамикой репинского типа и имеют радиоуглеродные даты в пределах второй половины IV тыс. до н.э.

Технологии производств ямной культуры – проблема, которая впервые столь объемно и комплексно была представлена на конференции. Она рассматривалась по двум направлениям.

Первое – изучение технологии гончарного производства ямной культуры. Исследования в данной области по методике А.А. Бобринского начали около 15 лет назад самарские археологи. При обработке керамики по этой методике проходит значительное время, прежде чем могут быть получены достаточные данные для выводов, касающихся историко-культурных реконструкций. Важно подчеркнуть, что изучение технологии производства керамики велось в большом хронологическом интервале, начиная от раннего неолита и до среднего бронзового века.

В докладе *И.Н. Васильевой* “Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры” были представлены результаты технико-технологического анализа керамики хвалынского, съезженского, ивановского, токсского и турганского типов. Автором сделаны весьма важные выводы о технологическом соответствии или различиях ранее типологическим выделенных групп керамических материалов. Обратили на себя внимание следующие заключения исследовательницы: о смешении местного (гребенчатого) и пришлого компонентов в самарской культуре; об отличиях в технологии самарской и хвалынской культур; о сходстве технологии изготовления керамики ивановского и съезженского типов, и о предшествовании последнего Ивановке. В целом И.Н. Васильева сделала вывод о том, что в “предъямное” время по результатам изучения технологии гончарства фиксируется процесс смешения различных в культурном отношении групп населения. Общее развитие гончарной технологии в эпоху энеолита в изучаемом районе проходило, однако, в рамках традиций одного большого региона, связанных, начиная с раннего неолита, с использованием илов и илистых глин в качестве исходного сырья для изготовления керамики.

Проблема преемственности гончарства ямного населения была основательно рассмотрена в докладе *Н.П. Салугиной* “Технология керамики населения раннего бронзового века Волго-Уралья”. Ею обобщены данные по погребальной керамике Самарского Поволжья и Приуралья. Технологический

анализ проведен по всем ступеням изготовления ямной посуды и в соответствии с ее хронологическими периодами. Изучение керамики репинского (раннего) этапа привело к выводу об ее преемственности с энеолитическими культурами. Материалы развитого этапа демонстрируют усложнение состава населения, приток новых групп, что проявилось в использовании разного исходного сырья. Появление новых технологий в гончарстве автор объясняет связями местного населения с кругом земледельческих сообществ. Таким образом, изучение технологии гончарного производства ямной культуры открывает новые перспективы в исследованиях этнокультурных процессов на территории Восточной Европы в бронзовом веке.

Доклад *О.Д. Мочалова* “К анализу форм керамики ранней – начала средней бронзы Заволжья (граница степи – лесостепи)” продолжил тему ямной керамики, поднятую в докладе Н.П. Салугиной, но уже с точки зрения анализа структуры форм, а также сравнения с формами сосудов полтавкинского и ямно-катакомбного типа. Керамика ямной культуры раннего этапа характеризуется значительным функциональным разнообразием с преобладанием горшков с выделенной шеей и округлым дном. Более поздняя посуда отличается прежде всего наличием уплощенного дна и внешним уступом в верхней четверти профиля. При сравнении ямной и полтавкинской керамики автор отметил более сложные формы у последней. По мнению О.Д. Мочалова, в эпоху средней бронзы появляются плоскодонность и уступ в верхней части сосуда, связанные с изменением в устройстве очага, что является серьезной инновацией. В то же время автор не отрицает отсутствия резкого разрыва между ямной и полтавкинской традициями в формообразовании керамики.

Второе направление – исследование технологии металлургического и металлообрабатывающего производств ямной культуры.

В докладе *П.Ф. Кузнецова* и *С.В. Кузьминых* “О топорах утевского типа в степном Волго-Уралье” рассмотрены втульчатые топоры, обнаруженные как в погребениях, так и в качестве случайных находок на территории Волго-Уралья. При несомненной связи с майкопско-новосвободненскими прототипами топоры утевского типа выделяются в особую группу орудий с сужающимся к лезвию клином. Авторы доклада отметили, что использующийся некоторыми исследователями (В.П. Шилов, А.В. Кияшко, С.В. Богданов) термин “топоры колтубанского типа”, куда включены и топоры тамар-уткульского облика, представляет морфологически аморфную группу орудий. Прежде всего это касается собственно колтубанского экземпляра, который характеризуется клином, расширяющимся к лезвию. Был отмечен и тот факт, что тамар-уткульские топоры почти в 2.5 раза легче утевского. К группе изделий утевского типа относились, по-видимому, и топоры, которые отливались в литейной форме из Першинского могилика.

А.Д. Дегтярева в докладе “Технология металлопроизводства ямной культуры” предложила распределить изделия из бронзы на три группы. Предметы первой и второй групп изготовлены из “чистой” меди с разным процентным содержанием примесей серебра, свинца, сурьмы, висмута. К ним относятся абсолютное большинство орудий труда (около 91%). Металл изделий этих групп выплавлялся из руды Каргалинского рудного месторождения, которое впервые начало разрабатываться племенами ямной культуры. Третья группа предметов изготовлена из мышьяковой бронзы (всего три экземпляра), имеющей кавказское происхождение.

Следующая проблема, которая была рассмотрена в докладе, – технологические схемы изготовления орудий труда и украшений ямной культуры Приуралья. Это прежде всего литье в открытые и составные закрытые формы и последующаяковка. Изделия, за исключением одного ножа, производились на месте, что свидетельствует о развитии кузнечного производства. Более того, ряд изделий своеобразной формы (втульчатые копье и долото, тесло-молоток, топоры-клевы, двуобушковый молоток, уникальные биметаллические орудия) не имеют полных аналогий в синхронных культурах Циркум-понтитской металлургической провинции. Автор доклада сделала вывод об устойчивых связях приуральских металлургов ямной культуры с западными очагами металлообработки, что находит подтверждение в сходстве технологических приемов изготовления вещей.

Особый интерес у участников конференции вызвал доклад *А.А. Хохлова* “Основные проблемы палеоантропологии ямной культуры”. Автор обобщил все имеющиеся к настоящему времени материалы по антропологии ямного населения не только Волго-Уралья, но и более широкой территории. Проблема происхождения ямной общности, с точки зрения антрополога, напрямую связана с выявлением субстратной энеолитической культуры (или культур), предшествующей ей на территории Восточной Европы. В качестве такого субстрата, по мнению автора, могли выступать группы памятников хвалынского, среднестоговского, новоданиловского и других типов. Несомненно, что “ямное” население не было однородным и складывалось на основе различных степных и лесостепных антропологических вариантов Восточной Европы. В следующей части своего доклада А.А. Хохлов отметил, что сериям ямных антропологических материалов, относящихся к разным вариантам, присуще большое разнообразие типов. Тем не менее можно сделать ряд обобщений. На западе ямной культуры (степная Украина) преобладают антропологические компоненты среднестоговского типа, а также долихо-краничных групп восточносредиземноморского типа. На востоке (Приуралье) присутствуют южноевропейские черты, характерные для “хвалынского” населения, а также те черты морфогенетического комплекса, которые могли быть принесены из районов юга Восточной Европы на поздних этапах существования ямной культуры. Интересно прозвучавшее в докладе наблюдение о корреляции между способом трупоположения (на спине или на боку) и краниологическим типом людей. Еще одной проблемой является изучение дальнейшего этногенеза рассматриваемых групп населения. Как показывают палеоантропологические анализы, катакомбное и полтавкинское население является, в определенной степени, генетическим преемником населения предшествующей эпохи, но увеличивается количество серий черепов с южноевропейской структурой.

Ряд докладов был посвящен позднейшей проблематике и вопросам переходного периода от эпохи ранней к средней бронзе.

В докладе *В.И. Мельника* “Финал ямной общности и проблема становления культур среднего бронзового века юго-востока Европы в свете данных палеоклиматологии” были затронуты вопросы дальнейшей судьбы ямных племен на разных территориях ее существования. Эту общую проблему автор рассмотрел через призму природно-климатических условий в каждой из выделенных зон. На территории северной части Предкавказья, Нижнего и Среднего Подонья происходят крупные перемещения населения в связи с резким ухудшением климата. В результате смешения пришлого (“катакомбного” и местного “ямного”) населения появляются

памятники ямно-катакомбного типа, где сочетаются элементы погребального обряда обеих культур. Особое место в этом процессе принадлежит новотиторовской культуре в Прикубанье. В степном Поволжье появляются памятники полтавкинской культуры, которые, по мнению автора, сосуществуют с древностями ямной культуры и ямно-катакомбного типа. В дальнейшем усиливается роль “катакомбного” населения. Наконец, в Приуралье в раннекатакомбный период продолжает существовать ямная культура, но и в эту зону впоследствии проникают катакомбные элементы. Таким образом, на огромной территории юго-востока Европы в результате резких климатических изменений происходит одновременный культурный перелом.

Доклад *В.В. Ткачева* “Культурная принадлежность памятников конца среднего бронзового века в степном Приуралье” логически продолжил серию докладов, посвященных проблеме перехода от раннего к среднему бронзовому веку и судьбе ямной культуры на ее финальном этапе. Исследование памятников этого периода важно и с точки зрения формирования культур заключительного этапа СБВ степного Приуралья. Автор отстаивает уже высказывавшуюся им точку зрения о том, что массив памятников второй половины СБВ в регионе мог принадлежать катакомбной культуре. Об этом, по мнению *В.В. Ткачева*, свидетельствуют такие черты погребального обряда, как впускной характер захоронений, подбойные и катакомбные конструкции могил, кенотафы, позы погребенных на левом и правом боку и др. О катакомбной принадлежности населения говорит и погребальный инвентарь, в частности керамика позднекатакомбного облика, наконечники стрел с выемками. Характер изменений, происходивших в культуре степного Приуралья в конце эпохи среднего бронзового века, может свидетельствовать о миграции групп населения позднекатакомбного периода, вероятнее всего, из Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, где в последние годы исследовано большое количество катакомбных памятников. С катакомбной культурной группой, не имеющей связи с предшествующей ямной культурой, исследователь связывает происхождение синташтинских древностей.

Институт археологии РАН, Москва
Оренбургский государственный педагогический университет
Самарский государственный педагогический университет

Односторонность данного подхода показана в докладе *Г.Б. Здановича* и *Т.С. Малютиной*, систематизировавших данные о проникновении ямных групп населения на территорию Южного степного Зауралья по Челябинской области. В их выступлении обобщены материалы погребений курганного могильника Александровский IV и других памятников, находящихся прямые аналогии в позднеямных комплексах Приуралья. Исследователи сделали вывод, что оставившее данные памятники население связано с формированием аркаимосинташтинской культуры.

Значительный интерес в связи с проблемами изучения синташтинской культуры вызвал второй доклад *А.Д. Дегтяревой* “К проблеме возникновения синташтинского металлопроизводства”, в котором рассмотрены результаты металлографического изучения большой серии металлических изделий из синташтинских и петровских памятников.

В последний день конференции ее участники совершили ознакомительную поездку на Каргалинский комплекс, где посетили курганные могильники у с. Уранбаш и местность вокруг поселения Горный.

III Городцовские чтения были проведены на высоком организационном уровне. Доклады, представленные на конференции, затронули ключевые проблемы исследования ямной КИО. Были намечены пути ее дальнейшего анализа в таких направлениях, как культурно-историческое развитие с учетом природно-климатических условий, социологические реконструкции, технологии производств, историографические аспекты изучения ямных древностей. Участники конференции отметили, что проведение Городцовских чтений как проблемных конференций необходимо продолжить соответственно хронологическим периодам восточно-европейской истории. Что касается перспектив изучения ямной проблематики, то было единодушно решено провести через три года в Оренбурге еще одну конференцию, посвященную ямной культуре. В дальнейшем проведение таких форумов, возможно, станет традицией.

В.И. Мельник
Н.Л. Моргунова
М.А. Турецкий

IV НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ ЮГО-ВОСТОКА РУСИ”

В последнее время все большее внимание уделяется изучению юго-восточных окраин Руси, о чем свидетельствуют складывающиеся исследовательские коллективы и рост масштабов раскопок. Возникает потребность осмыслить результативность текущего момента. На решение этой задачи и была направлена проведенная 23–25 мая 2005 г. в Елецком государственном университете при поддержке РГНФ IV научная конференция “Археология Юго-Востока Руси”. Проведение ее в стенах ЕГУ им. И.А. Бунина – не случайный факт. Именно здесь в рамках недавно созданной кафедры российской истории и археологии происходит становление исследовательского коллектива, целенаправленно изучающего Юго-Восток Древней Руси. Конференция явилась четвертой, проводившейся в соответствии с работой регионального совета по комплексной программе “Древние общества,

взаимодействие со средой, культура и история”. Ранее конференции по аналогичной проблематике проходили на базе Курского педагогического института (1991 г.), в Воронежском государственном университете (1993 г.) и Елецком педагогическом институте (1998 г.).

Конференция была посвящена изучению этнополитических процессов на Юго-Востоке Руси – территории, расположенной восточнее основных политических центров Черниговского княжества и южнее Рязани, в непосредственной контактной зоне со степным населением. Немаловажно выявление особенностей исторического развития данного региона в XII–XV вв. по данным археологии и влияний на него других древнерусских территорий, а также половецко-ордынского пограничья.

Конференцию открыл ректор Елецкого университета проф. В.П. Кузовлев. Во вступительном слове *Н.А. Макарова* (директора Института археологии РАН) внимание было акцентировано на важности исследований последних 20 лет. Ведь еще недавно Юго-Восток Руси являлся “белым пятном” в археологии, особенно на фоне серьезных достижений в изучении южнорусских земель и Северо-Восточной Руси. В последовавшем затем докладе *Н.А. Макарова* “Археологическое изучение Суздальской земли: новые результаты” были подведены предварительные итоги изучения Суздальского Ополя древнерусского времени. Зафиксировано освоение региона славянским населением, начиная со второй половины – конца I тыс. н.э., наиболее интенсивно – в XII–XIII вв. Отмечена исключительно высокая концентрация средневековых памятников и достаточно раннее освоение водоразделов. *Н.А. Макаров* пришел к выводу, что сложившиеся в XII–XIII вв. в Суздальском Ополье системы расселения по многим своим характеристикам (крупные размеры поселений, небольшие расстояния между ближайшими локальными группами, размещение части поселений на малых реках и водораздельных участках) близки южнорусским, в частности выявленным в Среднем Поднепровье и Подесенье. Специфика региона состояла в том, что становлению Суздальского Ополя как исключительно земледельческого района в XII в. предшествовал период комплексной экономики, основанной на сочетании сельского хозяйства, промыслов и торговли.

Два доклада имели историографический характер. В сообщении *А.Д. Пряхина* (Воронежский государственный университет) “Вехи археологического изучения Юго-Востока Древней Руси” была дана оценка основных этапов изучения юго-восточных пределов Руси. Отмечено зарождение интереса к этому пространству в археологии в первой половине XIX в. (К.Ф. Калайдович, В.В. Пасек). Подчеркнута значимость работ, проводившихся здесь на рубеже XIX–XX вв. (Д.Я. Самоквасов, В.А. Городцов, В.Е. Данилевич и др.), целенаправленность исследовательского поиска второй – третьей четвертей XX в. (П.Н. Третьяков, И.И. Ляпушкин, А.Н. Москаленко и др.). Современный этап характеризуется развертыванием исследований на Верхнем и Среднем Дону, включая район Куликова поля, в Курском Посеймье, в Подонцовье.

В выступлении *А.Н. Голотвина* (Воронежский государственный университет) “Д.Я. Самоквасов и изучение Юго-Востока Древней Руси” было акцентировано внимание на вкладе этого ученого в археологическое изучение восточных территорий Черниговской и Переяславской земель.

Значительное количество докладов было посвящено проблемам изучения крупных городов и периферийных центров, а также локализации некоторых из них. Доклад *А.В. Чернецова* (Институт археологии РАН) “Старая Рязань: некоторые итоги и перспективы исследований” отразил результаты археологических изысканий в Старой Рязани и ее округе в период 1994–2004 гг. Наиболее значительные успехи достигнуты в ходе раскопок Северного городища, получены основания для его надежного датирования. Привлек внимание ученых низко расположенный изученный раскопками участок посада с лепной керамикой романского типа. Важные результаты получены при изучении планировки Борисоглебского собора и его склепов, а также ряда богатых усадеб Южного городища.

В докладе *В.Г. Пуцко* (Калужский областной художественный музей) “Ювелирные изделия в средневековом Чернигове (состав, происхождение, вопросы хронологии)” были

проанализированы произведения торевтики, обнаруженные в результате археологических исследований в Чернигове. В их составе – произведения константинопольского художественного ремесла из княжеского обихода и работы русских мастеров, преимущественно украшения, выполненные с применением различных техник.

В докладе *О.Н. Енуковой* (Курский государственный университет) “Жилые постройки на подклетах в городах Курского княжества” отмечалось, что в середине XII в. в городах Курского княжества (Курск, Рыльск, селище Липинского археологического комплекса) начали возводить дома на неотапливаемых подклетах. Большое внимание было уделено реконструкции одного из типов таких домов, для которого характерно наличие отдельных от жилого помещения входов в подклеты.

В представленном на конференции докладе *Ю.Ю. Моргунова* (Институт археологии РАН) “Южнорусские области пограничного расселения кочевников” проанализированы данные по 67 городищам с древнерусскими культурными напластованиями, на которых встречаются нетипичные для древнерусской фортификации признаки.

В докладе *А.Г. Дьяченко* (Белгородский инженерно-экономический институт) «Древнерусский город “Харька” и его место среди археологических памятников северско-донецкой окраины Руси» обращалось особое внимание на оценку ранних культурных напластований X–XII вв., выявленных в историческом центре Харькова.

В докладе *Г.Ю. Стародубцева* (Курский государственный областной музей археологии) “Охранные исследования посада Гочевского археологического комплекса (летописного Римова) в 2003–2004 гг.” были изложены новые данные, полученные в результате исследований последних лет. Уточнены хронологические рамки и этапы существования памятника, его значение и функции.

О локализации “двух Воротынсков” речь шла в двух выступлениях. В докладе *Г.А. Массалитиной* (Национальный парк “Угра”) “Два Воротынска (к проблеме локализации древнерусского Воротынска)” проблема обозначена в постановочном плане. В докладе *И.В. Болдина* (Калужский государственный объединенный краеведческий музей) “Сравнительная характеристика керамики городищ Воротынск и Спас-Городок” предпринята попытка по данным анализа технологических и морфологических особенностей керамики определить относительную датировку расположенных в восьми километрах друг от друга городищ Воротынск и Спас-Городок.

Доклад *О.Л. Прошкина* (Калужский государственный объединенный краеведческий музей) “Городища сложного типа Верхней Оки” был посвящен классификации укрепленных поселений сложного типа (Серенск, Козельск, Спас-Городок и др.). Предпринята попытка определить их функциональное назначение и роль в процессе хозяйственного освоения территории.

В докладе *В.Н. Гурьянова* (Брянский государственный университет) “О датировке и функциях летописной Росуси” приведены аргументы в пользу локализации этого города (городища у с. Рассуха Унечского р-на Брянской обл.).

Группа выступлений была посвящена изучению отдельных территорий и микротерриторий в пределах Юго-Востока Руси. В докладе *Н.А. Тропина* (Елецкий государственный университет) “Южные земли Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв.: этапы исторического развития региона” рассматривались вопросы заселения указанной территории,

ее хозяйственного и политического развития. Доклад *В.В. Енукова* (Курский государственный университет) “Роменское население Посеймья в древнерусское время” осветил судьбы роменцев в X–XII вв., основная часть которых оказалась интегрированной в древнерусскую народность. В докладе *А.В. Каишкина* (Институт археологии РАН) “Курское Посеймье и Брянское Подесенье в IX–XIII вв. (сравнительная характеристика)” рассматривались памятники двух различных в природном отношении регионов (лесная и лесостепная зоны) на участках между древнерусскими городами Курском и Липовечском на Сейме и от Брянска до Вщижа на Десне. Прослежены закономерности размещения памятников и отличия регионов друг от друга.

В докладе *А.В. Григорьева* (Музей-заповедник “Куликово поле”) “Верхнеокский участок Донского торгового пути в IX – начале X в.” были охарактеризованы результаты изучения памятников, расположенных в бассейне р. Упы. Проведенные работы позволили достаточно подробно проследить участки древнего пути, связывающие верховья р. Дон с Верхней Окой. Изучению микрорегиона памятников боршевского времени в нижнем течении р. Воронеж был посвящен доклад *В.Н. Ковалевского* (Воронежский государственный университет) “Палеодемографические исследования славянских средневековых памятников”. Автором предпринята попытка определить численность населения на этих памятниках. В докладе *С.И. Андреева* (Инспекция охраны историко-культурного наследия Тамбовской области) “К вопросу о юго-восточном рязанском пограничье в XII–XIV вв.” речь шла о результатах археологических исследований последнего времени в междуречье Цны и Воронежа.

В двух докладах нашло отражение применение естественно-научных методов в археологии. В докладе *В.И. Завьялова* (Институт археологии РАН) “Технологические особенности кузнечных изделий славяно-русского населения Подонья” были охарактеризованы результаты археометаллографических исследований одной из категорий железных предметов – ножей. Докладчик пришел к выводу, что боршевские и древнерусские мастера работали в одних технико-технологических традициях. В докладе *Е.А. Шинакова* и *А.А. Чубура* (Брянский государственный университет) “К археозоологической характеристике древнерусских поселений Верхнего и Среднего Подесенья” были проанализированы остатки фауны – домашних и диких животных с памятников Случевск, Хотылево, Чашин курган, Левенка.

Серия докладов касалась тематики, связанной с изучением связей Руси и Востока, русско-ордынского пограничья. В докладе *В.Ю. Ковалю* (Институт археологии РАН) “Юго-Восток Руси в системе торговых связей с Востоком (по материалам импортной керамики)” основное внимание было сконцентрировано на анализе материалов, отражающих связи лесостепной зоны пограничья Рязанского княжества со степным миром и с соседним Черниговским княжеством. Выявлены источники поступления импортной керамики и пути ее ввоза. Констатируется существование Донского торгового пути на протяжении VIII–XVI вв. В докладе

В.С. Соловьева (Елецкий государственный университет) “Древняя Русь и Средняя Азия (к вопросу о культурных связях)” внимание было сконцентрировано на оценке торговых путей и самого характера торговых связей Средней Азии и Древней Руси в IX–XII вв. В докладе *Р.Н. Перелетова* (Елецкий государственный университет) “Торговые связи населения Быстрой Сосны в эпоху средневековья” проанализирована серия импортных вещей, которые происходят с памятников бассейна Быстрой Сосны, исследованных раскопками в последнее время. В докладе *М.В. Цыбина* (Воронежский государственный университет) “Золотоордынские мавзолеи у пос. Красный в Воронежской области” рассматривались итоги изучения золотоордынских мавзолеев второй половины XIV – начала XV в. у пос. Красный в Бобровском р-не Воронежской обл. Докладчиком поставлен вопрос о месте этого комплекса в системе памятников периферии Золотой Орды в Подонье, рассмотрено территориальное и хронологическое соотношение мавзолеев с русскими поселениями, погребениями кочевников, памятниками золотоордынского круга.

В трех докладах были отражены материалы позднесредневекового и нового времени. В докладе *А.И. Панкова* (Белгородский государственный технологический университет) “Древнерусские городища в системе укреплений Белгородской черты” продемонстрированы возможности использования письменных источников XVII в. для поиска древнерусских памятников. В докладе *А.Д. Карпова* (Брянский государственный университет) “Древнерусские города как основа оборонительной системы Юго-Запада России в начале XVI в. (по материалам Брянской области)” поставлен вопрос о перерастании древнерусских укрепленных центров в порубежные крепости формирующегося централизованного российского государства. С новыми результатами раскопок слободского некрополя первой – третьей четвертей XVIII в. ознакомил собравшихся доклад *Н.Е. Чалых* (Дирекция по охране культурного наследия Липецкой области) “Исследования Дмитриевского кладбища XVIII в. на территории города Липецка в 2003 г.”.

В выступлениях участников конференции подчеркивалась необходимость комплексного подхода к изучению проблематики юго-восточного пограничья Руси, интегрирования новых исследовательских методик ведущих научных центров в исследовательский процесс на периферии, активного и целенаправленного применения методов естественно-научных дисциплин.

Участники конференции посетили Лавский археологический комплекс, Паженьское и Воргольское городища. В Лавках был вскрыт участок площади селища, что позволило провести одно из заседаний конференции непосредственно на этом объекте. Кроме того, в стенах университета была развернута выставка основных коллекций, полученных в результате десятилетних археологических исследований Елецкого государственного университета на территории Липецкой области.

Воронежский государственный университет
Елецкий государственный университет

А.Д. Пряхин
Н.А. Тропин

ПАМЯТИ ВАДИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА РАНОВА

15 сентября 2006 г. скончался выдающийся исследователь первобытной археологии Центральной Азии, член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан, член-корреспондент Германского археологического института, член Клер Колледжа (Кембридж, Англия) Вадим Александрович Ранов.

В.А. Ранов родился в г. Верхотурье Свердловской области 16 февраля 1924 г. В 14 лет он с родителями переехал в Душанбе, где жил до своих последних дней. Когда началась Отечественная война, он учился в 9-м классе средней школы. На фронт его не взяли, но В.А. Ранов поступил в артиллерийское училище, которое окончил в 1943 г. и сразу попал на Курскую дугу. Потом был путь боевого офицера – командира расчета 45-мм пушки, а позже – взвода таких, якобы, противотанковых пушек. С 1943 по 1945 г. – два ранения и два самых боевых во время Отечественной войны ордена – Красной Звезды. После окончания войны – служба на Ляодунском п-ве в Китае, близ Порт-Артура, где в те годы все было таким же, как во времена Т. Тейяр де Шардена. И хотя позже В.А. Ранов не раз бывал и работал в Китае, впечатления 1940-х годов он сохранил на всю жизнь.

Капитан артиллерии В.А. Ранов после демобилизации закончил 10-й класс вечерней школы и в 1949 г. поступил на историко-филологический факультет только что созданного Ташкентского государственного университета. Это был год второго набора студентов в молодой вуз. В 1951 г. студент Вадим Ранов выехал в свою первую экспедицию. Вто-

рая в том же году проходила под руководством Б.А. Литвинского, который на долгие годы стал учителем, руководителем и другом В.А. Ранова. Правда, сам Б.А. Литвинский называл В.А. Ранова автодидактом, т.е. человеком, который сам себя выучил. Последовали многие полевые сезоны, сначала под руководством Б.А. Литвинского, потом руководителем экспедиции стал сам В.А. Ранов. Многочисленному Вадим Александрович научился и от А.П. Окладникова. Всего на его счету свыше 80 экспедиций.

Со временем В.А. Ранов стал крупнейшим знатоком каменного века Средней Азии. Он изучал каменный век и во многих зарубежных странах: Монголии, Индии, Вьетнаме, Китае, Афганистане, Израиле, Чехии, Венгрии, Франции, Германии, Бельгии, США и др. В.А. Ранов посетил почти все важнейшие древние памятники Старого Света. Он читал лекции и работал с археологическими коллекциями в крупнейших музеях и научных учреждениях мира: Музее палеонтологии человека (Франция); Кембриджском, Лондонском, Шеффилдском, Саутгемптонском, Оксфордском (Англия); Кельнском (Германия); Музее Пибоди, Пенсильванском, Колумбийском, Гарвардском, Беркли (США), университетах многих других стран. Через его руки прошли сотни и сотни тысяч каменных орудий, что сделало его одним из крупнейших в мире знатоков палеолита.

Уже в 1961 г. В.А. Ранов создал периодизацию памятников каменного века Средней Азии, которую совершенствовал до конца жизни. В 1972 г. им было введено понятие “лессовый палеолит”, положившее начало новому научному направлению. Позже (1985–1991 гг.) он предпринял удачные попытки коррелировать палеолитические памятники всего лессового палеолита от Тихого до Атлантического океана. Вадим Александрович внес огромный вклад в развитие учения о роли миграционных процессов в смене культур каменного века. Фундаментальной является его концепция эстафетного движения человека при заселении ойкумены.

Интересы, а значит, и достижения В.А. Ранова не ограничивались каменным веком. Он занимался раскопками разных памятников: от курганов кочевников до средневековых крепостей. Впечатляют результаты исследований В.А. Рановым наскальных рисунков. На Памире им были открыты самые высокогорные в мире образцы первобытного искусства. Им же создана периодизация наскальных изображений Памира.

Интересы и разработки исследователя распространялись и в область естественных наук. Он по праву может быть назван основателем геологии палеолита, а затем и геoarхеологии Средней Азии. Здесь он впервые применил палинологический анализ, радиоуглеродный и термолюминесцентный методы датирования слоев на памятниках. При таком обширном спектре научных интересов, разнообразии регионов исследования и множестве рабочих контактов в опубликованных им работах насчитывается более 250 соавторов. Всего В.А. Ранов – автор почти тысячи публикаций. Точное число их учесть невозможно, так как уже сданные в печать работы еще будут выходить в свет в будущем году, и, вероятно, в последующие годы.

Веселый нрав, блистательный юмор, легкий характер, хорошее знание иностранных языков обеспечили В.А. Ранову огромное число друзей как в бывшем СССР, так и во многих странах за его пределами. Не случайно в заглавии статьи, посвященной его 80-летию, журнал “Археология, этнография и антропология Евразии” назвал В.А. Ранова живой ле-

гендой археологии каменного века. Такого исключительно-го человека, такого неутомимого труженика, ученого мировой величины потеряла наука, потеряли мы – его друзья, поклонники и соратники. Вадим Александрович скончался. Но легенды не умирают. Со временем они обрастают все новыми подробностями, исследованиями учеников, друзей, последователей. Только через годы по-настоящему будет по-

нятен и оценен масштаб такого ученого и его наследия. Трудно сомневаться в том, что не одно исследование будет посвящено анализу его творчества и развитию идей. Нам, его близко знавшим, остается почитать себя обласканными судьбой, соединившей годами совместной работы и дружеских отношений с Вадимом Александровичем.

Институт археологии РАН, Москва
Институт криосферы Земли СО РАН, Тюмень
Геологический институт РАН, Москва
Красноярский государственный педагогический университет
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
Институт геоэкологии РАН, Москва
Институт физики Земли РАН, Москва
Воронежский государственный университет
Институт истории, археологии и этнографии АН
Республики Таджикистан, Душанбе

*Х.А. Амирханов
В.А. Волгина
А.Е. Додонов
Н.И. Дроздов
С.А. Лаухин
С.А. Несмеянов
А.А. Никонов, Г.А. Поспелова
М.М. Пахомов
Т.У. Худжагельдиев*

ПАМЯТИ АЛЛЫ СЕРГЕЕВНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ (1929–2005)

30 октября 2005 г. после тяжелой и продолжительной болезни ушла из жизни Алла Сергеевна Мельникова – русский историк и нумизмат, доктор исторических наук, заслуженный работник культуры. С ее именем связаны наиболее значительные достижения в изучении монетного обращения и денежного дела Руси XVI–XVII вв. Профессиональным историкам, нумизматам, археологам и музейным работникам Алла Сергеевна знакома как исследователь, усилиями которого принципиально обновлена источниковая нумизматическая база для изучения русского средневековья. Многим нашим современникам А.С. Мельникова известна как автор замечательных научно-популярных книг, раскрывших перед читателями сложный мир функционирования средневековых русских денежных систем и денежных дворов, торговых

отношений и повседневной жизни людей, населявших Московию. Научная деятельность Аллы Сергеевны – яркий пример бескорыстного служения отечественной нумизматике и музейному делу. Она автор более 150 научных работ, в числе которых более десяти книг¹. За 50 лет своей творческой деятельности она оставила заметный след в изучении различных периодов тысячелетней истории денежного обращения в России.

Алла Сергеевна родилась 12 декабря 1929 г. на станции Немчиновка Кунцевского р-на Московской обл. в семье служащих. В 1952 г. она закончила исторический факультет Московского университета и поступила на работу в Государственный Исторический музей. С Отделом нумизматики ГИМа связана вся ее трудовая деятельность. С 1952 по 1965 г. она работала в должности младшего научного сотрудника, с 1965 по 1985 г. – старшего научного сотрудника, а с 1985 по 2001 г. исполняла обязанности заведующего Отделом.

Алла Сергеевна поступила на работу в Отдел нумизматики еще при жизни А.А. Сиверса (1866–1954), однако ее первым учителем и наставником стала Н.Д. Мец, которая с 1956 г. и до своей безвременной кончины в 1965 г. была заведующей Отделом нумизматики ГИМа. Именно Нонна Дмитриевна приобщила и приохотила Аллу Сергеевну к изучению средневековых русских монет, а также к работе над регистрацией, составлением и публикацией сводок монетных кладов. Именно под ее руководством делала Алла Сергеевна свои первые шаги в науке. Благодарную память о Н.Д. Мец она пронесла через всю свою жизнь.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов Алла Сергеевна занималась проблемами русской нумизматики удельного периода. В 1963 г. была издана ее работа “Псковские монеты XV в.”, которую на сегодняшний день следует считать самым серьезным и, по сути дела, единственным современным исследованием псковских денег XV – начала XVI в. В нем не только впервые прослежены поштемпельные связи многих сотен “псковок”, точные графические прорисовки которых представлены на таблицах, но и предпринято метрологиче-

¹ Список печатных работ А.С. Мельниковой / Сост. П.Г. Гайдуков // Нумизматика на рубеже веков. Нумизматический сб. Ч. XV. М., 2001.

ское изучение материала. На основе полученных результатов автор выявила основные этапы денежного дела в этом важном центре русского монетного производства XV в.

Отойдя от удельной нумизматики, Алла Сергеевна вплотную занялась проблемой систематизации гигантского монетного материала XVI–XVII вв. и изучением денежного обращения в Русском государстве в этот период.

В 1964 г. А.С. Мельникова защитила кандидатскую диссертацию по теме “Денежное обращение в Русском государстве в первой половине и середине XVII в.”, а в 1985 г. – докторскую диссертацию по теме “Денежная система Русского государства во второй половине XVI – первой четверти XVII в.”.

Алла Сергеевна считала себя ученицей И.Г. Спасского – основоположника поштемпельного изучения русских средневековых монет и первого советского исследователя русских монет XVI–XVII вв. – и продолжила начатое им изучение “царских” монет. За время своей научной деятельности она представила этот период одним из самых разработанных разделов истории отечественного монетного чекана. Ею разобраны, систематизированы, описаны и изданы десятки кладов XVI–XVII вв. Через ее руки прошли многие сотни тысяч монет.

Вслед за И.Г. Спасским Алла Сергеевна продолжила изучение русских монетных кладов и всем своим научным творчеством доказала огромную информативность этого вида нумизматических источников. “Кладоведение” – вот то новое направление в общем русле русской нумизматики, которое она выделила, методически и практически обосновала и на массе примеров доказала правомерность его обособления. Именно поэтому своим публикациям, хорошо известным под общим названием “Клады монет, зарегистрированные Государственным Историческим музеем”, она уделяла особенно много внимания и забот. Всегда оставаясь историком-источниковедом, при изучении и публикации даже самого маленького и, казалось бы, совершенно незначительного клада, она давала не только подробный состав монетного комплекса, но и пыталась выяснить конкретные общеисторические причины его сокрытия.

Я работал с научным архивом А.С. Мельниковой, просматривая содержимое многих пухлых папок, листал пожелтевшие листы с описаниями монет из многочисленных кладов. По авторским датам было видно, что к одному и тому же монетному комплексу она обращалась много раз. Поставив перед собой задачу составления полной картины денежного обращения нашей страны, Алла Сергеевна всегда старалась привлечь для своих исследований максимально возможное количество источников. Именно поэтому она много работала с нумизматическими собраниями в различных областных и районных музеях. Вот перечень городов, который составлен мною по материалам архива исследовательницы: Брянск, Владимир, Вологда, Дмитров, Звенигород, Иваново, Кострома, Новгород, Псков, Пярну, Рига, Рязань, Санкт-Петербург, Смоленск, Солигалич, Таллинн, Тверь, Тула, Ярославль. И во всех музеях она оставила по себе добрую память.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов, собирая по разным областным городам материал для своей кандидатской диссертации, в нумизматических фондах музеев я видел многие клады, монеты которых были систематизированы и разложены по бумажным конвертам, и на каждом конверте рукою Аллы Сергеевны были четко написаны атрибуции.

Итогом многолетнего труда А.С. Мельниковой явилась ее книга “Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 г.”

(1989). Это крупнейшее достижение отечественной нумизматики послевоенного времени в области изучения монет “царского периода”. Книга базируется на исследовании почти 200 тыс. отдельных монет и десятков монетных кладов. В этом труде не только прослежены основные исторические этапы развития русской денежной системы, но и дан очень полезный справочник-определитель монет, включающий фотоизображения и графические прорисовки сотен различных выпусков русских серебряных проволочных копеек, денег и полушек. Время показало, что эта книга для многих исследователей превратилась в проверенное, надежное и незаменимое издание. Ее смело можно называть классическим нумизматическим трудом, и востребованность этого труда будет еще очень долгой.

Продолжая работу над изучением нового нумизматического материала (монетных кладов, отдельных монет) и письменных документов, А.С. Мельникова в 2005 г. издала книгу “Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII вв.”, представляющую собой дальнейшее развитие тематики, изложенной в работе “Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого”. В очерках рассмотрены, в основном, три сюжета: проблемы снабжения сырьем русского денежного производства, участие в русском денежном обращении монет, нелегально чеканенных отечественными и зарубежными фальшивомонетчиками, а также попытка преобразования русского денежного хозяйства в середине XVII в.

А.С. Мельникова была талантливым популяризатором науки. Ее перу принадлежит несколько научно-популярных книг и статей. Книга “Булат и золото” (1990) повествует о “Смуте” – драматическом периоде истории нашей страны в начале XVII в. В ней автор рассказывает о нумизматике и истории, об их тесной взаимосвязи, отраженной в документах прошлого: письменных и нумизматических источниках. В коллективной монографии “Деньги в России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г.” (2000) перу Аллы Сергеевны принадлежат разделы, посвященные истории русской нумизматики до XVIII в. Эта книга построена как очерк истории России, рассказанный памятниками нумизматики и бонистики. Такая концепция книги делает ее полезной и интересной не только для специалистов – историков и нумизматов, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей. Популяризация русских монетных кладов и забота их сохранения для науки – вот основная тема многочисленных выступлений исследовательницы в различных научно-популярных журналах.

А.С. Мельникова всегда отдавала много сил организации исторической науки. Она была постоянным инициатором и научным редактором “Нумизматических сборников” ГИМа. Ее инициативе мы обязаны возрождением ежегодных нумизматических конференций, которые сразу же переросли во Всероссийские. Благодаря Алле Сергеевне, а также ее коллегам из ГИМа, Эрмитажа и других музеев эти конференции стали самым заметным и важным событием в организации российской нумизматической науки. Во многом благодаря их проведению в последнее десятилетие XX в. интерес к русской нумизматике заметно усилился. Выросло новое поколение нумизматов, издается все больше нумизматической литературы. И роль А.С. Мельниковой в этом процессе трудно переоценить.

В последней четверти XX в. Алла Сергеевна была крупнейшим специалистом по русской средневековой нумизматике. Демократичный и доступный для контактов человек, она

критически относилась к своим научным достижениям и всегда радовалась успехам и открытиям коллег.

А.С. Мельникова похоронена в Москве, на Кунцевском кладбище.

СПИСОК МОНОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ А.С. МЕЛЬНИКОВОЙ

1. Твердые деньги. М., 1971. 80 с.
2. Московские клады. М., 1973. 264 с. (в соавт. с А.Г. Векслером).
3. Твердые деньги. 2-е изд. доп. М., 1973. 72 с.
4. Московские клады. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. 253 с. (в соавт. с А.Г. Векслером).
5. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М., 1989. 318 с.
6. Булат и золото. М., 1990. 207 с.
7. История России в монетах. М., 1994. 254 с. (в соавт. с В.В. Уздениковым, И.С. Шикановой).
8. Монетные клады: Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступивших в Государственный Исторический музей после 1966 г. М., 1994. 112 с. (в соавт. с О.С. Дядченко).
9. Российская история в московских кладах. М., 1999. 272 с. (в соавт. с А.Г. Векслером).
10. Деньги в России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000. 224 с. (в соавт. с В.В. Уздениковым, И.С. Шикановой).
11. Деньги России: 1000 лет. М., 2000. 325 с. (в соавт. с В.В. Уздениковым, И.С. Шикановой).
12. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII в. Киев, 2003. 196 с.
13. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII вв. М., 2005. 320 с.

Институт археологии РАН, Москва

П.Г. Гайдуков

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА РУДОЛЬФОВИЧА АРТЕМЬЕВА (1958–2005)

27 декабря 2005 г. на 48-м году трагически оборвалась жизнь Александра Рудольфовича Артемьева – доктора исторических наук, профессора, заместителя директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Он был застрелен на пороге своей квартиры.

А.Р. Артемьев родился 30 ноября 1958 г. в г. Тарту Эстонской ССР. Его родители – Рудольф Александрович и Раиса Тимофеевна Артемьевы – после работы учителями в Новгородской области переехали в поселок Старый Изборск под Псковом, который стал в жизни Саши не только малой Родиной, но и местом, решительным образом повлиявшим на выбор жизненного пути. С детства он отличался целеустремленностью, первоначально в спорте. Склонность к мыслительной деятельности проявилась уже в том, что наибольших успехов Саша достиг в “умственном” виде спорта – столкточных шашках. Рано увлекшись чтением книг, он по

собственному желанию запоминал пространные тексты о необычных находках и пиратских кладах.

Значительным событием в жизни Александра Артемьева стал 1971 год, когда в Старом Изборске начались планомерные археологические раскопки Труворова городища. В.В. Седов и возглавляемая им Изборская экспедиция Института археологии АН СССР сыграли решающую роль в судьбе Саши. Он всегда с душевным трепетом вспоминал тот мир постижения прошлого, который был открыт для него. И все 35 лет после этого он был беззаветно предан археологии. Валентин Васильевич Седов стал для Саши не только учителем и научным руководителем, но и примером для подражания.

В 1976 г., после окончания школы, Александр поступил учиться на исторический факультет Ленинградского государственного университета, на кафедру археологии, которую закончил в 1981 г. В 1982–1984 гг. он проходил службу в Советской Армии в Карелии. В 1985–1987 гг. под руководством В.В. Седова обучался в аспирантуре ИА АН СССР.

Ежегодно участвуя в полевых работах Изборской экспедиции, А.Р. Артемьев вскоре стал ближайшим помощником В.В. Седова, который уже в 1977 г. доверил своему ученику – тогда студенту второго курса – самостоятельные раскопки в Изборской крепости на Жеравьей горе. За семь полевых сезонов (последний – 1987 г.) А.Р. Артемьевым были проведены значительные исследования этого памятника, изучена его стратиграфия, застройка, строительная история. Одновременно А.Р. Артемьев изучал другие средневековые города Псковской земли (“пригороды Пскова”), проводя на некоторых из них небольшие раскопки.

Ряд лет А.Р. Артемьев возглавлял Изборский отряд руководимой В.В. Седовым Псковской объединенной археологической экспедиции. Александр неизменно был душой компании, блестящим остроумным рассказчиком, но при этом оставался строгим и требовательным начальником, организатором рабочего процесса на раскопе и жизни в экспедиционном лагере.

В 1987 г. А.Р. Артемьев защитил на историческом факультете МГУ кандидатскую диссертацию на тему “Города Псковской земли в XIII–XV вв.”. В 1998 г. она была опубликована в виде монографии. Издание этой книги стало заметным событием в изучении средневековой истории Северо-Запада Русского государства. Ответственный редактор книги член-корреспондент РАН В.В. Седов в предисловии писал: “В основе исследования лежат новейшие археологические материалы, которые анализируются в контексте информации письменных источников. Археологические данные получены в основном в результате активных экспедиционных изысканий последних лет, ведущее место в которых принадлежит автору книги. Многие малые города Псковской земли при этом были по существу заново открыты для науки. В результате А.Р. Артемьевым создана история каждого из них, обстоятельно реконструируются культура, быт и экономика горожан. Все это позволило познать систему и особенности городской жизни Псковской феодально-вечевой республики. Автор намечает основные этапы становления и развития средневекового города Северо-Западной Руси. Большую ценность в исследовании А.Р. Артемьева представляют новые историко-археологические материалы, вводимые в научный оборот. Научное осмысление их имеет важное значение не только для русской истории; вопросы градообразования и градостроительства, рассматриваемые в книге, являются определенным вкладом в изучение проблемы становления феодального города Северной Европы” (Города Псковской земли..., 1998. С. 7).

В 1988 г. по семейным обстоятельствам Александр Рудольфович переезжает в г. Владивосток и поступает на работу в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, где начинает новое направление в позднесредневековой археологии Дальнего Востока. Здесь за десять с небольшим лет он прошел путь от научного сотрудника до заместителя директора Института. Предметом его первоначальных исследований стали археологические памятники русских первопроходцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Эта тема требовала не только хорошей археологической подготовки, но и глубоких знаний письменных источников, картографических материалов и истории России XVII–XIX вв. Тяжело было начинать полевые работы, поскольку это было экономически очень трудное время. До памятников приходилось добираться не одни сутки, с маленьким отрядом, без машины, с небольшим количеством денег. Над ним смеялись: “Вы, как первопроходцы, пробираетесь сквозь тайгу”.

Уже в 1989 г. А.Р. Артемьев начинает работы на территории Албазинского острога (с. Албазино Сковородинского р-на Хабаровского края) – крупнейшего укрепленного поселения русских первопроходцев на Амуре во второй половине XVII в. За девять полевых сезонов ему удалось исследовать ок. 600 м² культурного слоя, включающего жилую зону крепости и остатки угловой башни. В 1992 г. им были открыты непогребенные останки защитников острога, погибших в 1686–1687 гг. при осаде Албазина маньчжурами. Эти работы имели особый общественный резонанс. По инициативе А.Р. Артемьева и по решению Администрации Сковородинского р-на с благословения епископа Хабаровского и Благовещенского Иннокентия останки 57 казаков были отпеты и торжественно погребены на территории острога по православному обряду. С тех пор в с. Албазино ежегодно при большом стечении общественности отмечается день поминовения героически павших защитников Албазина, по которым служит литургия (Города и остроги..., 1999. С. 114).

В 1988–1998 гг. Амурской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А.Р. Артемьева проводились обследования и раскопки Комарского, Нерчинского, Косогорского, Селенгинского, Иргенского острогов (Амурская и Читинская обл., Хабаровский край, Республика Бурятия), а также двух промысловых зимовий второй половины XVIII в. в Иркутской обл.

В 1997 г. А.Р. Артемьев защитил докторскую диссертацию по теме “Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. (Историко-археологические исследования)”, которая была издана в виде монографии в 1999 г. Это масштабное исследование, в котором на основе анализа разнообразных источников рассматривается история открытия русскими людьми Забайкалья и Приамурья и процесс освоения этой обширной территории во второй половине XVII–XVIII в. Подавляющее большинство русского населения в этот период проживало в городах и острогах, история основания и развития которых подробно изложена в книге. В отдельных разделах монографии рассказывается о промысловой, сельскохозяйственной, ремесленной, торговой и культурно-просветительской деятельности русских первопроходцев.

С первопроходческой тематикой Александр Рудольфович принимал участие в работе конференций в США (Портленд, штат Орегон, 1991 г.; Фэрбэнкс, Аляска, 1997 г.) и ФРГ (Хале, 2003 г.). С 1992 г. под редакцией А.Р. Артемьева начинают выходить тематические сборники статей “Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования”. Четыре тома этого издания опубликованы, пятый подготовлен редактором и вскоре увидит свет. В книгах участвуют многие российские исследователи, а также американские специалисты из Портленда и Кадьяка; в них показаны отдельные страницы истории открытия, исследования и освоения русскими людьми Забайкалья, Приамурья, Якутии, Камчатки и Русской Америки. В 1998–1999 гг. Александр Рудольфович провел во Владивостоке три международных конференции, материалы которых изданы под его редакцией.

После защиты докторской диссертации А.Р. Артемьев не прекратил исследования памятников русских землепроходцев и вплоть до 2005 г. проводил полевые работы в ряде регионов Дальнего Востока.

С 2000 г. А.Р. Артемьев начал раскопки города племянника Чингис-хана – хана Есунгу – в юго-восточном Забайкалье (Читинская обл., в 50 км от границ с Монголией и Китаем), где им были получены новые археологические свидетельства, характеризующие материальную культуру и быт монголов в XIII в. Его экспедицией проводились исследования Кондуйского городка XIV в. На сегодняшний день археологические коллекции, полученные А.Р. Артемьевым при исследовании монгольских городов в Забайкалье, являются самыми представительными в Центральной Азии. По количеству находок они опережают коллекции, собранные работающими на территории Монголии монгольско-немецкими и монгольско-японскими экспедициями.

С 1998 г. Амурской археологической экспедицией совместно с Архитектурно-этнографическим музеем “Тальцы” под Иркутском начаты работы по изучению Тальцынского стекольного завода 1784–1956 гг. В настоящее время остатки этого завода, основанного академиком Э.К. Лаксманом и будущим правителем русских колоний в Северной Америке А.А. Барановым, являются едва ли не единственным в России памятником стекольного производства XVIII–XX вв., доступным для

изучения. А.Р. Артемьев выяснил, что на Тальцынском заводе помимо прочего изготавливалось стекло неизвестного до сих пор в мире рецепта с повышенным содержанием алюминия, что дает в дальнейшем возможность выявить ареал его продукции. А.Р. Артемьев предложил выяснить, доходила ли продукция Тальцынского стекольного завода до Русской Америки, раз уж А.А. Баранов был его пайщиком до конца жизни. Для этой цели из штата Аляска были привезены образцы стекла с разных русских памятников для запланированных химических анализов.

В 1995–2000 гг. Александр Рудольфович проводил исследования знаменитых буддийских храмов XV в. в низовьях Амура (с. Тыр Ульчского р-на Хабаровского края), открытых русскими первопроходцами в 50-х годах XVII в. На Тырском утесе археологически были зафиксированы остатки средневековых культовых сооружений: двух буддийских храмов Юннин-сы в честь бодхисатвы Гуань-инь 1413 и 1433 гг. и кумирни, построенной в 60-х годах XIII в. По результатам этих исследований А.Р. Артемьев выступал с докладами на Международном конгрессе востоковедов в Москве (август 2004 г.) и на двух симпозиумах в Саппоро (февраль 2004 г., ноябрь 2005 г.). Последний симпозиум имел название “Северо-восточная Азия в средние века и буддийские храмы в Тыре”. Тема научного форума была обусловлена тем неподдельным интересом, который испытывает научное сообщество российских, китайских и японских ученых к комплексу тырских памятников. К этому симпозиуму А.Р. Артемьев успел выпустить монографию “Буддийские храмы XV в. в Низовьях Амура”, которая по страшному стечению обстоятельств стала его последней прижизненной книгой.

По возвращении из Японии Александр Рудольфович строил большие планы на будущее. В его кипучем и деятельном характере всегда было желание сделать как можно больше и быстрее, сделать хорошо и доброту. За полевой сезон он ухитрялся работать в пяти субъектах Федерации, не жалея на это ни времени, ни денег, ни здоровья. Он всегда торопился, как будто предчувствуя скорый предел жизненных сроков.

А.Р. Артемьев в избранном им научном направлении состоялся как большой ученый и получил признание в среде коллег. Список его трудов насчитывает около 300 наименований. Он был лауреатом различных высоких наград, в том числе президентской стипендии для лучших ученых России, премии В.К. Арсеньева. Его заявки часто получали поддержку в российских научных фондах.

Последние годы были временем расцвета научного творчества А.Р. Артемьева. В его компьютере лежит почти законченная монография “Очерки по истории и археологии Забайкалья, Приамурья и Аляски (XIII–XIX вв.)”, а также пятый том сборника статей “Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования”; им собран значительный материал для книг, посвященных Албазинскому острогу, юаньским памятникам в Забайкалье, истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения, военному делу Северо-Западной Руси в X–XV вв. Александру Рудольфовичу предстояло быть членом редколлегии последней монографии своего учителя академика В.В. Седова (“Изборск в раннем средневековье”), скончавшегося в 2004 г. Он очень хотел принять деятельное участие в подготовке ее к изданию.

Александр Рудольфович был очень разносторонней личностью. Он любил книги и собрал огромную научную и художественную библиотеку, увлекался поэзией и сам писал стихи, интересовался живописью (особенно русским авангардом), разводил кактусы и аквариумных рыбок. Эти черты характера развились в нем с детства благодаря семейной атмосфере, созданной его родителями, а также его творческой профессии, которую он очень любил.

А.Р. Артемьев был хорошо известен в кругу не только московских археологов, но и всего археологического сообщества Северо-Запада России. Уехав на Дальний Восток, он очень быстро определил свой научный путь в археологии и истории этого региона. За те немногие годы жизни, которые были ему отведены, он сумел развернуть огромную работу по изучению средневековых памятников Дальнего Востока и издать ряд ярких книг и статей, раскрывающих своеобразие археологических древностей этого края. Без всякого преувеличения можно сказать, что со смертью А.Р. Артемьева мы потеряли одного из самых авторитетных и эрудированных специалистов по средневековой археологии Востока России, талантливого университетского преподавателя и деятельного борца за сохранение культурного наследия нашей страны.

Судьба оказалась на редкость несправедливой к Александру Рудольфовичу. Смерть настигла его на взлете, не позволив претворить в жизнь и половины из задуманного.

А.Р. Артемьев похоронен на кладбище в пос. Старый Изборск Псковской обл., рядом с Труворовым городищем.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
Институт археологии РАН, Москва

Н.Г. Артемьева

П.Г. Гайдуков, Н.В. Лопатин

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.Р. АРТЕМЬЕВА

1. Наконечники стрел из раскопок Изборска // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 67–71.
2. Копья из раскопок в Изборске // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 87–93.
3. Стратиграфия и хронология Изборской крепости // СА. 1985. № 2. С. 130–140.
4. Древнерусский поруб в Изборске // СА. 1987. № 3. С. 219–223.
5. Градостроительная политика Псковской феодально-вечевой республики // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 102–105.
6. О некоторых особенностях социально-экономического устройства Псковской феодально-вечевой республики // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1988. С. 12–20.
7. Малые города Псковской земли в XIII–XV вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 105–148.
8. О некоторых особенностях строительства крепостей XVI–XVII вв. в Сибири и на Дальнем Востоке // Матер. по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Владивосток, 1989. С. 50–53.
9. Новые работы о татаро-монгольском вооружении // СА. 1989. № 4. С. 284–288.

10. К вопросу о типологии крепостного зодчества в Псковской земле XV в. // СА. 1990. № 3. С. 264–270.
11. Памятники истории освоения русскими Дальнего Востока: проблемы археологического изучения // Вестн. ДВО. 1990. № 4. С. 113–119.
12. Лук князя Гантимура // Вестн. ДВО. 1990. № 5. С. 155–159.
13. Явление албазинским казакам псковских святых // Вестн. ДВО. 1990. № 6. С. 106–110.
14. Кистени и булавы из раскопок Великого Новгорода // Матер. по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 5–28.
15. Об ушкуйничестве и Псковской земле (XIV–XV вв.) // СЭ. 1991. № 3. С. 111–116.
16. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // Матер. по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 183–197.
17. Хозяйственное освоение Дальнего Востока русским населением // История Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). Т. 2. М., 1991. С. 41–59 (в соавт. с Ю.А. Сем, О.И. Сергеевым).
18. О мечях-реликвиях, ошибочно приписанных псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею // РА. 1992. № 2. С. 66–74.
19. The Gantimurov Princes in Russian service // J. de la Societe Finno-Ougrienne. V. 84. Helsinki, 1992. P. 7–20.
20. Вопросы преемственности в развитии оборонного зодчества Европейской России, Сибири и Дальнего Востока в советской историографии // Вопросы истории Дальнего Востока России в отечественной и зарубежной историографии. Владивосток, 1992. С. 112–119.
21. Албазинский острог – старейший памятник истории освоения русскими землепроходцами Приамурья в XVII в. // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Вып. 7. Благовещенск, 1992. С. 6–17.
22. Лук XIII в. из Новгорода // РА. 1992. № 3. С. 218–220 (в соавт. с П.Г. Гайдуковым).
23. Печать Албазинского острога // Вестн. ДВО. 1993. № 1. С. 118–119.
24. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 гг. // Вестн. ДВО. 1993. № 4–5. С. 129–137.
25. История изучения Албазина // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. Сб. статей. М., 1993. С. 91–99.
26. Отечественная история (с древнейших времен до 1917 г.). Пособие для поступающих в высшие учебные заведения. Владивосток, 1993. 296 с. (в соавт. с Н.А. Беляевой, А.П. Ботнар, Д.Л. Бродянский и др.).
27. Из истории освоения русскими острова Ситха (Баранова). Владивосток, 1994. 46 с.
28. Памятная надпись с именами посадников псковского пригорода Опочка в 1428 г. // ВИД. 1994. Т. XXV. С. 57–62.
29. Археологическое изучение памятников XVII – начала XVIII вв. на Дальнем Востоке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток, 1994. С. 39–53.
30. России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. История Дальнего Востока в лицах. Вып. 1. Владивосток, 1994. С. 47–59.
31. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище // РА. 1994. № 2. С. 199–201 (в соавт. с Н.В. Лопатиным).
32. Икона Албазинской Божьей Матери // Вестн. ДВО. 1995. № 5. С. 131–134.
33. История и археология Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995. С. 55–89.
34. Из истории Нерчинска // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995. С. 90–117.
35. Археологические исследования городов и острогов второй половины XVII–XVIII вв. в Забайкалье и Приамурье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Матер. III Всерос. семинара, посвящ. 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Ч. 2. Омск, 1995. С. 3–12.
36. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности // РА. 1995. № 2. С. 188–191 (в соавт. с А.А. Молчановым).
37. Останки непогребенных защитников Албазинского острога // РА. 1996. № 1. С. 185–196.
38. Из истории героической обороны Албазинского острога от маньчжуров // Проблемы Дальнего Востока. № 3. М., 1996. С. 118–122.
39. Секретная нерчинская экспедиция 1753–1765 гг. и археологическое изучение Нерчинска // Вестн. ДВО. 1996. № 2. С. 51–56.
40. Русское позднесредневековое зодчество и пути его развития в Сибири и на Дальнем Востоке // Освоение Северной Пацифики. Владивосток, 1996. С. 185–211.
41. Эпиграфический памятник 1696 г. из Нерчинска // Вестн. ДВО. 1997. № 1. С. 86–89.
42. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток, 1998. 420 с.
43. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII веке и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. № 5. М., 1998. С. 140–147.
44. Каменное надгробие 1696 г. из Нерчинска // РА. 1998. № 3. С. 170–175.
45. Скрамасакс из псковского некрополя X – начала XI в. // Археологические вести. № 5. СПб., 1998. С. 228–232.
46. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура // Вестн. ДВО. 1998. № 3. С. 125–133.
47. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток, 1998. С. 6–44.
48. Открытие и освоение Забайкалья и Приамурья в XVII – первой половине XIX в. // История Российского Приморья. Учеб. пособие для 8–9 классов. Владивосток, 1998. С. 39–54 (в соавт. с В.Н. Чернавской).
49. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. Владивосток, 1999. 336 с.
50. Ледовое побоище и битвы XIV – начала XV в. на Северо-Западе Руси // ВИ. 1999. № 2. С. 148–152.
51. Восстание индейцев в 1802 г. в истории Русской Америки // ВИ. 1999. № 3. С. 140–145.
52. Памятники буддийской культуры в низовьях Амура // ВИ. 2000. № 7. С. 144–149.
53. Археологические исследования буддийских храмов XV в. в низовьях Амура // Вестн. РГНФ. 2000. № 1. С. 206–218.
54. Русская православная церковь в Забайкалье и Приамурье во второй половине XVII–XVIII в. // Вестн. ДВО. 2000. № 2. С. 31–39.
55. Рыбный промысел у русского населения Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная политика. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 7–13.
56. Навигацкие школы Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. К 300-летию морского образования в России // Вестн. ДВО. 2001. № 3. С. 31–34.

57. Русская православная церковь в деле освоения Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII – первая четверть XVIII в.) // ВОСТОК-РОССИЯ-ЗАПАД. Историко-культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 84–93.
58. Некоторые итоги археологических исследований буддийских храмов XV в. в низовьях Амура // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Матер. междунар. науч. конф. Владивосток, 2001. С. 22–51.
59. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в. – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVII в. – 1867 г.). К 200-летию образования Российско-Американской компании. Владивосток, 2001. С. 287–297.
60. Формирование региональной элиты в имперской России на примере эвенкийских князей Гантимуровых в Забайкалье (вторая половина XVII – начало XX в.) // Пути познания истории России: Новые подходы и интерпретации. М., 2001. С. 145–158.
61. О некоторых спорных вопросах пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Вестн. ДВО. 2002. № 1. С. 17–22.
62. Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Сибирь в XVII–XIX вв.: Проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 44–52.
63. Исследования стеклоделия на Тальцинском заводе 1784–1956 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 4. Владивосток, 2003. С. 136–150 (в соавт. с А.Ю. Кудриным, В.А. Галибиным, В.В. Тихоновым).
64. Некоторые итоги Амурской археологической экспедиции в 1988–2002 гг. // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. Владивосток, 2003. С. 192–229.
65. Протопоп Аввакум в Забайкалье // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Т. 4. Владивосток, 2003. С. 43–63.
66. Стекольное производство Восточной Сибири (по материалам Тальцинского завода) // Вестн. ДВО. 2003. № 4. С. 19–32 (в соавт. с Г.А. Бахаревой, В.А. Галибиным, В.В. Тихоновым).
67. Археологические памятники эпох Юань и Мин в Забайкалье и Приамурье (XIII–XV вв.) // РА. 2004. № 4. С. 122–133.
68. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию академика В.В. Седова. М., 2004. С. 143–152.
69. Роль Якутского воеводства в освоении Забайкалья и Приамурья // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX вв.). Якутск, 2004. С. 44–58.
70. Археологические исследования русских памятников Нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье // РА. 2005. № 1. С. 155–166.
71. Воровской острог // Родина. М., 2005. № 6. С. 90–95.
72. Древнемонгольские города Восточного Забайкалья XIII–XV вв. // Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века. Матер. междунар. симпозиума. Т. 1. Владивосток, 2005. С. 11–30.
73. Древнемонгольские города Восточного Забайкалья XIII–XV вв. // Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века. Матер. междунар. симпозиума. Т. 2. Владивосток, 2005. С. 9–15 (на яп. яз.).
74. Из истории крещения Камчатки. К трехсотлетию первой православной миссии // Вестн. ДВО. 2005. № 4. С. 85–94.
75. Итоги новых исследований древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестн. ДВО. 2005. № 2. С. 3–18.
76. Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 7–28.
77. Ошибки в освещении деятельности русских землепроходцев в Сибири и на Дальнем Востоке // ВИ. 2005. № 4. С. 173–175.
78. Буддийская кумирня XIII–XIV вв. в низовьях Амура // КСИА. Вып. 219. 2005. С. 195–203 (в соавт. с О.А. Лопатиной).
79. Два сюжета из истории культуры русского населения Приамурья во второй половине XVII в. // Векторы культуры Тихоокеанской России. История и современность. Сб. науч. трудов. Вып. 1. Владивосток, 2006. С. 5–18.
80. Буддийские храмы XV в. в Низовьях Амура. Владивосток, 2005. 202 с.

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Н.Г. Артемьева